Книга-фейерверк: прекрасная, смешная и бесконечно удивительная.
Урсула Ле Гуин

САЛМАН

РУШДИ

ГРИМУС

18+

CORPUS

Гримус
Салман Рушди

Аннотация
Салман Рушди. Гримус. Роман
Часть первая. Настоящее
I
II
III
IV
V
VI
VII
VIII
IX
X
XI
XII
XIII
XIV
XV
XVI
XVII
XVIII
XIX

XX
XXI
XXII
XXIII
XXIV
XXV
XXVI
XXVII
XXVIII
XXIX
XXX
Часть вторая. Минувшее
XXXI
XXXII
XXXIII
XXXIV
XXXV
XXXVI
XXXVII
XXXVIII
XXXIX
XL
XLI
XLII
XLIII
XLIV

XLV
XLVI
XLVII
XLVIII
XLIX
L
LI
LII
LIII
Часть третья. Гримус
LIV
LV

Аннотация

Взлетающий Орел, молодой индеец из племени аксона, выпивает эликсир бессмертия и пускается в бесцельные странствия по миру. Однажды, окончательно потеряв связь с окружающей его жизнью, он решает найти таких же, как он сам. И в возрасте семисот семидесяти семи лет оказывается на острове Каф, где бессмертные создали свою версию человечества.

Но это очень странное место: как и его обитатели, оно столь же благословенно, сколь и проклято. Чувствуя ужасную тьму в самом сердце этого мира, Взлетающий Орел решает взобраться на гору, венчающую остров, и встретиться с его загадочным и могущественным создателем – самим Гримусом.

Салман Рушди
Гримус
Роман

Salman Rushdie
Grimus

* * *

© Salman Rushdie, 1975
All Rights Reserved
© О. Колесников, перевод на русский язык, 2011, 2025
© Б. Кадников, перевод на русский язык, 2011, 2025
© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2025
© ООО «Издательство АСТ», 2025
Издательство CORPUS ®

* * *

– Спеши, спеши, – говорила птица, – ведь людям

Труднее всего, когда жизнь реальна.[1]

Т. С. Элиот

Покорись же, о заблудший атом, своей Центростремительной Силе,

Стань тем Зеркалом Вечности, в которое смотришься сам;

Лучами, которые странствуют вечно сквозь беспредельную тьму,

Вернись, когда диск солнца опустится за земную твердь.

Фарид ад-Дин 'Аттар. «Птичий парламент», в переводе Фицджеральда[2]

Хромающий Ворон блуждал, пачкая то, что от него оста-

---

[1] Примечания: 1

Перевод А. Сергеева.

[2] Примечания: 2

Рушди цитирует перевод поэмы на английский язык, выполненный Эдвардом Фицджеральдом. С него и сделан перевод.

лось.

Он стал собственной тенью,
выплюнутым отбросом.

Он был тем, что его мозг никак
не мог понять.

Тед Хьюз. «Товарищи Ворона по играм»

Пески времени текут к новому Истоку.

Игнатий К. Грибб. «Философия универсальных цитат»

Часть первая
Настоящее

I

Мистер Вергилий Джонс, человек без друзей и обладатель языка, чуть великоватого для его рта, любил спуститься со своего утеса посидеть на берегу поутру в день Марса. (Мистер Джонс, немного педант и человек, интересующийся природой вещей, именовал дни своей недели только как день Луны, день Марса, день Меркурия, день Юпитера, день Венеры, день Сатурна и день Солнца; наряду с прочими вещами подобное манерничанье и стало причиной того, что он остался без друзей). Было пять часов утра; без каких-либо очевидных оснований, совершенно случайно, мистер Джонс обычно выбирал именно это время, чтобы выразить свою любовь к единственному пляжику острова Каф. Слегка похожий на горного козла, он быстро спускался по серпантину тропинки, следуя за проворной сгорбленной старухой по имени Долорес О'Тул, несшей на своей спине исключительной красоты кресло-качалку из орехового дерева. Кресло держалось за счет ремня, изъятого из брюк мистера Джонса. Так что он был вынужден придерживать их обеими руками. Это чрезвычайно осложняло

ему спуск.

Вот еще немного фактов о мистере Джонсе: был он тучен и близорук. Отказываясь верить в собственную немощь, его глаза часто моргали. У него было три инициала: В. Б. Ч. Джонс, эсквайр. Б. означало Бовуар, а Ч. — Чанакья. Все без исключения имена мистера Джонса имели свою историю и назначены были магически определять судьбу, и он, не имея никакого отношения к магии, считал себя своего рода историком. Ступив сегодня на бесплодные серебристо-серые прибрежные пески своего избранного острова, окруженного со всех сторон серебристо-серым туманом — тот вечно висел над омывающими остров морями, которые разделяли его и мир, — мистер Джонс обрек себя на встречу с событием пусть небольшим, но все же исторического масштаба. Знай он об этом наперед, он бы долго философствовал о шествии истории, о том, что историк не может стоять в стороне и наблюдать; это ошибка, сказал бы мистер Джонс, — видеть в себе эдакого летописца с Олимпа; историк — участник этого шествия. Он всегда подвержен влиянию настоящего, которое постоянно воссоздает прошлое. Мистер Джонс тщательно бы все это обдумал, хотя уже некоторое время шествие истории проходило

без его помощи. Но по причине близорукости, из-за тумана и необходимости непрерывно поддерживать руками штаны он не сразу заметил тело Взлетающего Орла, прибиваемое к берегу приливными волнами; Долорес же О'Тул была избавлена от неприятной роли зрительницы.

Иной раз, пытаясь совершить самоубийство, люди попадают в такие ситуации, что от удивления у них просто дух захватывает. Взлетающий Орел, который сейчас быстро двигался в сторону острова на гребне волны, был весьма близок к открытию этого факта. Но пока что он пребывал в беспамятстве; он только недавно провалился в дыру в море. Это море когда-то называлось Средиземным; сейчас это было не так или, лучше сказать, не совсем так.

Старуха Долорес опустила кресло-качалку на песок. Мистер Джонс одобрительно следил за приготовлениями. Кресло стояло так, чтобы сидящий в нем оказывался спиной к морю, лицом к лесистым склонам горы Каф, занимающей большую часть острова и оставляющей свободным только небольшой карниз прямо над берегом, где как раз и жили мистер Джонс и Долорес. Мистер Джонс уселся в кресло и принялся покачиваться.

Долорес О'Тул некогда была католичкой. Ино-

гда она предавалась порочному удовольствию, ублажая себя церковными или римскими свечами. Она делала это потому, что рассталась со своим мужем, но не со своими желаниями. Ее бывший муж, мистер О'Тул, заправлял питейным заведением в городе К., раскинувшемся высоко на склоне горы Каф, а Долорес относилась с неодобрением к городу К. в целом, к пьяницам в частности и к своему мужу в особенности. Она выражала свое неодобрение тем, что жила теперь уединенной жизнью вместе с Вергилием Джонсом (далеко от К., от бара мистера О'Тула и от его излюбленного места отдохновения, печально известного борделя мадам Иокасты). И каждый день Марса, на рассвете, она относила кресло-качалку мистера Джонса вниз на пляж.

— Скучное, — пробормотал себе под нос мистер Джонс, сидя к морю спиной. — Скучное сегодня море.

Тело Взлетающего Орла, покачивавшееся на волнах лицом вверх — это объясняло тот факт, что он так и не утонул, — наконец ткнулось в берег. Взлетающего Орла и спинку кресла-качалки мистера Джонса разделяло всего ничего, и набегающие волны раз за разом выталкивали Орла все дальше на берег. Ни мистер Джонс, ни

миссис О'Тул его пока что не замечали.

Нужно сказать, что Взлетающий Орел был человеком в целом добрым и неплохим; тем не менее довольно скоро на его плечи предстояло лечь ответственности за изрядное количество смертей. Так же как и второй мужчина на берегу, Взлетающий Орел пребывал в здравом уме, а вторым мужчиной на берегу был не кто иной, как мистер Вергилий Джонс.

Взаимоотношениям Вергилия Джонса и Долорес О'Тул была свойственна необычайная симметрия: они любили друг друга, но не считали возможным выразить свою любовь. Их любовь не была прекрасной, поскольку и Вергилий, и Долорес отличались крайним уродством. Выражению любви как с одной, так и с другой стороны мешало то, что они оба были чрезвычайно глубоко ранены предыдущим опытом и теперь предпочитали лелеять свои чувства в укромной глубине собственных сердец, а не выставлять их напоказ, рискуя оказаться осмеянными и отвергнутыми. Разделенные этими личными тайнами, они все же сидели рядом, и Долорес принималась выводить надтреснутым голосом беззубые песни, траурные и просительные; Вергилий Джонс тем временем произносил свои бойкие эллипти-

ческие монологи, упражняя мысль и язык, для которых голова его была слишком тесным пристанищем. В такие минуты на пустынном пляже эти двое оказывались к своему возможному счастью ближе, чем где-либо.

— Любимый мой, желанный мой, да с белой бородою, — меланхолически пела Долорес в такт движениям кресла-качалки. Погруженный в свои мысли Вергилий поглаживал белесый подбородок и не слышал ничего.

— Язык, — вслух размышлял он, — язык создает понятия. Из понятий слагаются звенья цепи. Я прикован, Дотти, прикован и не знаю к чему и где. Недостаточно эфира, чтобы идти путем Гримуса, и недостаточно земли, чтобы идти путем К. — меня мысленно носит взад-вперед между ними и тобой. Долорес О'Тул. Печаль богов. Знаешь ли ты, дорогая моя, что я не всегда был таким, как сейчас. Гроза титек. Да, я. Когда-то. Тогда. Раньше.

— Рано-рано поутру, когда Сын рождался, шла я, дева, по лугу, слезы проливала, — надрывалась Долорес.

Пребывающего в беспамятстве Орла теперь отделял от кресла-качалки всего какой-то фут.

— Этот остров, — очень тихим, но твердым голосом продолжал рассуждать Вергилий Джонс, —

самое ужасное место из всего сотворенного. Но поскольку мы как будто продолжаем жить и не вступаем на его пути, то мы как будто продолжаем любить.

Дальнейшие его излияния должны были коснуться ритуалов, одержимости, нервных срывов и механизма вытеснения, порождаемых изгнанием, возраста, ощущения западни, а еще любви и дружбы, состояния его мозолей, орнитологической стороны мифа; он бы оттачивал мысли и хватался за новые, навеянные мирным присутствием Долорес; сама она все так же пела бы и пела, до тех пор пока песни не выжали бы из нее слезу; и после этого они пошли бы домой.

Но тут тело Взлетающего Орла уткнулось в замечательные резные полозья замечательного резного кресла с замечательной резьбой, изображающей перевитых в танце граций. Словно оскорбленное, кресло остановилось.

— Смерть, — в ужасе воскликнула Долорес О'Тул. — Смерть из моря…

Вергилий Джонс в ответ не сказал ничего, поскольку рот его в тот момент был полон морской воды, прежде находившейся в легких Взлетающего Орла. Тем не менее он, хоть и усердно вдыхал в незнакомца жизнь, также был обеспокоен.

— Нет, — наконец отозвался он, желая убедить не только Долорес, но и себя. — Лицо слишком бледное.

Примечательный факт: обитатели острова, которые не должны были слишком удивляться прибытию Взлетающего Орла на остров Каф, тем не менее сочли его тревожным, более того, пугающим. Тогда как сам Взлетающий Орел, кое-что узнав и кое в чем разобравшись, быстро стал воспринимать свое появление на острове как совершенно ничем не примечательное.

То, что он узнал, сводилось к следующему:

Никто не попадает на остров Каф случайно.

Гора притягивает себе подобных.

Или, может быть, это делает Гримус.

II

День начался недурно. Вернее сказать, он был достаточно похож на предыдущий (в плане погоды, температуры и настроения), чтобы создавать у полусонного молодого человека иллюзию непрерывности. Однако этот день также достаточно отличался от недавно прошедшего (в плане таких тонкостей, как направление ветра, крики птиц, высматривающих сверху еду, и клекот женщин внизу), чтобы вызвать равную и противоположную иллюзию движения времени. Наслаждаясь гармоничной контрастностью этих двух миражей, молодой человек медленно возвращался в сознание, которое должно было изгнать контрастную пару и заменить ее третьей иллюзией: настоящим.

Этим молодым человеком был я. Я был Джо-Сью, индейцем аксона, сиротой, получившим смешанное имя из-за того, что до некоторого времени мой пол не был определен, девственником, младшим братом дикой самки по имени Птицепес, которая очень боялась потерять свою красоту, но по иронии судьбы красивой никогда и не была. В тот день мне (ему) исполнился двадцать один

год, и мне предстояло стать Взлетающим Орлом. Перестав при этом быть кое-кем другим.

(Я был Взлетающим Орлом.)

Двадцать первому дню рождения индейцы аксона не придают никакого значения. Они празднуют только наступление половой зрелости, потерю девственности, доказательство храбрости, свадьбу и смерть. Когда праздновалось наступление моей половой зрелости, старейшины взяли козью шерсть и привязали ее мне как бороду под подбородком, после чего шаман натер мои наконец обретшие силу органы заячьими кишками для пущей плодовитости, вознося при этом молитвы богу аксона.

Заповедей у бога аксона было всего две: бог любил, чтобы аксона воспевали его как можно чаще: в поле, в туалете, во время занятий любовью, если получалось сосредоточиться, а еще он наказал аксона жить отдельной расой и не иметь никаких дел с нечестивым миром. Мне самому так и не удалось уделить богу аксона должного внимания, особенно после достижения половой зрелости, потому что едва мой голос сломался, он стал таким неприятным, что я полностью отказался от песнопений. А потом была Птицепес, которая испытывала огромный интерес к

внешнему миру. Если бы не этот интерес, она, возможно, никогда не повстречала бы бродячего торговца по имени Сиспи, никогда не ушла бы из племени, а вслед за ней и я никогда не ушел бы из племени, и все могло бы пойти по-другому. Хотя не исключено, что какой-нибудь Сиспи появился бы все равно.

Теперь позвольте объяснить вам кое-что. Я родился и вырос на горном плато в стране, которая все еще (мне хочется верить в это) носит название Соединенные Штаты или, что более общеупотребимо, Америндия. На плато мы жили на полном самообеспечении: иными словами, там можно было найти всю необходимую для аксона еду. Ни один аксона никогда не спускался с плато на лежащие внизу равнины; после ряда кровавых стычек, в ходе которых нечестивый мир узнал, до чего аксона несгибаемы, он оставил нас в покое. Насколько мне известно, Птицепес первой из аксона побывала на равнинах; и она, несомненно, первой выучила язык жителей нижнего мира, нашла в их жизни вкус и прониклась к ним симпатией.

Для того чтобы понять, почему Птицепес так поступила, необходимо вновь повторить, что оба мы, Джо-Сью и Птицепес, были сиротами. Моя

мать умерла за мгновение до того, как я появился на свет, поэтому мое настоящее имя — Рожденный-от-Мертвой. Меня называли Джо-Сью, уберегая от боли. Хотя насколько безболезненно можно двадцать один год носить имя гермафродита, которое заставляет любую симпатичную тебе женщину с отвращением шарахаться от тебя из страха нарушить табу, предоставляю вам судить самим.

Отец умер вскоре после матери, оставив меня на полном попечении Птицепес, которой тогда было тринадцать. Имя Птицепес не было дано ей при рождении. Настоящего имени моей сестры я ни от кого ни разу не слышал. А когда ей исполнилось шестнадцать, она сама выбрала себе имя воина.

Подобное редко случалось среди аксона, но нужно сказать, что после смерти родителей мы с сестрой Птицепес не пользовались среди сородичей горячей любовью. Дело вот в чем: сироты у аксона словно дворняжки среди породистых гончих. После того как наш отец скончался, мы сделались все равно что париями, а наши особенности только ухудшили наше положение.

Птицепес всегда была свободолюбива. Я говорю это с некоторой завистью, поскольку сам таким

никогда не был и сейчас не такой. Условности никогда ее не волновали, и она всегда избегала искусственности. В детстве ее тянуло к луку и стрелам, а печь и котел она, к ужасу старейшин, терпеть не могла. Для меня это стало большой удачей. Это означало, что она может добывать для нас еду. Это означало, что на охоте она была не хуже большинства молодых мужчин. Птицепес была прирожденным добытчиком. Добытчиком с грудью. А таких у аксона было принято ненавидеть.

Я взрослел, и неодобрение становилось все более явным. Стоило мне появиться у колодца, как все разговоры мигом смолкали. Когда шла Птицепес, мужчины поворачивались к ней спиной. Задрав носы, аксона как могли подвергали нас самому безжалостному остракизму. Изгнать нас из племени они не имели права — никаких преступлений мы не совершали. Но они могли не любить нас, и так они и делали.

— Ну что ж, — сказала Птицепес в день моего шестнадцатилетия (каким же юным и беспомощным шестнадцатилетним мальчиком я был!), — если они не желают иметь с нами дело, то мы спокойно обойдемся без них.

— Да, — отозвался я, — обойдемся без них.

Я сказал это печально, потому что, хоть и легко поддавался влиянию сестры, тайное юношеское желание быть принятым своими было во мне очень сильно.

— Мы просто найдем себе друзей где-нибудь еще.

Птицепес проговорила это небрежно, но определенно с вызовом. Было видно, что она размышляла об этом годами. Эта фраза должна была изменить наше настоящее, наше будущее, всю нашу жизнь. Само собой, Джо-Сью не стал спорить со своей взрослой, опытной мужественной сестрой.

Меня Птицепес никогда ни в чем не обвиняла, и только после того, как она ушла, я узнал, что главной, истинной причиной нашей оторванности от племени было не наше сиротство, не ее мужеподобие и поведение, не то, что она выбрала себе имя воина, в общем, совсем не она сама. Это был я, Джо-Сью.

Оснований было три: мой неопределенный пол, затем обстоятельства моего рождения и, наконец, цвет моей кожи. Рассмотрим все по порядку. Родиться среди аксона гермафродитом — это очень большая неудача. Я был чудовищем. Дальнейшее мое развитие из среднеполого существа в «нор-

мального» мужчину было сродни черной магии. Это никому не понравилось. В моем появлении на свет из мертвого чрева видели дурное знамение; коли я принес смерть уже в тот момент, когда родился, то она, похожая на стервятника, должна была сидеть у меня на плече, куда бы я ни пошел. Теперь что касается цвета моей кожи: аксона — темнокожая и низкорослая раса. По мере того как я рос, становилось ясно, что по необъяснимым причинам я буду светлокожим и высоким. В дальнейшем это генетическое отклонение — белый цвет кожи — привело к тому, что сородичи начали бояться и сторониться меня.

Нас боялись, поэтому в их отношении к нам была толика уважения. Меня считали уродом, поэтому в их отношении к нам была толика презрения.

Само собой разумеется, что мы с Птицепес были очень близки. Она никогда не говорила мне, насколько сильно страдала из-за моих ненормальностей. Это был знак ее любви ко мне.

Так, сам того не осознавая, я с ранних лет готовился к путешествию на остров Каф. Я был изгоем в племени, отгородившемся от внешнего мира, и цеплялся за любовь к сестре, как утопающий за корягу.

В тот день, когда Птицепес произнесла непроизносимое, она открыла мне свою тайну.

— Однажды, когда мне было меньше лет, чем тебе сейчас, я спускалась Вниз, — сказала мне она.

Я был потрясен. В те времена мысль о нарушении законов аксона еще потрясала меня.

— А когда мне было столько же, сколько тебе сейчас, я отправилась в город, — продолжила она, — и подслушивала под окнами одного места, где люди собираются, чтобы поесть. Там внутри была поющая машина. Машина пела песню о существе под названием птицепес, умном, жестоком. Машина боялась этого существа. И я подумала: мне прекрасно подойдет это воинское имя.

Все еще не оправившись от потрясения, я спросил:

— А как же Демоны? — Мой голос сорвался. — Как ты сумела уберечься от Кружащихся демонов?

Птицепес тряхнула головой.

— Это оказалось несложно, — с пренебрежением бросила она. — Кружащиеся демоны — это просто воздух и ничего более.

С того дня она бывала в городе много раз. Она

возвращалась и рассказывала о движущихся картинках и быстро движущихся машинах; о машинах, которые дают пищу и питье, о бесчисленных толпах людей… У меня никогда не хватало смелости совершить вместе с нею путешествие в город. Кстати, именно там, в городе, сестра узнала о смысле двадцать первого дня рождения.

— В этот день ты докажешь, что ты воин, — сказала мне она. — Ты отправишься в город. И что самое важное, ты отправишься в город один.

В этот же день сестра встретила мистера Сиспи и получила от него вечную жизнь.

Как я уже говорил, этот важный день начался для молодого человека по имени Джо-Сью совсем недурно. Но едва он окончательно проснулся, все пошло наперекосяк.

III

У Джо-Сью был день рождения: я поднялся и вышел из вигвама наружу. Небо было ослепительно голубым. Плато, усеянное красно-коричневыми вигвамами, было сочно-зеленого цвета — оно одиноко торчало над насыщенно-красным, бесплодно-коричневым миром большим зеленым пальцем. Если Кружащиеся демоны и кружились внизу, они не могли поймать меня, и с миром все, казалось, было в порядке.

На выступе скалы сидела Птицепес, зрелая женщина тридцати четырех лет, трех месяцев и четырех дней от роду, одетая в лохмотья. Черные волосы закрывали ее оливковое лицо. В руках у Птицепес были две небольшие бутылочки. Та бутылочка, которую она держала в правой руке, была наполнена ярко-желтой жидкостью. А та бутылочка, которую она держала в левой руке, была наполнена ярко-голубой жидкостью. Везде неистовствовали яркие краски. Кроме моей кожи. Я почувствовал, как облако заслонило солнце.

Сестра склонилась над своими сокровищами, и блеск возбуждения на ее лице развеял мрачный момент.

— Сегодня я опять была Внизу, — сообщила она. — Хотела посмотреть, спокойны ли сегодня Кружащиеся демоны. Они спокойны. Все тихо.

Голос Птицепес звучал рассеянно, она не сводила глаз с ярких бутылочек.

— Где-то на полпути отсюда в город я повстречала человека, — продолжила она задумчиво. — Он дал мне это.

— Что это? Кто этот человек? Зачем он дал тебе это?

— Он бродячий торговец. Его зовут мистер Сиспи. Очень приятный человек. А имя смешное, Сиспи. Он дал мне это, потому что я сама попросила.

— Но что это такое?

— Эти зелья позволят мне остаться молодой, — ответила Птицепес и сжала пузырьки еще крепче. — По крайней мере желтое.

Она показала мне бутылочку с желтой жидкостью.

— И как долго ты будешь молодой? — спросил я робко. Тень снова нашла на солнце.

— Вечно, — ликуя воскликнула сестра и разрыдалась от страха и радости.

Я обнял Птицепес и, мокрый от ее слез, задал новый вопрос:

— А что будет, если выпить голубого зелья?

Она ответила не сразу.

Даже теперь, когда я стал сильно старше, я не могу сказать определенно, что означает слово «маг». В тот день для Джо-Сью, рожденного и выросшего в индейском племени, где магия постоянно вплеталась в повседневную жизнь, оно обозначало кого-то, кто, по-видимому, обладал силами или знанием, которых у самого Джо-Сью не было. Возможно, другого смысла у этого слова просто нет; и с этой точки зрения для Джо-Сью и Птицепес, какими они были тогда, мистер Сиспи, вне всякого сомнения, казался магом. Вот как Птицепес описывала свою встречу с ним:

— Я сидела за камнем и высматривала Кружащихся демонов и вдруг позади меня раздался голос он шептал СИСПИ СИСПИ я обернулась быстрей всякого демона и увидела его там и он знал мое имя. Птицепес прошептал он, и это прозвучало так резко потому что говорил он так мягко и вздыхал словно ветерок но весь мир был его шепотом и это было как заклинание. Птицепес ты красива, спросил он, и если он так спросил то так оно и было и потому я ответила, да да я красива раз ты так говоришь и он сказал да ты красива но Птицепес ты умрешь и это прозвучало

так же резко как и мое имя и я заплакала. Сиспи, плакала я, Сиспи. Но такая у него была улыбка в ней было солнце и лето тоже он улыбнулся и я больше не хотела плакать. Мир полон тайн, сказал он, и сюрпризов. Вот я говорю Сиспи у тебя за спиной и удивляю тебя. С секретом в мешке. Я странствую, сказал он, и ищу таких как ты а такие как ты ищут еще таких же и передают им мой маленький секрет. Красота его такова: с его помощью ты сохранишь свою красу, ты не умрешь, ты получишь дар времени и сможешь добраться до всего, что захочешь увидеть, и отыскать все, что захочешь узнать, совершить все, что захочешь сделать, стать всем, чем хочешь быть. А страшное в нем таково: все, кто владеет секретом, в конце концов хотят от него отказаться, однажды они падают на землю под его тяжестью, как под той последней соломинкой, которая переломила спину верблюду и заставила его пройти сквозь игольное ушко. Потом он дал мне эти зелья: желтое для солнца, света и жизни, а голубое — для вечности, покоя и освобождения, когда оно мне понадобится. Жизнь — в желтой бутылочке, а смерть — голубая, как небо, ледяная и голубая, как сталь, так он сказал. Он выглядел очень плохо: бедное платье торговца, а за спи-

ной тяжелый мешок с заплатками, на которых были рисунки, и он повернулся, чтобы уйти. Тогда я сказала ему, что у меня есть еще брат по имени Джо-Сью, или Рожденный-от-Мертвой, и что сегодня он становится мужчиной — может быть, у тебя есть секреты и для него? Для юного Рожденного-от-Мертвой, сказал мистер Сиспи, у меня тот же секрет, что и для тебя. И прежде чем уйти совсем, он сказал еще: для тех, кто не выпьет из голубой бутылки, есть только одно место на свете, других я не знаю; я отправлюсь туда сейчас, и однажды, если ты не станешь пить из голубой бутылки, ты сможешь пойти туда вместе со мной. И он добавил напоследок: скажи своему брату Рожденному-от-Мертвой, что все орлы в конце концов прилетают в гнездо, а все моряки в конце концов сходят на свой берег. СИСПИ СИСПИ, прошептал он ветру, потом содрогнулся и исчез.

Птицепес обычно не была столь многословна, поэтому Джо-Сью удивился бы, услышав из ее уст такой длинный рассказ, даже если бы она говорила о погоде. Ну а так история просто сразила его наповал. Птицепес засунула руку в глубокий карман своих лохмотьев и выудила оттуда вторую пару пузатых бутылочек, точно таких же, как те, что она гордо показывала недавно. Это были его,

мои бутылочки. Желтая с вечной жизнью и голубая с вечной смертью. Джо-Сью схватил подарок и убежал с ним в вигвам, где откинул лежанку, на которой спал, выкопал в земле ямку и зарыл туда бутылочки. Когда он снова вышел наружу, желтая бутылочка сестры была пуста, а осколки голубой валялись на камне, где сидела Птицепес.

— Смерть, — проговорила она. — Смерть смерти.

Джо-Сью из своих бутылочек не сделал ни глотка. Вскоре это должно было разделить их.

После долгого молчания, во время которого расстояния растянулись, как вселенные, во все стороны, Птицепес наконец заговорила со своей обычной решительной суровостью:

— А теперь ступай, Джо-Сью. Ступай в город.

И я спустился с плато аксона на равнину Кружащихся демонов, которых я был приучен бояться; но невысокие вихри, которые возникали на этой бесплодной равнине, вскоре оказывались, как и говорила сестра, обычным ветром, поэтому, без труда уклоняясь от них, я добрался до города без приключений. В городе я увидел автомобили, и прачечные, и музыкальные автоматы, и одетых в пропыленную одежду людей с каким-то отчаянием в глазах; я увидел, как все это скрывается за

дверями и заборами и таится в коридорах, но сам, думаю, оставался незамеченным. В конце концов я насмотрелся вдоволь; то, что я видел, навсегда заразило меня, хотя я еще не понимал этого, точно так же, как была заражена Птицепес.

И в городе жили белокожие люди.

На обратном пути со мной произошел любопытный случай. Я заметил на камне, примерно на высоте плеч, сидящего орла, который смотрел прямо на меня. Не скрою, что я остановился как вкопанный. Это был взрослый, жестокий на вид орел чудовищных размеров. Я медленно, очень медленно подходил к птице все ближе и ближе. Орел не шевелился и не выказывал страха, будто ожидал моего прихода. Я протянул к орлу руки, и птица мирно прильнула ко мне. Еще одно поразительное событие этого поразительного дня. Несколько мгновений я держал орла и гладил его, а потом вдруг птица — и это было так же неожиданно, как и ее прежнее спокойствие, — начала яростно вырываться. Само собой, я моментально раскрыл объятия, но орел уже успел оцарапать мне грудь своим могучим клювом. Потом он улетел. Я долго смотрел птице вслед; можно сказать, частица меня улетела вместе с орлом.

— Взлетающий Орел, — раздался у меня за

спиной голос Птицепес. Она видела все, что произошло. — Вот подходящее имя для тебя. Взлетающий Орел. Зачем иначе этот орел, прежде чем напасть на тебя, подошел к тебе? Это твое воинское имя и никак иначе, — добавила она.

— Взлетающий Орел, — громко сказал Джо-Сью. — Да.

— Этому имени нужно соответствовать, — сказала Птицепес.

— Да, — ответил я.

— И теперь самое время начать, — сказала она.

Птицепес легла на камень, с которого она наблюдала за моей встречей с орлом, и высоко задрала свою потрепанную юбку.

Так в один день я получил возможность жить вечно, нарушил закон аксона, получил благодаря знамению воинское имя и потерял девственность с собственной сестрой. По мне, так всего этого вполне достаточно для того, чтобы почувствовать: когда тебе исполняется двадцать один год, начинают происходить особенные вещи.

IV

Шаман вошел в вигвам Взлетающего Орла с магическим посохом в руках, которым он потряхивал с видом мрачного школьного учителя-садиста, полный глубокого сожаления о том горе, которое он любил причинять. Шаман говорил, что любит причинять боль другим, только когда его к этому вынуждает долг, потому что он любит свою работу. Шаман походил на огромного неуклюжего моржа с бусами, а Взлетающий Орел был для него напряженной, молчаливой и тихой устрицей.

— Прошу простить за вторжение, — скорбным голосом произнес шаман. — Но мне кажется, нам нужно обсудить одно деликатное дело…

(Взлетающий Орел обратил внимание на рот шамана — по его углам была видна слюна.)

— Гм, — продолжил шаман. — Не знаешь ли ты случайно, где… она?

Как и большинство аксона, шаман не хотел признавать право Птицепес на воинское имя; и так же, как большинство аксона, он забыл, как ее звали раньше.

— Нет, — ответил Взлетающий Орел. — Но здесь

ее нет. У аксона ее нет.

— Совершенно верно. Надеюсь, ты понимаешь, что это ставит нас с тобой в довольно неловкое положение? По отношению к закону, так сказать.

Все было очень просто. Исчезновение Птицепес означало, что Взлетающий Орел, следующий за ней по старшинству и единственный член ее семьи, должен держать ответ перед племенем. Поскольку нарушительницу закона нельзя было наказать, ее вина ложилась на Взлетающего Орла. Наказание было только одно: изгнание.

То, что Птицепес сказала ему перед уходом, сводилось к следующему: «Сегодня я снова видела Сиспи. Мы уходим». Сказано это было еще в предрассветные часы. И только потом Взлетающий Орел сообразил, что лет ему сейчас ровно столько же, сколько было сестре в день, когда она впервые повстречала бродячего торговца. Тридцать четыре года, три месяца и четыре дня. Словно его будущее вдруг соприкоснулось с ее прошлым.

Уход сестры стал неожиданностью для Взлетающего Орла, однако они стали отдаляться друг от друга еще с тех пор, как он отказался выпить желтый Эликсир. Взлетающему Орлу было тошно видеть, что его сестра застыла в неизменном возрасте: каждая клетка день за днем в точности

воспроизводилась, каждый выпавший волос на голове заменялся новым. Что касается Птицепес, то для нее видеть, как младший брат медленно, но неуклонно становится ее ровесником, было постоянным отказом от себя и от принятого ею когда-то решения. Знакомство с желтым Эликсиром стало главнейшим событием ее жизни, но тут Взлетающий Орел отказался следовать за ней.

Они даже несколько лет не занимались любовью; и им обоим очень этого не хватало. Теперь, подумал Взлетающий Орел, у нее есть Сиспи. Женщина бродячего торговца — какой грустный финал.

Шаман откашлялся. Взлетающий Орел заставил себя прислушаться к его витиеватым словоизлияниям.

— Здоровье, — сказал морж напыщенно, — очень хитрая штука. Ужасно хитрая. Весь фокус вот в чем: для полной уверенности нужно всегда оказываться на шаг впереди. Это еще сложнее, чем крадущийся микроб, если, конечно, ты понимаешь, о чем я. Нужно успеть поймать червя, прежде чем он извернется, хм-хм.

Аксона были просто одержимы здоровьем и чистотой. На эту тему у них в запасе имелось больше метафор, чем у самого дикого ипохондрика.

— Боюсь, что сейчас (лицо шамана превратилось в трагическую маску) остов преступления категорически против тебя, дружище.

— Состав, — подал голос Взлетающий Орел.

— Вот именно. Категорически против. Температура поднимается. Плато лихорадит, если ты улавливаешь мою мысль. Кое-кто даже советует прибегнуть к небольшому кровопусканию (губы шамана слегка скривились в изящном отвращении), но, конечно, я не совсем согласен с этими людьми. Прошу заметить, я понимаю их точку зрения. Просто не могу согласиться. Должно быть, мешает мое либеральное воспитание.

— Что вы предлагаете? — поинтересовался Взлетающий Орел.

— А? Что я предлагаю? Ага. Стало быть, ты хочешь это знать? Процитирую одну из заповедей аксона, и поправь меня, если я ошибаюсь: «Все, что Неаксона, Нечисто». Боюсь, мы не можем позволить заразе находиться здесь, пойми. Она распространяется быстрее лесного пожара. Не успеешь оглянуться, как, бац, появляется болезнь. Дело, естественно, не в тебе. Всегда думал, что ты скорее жертва, чем преступник. Но вот как все обернулось, и ничего не поделаешь, боюсь, из-за нее тебя ждет наказание. И если уж на то пошло,

возможно, ты уже заражен.

— Так что вы предлагаете?

— Я тебе скажу. Я тебе СКАЖУ. Сегодня вечером, после наступления темноты — следишь за моей мыслью? — почему бы тебе не уйти куда глаза глядят? Это избавит всех нас от кучи неприятных сцен. Вот что я предлагаю. Подумай об этом. Мне очень жаль, что так вышло.

Оставшись в вигваме один, Взлетающий Орел откинул циновку и принялся копать ножом землю. Вскоре они обе уже были у него в руках: и желтая, и голубая.

— Если уж мне суждено жить дальше на равнинах, — сказал он себе, — то по крайней мере у меня будет одно преимущество.

И он выпил Эликсир жизни до дна. Вкус у него был горько-сладким. Голубую бутылочку Взлетающий Орел спрятал в карман.

Выше я уже упоминал, что жизнь с аксона во многом подготовила меня к острову Каф. В частности, таким образом: она научила Взлетающего Орла тому, что в одержимости есть сила.

Город назывался Феникс, потому что когда-то давно он восстал из пепла другого города — тот был гораздо больше и тоже назывался Феникс, но

его уничтожил великий пожар. Никто не знал, почему старому городу дали такое имя. Новый Феникс был значительно меньше предыдущего.

Проезжая по улицам таких городков, как Феникс, Ливия Крамм внимательно за всем наблюдала, хотя и напускала на себя вид томный и скучающий. Миссис Крамм была хищницей в обличье человека: с совершенно нездоровой алчностью она насыщалась любовным пылом мужчин. Она выжала все жизненные соки из несчастного мистера Крамма, несуразного миллиардера небольшого роста и в очках, после чего он, шепча слова благодарности, испустил в ее сокрушительных объятиях дух и оставил ей все свои миллиарды. Кроме того, мистер Крамм оставил молодой супруге свои автомобили, лошадей, поместья в Америндии и на Кавказе и, что самое главное, яхту. А если в мире и существовало нечто, способное соблазнить миссис Крамм сойти на время с пути соблазна, это было море. То была их общая с мистером Краммом любовь: единственная их общая любовь.

— У мистера Крамма, — частенько говаривала миссис Крамм в те дни, когда еще не облагородила свою речь, — была излюбленная морская шутка. Если вдруг моряк на корабле почувствует

себя грустно или растерянно, так заявлял мистер Крамм, ему нужно вспомнить про нежности. Понимаете, промежности. У него было ужасное чустваюмара. Он, в некотором смысле полиглот, называл меня своей юнгфрау. А когда я однажды спросила, почему он так меня зовет, то он моментально ответил: мол, детка моя, называть тебя фройляйн уж никак нельзя! Хоспади, вот такое чустваюмара. Я люблю остроумных мужчин. Особенно тех, у которых есть морское прошлое.

В тот день, когда миссис Крамм повстречала Взлетающего Орла, она была уже гораздо более изысканна и менее разборчива. Она любила мужчин молодых, но не слишком; высоких, но не слишком; светлокожих, но с легким темным оттенком. Другими словами, она принимала их такими, какими они были. В городах вроде Феникса она всегда внимательно за всем наблюдала, поскольку в таких местах было полно достаточно молодых, достаточно высоких безнадежно неустроенных кандидатов любых оттенков.

При виде Взлетающего Орла сердце Ливии Крамм учащенно забилось. Охотничий азарт никогда ей не приедался. Вот это да, мелькнула у нее в голове мысль.

— Эй, ты, большеглазый, — позвала она. —

Ку-ку.

Этот зов заставил Взлетающего Орла прервать ленивую прогулку и поднять глаза. Пустая жестянка, которую он гнал перед собой, загремела еще раз и замерла.

— Работа нужна?

— А что нужно делать? — спросил Взлетающий Орел, стараясь не показывать свое воодушевление.

— Зарабатывать деньги, что же еще, — гаркнула в ответ миссис Крамм. — Разные поручения. Что-то типа того.

Взлетающий Орел обдумывал услышанное от силы мгновение. Потом смело приблизился к длинной машине миллиардерши.

— Мадам, — произнес он, — там, откуда я родом, есть одна поговорка. Живой пес лучше мертвого льва, но смерть предпочтительней бедности.

— Чувствую, мы с тобой замечательно поладим. Мне нравятся мужчины с мозгами.

Покуда машина мчала их дальше, Взлетающий Орел мысленно сказал себе, что им снова управляет женщина старше его. Но он не имеет ничего против — сразу же пришла следующая мысль. Я умел приспособиться к любым условиям, был скорее хамелеоном, чем орлом, и всегда лучше

реагировал, чем действовал. Впрочем, миссис Крамм выглядела вполне подходяще для активных действий.

V

Николаса Деггла Взлетающий Орел сразу же невзлюбил. Во-первых, он не мог взять в толк, кто он миссис Ливии Крамм. Казалось, Деггл лишь изредка показывает ей магические фокусы и получает за это крупные суммы — или разные драгоценности.

— Это подарки, дорогой, — объясняла миссис Крамм. — Николас — мой хороший друг, и, что еще важнее, он гений. Настоящий *злой* гений. Могу я преподнести своему другу подарок?

Взлетающий Орел не видел в Николасе Деггле ничего гениального, за исключением, может быть, гениальной способности с изящной непринужденностью принимать щедроты от своей благодетельницы. Ничто — ни его темное утонченное одеяние, ни его перстни и духи, ни роза в петлице — не говорило о том, что он нуждается в подарках.

Пока еще незнакомый с опустошительными последствиями возраста, Взлетающий Орел не способен был понять причины столь сильной зависимости Ливии от Деггла. По мере того как она старела, она все больше увлекалась сверхъесте-

ственным. Она погружалась в таро, священные писания, каббалу, хиромантию, в общем, во все, что свидетельствовало о том, что в действительности мир — это гораздо больше, чем кажется на первый взгляд, и физический конец, по сути дела, вовсе не конец. Поскольку Деггл не только активно разделял интересы миссис Ливии, но был в этих областях гораздо более сведущ, та находила его совершенно незаменимым.

У Деггла была привычка всегда носить с собой один предмет, который он называл волшебной палочкой. Вещица эта была занятной: цилиндрической формы, около шести инчей длиной, слегка изогнутая. И самое поразительное — палочка Деггла была искусно выточена из цельного камня. Ничего подобного Взлетающий Орел в жизни не видел.

— Где вы нашли эту палочку? — спросил он однажды Деггла. Тот недоуменно взглянул на него и ответил:

— Это стебель Каменной розы; я отломил его собственными руками.

Взлетающий Орел почувствовал себя глупо; но, задав такой вопрос, он сам напросился на издевку.

Волшебной палочкой Деггл пользовался во вре-

мя нечастых демонстраций своего магического искусства, когда он, длинноносый и мрачный, в черном плаще, творил чудеса из воздуха. Зрелище производило впечатление даже на Взлетающего Орла, что настроило его против Деггла еще сильнее. Маг никогда не раскрывал своих секретов, но за эти трюки Ливия его обожала.

Однажды, после очередного сеанса, миссис Крамм тоже пожелала продемонстрировать свои сверхъестественные способности. Он властно поманила Взлетающего Орла.

— Иди присядь со мной, дорогой, и позволь Ливии прочитать линии на твоей ладони.

Взлетающий Орел неохотно повиновался. Ливия долго рассматривала его ладони, сжимала, мяла их, водила по ним пальцем; потом напустила на себя вид величайшей серьезности.

— Ну что же, дорогой мой Орел, — произнесла она. — У тебя ужасная рука.

Сердце у Взлетающего Орла екнуло.

— Ты точно хочешь знать, что я там увидела? — строго спросила миссис Крамм.

Послушать ее, так может показаться, что у меня есть выбор, подумал Взлетающий Орел. Заглянув в ее нетерпеливые глаза, в которых поблескивало роковое знание, он кивнул.

Ливия Крамм опустила веки и нараспев произнесла:

— Ты будешь жить долго и перенесешь всего одну серьезную болезнь. Эта болезнь будет болезнью разума, но ты излечишься от нее, хотя она может сильно повлиять на твою карьеру. Ты никогда не женишься и не будешь иметь детей. Никакой профессии ты не приобретешь, и большого таланта в тебе нет. Удача не будет тебе сопутствовать. Твой удел — быть ведомым другими; в конце концов ты примешь его. Но самое главное — ты опасен для окружающих. Ты принесешь боль, горе и страдания всем, кого знаешь. Не преднамеренно; по натуре ты добрый человек. Но злые ветры следуют за тобой всюду. Там, где ступаешь ты, ступает Смерть.

Чтобы унять дрожь в руках, Взлетающему Орлу пришлось напрячь мышцы. Сама того не зная, Ливия Крамм в точности повторила проклятие его рождения и настоящего имени.

Она подняла голову и улыбнулась, словно желая утешить.

— Но ты очень привлекательный мужчина, — закончила она обычным голосом.

Следом за Ливией улыбнулся и Деггл.

День ото дня зависимость миссис Крамм от

Деггла росла. Что бы ни предложил Взлетающий Орел — направить ли яхту туда, перезимовать ли здесь или даже пообедать в том или в другом месте, — головка миссис Крамм неизменно совершала вопросительный полуповорот в сторону Деггла, и только после этого она либо с радостью соглашалась, либо мягко отвергала предложение. Все это немало раздражало Орла. Принятые решения не обсуждались.

Более всего Взлетающему Орлу досаждали две фразы. Одна принадлежала Ливии Крамм. Когда бы с мрачных уст Деггла ни слетело очередное темное соцветие глубокомысленных слов, Ливия неизменно горячо хлопала в ладоши на манер молоденькой девушки пубертатного возраста, которой за розовым кустом показали что-то неприличное, и восклицала (а в ее восторге проскальзывал тщательно выработанный акцент): «Да неужто это сам Деггл соблаговолил заговорить с нами». Шутка эта нравилась ей чрезвычайно. Взлетающий Орел всякий раз поджимал губы и уходил в себя.

Автором второй фразы был как раз Деггл. На вилле миссис Крамм на южном побережье Мориспании он всегда появлялся и исчезал неведомым образом, неспешно заходил в нее и так же вы-

ходил. И каждый раз, покидая виллу, Деггл без улыбки махал рукой и говорил:

— Эфиопия!

Эта сложная и чудовищная шутка корнями восходила к архаическому имени этой уединенной, отгородившейся от всего мира местности (Абиссиния — I'll be seeing you — Увидимся…) и портила настроение Взлетающему Орлу, стоило ему услышать ее. Эфиопия. Эфиопия. Эфиопия.

Присутствие Деггла иногда заставляло Взлетающего Орла задуматься о том, способен ли он вынести назначенную ему судьбу.

Став личным жиголо Ливии Крамм, Взлетающий Орел прожил при ней двадцать пять лет. Резоны были самыми простыми: в его распоряжении имелось больше времени, чем у любого существа во вселенной, но не было денег. У Ливии же было много денег, но очень мало времени. Таким образом, предоставляя в распоряжение миссис Ливии небольшое количество своего времени, Взлетающий Орел приобретал изрядную часть ее наличных. Решение, которое он принял, было чрезвычайно циничным, рожденным отчаянием и не обещавшим ему никаких возможностей мертвенным будущим, которое со всей очевидностью ожидало его до того момента,

как в городе Феникс миссис Крамм заметила его. Вполне возможно, что он мог бы чувствовать за собой большую вину, если бы не одна важная деталь: Ливию Крамм он не любил.

Ливии Крамм было сорок пять лет, когда она повстречала Взлетающего Орла, и тогда в ней можно было найти лишь остатки былой красоты, но при этом значительную сексуальную притягательность и магнетизм. С тех пор, к семидесяти годам, сексуальная притягательность миссис Крамм исчезла. А магнетизм превратился в надоедливое, клаустрофобное приставание. Ливия яростно цеплялась за Орла, словно желала умертвить его на себе, как это вышло когда-то давно с уже забытым мистером Оскаром Краммом. На людях ее костистая лапа никогда не отпускала его; наедине с ним она лежала, положив голову ему на колени и обхватив свои ноги руками так крепко, что костяшки пальцев белели; в постели она обнимала его с силой просто поразительной — нередко он чуть не задыхался. Если Ливия вдруг замечала, что Взлетающий Орел разговаривает с другой женщиной, то немедленно нависала над ними и принималась отпускать своим хриплым каркающим голосом такие вульгарные и оскорбительные замечания, что несчастная дама

спешила спастись бегством. После этого миссис Ливия тоном девочки-скромницы (это было тошнотворное зрелище) приносила Взлетающему Орлу свои извинения:

— Ах, прости меня, дорогой, я, наверно, испортила тебе все веселье?

Деваться от миссис Крамм было просто некуда.

Деггл появился на сцене сравнительно недавно — всего каких-нибудь восемнадцать месяцев назад. Появление мага сделало жизнь Орла еще более невыносимой, поскольку с этих пор он перестал быть тем единственным, кто помогал Ливии определяться с ее шагами на тривиальном пути неуклонного умирания. Он был просто символом ее людской власти, воплощением мужской физической красоты — и размышления никак не входили в круг его обязанностей. Он был ее прибежищем от разрушительного потока одряхления.

— Мой Орел не знает, что такое старость, — гордо заявляла иногда она. — Взгляните на него: в пятьдесят один год (в день первой встречи Взлетающий Орел сбавил себе с десяток лет) он выглядит не старше тридцати. Наглядный пример пользы хорошего секса.

Вежливые знакомые миссис Крамм обычно

отвечали:

— Он не единственный пример, Ливия. Вы выглядите просто невероятно, поверьте.

Это и было настоящей целью ее замечания. Но таких знакомых оставалось все меньше и меньше.

Единственной дозволенной Взлетающему Орлу возможностью контакта с реальным окружающим миром был Николас Деггл. И время от времени Орлу приходилось пользоваться этой возможностью, до того ему было тесно и душно в навязчивом обществе миссис Крамм. Взлетающий Орел старательно убеждал себя, что относится к Николасу Дегглу как к шлюхе Ливии в социальном плане, притом что он сам был ее шлюхой в сексуальном смысле; но Деггл слишком часто брал верх в их разговорах, чтобы его можно было целиком вписать в это определение.

Деггл откинулся на спинку парчовой софы.

— Сомнений больше нет, — протянул он. — Ливия Крамм — чудовище.

Взлетающий Орел ответил молчанием.

— La Femme-Crammpon, — продолжил Деггл и разразился пронзительным смехом, похожим на фальцет.

— Что?

— Мой дорогой Орел, я только что все понял. Знаете ли вы, к кому на крюк вы попали?

Деггл снова зашелся смехом от своей совершенно непонятной шутки.

Взлетающий Орел попросил объяснений:

— Давайте. Растолкуйте, что к чему.

— Да ну что вы, дорогой мой, ведь она *la Femme-Crampon!* Женщина-крюк! Старуха из моря, если так понятнее! Сама костлявая!

От неудержимого смеха Деггл схватился за бока. (Я сидел неподвижно, побледнев как полотно. В такие минуты Николас Деггл меня пугал.)

— Все сходится, — выдавил Деггл сквозь душащие его спазмы. — Она достаточно стара. Она достаточно уродлива. Она живет морем. Она высматривает по пути молодых бродяг вроде вас, хоть лично вы и не так молоды, как кажется. После этого она цепляет вас на крючок и трясет, тормошит и дергает, пока из вас весь дух не выйдет вон. Ливия Крамм — гроза путешественников! А что — она даже привила вам любовь к морю, чтобы легче было вами управлять! Бедный морячок, несчастный красавчик матрос — вот кто вы такой. Вы всего лишь ходячий труп с костлявой на плечах, ее ноги крепко-крепко обхватывают вас и подобны мертвой петле, которая, пока вы с

ней боретесь, все туже и туже затягивается вокруг вашей — ха-ха — трахеи.

— На вашем месте я бы и бороться не стал, — закончил Деггл, утирая слезы.

Вот другой отрывок из разговора Взлетающего Орла с Николасом Деггломом:

— Вас никогда не интересовала судьба старого Оскара Крамма?

— Не особо, — отозвался Взлетающий Орел. У него было слишком много других тем для размышлений.

— Против этой старой людоедки у него не было ни единого шанса, — сказал тогда Деггл. — Знаете, ходят слухи, что он отдал концы, занимаясь с ней любовью? Интересно, не было ли у него следов укусов на шее?

— Вы хотите сказать… — начал Взлетающий Орел.

— Все возможно, — улыбнулся в ответ Николас Деггл. — Знаете, он был совсем не стар. И если Ливии вдруг придет в голову, что вы стареете, то она может начать подыскивать вам замену.

— У вас нет абсолютно никаких причин… — снова начал Взлетающий Орел, но Деггл опять его перебил. В разговоре с этим мрачным шутником Орлу удавалось закончить лишь считаное

число фраз.

— Я хотел сказать только, что по непонятным причинам питаю к вам привязанность и мне не хотелось бы, чтобы вы, такой красавчик, закончили столь же печально, как некоторые.

После этого разговора Взлетающий Орел ловил себя на том, что следит за миссис Крамм; и когда она обвивала его руками или ногами, он вспоминал, как умер Оскар Крамм, и начинал нервничать. В итоге переживания несколько раз пагубно сказались на его мужских способностях, и после таких конфузов миссис Крамм задумчиво хмурилась, поджимала губы и лишь потом принималась уверять его, что ничего страшного не произошло. Она выпивала немного воды из кувшина, который всегда стоял на ее прикроватном столике, окруженный великим множеством таблеток, поворачивалась к Орлу спиной и засыпала.

Одной ночью Взлетающему Орлу приснился поразительный сон. Кошмар. Ливия Крамм крепко обхватила его горло тонкими руками и давила, давила большими пальцами. Во сне он тоже спал и проснулся, лишь когда почувствовал, что жизнь выдавливают из его тела. Он вступил в борьбу, пытаясь освободиться, и, когда он это

делал, она непрерывно превращалась во всевозможные мокрые, отвратительно пахнущие, бесформенные скользкие вещи. У него не получалось ухватиться за нее, а она все крепче сжимала его горло. И уже теряя сознание, он выдавил из себя такие слова:

— Ты старая, Ливия. Ты жалкая старуха. Ты не найдешь никого другого.

И вдруг (он ничего не видел, ибо в глазах у него потемнело) миссис Крамм ослабила хватку. Он услышал ее голос:

— Да, мой Орел, моя вольная птица. Ты прав.

Проснувшись на следующее утро, Взлетающий Орел обнаружил, что Ливия Крамм умерла и окоченела, а руки ее застыли, впившись пальцами в ее же собственное горло. Графин был опрокинут, таблеток на столике заметно поубавилось.

И только позднее Взлетающий Орел неожиданно обнаружил, что его драгоценная бутылочка с голубой жидкостью, со снадобьем, сулящим освобождение, исчезла. Он бросился разыскивать Деггла, которого обнаружил раскинувшимся в привычной позе на парчовой софе в гостиной, в неизменном темном одеянии, на этот раз весьма уместном.

— Ливия была не из тех, кто кончает жизнь

самоубийством, — сказал Взлетающий Орел.

— О ком это вы говорите, глупый мальчишка? — спросил его Деггл. — Она была стара.

— Вы ничего не знаете о некоей бутылочке? Она принадлежала мне, а теперь ее нет, — поинтересовался тогда Взлетающий Орел.

— Вы переволновались, — отозвался Деггл. — Вы мне нравитесь, я уже говорил это. Все, что вам нужно, — это уехать от всего этого подальше. Берите яхту. Плывите в открытое море. Море такое, ха-ха, голубое.

Что говорить человеку, который мог быть, а мог и не быть убийцей, который, может быть, спас вам жизнь, а может быть, и нет?

— Судьба замечательно бережет вас, — улыбнулся Деггл. — Должно быть, у вас есть ангел-хранитель.

Или дьявол, подумал про себя Взлетающий Орел.

По завещанию я получил деньги, а яхта досталась Дегглу. Причиной смерти было названо самоубийство.

Поскольку Дегглу яхта была не нужна, а я отчаянно стремился бежать, я принял его предложение и отправился в плавание к неизвестным портам — в полном одиночестве, впервые за

четверть века.

VI

Он был леопардом, меняющим свое логово; ловким увертливым червем. Текучим песком и уходящим отливом. Он напоминал круговорот времен года, был пасмурным, как небо, безымянным, как стекло. Он был Хамелеоном, вечно меняющимся, всем для всех и ничем ни для кого. Он превращался в своих врагов и поедал друзей. Он был всем чем угодно и ничем.

Он был орлом, царем птиц — но был и альбатросом. Она обвилась вокруг его шеи и умерла, и мореход сделался альбатросом.

Не имея большого выбора, он выжил и направлял судно от одного неведомого берега к другому, зарабатывая себе на пропитание, заполняя пустые часы досужных дней бессмысленных лет. Удовольствия без радостей, достижения без целей, парадоксы на его пути поглощали его.

Он видел то, что большинству людей не удается увидеть за всю свою жизнь. Вот что он видел.

Нагую деву, распятую на песке незнакомого пляжа, по бедрам которой к своей цели ползли гигантские муравьи; он слышал ее крики и проплыл мимо.

Человека, пробующего голос на краю утеса: голос незнакомца был то высоким и жалобным, то низким и мрачным, то тихим и вкрадчивым, то резким и скрипучим, то напитанным болью, как кусочек хлеба — медом, то сверкающим от смеха, то голосом птиц или голосом рыб. Он (проплывая мимо) спросил человека, чем тот занимается. Человек прокричал ему в ответ — и каждое его слово было словом иного существа: «Я выбираю себе подходящий голос». Чтобы это крикнуть, человек подался вперед, потерял равновесие и сорвался вниз. В его вопле был только один голос; камни у подножия утеса оборвали его, отпустив на волю все заключенные в нем голоса.

Нищего на плоту, дрожащего от голода и жажды, и рыб, которые сами выскакивали из океана, попадали в его миску для подаяний и умирали для него.

Занимающихся любовью китов.

И множество других вещей; но нигде в морях, при всей безмятежности вод, при всех чудесах за изогнутым жидким горизонтом, не заметил, не почуял и не услышал он своей смерти.

Смерть: голубой флюид, голубой, как море, исчез в бездонной глотке чудовища. Оставалось только жить. Отказавшись от прошлого, забыв

родной язык ради языков архипелагов мира, забыв об обычаях предков ради обычаев тех стран, мимо которых он проплывал, забыв и помышлять об идеалах перед лицом тех постоянно меняющихся и противоречивых идеалов, с которыми ему приходилось сталкиваться, он жил, делая то, что ему выпало делать, думая так, как от него требовалось, становясь тем, чем его желали видеть, надеясь только на то, на что позволено было надеяться, и выполняя все это так ловко, с такой естественной легкостью, словно на все это была его воля, и потому нравился всем встречным. Он любил многих женщин — без труда приспосабливаясь к потребностям и желаниям любой из них.

Несколько раз он менял имя, которым представлялся людям. Его лицо было таким, его кожа была такой, что во многих странах он мог легко сойти за местного жителя; и он пользовался этим, оборачивая свое проклятие себе на пользу. Он должен был менять свои имена, иначе его бессмертие могли бы раскрыть. И бессмертие же гнало его вперед: никогда не переставал он искать такие места, где был бы неизвестен или забыт.

Он убивал борцов за свободу для тиранов; в свободных краях он поносил тиранию.

Среди пожирателей мяса он восхвалял дающую

силу плоть животных; среди вегетарианцев он рассуждал о душевной чистоте, коей можно добиться, отказавшись от такой плоти; среди каннибалов он пожирал своих товарищей.

Он был мягок по своей природе, но тем не менее некоторое время служил палачом, совершенствуясь в умении владеть топором и ножом. Несмотря на то что он считал себя хорошим человеком, он предал множество женщин. Лишь очень малому их числу удалось бросить его: обычно он делал это первым.

Прошло достаточно времени, пока он вдруг понял, что так ничего и не узнал. Он много видел и испытал, сошелся с тысячами людей и потерял счет своим преступлениям, но опустел внутри; ухмылка без лица, вот чем он стал. Кивок согласия, поклон принятия, не более.

Его тело оставалось в идеальном состоянии; разум был все так же светел. Снова и снова он проживал один и тот же физиологический день. Вот его тело: страна, над которой никогда не заходит отсутствующее солнце.

Однажды, качаясь на волнах посреди очередного моря, он сказал вслух самому себе:

— Я хочу стать старше. Не умереть — просто стать старше.

Ответом ему был насмешливый крик чайки.

Взлетающий Орел начал методичные поиски Сиспи и Птицепес. Он вернулся к берегам Америндии и направился вглубь страны, до земли аксона и Феникса, города, откуда тянулся весь этот холодный след. Безрезультатно. Казалось, Сиспи и Птицепес никуда не уезжали. Просто исчезли, и все.

— Сиспи? — переспрашивали его люди в Фениксе. — Какое дикое имя. Должно быть, иностранец?

После неудачи в Фениксе Взлетающий Орел решил отбросить всякую систему. Он наугад вел свою яхту по морям, каналам, рекам, озерам, океанам и, когда где-то причаливал, спрашивал, не знает ли кто-нибудь о его сестре или о бродячем торговце.

Он понимал, что надежды почти нет; они могли быть в любом месте планеты; они могли сменить имена; могли утонуть или умереть какой-нибудь насильственной смертью; могли, наконец, расстаться.

Только две мысли заставляли Взлетающего Орла продолжать поиски: первая — только Сиспи мог знать способ если не умереть, то по крайней мере вернуть тело к нормальному, уязвимому в

той же степени, как и у других людей, состоянию. Сиспи мог сделать так, что Орел начнет стареть.

Вторая была связана с тем давним посланием, которое бродячий торговец передал ему устами Птицепес в день своего первого появления:

Скажи своему брату Рожденному-от-Мертвой, что все орлы в конце концов прилетают в гнездо, а все моряки в конце концов сходят на свой берег.

Сиспи сказал это еще до того, как Джо-Сью стал Взлетающим Орлом; за много лет до того, как у того возникла мысль отправиться в море. Возможно, думал Взлетающий Орел, моряк, Сиспи умеет читать будущее.

Эти мысли не вселяли особого оптимизма, но это было хоть что-то.

Он вспомнил и другое сказанное Сиспи: *Для тех, кто не выпьет из голубой бутылки, есть только одно место на свете, других я не знаю.*

Раз за разом Взлетающий Орел твердо повторял себе: такое место есть; рано или поздно ты найдешь его, нужно только запастись терпением; а когда ты найдешь его, то узнаешь его тотчас же, ведь его жители будут похожи на тебя. Старые или молодые, они не смогут спрятать от меня глаз. Их глаза будут похожи на мои: все видевшие и ничего не знающие. Глаза выживших.

Но годы уходили за годами. Прошло много лет. Потом еще много лет.

Взлетающий Орел начал задумываться о том, в здравом ли он уме. Возможно, никогда не было никакого Сиспи, никакой Птицепес, шамана и Феникса; может быть, не было даже Ливии Крамм и Деггла. Да. Безумие объясняло все. Он был безумен.

И когда его судно зашло в родной порт — порт Х на мавританском берегу Мориспании, взгляд его был застывшим и отстраненным.

Он подумывал о самоубийстве.

VII

Николас Деггл сидел в просторном шезлонге у самой оконечности самого конца далеко выступающего в море мола, все такой же длинный и темный, а на губах его играла необычайно лукавая улыбочка.

— Уверен, что морская прогулка удалась на славу, не так ли, красавчик? Как ветер? Не слишком сильный? Но и не слишком слабый? Извините, я не очень силен в таких вопросах.

Взлетающий Орел медленно поднял голову. Сомнений больше не было — он действительно сошел с ума.

— Деггл… — начал он.

— Он самый. И никакой другой. Единственный и неповторимый. Но позвольте одно словечко в ваше раковинообразное отверстие: теперь у меня другое имя. Времена меняются, друг мой, а с ними и имена.

— Да, — пораженно согласился Взлетающий Орел.

— Теперь меня зовут Локки. Великий Локки к вашим услугам. Могучий Маг Манипулирует Массой Материала. Дорогой мой, времена те-

перь тяжелые, приходится приспосабливаться. Все мы слабы. Вот и я — жертва обстоятельств. Я стал своим собственным наследником или своим собственным предком — выбирайте, что хотите, зависит от того, как вы смотрите на ход истории. Путаница с законом ужасная, проблемы с легализацией неразрешимые. Одно хорошо — благодаря вашей любезности я сохранил свое судно. Спасибо.

— Не за что, — прошептал Взлетающий Орел.

— Локки, — повторил Деггл, перекатывая на языке букву Л. — Хорошее имя, не хуже других, как считаете? Отголосок древнего севера или что-то в этом духе. Для артиста звучное имя — залог успеха, по имени нас встречают. Жалко, что с Ливией так вышло, да? По-моему, вы поступили правильно, уплыв тогда отсюда подальше. Наверное, получив такую кучу денег, вы не сразу пришли в себя? Но сейчас-то вам уже лучше, верно?

Глаза.

Глаза Деггла — глаза выжившего, сверкающие нестареющим блеском.

— Деггл, вы…

Деггл по-прежнему умел мастерски перебивать. Он взмахнул унизанной перстнями рукой.

— Ну прошу вас, дорогой мой. Я же говорил вам. Зовите меня Локки. Люди могут *услышать*.

— Локки. Если вы все еще живы спустя столько лет, то *вы должны знать* Сиспи.

— Сиспи, — задумчиво повторил маг, — Си-ис-с-пи-и. Что это такое, добрый мой Орел? Название супа? Звучит ужасно знакомо.

— Вам хорошо известно это имя. Сиспи. Сиспи, бродячий торговец. С бутылочками. Ну же, Локки. Голубая бутылочка. Вы же помните Ливию.

Взлетающий Орел пытался вложить в свой голос угрозу, но Деггл только весело рассмеялся.

— М-м-м, — протянул он. — Конечно, Ливия — вы, вероятно, имеете в виду Ливию Крамм, вдову Оскара Крамма, жестяного короля, — она умерла давным-давно. Задолго до того, как на свет появился я. Если бы мой знаменитый предок Николас Деггл был бы жив, он бы точно понял, о чем вы говорите.

Он ослепительно улыбнулся. Очень похоже на улыбку старого Деггла, сказал себе Взлетающий Орел.

— А теперь, — продолжил Локки, — позвольте предложить вам выпить.

Великий Локки жил в караван-сарае в окрестностях Х. Он владел лошадью и домиком-фургоном.

При их приближении из фургона выглянула невероятно красивая и очень глупая девушка. Помощница мага.

— Это Лотти, — почему-то смутившись, объявил Деггл. — Локки и Лотти — понимаете?

Внутри Взлетающего Орла нарастало разочарование — вековое разочарование.

— Деггл, — заговорил он, не обращая внимания на выражение муки на лице собеседника. — Перестаньте дурачить меня — сколько можно?

— Но, дорогой мой, — быстро отозвался Деггл, не сводя с Орла немигающих глаз, — ведь это так просто.

Взлетающий Орел был близок к совершению физического насилия, когда Деггл внезапно бросил девушке:

— Свали, Лотти.

За прошедшее время речь Деггла сильно изменилась, опустившись до уровня, соответствующего новому упрощенному уровню жизни, и теперь он допускал в разговоре некоторые обороты, которых раньше за ним не замечалось. Как бы там ни было, но Лотти свалила из фургона и пошла поговорить с лошадью, которая смогла почувствовать себя интеллектуально более развитой, чем хотя бы один человек на свете.

— Похоже, к отправлению на остров Каф вы уже готовы, — сказал тогда Деггл Взлетающему Орлу.

Многое из услышанного от мага Взлетающий Орел не понял, например то, что по пути ему необходимо будет «пройти через врата». Многому он не поверил. Со слов Деггла выходило, что весь путь занимает не одно столетие, состоит из нескольких попыток и, вне всякого сомнения, грозит опасностями. Орел растерялся, но ему было все равно. Речь, несомненно, шла о земле обетованной, которую упоминал Сиспи; туда-то Взлетающий Орел как раз и стремился попасть.

«Твой удел — быть ведомым другими», — сказала ему миссис Крамм; Сиспи, одним легким движением определившего его судьбу, Взлетающий Орел ненавидел все сильнее. Теперь он хотел не только избавиться от тяжких уз бессмертия, но и отомстить.

Утром следующего дня он отправился на долгую прогулку по холмам в окрестностях Х. Он прощался с миром, поскольку, если хотя бы половина того, о чем рассказал ему Деггл, соответствовала истине, существовала большая вероятность того, что ничего этого он никогда не увидит снова.

К полудню он вернулся в порт и начал готовить яхту к отплытию. Деггл даже не заикнулся о том,

что желает вернуть свою собственность.

Когда солнце начало клониться к закату, Деггл и Лотти пришли проститься с ним.

— Проходить через врата лучше всего в темноте, — напутствовал его Деггл.

Они помахали ему на прощание.

— Деггл, — спросил Взлетающий Орел, отталкивая от причала яхту, — мне интересно, что вами движет?

— Как сказать, — откликнулся, не переставая лукаво улыбаться, маг. — Может быть, я тоже не слишком люблю этого вашего приятеля Сиспи. А может, и люблю.

— Счастливого пути-и-и, — прокричала Лоти.

— Эфиопия, — сказал Деггл.

Взлетающий Орел уже больше ничего не понимал и ни о чем не думал. Он принял рассказ Деггла безоговорочно и допускал, что, возможно, такое полное согласие — это очередное подтверждение его безумия. Он был твердо настроен, невзирая на обещанные смертельные опасности, следовать инструкциям мага, лишь бы бежать от самого себя. Он собирался сделать то, что было в его силах.

— Туда уходят по собственной воле, — объяснял ему Деггл. — Они выбирают бессмертие.

Причина, по которой туда собрался ты, довольно необычна — ты хочешь стать старше. Испытать все прелести физического увядания. А потом, возможно, и смерть. Ты там будешь словно кошка в голубятне — так-то, красавчик. Даже если забыть о том, что тебе нагадала старушка Ливия.

И Деггл долго смеялся над своими словами.

Средиземное море было спокойным, темным и спокойным. Ни ветерка. Чистое небо. Звезды. Взлетающий Орел ненадолго задремал. Проснулся он от ощущения огромной скорости — врата неслись ему навстречу, облака мчались над головой, в воздухе трещало электричество. Он вытянулся у руля и начал править, стараясь противостоять силе, которая грозила раздавить его утлое суденышко в щепки. Потом вдруг у него закружилась голова, он пошатнулся и упал за борт яхты, яхты Деггла, в яростное открытое море. Последнее, что он слышал, был ритмичный гулкий звук, похожий… на хлопанье могучих крыльев.

Мгновение спустя он провалился сквозь дыру в Средиземном в другое море, уже не совсем Средиземное, и волны неспешно погнали его тело к берегу, где, встречая первые лучи нового дня, уже покачивался в своем кресле мистер Вергилий Джонс.

Телу Взлетающего Орла, выброшенного на песчаный берег острова Каф, было тридцать четыре года, три месяца и четыре дня от роду. Всего же его владелец прожил на свете семьсот семьдесят семь лет семь месяцев и семь дней. На основании приблизительного расчета можно сказать, что тело Взлетающего Орла замерло в своем развитии семьсот сорок три года четыре месяца и три дня назад.

Он очень устал.

VIII

— В такой момент, как сейчас, — сказал Вергилий Джонс, — было бы уместно познакомиться. Как вы смотрите на чашечку кореньевого чая, который миссис О'Тул заваривает у нас мастерски по собственному рецепту? Сейчас для него самое время. Никто не может сказать, что в доме О'Тул не соблюдаются приличия.

— Что это на мне — женское платье? — изумленно спросил Взлетающий Орел.

— Совершенно верно, оно самое, — отозвался Вергилий Джонс. — Позвольте объяснить. Всему всегда есть рациональное объяснение, как говорится или, вернее сказать, как говорилось.

— Пожалуйста, извольте, — произнес Взлетающий Орел, чувствуя, что голова раскалывается от боли.

— У вас болит голова, — объявил Вергилий Джонс. — Немудрено. Я почти не удивлен, я этого даже ожидал, в этом нет ничего неожиданного — простите мне маленькую тавтологию. Долгое пребывание в воде, конечно же, голове не на пользу, в ней случается некоторое расстройство… не то, что расстройство желудка, но все-таки.

Выражаю вам, сэр, свое глубочайшее сочувствие и осмелюсь предложить чашечку кореньевого чая. При такого рода расстройствах миссис О'Тул настоятельно рекомендует кореньевый чай. Он мчится прямо и верно прямехонько к больному месту, и — хлоп! — вы снова здоровы.

— Что насчет платья? — снова спросил Взлетающий Орел, поднялся на удивительно ослабевших руках и сел, вопросительно повернув голову и торс к собеседнику и вытянув ноги на тростниковой циновке.

— Нет, нет, — засуетился мистер Вергилий Джонс, — на вашем месте я не спешил бы принять вертикальное положение. Для восстановления сил горизонтальное положение подходит значительно лучше. По моему мнению, все трагические случаи погребения живых еще людей происходят именно от этого: горизонтальное положение помогает им прийти в себя — понимаете? Замечу (простите мне этот краткий экскурс в некрологию), что, возможно, людей стоило бы хоронить стоя. Это просто шуточка, ничего плохого я не имею в виду и надеюсь, что вы так все и воспримете.

— Платье, — снова сказал Взлетающий Орел.

— Ах да, конечно — прошу меня простить, —

отозвался Вергилий Джонс, — если вам показалось, что я пытался уклониться от ответа на ваш вопрос. Даже в мыслях не имел, сэр. Ничто не доставит мне большего удовольствия, чем возможность объясниться с вами по поводу этого платья. Все дело в том, что в последнее время я существовал здесь без общества, без собеседников, а посему сейчас получаю огромное удовольствие от возможности общения. Причина появления на вас этого дамского наряда чрезвычайно проста. Дело в том, что, когда мы обнаружили вас на берегу, ваша одежда, чего и следовало ожидать после столь продолжительного пребывания в воде, была немного влажной, если не сказать сырой или, лучше сказать попросту, мокрой насквозь. Мой гардероб в этом доме, к несчастью, очень ограничен; и мы единодушно решили, что самое лучшее — воспользоваться одним из платьев миссис О'Тул. Если это вас как-то смутило, примите наши глубочайшие извинения, но хочу заверить, что все приличия были соблюдены и миссис О'Тул в момент переодевания в комнате отсутствовала.

— Уверен, что так оно и было, — ответил Взлетающий Орел, стараясь успокоить этого говорливого, восторженного человека, а потом,

вспомнив о приличиях, добавил:

— Вы спасли мне жизнь, сэр, сердечно благодарю вас. Меня зовут Взлетающий Орел.

— Вергилий Бовуар Чанакья Джонс к вашим услугам, — представился мистер Джонс, с усилием сопровождая свои слова отдаленным подобием поясного поклона, в чем ему большой помехой был избыток плоти на животе. — Миссис О'Тул вскорости присоединится к нам, — добавил он. — Ей пришлось вернуться на берег за моим креслом-качалкой, которое она не могла захватить с собой сразу же, поскольку несла на плечах вас — привязанным.

Вероятно, Взлетающий Орел не сумел скрыть удивления; и мистер Джонс поспешно прибавил:

— Сейчас я, как вы можете заметить, сижу. Стоя я не могу нести кресло. Все дело в ремне, понимаете? При помощи ремня кресло удерживается на спине и переносится; ремень извлекается из моих брюк, удержание коих после этого на моей талии становится проблематичным.

Взлетающему Орлу такое объяснение не показалось удачным, но, в конце концов, это было не его дело.

— Ну да, вполне возможно… — туманно отозвался он, не в первый раз ловя себя на том, что

ему свойственно принимать стиль и манеру речи своих собеседников.

Новый приступ головной боли заставил его опуститься на циновку.

— Я бы с удовольствием выпил сейчас кореньевого чаю, если можно, — тихо попросил он.

Поддерживая руками брюки, мистер Джонс суетливо вскочил. Он двинулся через комнатку, щурясь в сторону очага, где над гаснущими углями висел небольшой котелок.

— Чай должен быть теплым, — заметил он и тут же охнул и выругался: — Черт побери!

Нога его зацепилась за ножку низкого шаткого столика. Многочисленные кусочки пазла водопадом хлынули на пол.

— Бес его возьми, — продолжал ругаться мистер Джонс. — Воистину для человечества был черным тот день, когда мои очки разбились. Простите за сквернословие, мистер Орел; телесные изъяны — это наше постоянно несчастье, вы согласны?

— Вы собираете пазлы?

— Собираю ли я пазлы? Нет, мистер Орел, я мастерю их. В годы вынужденного уединения это занятие служит мне единственным развлечением. Надеюсь, со временем я достигну в этой области серьезного мастерства. Сейчас же мое

умение придумывать и мастерить пазлы значительно превосходит умение собирать их. Тем более что близорукость здесь совсем не помогает. Ох, что бы я не отдал за пару хороших очков!

Мистер Джонс налил в чашку кореньевого чаю и вернулся обратно, по пути чуть не поскользнувшись на фрагментах пазла. Затем он опустился перед Взлетающим Орлом на прежнее место.

Удивительно, заметил себе Взлетающий Орел, до чего уютно чувствует он себя в этом убогом, но приветливом жилище. Домик, у внутренней стены которого он сейчас лежал, иначе как хижиной назвать было нельзя; две тростниковые циновки, брошенные на земляной, но хорошо подметенный пол на пристойном расстоянии друг от друга, служили кроватями (на одной из них сейчас бессильно покоился его измученный остов). У очага стояли метла и вязанка хвороста. Стены хижины, сложенные из бревен, были промазаны глиной, как и крыша. Очаг из валунов и сейчас перевернутый непрочный стол. Несколько кастрюль. В дальнем углу комнатки старый большой сундук. Стены совершенно голые, не видно никаких украшений. Обстановка была столь же далека от роскоши особняка миссис Крамм в Мориспании, как сама Мориспания от

Китая, например. И все же жилище выглядело очень приветливо.

Из-за стен хижины доносились разнообразные звуки. Щебетание птиц. Шелест густого кустарника. Время от времени где-то в отдалении завывала дикая собака. Но не слышно было ни шагов, ни каких-либо других звуков человеческого присутствия. Единственное окошко затянуто куском мешковины, колеблющимся под дуновениями легкого бриза; дверной проем тоже прикрыт мешковиной. Жилище дикарей или потерпевших кораблекрушение. Вергилий Джонс вписывался в подобную обстановку не легче, чем слон в табакерку.

Выражая своим видом внимание и заботу, облаченный в темный поношенный костюм, мистер Джонс сидел на полу. На голове у него находился черный же котелок, живот пересекала золотая часовая цепочка. Золотых часов на ней не было. Обитая в непрезентабельном интерьере, этот человек, отметил про себя Взлетающий Орел, каким-то образом сохранял достоинство. Близорукий болтун-путаник, воплощение сентиментального достоинства, обедневший аристократ с оскорбленной гордостью, мистер Джонс напомнил Взлетающему Орлу когда-то виденный им на

запасных путях паровоз: могучий гигант времен укрощения пара теперь тихо ржавел на обочине. Мощная форма не скрывала отсутствие содержания. Выброшенный за ненадобностью крепкий еще корпус. Пыхтящий Билли. Взлетающий Орел допил чай, поставил чашку на пол около себя, положил голову на руку и мгновенно уснул.

— Вот и хорошо, — тихо произнес Вергилий Джонс. — Вам нужно набираться сил.

Снаружи на ветвях деревьев в знак согласия запели птицы.

Пробудившись, Взлетающий Орел обнаружил, что на него смотрит другое лицо: морщинистая обезьянья мордочка миссис О'Тул. Взлетающий Орел вздрогнул от страха, но, когда успокоился, понял: то, что он поначалу принял за оскал ненависти, на самом деле было приветливой улыбкой. Долорес О'Тул оказалась самой уродливой женщиной, какую он когда-либо видел.

Взлетающий Орел собрался с силами.

— Могу я задать вам один простой вопрос? — спросил он. — Где я?

— Отличный вопрос, — одобрительно заметил Вергилий Джонс.

— Среди друзей, — объяснила миссис О'Тул, успокоительно оскаливаясь в ответ.

Взлетающий Орел был в крайней растерянности.

IX

— Мы находимся у подножия горы, — объяснил ему мистер Джонс. — Это остров Каф, и гора называется тоже Каф. По сути дела, гора занимает весь остров.

— Вы здесь одни? — спросил Взлетающий Орел.

— Здесь — да. Да, здесь мы одни, — ответил Вергилий Джонс. — В известном смысле, конечно. Еще, конечно, есть птицы и некоторые дикие, но неопасные животные, а потом у нас есть куры.

— Значит, на острове, кроме вас, других людей нет?

— Ох, — отозвался мистер Джонс, — нет, это не так. Ответив вам утвердительно, я исказил бы истину.

— Да, — согласилась миссис О'Тул, — это была бы неправда.

Взлетающий Орел почувствовал, что отвечали они с неохотой.

— Где же тогда они? — снова спросил он.

— О-хо-хо, — отозвался Джонс.

— Очень далеко отсюда, — объяснила Долорес.

Голова у Взлетающего Орла снова разболелась;

он все еще чувствовал себя нездоровым. По крайней мере, сил и дальше по крупицам добывать сведения из кусающей губы парочки у него не было.

— Прошу вас, — взмолился он, — расскажите.

Вергилий Джонс явно что-то решил для себя.

— Склоны горы, — заговорил он, — покрыты густой растительностью. В лесу бродят какие-то люди, но с ними мы дела обычно не имеем, поэтому сказать точно, где их искать, я не могу.

— И это все? — спросил Взлетающий Орел.

— Н… н… нет, — вынужден был признаться Вергилий Джонс.

— Есть и другие, — сдаваясь, поддакнула Долорес.

— Вы можете рассказать мне о них? — спросил Взлетающий Орел, которому начинало казаться, что его череп сейчас разлетится на миллион маленьких осколков.

— Ох, вам вряд ли будет интересно узнать об этих людях, — цепляясь за последнюю соломинку, сказал мистер Джонс.

— Ничего особенного в них нет, — добавила миссис О'Тул.

Взлетающий Орел закрыл глаза.

– *Прошу вас,* — сказал он.

— Он просит так вежливо, — обреченно заметила Долорес О'Тул.

И тогда они все ему рассказали.

По словам Долорес, К. был городом распутников и нечестивцев; эгоистичных и развращенных людей — находиться в обществе подобных субъектов не могла себе позволить ни одна приличная женщина. Но, в конце концов, Взлетающий Орел определенно не был приличной женщиной. От Вергилия Джонса он узнал все, что надеялся узнать. Это был тот самый остров, о котором говорил Сиспи. Остров вечноживущих, которые не могли сносить тяготы своего бессмертия в обычном мире, но уходить из жизни при этом не желали; по указке Сиспи они отправлялись на остров Каф, чтобы там сосуществовать с себе подобными.

— Говорит ли вам что-нибудь имя Птицепес? — спросил Взлетающий Орел.

— Птицепес, — повторил Вергилий Джонс. (Что это промелькнуло у него лице: тревога или сосредоточенность?) — Эта дама — ваш друг?

— Сестра, — объяснил Взлетающий Орел.

— Нет, — ответил тогда Вергилий Джонс. — Мне это имя неизвестно.

Позже той же ночью Взлетающий Орел вне-

запно понял, что ему солгали. Откуда мистер Вергилий Джонс мог знать, что это имя принадлежит женщине?

А самым важным было другое: почему он солгал, что не знает ее?

На следующее утро Взлетающий Орел вернулся к этому разговору.

— Дражайший мистер Орел, — ответил ему мистер Вергилий Джонс, — я бы настоятельно советовал вам направить всю свою энергию на восстановление здоровья. Несчастный случай, приключившийся с вами, очень ослабил ваш организм. Когда вы поправитесь, мы с миссис О'Тул ответим на все ваши вопросы. Даю слово. Нам предстоит сложный разговор, и мне было бы гораздо легче, если бы вы полностью пришли в себя.

— Я хочу знать, — сказал Взлетающий Орел, — ответ на один-единственный вопрос: на острове ли моя сестра Птицепес и мистер Сиспи? Ответ ничуть не подорвет мое здоровье, уверяю вас.

— Очень хорошо, — вздохнул мистер Джонс. — В таком случае мой ответ — да; да, они здесь. В некотором роде. И больше я пока вам ничего не скажу. Давайте, поправляйтесь скорее, мистер Орел.

Взлетающий Орел вздохнул, оставил эту тему и выпил еще одну чашку кореньевого чая.

Прихрамывая, Долорес О'Тул отправилась на сбор ягод и фруктов. Вергилий Джонс уселся возле Взлетающего Орла и с плохо скрываемой ревностью принялся следить за тем, как выздоравливающий собирает пазл.

— Ваше мастерство поражает меня, — сказал Вергилий Джонс со всей любезностью, на которую был способен.

— Новичкам везет, — отозвался Взлетающий Орел. У него и в самом деле получалось отлично.

— Теперь, когда вам гораздо лучше, мы с Долорес с удовольствием выслушали бы историю ваших приключений. Насколько мне известно, путь к острову не близок и должен был отнять у вас много времени. Но, вне всякого сомнения, сначала, как того требует вежливость, я немного расскажу вам о себе, чтобы вы могли немного расслабиться. Если хотите услышать нашу с Долорес историю, я готов начать.

— Прошу, — произнес Взлетающий Орел и добавил в пазл еще три кусочка.

Вергилий Джонс нахмурился.

— По-моему, этот кусочек должен хорошо встать вон в то пустое место, наверху, — быстро

и негромко произнес он. Взлетающий Орел примерил фрагмент пазла к указанному месту — тот не подошел.

— Вот сюда! — чуть погодя подал голос Взлетающий Орел. — Этот кусочек отлично умещается вот здесь.

Фрагмент пазла ловко устроился в нижней части картинки.

— Я всегда хотел быть археологом, — заговорил Вергилий Джонс, меняя тему. — К сожалению, жизнь устроена так, что великие замыслы обычно остаются замыслами. Художники, потенциальные живописцы, кончают тем, что белят стены. Скульпторы разрабатывают дизайн унитазов. Писатели превращаются в критиков и публицистов. Археологи вроде меня в итоге становятся могильщиками.

— Так, значит, вы могильщик? — с неподдельным удивлением переспросил Взлетающий Орел. Все сходилось: мрачноватая внешность мистера Джонса как нельзя лучше соответствовала этой профессии.

— Некоторое время я действительно копал могилы, — ответил мистер Джонс. — Некоторое время. Прежде чем судьба моя круто повернулась и я оказался здесь. Моя работа мне нравилась;

самым приятным было то, что все, с кем мне приходилось встречаться при ее исполнении, были довольны своей судьбой. Покойники были вполне довольны, скорбящие, как правило, тоже. На меня производило самое приятное впечатление то, как люди свободно изливали слезы радости.

— Довольно циничное заявление, — заметил Взлетающий Орел.

— Увы! Бедный Йорик, — отозвался Вергилий Джонс; черви давно уже изгрызли его романтизм в клочья.

В установившейся затем недолгой тишине Взлетающий Орел уложил на места все оставшиеся кусочки пазла, кроме трех последних.

— У могильщика на острове Каф работы немного, — снова заговорил Вергилий Джонс. — Так что я предался своему любимому занятию — созерцанию.

— А Долорес? — спросил Взлетающий Орел.

— Ах, Долорес; история ее печальна. Ее любовь к жизни отягощена непосильным физическим бременем… Мне кажется, она живет здесь в уединении или, вернее сказать, со мной, так как открыла, что может любить людей только вдали от них.

— Последний фрагмент не подходит, — объявил Взлетающий Орел.

Вергилий Джонс довольно улыбнулся.

— Это мой маленький секрет, — объяснил он. — Мои пазлы нельзя собрать до конца.

X

Наблюдая за вечерними приготовлениями Вергилия Джонса и миссис О'Тул к ужину, Взлетающий Орел не мог не заметить, как гармонично сочетаются их противоположности. Впечатление было такое, словно хозяин и хозяйка хижины движутся на различных не пересекающихся уровнях комнаты — низенькая и сгорбленная Долорес, тучный, но вытянувшийся во весь рост Вергилий. На краткий миг у Взлетающего Орла создалось полное впечатление того, что земля под ними разной высоты. Но потом иллюзия исчезла, и он улыбнулся. Несмотря на их скрытность и нежелание говорить об острове, эти люди ему нравились. Он с любопытством подумал о том, занимаются ли они любовью.

Днем он поведал им свою историю; они выслушали его рассказ в благоговейном, более подходящем детской аудитории, молчании, сопровождаемом только кивками и изумленными взглядами. Мистер Джонс подал голос только раз, когда Взлетающий Орел упомянул Николаса Деггла. Тут брови мистера Джонса поднялись к мясистому лбу, и он промолвил:

— Так, так.

Когда Взлетающий Орел закончил, в хижине несколько мгновений царила уважительная тишина. Первым заговорил Вергилий Джонс:

— Святые небеса, мистер Орел, кажется, у вас была по-настоящему эпическая жизнь. Боюсь, наши с миссис О'Тул истории не сравнятся с вашей. Наша жизнь, как вы, несомненно, уже успели заметить, проходит в замкнутом микрокосме; состояние моих мозолей и состояние народов волнуют меня в равной степени. Не желая поучать, посоветую все же потихоньку привыкать к мелочам; жизнь в таком случае кажется более сносной.

— На этом острове мои поиски должны завершиться, — произнес Взлетающий Орел. — Немного уже осталось.

— Откровенно говоря, — продолжил рассуждать мистер Вергилий Джонс, — я давно уже перестал видеть что-то достойное в достижении цели или героизме. Человек живет, чтобы хоть как-то упорядочить своим существованием пустую бессодержательность окружающей вселенной; добиваться большего означает угодить в водоворот.

Взлетающий Орел подумал: похоже, они очень

хотят, чтобы я отказался от своих намерений. Но в голосе мистера Вергилия Джонса ему послышались и более глубокие нотки сомнения. Словно Вергилий не вполне верил в свои слова. Долорес О'Тул была точно натянутая струна, и Взлетающий Орел это тоже заметил; когда он упомянул о том, что желает продолжить свои поиски, косой взгляд, брошенный ею на него, был не совсем доброжелательным.

— Думайте только о том, что происходит здесь, дорогой мистер Орел, вот мой вам добрый совет, — сказал Вергилий Джонс. — Не стоит беспокоиться о том, что происходит где-то там. Или в прошлом. Или в будущем. Посвятите мысли собственным мозолям и ближайшему обеду. Это то, на что вы можете повлиять.

— Вы обещали ответить на мои вопросы, когда я поправлюсь, — произнес тогда Взлетающий Орел. — Я поправился и жду ответа.

— Поговорим об этом завтра утром, — торопливо ответила Долорес О'Тул. — Прежде стоит хорошенько выспаться.

— Но завтра не существует, есть только сегодняшний день, — возразил Взлетающий Орел.

— Завтра, — с мольбой в голосе повторила Долорес О'Тул.

Взлетающий Орел глубоко вздохнул.

— Я ваш гость и живу здесь благодаря вашей доброте, — произнес он. — Хорошо, завтра так завтра, оно придет довольно скоро.

Вергилий Джонс решил разрядить обстановку.

— Давайте отпразднуем ваше выздоровление, — предложил он. — Думаю, сегодня на ужин мы вполне можем зарезать курочку. Мистер Орел, ввиду того что мы с миссис О'Тул чистим сейчас овощи, не могли бы вы взять это на себя? Будьте так добры.

Взлетающий Орел не мог отказать; он взял предложенный ему нож и вышел во двор, отметив, что это его первая целенаправленная прогулка на острове Каф.

Едва гость вышел за порог, миссис О'Тул нерешительно подошла к мистеру Джонсу.

— Ты… ты ведь не уйдешь с ним, правда?

В ее глазах был страх.

Вместо ответа Вергилий Джонс молча взял ее за руку; Долорес отчаянно сжала его ладонь. Это было первое проявление их чувств, выстраданное за нескончаемые дни утаивания.

— Я не могу потерять тебя, я этого не вынесу, — выдохнула она.

Взлетающий Орел поднял голову и посмотрел

на гору Каф, вокруг которой медленно сгущались сумерки. Прямо от хижины склон горы круто уходил вверх, в неизведанные леса, грозные, зеленые. Просвет намечался только где-то наверху, там, где предположительно находился город К. Гора Каф: столь же чуждая ему, сколь и весь известный ему мир; и тем не менее у них было много сходств, у мира людей и этой горы, у этого окруженного кольцом туманов острова и исхоженных им континентов. Мрак медленно окутал гору, и он перестал различать ее. Он видел только лица своей сестры и загадочного бродячего торговца, которых он должен был либо найти, либо забыть навсегда.

— Курица, — сказал он курице, — могу я убить тебя?

В его руке был нож, и птица находилась в его власти; но он медлил, ибо в душе его поднялось привычное противоречие. Никогда он не желал быть гордым одиночкой, всегда стремился оказаться принятым и угодить другим, и эти усилия привели к тому, что его сердце разделилось надвое. Не будь у него веских причин, он, может быть, и не возражал бы сколько-нибудь пожить с мистером Джонсом и миссис О'Тул. Это, вероятно, доставило бы ему удовольствие; и для него это

был шанс сойтись с людьми, насладиться желанной переменой в его вечно одинокой судьбе. Жизнь в хижине обещала покой. Но для этого он должен был отказаться от своих поисков…

Он зарезал курицу, потому что та была здесь, чтобы быть убитой.

За ужином долго царило молчание. Долорес О'Тул была погружена в свои тревожные думы; время от времени она спохватывалась и предлагала мистеру Джонсу и Взлетающему Орлу взять еще кусочек курицы. Взлетающий Орел заметил, что глаза Долорес светятся по-новому; понять значение этого света он не мог, но раньше его определенно не было. Сам он думал о загадочной горе Каф, о ее затянутой облаками вершине.

Вергилий Джонс предпринял робкую попытку завязать разговор.

— Согласитесь ли вы, мистер Орел, с тем, что человеческие страхи по большей части следствие игры воображения?

— И да, и нет, — задумчиво отозвался Взлетающий Орел.

Мистер Джонс нахмурился; он понимал, что следует подыскать менее серьезную тему, но в рассеиваемых свечами сумерках ничего не шло ему на ум. Они устроились на корточках вокруг

шаткого низенького столика. Взлетающий Орел опять был не в платье, а мистер Джонс ради ужина снял котелок. Каждый думал о своем.

— В это время суток вид на гору неотразимый, — снова попытался начать Вергилий Джонс, но в ответ получил лишь несколько невразумительных междометий.

— Да, хм, пожалуй, — отозвался Взлетающий Орел, за что миссис О'Тул ожгла его испепеляющим взглядом.

— Не сомневаюсь, что вы уже успели послушать птиц, — решил не сдаваться мистер Джонс. — Имя им легион. Вас никогда не удивляло, как часто названия птиц используются для аналогий при описании человеческого поведения?

— Нет, — сказал Взлетающий Орел.

— Ага. А вот послушайте. Птичье царство замечательно подходит создателям мифов. Птицы занимают иную, чем человек, среду обитания, однако во многом обнаруживают замечательные параллели с нами — у птиц есть язык, ухаживание, семейные узы и тому подобное. Люди и птицы достаточно далеки друг от друга, и потому проводить абстрактные аналогии между теми и другими можно без особого риска, но в то же время пернатые всегда рядом и поэтому

внушают интерес. Взять хотя бы жаворонка. Или соловья. Или ястреба. Или стервятника. Имена птиц — это не просто описания; они настоящие символы. Вспомните также, как много было богов с птичьими именами и обличьем в античном мире. Первый — Феникс. Далее птица Рух. Хумай. Гаруда. Бенну. Железноклювый Ючер. Гасилинга силой пяти слонов. Керкер. Грифон. Норка. Священный дракон. Фенг. Кирни. Орош. Саэна. Анка. И конечно же, верховный повелитель всех птиц, сам Симург. Их очень много. Очень много.

Ответа не было.

— Поправьте меня, если я ошибаюсь, но Орел имеет в мифологии индейцев очень важное и любопытное значение. Насколько я помню, Орел означает разрушение, верно? Разрушение быстрое и ужасное. Любопытно, почему вы выбрали себе имя Разрушителя?

— Не я выбрал имя, — отозвался Взлетающий Орел. — Имя выбрало меня.

— Несомненно, — ответил Вергилий Джонс и переплел пальцы.

XI

Полночь или около того. В маленьком домике на узкой каменистой площадке на самом краю прибрежного утеса, нависшего над серым пляжем, царила тишина. В темных лесах на дальних склонах таинственной горы царила тишина. Даже море и небо были спокойны.

Взлетающий Орел спал; но не спала обеспокоенная уродливая женщина на соседней с ним циновке.

Прикрытый тонким истертым одеялом Вергилий Джонс сидел, возвышаясь бесформенной грудой плоти, в своем кресле-качалке. Его неровные движения свидетельствовали о том, что он тоже был далек от сна. На несколько мгновений его глаза закрылись, но затем неумолимо распахнулись вновь, и он увидел перед собой Долорес, сутулое тело, облаченное в ночную рубашку, тощее и тихо дрожащее. В ее глазах можно было безошибочно прочитать приглашение. Несколько мгновений они смотрели друг на друга, ожирение и истощение соединились неприкрытым выражением желания. Потом губы Вергилия быстро вздрогнули и неуверенно

попытались сложиться в улыбку; он извлек из недр кресла свое усталое тело, внутри которого нервы были натянуты как струны. Он подошел к двери и, подняв полог из мешковины, с неловкой галантностью отступил в сторону, пропуская миссис О'Тул вперед.

Во дворе перед хижиной, среди спящих кур, они снова неуверенно остановились, поскольку полупарализованные члены отказывались служить их еще не до конца уверенному возбуждению. Язык Вергилия высунулся наружу и быстро проделал привычный маршрут по губам; руки Долорес О'Тул безвольно трепетали по бокам, словно сломанные крылья у воробья.

— Вергилий.

Имя вырвалось у нее непроизвольно, пробравшись наружу в обход паралича; Долорес прошептала его с чувственностью женщины, расстающейся с последним, потаенным, сокровищем. Пронизав покровы его старой ночной рубашки, это слово проникло в Вергилия Джонса, и внезапно он почувствовал себя более уверенно.

— Ох, Вергилий.

Второй призыв; его взгляд начал перемещаться и наконец повстречался с сияющими глазами До-

лорес. Он понял, что покорен светом этих живых очаровательных глаз.

— Мадам, — произнес он, и по его телу снова пробежала волна страха, — мадам, боюсь, что я…

— Долорес, — перебила его она. — Не мадам. Долорес.

Вергилий Джонс открыл рот; звук имени будто прояснил его мысли.

— Долорес, — произнес он.

— Вергилий.

И снова пауза; теперь женщина ждала от мужчины поступка, не желая двигаться дальше без его поддержки.

Вергилий Джонс подумал: мы словно парочка перепуганных уродливых девственников. Он нашел в себе силы сдвинуться с места и шагнуть к ней.

— Моя рука, — сказал он.

Миссис О'Тул быстро кивнула и оперлась о руку мистера Джонса.

— Благодарю вас, сэр.

— Мне кажется, нам туда, — заметил мистер Джонс. — Там, у колодца, есть мягкая ложбина, поросшая травой.

Долорес согласно склонила голову. Прямой, размеренной походкой они проследовали к краю

поляны и углубились под сень деревьев.

Вергилий Джонс тяжело опустился на траву и резко выдохнул воздух. Он не знал, что может сделать сейчас Долорес. Да и что может сделать он сам — тоже. Увы, бедный Йорик.

Долорес застыла перед ним, взгляд ее стеклянных расширенных глаз был устремлен прямо на него; ее руки медленно поднялись к плечам, к веревочным завязкам полотняной ночной рубашки. Вергилий понял, что сейчас произойдет, и его охватила паника; но миссис О'Тул теперь невозможно было остановить, она решительно подняла подбородок. Ее пальцы ухватились за концы веревочных тесемок и потянули; рубашка упала к ногам.

— Хорошо еще, что ночь теплая, — нравоучительно заметил мистер Джонс. — Туман почти рассеялся.

Опомнившись, он понял, что городит чушь, но на лице Долорес не появилось никаких признаков неодобрения — нагая, она застенчиво стояла перед ним, словно случайно поместив одну руку против лобка. Во тьме ее тело казалось не таким морщинистым, горб был вовсе незаметен.

Вергилий поднял руки, и она устремилась к нему, он потянул ее к себе на траву, она рывком

легла и замерла в ожидании.

Мистер Джонс поцеловал ее.

Поначалу их руки двигались медленно, медленно и неуверенно — они словно изучали, как кожа прикасается к коже, рисуя на телах боязливые узоры. Но постепенно руки нашли свою цель, напряжение и скованность ушли из спин, шеи и плеч, движения стали естественными, несущими радость.

Руки вспомнили свою искусность, лихорадочные губы, разделяясь и соединяясь, отправились на поиск других губ, языки била дрожь наслаждения, открываемого заново.

— Совсем неплохо для зеленых юнцов, — заметил Вергилий Джонс, и Долорес счастливо засмеялась. Много времени прошло с тех пор, как он последний раз слышал ее смех; воистину слышать этот смех для него было высшим удовольствием, и он тоже рассмеялся.

И смех сделал свое дело; шлюзы раскрылись, и потоки желания смыли нерешительность. Их тела переплелись.

— Горб! Обними мой горб! — выкрикнула Долорес.

Руки Вергилия Джонса обхватили эту прискорб-

ную выпуклость ее тела, принялись гладить, тереть и мять; Долорес вздрагивала от наслаждения, и чувство ущербности чудесным образом менялось, превращаясь в сексуальность.

Несколько первых мгновений она лежала рядом с ним, потом вскочила и устроилась сверху, ее руки ухватились за обширные складки его тела, с детским наслаждением она принялась мять и крутить его плоть. Они снова смеялись; Вергилию теперь тоже не нужно было страдать из-за своих небезупречных очертаний.

— Словно тесто мешу, — хихикала она, притворяясь, что лепит из его живота буханку.

Он кончил один раз, она же не кончила совсем. Любые органы от бездействия теряют чувствительность. Но ни он, ни она не обратили на эту безделицу особого внимания; то, что случилось с ними, само по себе вполне удовлетворило их — о большем они помышлять не могли. Некоторое время после того, как все кончилось, он попросту неподвижно лежал поверх нее, обтекая ее собой со всех сторон, укрывая, чувствуя под собой ее кости, жесткие и почти не покрытые мясом, совсем не как у него, — так они были одним зверем, четырехруким и четырехногим, двухголовым,

украшенным улыбкой.

Ее груди были парой сморщенных сушеных фиг, его же — были большими и мясистыми, как арбузы. Его пенис, короткий и толстый, покорно лежал в жесткой лунке ее ладони.

— Даже не думай худеть, — говорила ему она. — Таким и оставайся. Оставайся Вергилием.

— Мне не удастся похудеть при всем желании, — отвечал он, — с таким-то заболеванием. Моя щитовидная железа не реагирует на диету.

— Вот и хорошо, — отзывалась она.

— Кстати говоря, — добавлял он, — представить тебя толстой я тоже не могу.

— Все останется как было, — говорила она. — Мы будем сидеть на берегу, кормить кур, слушать птиц и вести хозяйство и…

Заметив выражение его лица, она замолчала.

— Вергилий, — воскликнула она. — Все останется как было! Все!

Выражение его лица не изменилось.

Возможно, я совершила ошибку, когда решила лечь с ним. Теперь он получил то, что хотел. Теперь мне нечего ему больше предложить, нечего посулить, нечем его удержать.

Возможно, я совершил ошибку, когда решил

лечь с ней. Еще одно обязательство, еще одна забота, еще один потенциальный источник вины. Если я лег с ней, то не солгал ли я ей?

Возможно, я поступила правильно, когда решила лечь с ним. Теперь между нами нет тайны, все решено, ясно и открыто. Теперь он знает, что любит меня.

Возможно, я поступил правильно, когда решил лечь с ней…

— Я люблю тебя, — сказала Долорес О'Тул.

— Я люблю тебя, — сказал Вергилий Джонс.

Им обоим было очень и очень грустно.

– *Это все он,* — горячо прошептала Долорес.

— Кто?

— Взлетающий Орел, — ответила она. — Если бы он не появился здесь, мы не оказались бы… здесь.

— Значит, мы должны быть ему благодарны, — ответил Вергилий Джонс.

— Да, — печально произнесла Долорес. — Мы должны быть ему благодарны. За все.

Но есть горе, подумал мистер Джонс, и есть вина: найдется ли тот, кто покорно принесет их и положит под двери Гримуса?

Долорес упрямо не сводила глаз с горы.

— Все останется как было, — сказала она сквозь сжатые зубы.

XII

Взлетающий Орел проснулся от подземного толчка. Было раннее утро. Сотрясение почвы достигло его сквозь тонкую циновку; единственный низенький столик сдвинулся с места, кусочки пазла посыпались с него каскадом. Взлетающий Орел мгновенно вынырнул из сна и тут же вскочил на ноги; но все уже закончилось, толчки были слишком слабыми, чтобы вызвать хоть какое-то разрушение.

За секунду до пробуждения ему снился сон, точнее, кошмар. Он в полной боевой раскраске стоял на вершине черной скалы и, размахивая томагавком, безуспешно сражался с орлом, который, раз за разом налетая, рвал когтями его тело, клевал его плоть, а снизу за ними наблюдала молчаливая темная фигура без лица, высокая и стройная. Пальцы незнакомца были унизаны кольцами, он смеялся, смеялся не переставая: это был смех Деггла.

В комнате все еще царил полумрак, сквозь мешковину на двери и окне пробивались первые лучи утреннего света. Несколько секунд он стоял, тяжело и взволнованно дыша, переводя взгляд

с пустой циновки Долорес О'Тул на пустое кресло-качалку мистера Джонса и обратно. Потом вышел наружу.

Мистер Джонс и Долорес О'Тул стояли рядышком перед домом; кудахтали растревоженные куры, разбуженные птицы визгливо гомонили. Такие непохожие друг на друга мужчина и женщина стояли неподвижно. Язык Вергилия непроизвольно кружился; взгляд Долорес казался задумчивым и отстраненным. Взлетающего Орла она не замечала.

— Землетрясение, — произнесла она.

— Что? — не понял Взлетающий Орел. Долорес его не слышала.

— Великая Черепаха пошевелилась, — сказала она, обращаясь к Вергилию, и усмехнулась.

Вергилий поглядел на свою подругу с тревогой. Долорес замолчала, а потом серьезно продолжила:

— Нет-нет, я ошиблась, ничего не случилось. Все остается как было.

— Миссис О'Тул здорова? — спросил Взлетающий Орел.

— Да, да, она здорова, — отозвался мистер Джонс, подталкивая Долорес к дверям хижины. — Она немного испугана, вот и все, — добавил он

скорее для себя, чем для Взлетающего Орла. — Ей нужно отдохнуть. А нам с вами стоит прогуляться. Мне нужно с вами поговорить. А она пускай отдохнет, хорошо?

— Конечно, — ответил Взлетающий Орел.

Оставив миссис О'Тул в хижине, они направились к месту ночной встречи Вергилия и Долорес. Когда их шаги затихли в отдалении, Долорес вздрогнула, поднялась, подошла к сундуку, который стоял в углу. Здесь взаперти хранилось ее прошлое, не тронутое переменами, такое же, как раньше. Она уселась на пол перед сундуком, обняла его и прошептала:

— Опять то же самое вчера. Каждый новый день — то же самое вчера. Время стоит на месте.

XIII

По неуловимым переменам Взлетающий Орел понял, что сегодняшний мистер Вергилий Джонс отличается от Вергилия Джонса вчерашнего. Неприязнь миссис О'Тул к нему, Орлу, еще вчера почти неуловимая, постепенно крепла. Но ни то, ни другое не занимало его в это утро — он хотел задать мистеру Джонсу вопрос и добиться от него четкого ответа. И чем раньше он узнает тайну происхождения острова Каф и одноименной горы, чем раньше узнает, где искать сестру Птицепес и Сиспи, тем раньше сможет оставить чудаковатую парочку в покое и продолжить свои одинокие поиски.

Вергилий Джонс уводил его все дальше от хижины в глубь леса. Остановились они у колодца. По сути дела, это была глубокая дыра, которая должна была стать колодцем, но давно пересохла. Желая скрыть волнение и переживания минувшей ночи, Вергилий Джонс придал лицу серьезное выражение и стал похож на школьного учителя.

— Очень хорошо, — заговорил он. — Для начала я напомню вам, что на своем пути вы испы-

тали много хорошего… но и плохого тоже. По большому счету, за свою жизнь вы столкнулись по крайней мере с двумя явлениями, которые можно было бы отнести к сверхъестественным. Например, вы стали бессмертным: для большинства людей это настоящее волшебство. Но мир, в котором вы до недавних пор проживали, не так уж прост и обыден.

Взлетающий Орел кивнул.

— Чанакья, — произнес мистер Вергилий Джонс. — Я говорю не о себе, а о древнем философе — настоящем короле этого имени, который часто повторял, что мир не то, чем кажется, и даже не то, чем не кажется, а все сразу. Одновременно и то, каким мы его видим, и не то, каким мы его видим. Если я не ошибаюсь, сказал это именно Чанакья. Много, много лет назад — понимаете? За точность цитаты не ручаюсь, здесь важен смысл.

Мистер Джонс быстро глянул на углубление в земле неподалеку от них, а потом снова перевел взгляд вдаль.

— Хорошо, подойдем к проблеме с другой стороны. При взгляде на меня вы, мистер Орел, понимаете, что тело мое твердо и непрозрачно. Возьмем теперь другое — посмотрев на этот ко-

лодец, вы можете с уверенностью сказать, что он пуст. Теперь ответьте мне следующее: согласны вы или нет с тем, что эти два описания — полная пустота и твердое непрозрачное тело — не имеют никакого отношения ни к моей природе, ни к природе колодца, а целиком и полностью зависят от того, как вы и то и другое видите?

Взлетающий Орел нахмурился.

— Извините меня, мистер Орел, — сказал тогда мистер Джонс. — Вижу, что обескуражил вас, но это и понятно — вопрос сложный. Но попытайтесь понять: мое тело есть материя, состоящая из мельчайших частиц, иными словами, элементарных ультрамикрокосмов. И дело в том, что расстояние между частицами материи, которые составляют мое тело, точно такое же, как и между частицами материи, образующими воздух в колодце. Располагая другими средствами наблюдения, более точными и чуткими, чем наши глаза, можно открыть, к примеру, что я так же «пуст», как колодец, или наоборот, что он так же «тверд» и «непрозрачен», как я.

— Возможно… — с сомнением произнес Взлетающий Орел.

— То, к чему я клоню, как обычно, неловко и обиняками, — продолжил Вергилий Джонс, —

сводится к следующему: границы нашего мировосприятия устанавливают наши возможности, а не сам мир. Встречая на своем жизненном пути вещи, которые выходят за установленные нами рамки действительности, мы немедленно причисляем их к разряду сверхъестественного. Призраки. Неопознанные летающие объекты. Видения. Мы ставим под сомнение здравомыслие тех, кто способен видеть все это. И интересный факт: человека признают разумным только тогда, когда он придерживается ранее принятых границ реальности.

— Хм, — отозвался Взлетающий Орел.

— «Спеши, спеши, — говорила птица», — торжественно провозгласил Вергилий Джонс.

— Что?

— Это просто цитата, — ответил Вергилий Джонс. — Моя прихоть. Немножко баловства. Но давайте продолжим. Прошу прощения за отступление от темы.

С тем чтобы подкрепить и пояснить свой тезис, я прибегну к крайне неточной аналогии. Во всех нас — и в окружающем нас мире — в живых существах, неподвижных предметах и порывах ветра — гораздо больше пустого пространства, чем твердой материи. Нет ли концептуальной

возможности, что прямо здесь, вокруг нас и внутри нас, присутствует совершенно другой мир, состоящий из соответствующих друг другу твердых частиц и пустот, и имеющиеся в этом мире наблюдательные устройства таковы, что мы для его обитателей словно бы не существуем, как, впрочем, и они для нас? Я говорю о другом измерении.

— Ну, не знаю, — нерешительно протянул Взлетающий Орел. — А если и так, то что?

— Если вы примете эту концептуальную возможность, то, развивая ее, можно сказать, что такой мир может быть и не один. Фактически над нами, вокруг и внутри нас могут существовать бессчетные измерения, как палимпсесты, причем постичь или увидеть их мы не в состоянии.

И вот еще: нет причин сколько-нибудь обоснованно полагать, что все это бесконечное множество измерений существует только в масштабах нашего физического мира. Бесконечность измерений может брать начало от мельчайших микрочастиц, составляющих атомы, восходя к размерам вселенной. Не будет также ошибкой заявить в таком случае, что сами мы, возможно, существуем внутри пары субатомных частиц некоего иного, невообразимо огромного мира.

Взлетающий Орел почувствовал раздражение.

— Все это, конечно, очень интересно, — довольно резко произнес он. — Однако я не понимаю, какое это отношение имеет к ответу на вопрос, где находится моя сестра.

— Мой дорогой мистер Орел, — примирительно отвечал мистер Джонс. — Я просто пытаюсь расширить ваш кругозор, ничего более. Я не вижу другого пути объяснить вам природу существования нашего острова.

Мысли в голове Взлетающего Орла начали тошнотворный круговорот.

— Возможно, вы уже что-то слышали о теории потенциального бытия, — любезно продолжил тем временем мистер Вергилий Джонс. — Исходя из этой теории, предположим, что есть — скажем для простоты — четыре вероятных пути развития Средиземного моря. Первый из них: ни в прошлом, ни в будущем острова Каф не существует. Второй путь: остров существовал, но его больше нет. Третий: остров не существует, но однажды в будущем он появится. И, наконец, четвертый, — мистер Вергилий Джонс обвел рукой вокруг себя, — остров существовал и продолжает существовать.

Сказав это, он позволил себе небольшую теат-

ральную паузу.

— Измерения бывают разных видов, как вы понимаете. Есть миллион планет, подобных Земле, миллион различных путей исторического развития, причем все эти варианты реализуются одновременно. В повседневной жизни мы проникаем между ними, но это не разрушает тех вариантов прошлого и будущего, от которых мы отказались. Вы, мистер Орел, оказались в другом историческом континууме — вот что с вами случилось, грубо говоря. Здесь существует остров Каф и все мы. Там, откуда вы пришли, о нас никто ничего не знает.

— Значит, вы все призраки, — сказал Взлетающий Орел. — А я безумен. Вы это хотите сказать? Я вижу несуществующие вещи и несуществующих людей.

— Не слишком веселый вывод, — заметил мистер Вергилий Джонс. — Ваши слова можно трактовать и иначе: возможно, призрак — вы. И ваша сестра Птицепес.

— Где она? — зло спросил Взлетающий Орел, как будто, найдя ее, он был бы избавлен от всех сомнений.

— Точно не знаю. Она где-то наверху. Ваши шансы найти ее невелики, даже невзирая на то,

что ваше прибытие на остров свидетельствует о вашей высокой восприимчивости к параллельным измерениям.

— Но ведь остров не такой уж и большой, — вскричал Взлетающий Орел.

Помолчав мгновение, Вергилий Джонс ответил:

— Подумайте обо всем хорошенько, мистер Орел. Теперь вы понимаете, почему мы откладывали этот разговор до дня вашего выздоровления.

— Я найду ее, — сказал Взлетающий Орел.

— Постучите по дереву, — посоветовал мистер Вергилий Джонс, повернулся, подошел к ближайшему стволу и так и сделал.

— Находясь в реальности, где, как я уже говорил, возможно все, — смущенно заметил после этого он, — я предпочитаю перестраховаться, чем потом сожалеть. Отсюда происходит и моя болезненная склонность к суевериям. В конце концов, в этом дереве может обитать злой дух. Или мстительный бог. Существование могущественных демонов-колдунов я тоже допускаю. Линии на ладони человека всегда говорят правду. Символы бывают не менее реальными, чем люди. Согласно одной из теорий, как в нашем, так и в

вашем измерении мы придаем очень большое значение вопросам взаимодействия символов с непознанной и таинственной материей человеческой судьбы. Поэтому нам необычайно трудно понять, какие силы нами движут. Принимая во внимание этот бесконечный поток вероятностей, я нахожу простительное утешение в своих невинных слабостях.

Взлетающий Орел напряженно застыл, сжав кулаки (костяшки пальцев побледнели) и губы (те превратились в тонкую, почти незаметную полоску).

— Ну полно, перестаньте, — сказал мистер Джонс. — Я считал вас более гибким и восприимчивым.

— Я сегодня же поднимусь на гору, — ответил Взлетающий Орел, — Я хочу найти Птицепес и Сиспи и выпутаться из этого безобразия.

— Вам нельзя этого делать, — заметил Вергилий Джонс.

— Почему? — выкрикнул Взлетающий Орел.

— Из-за Эффекта Гримуса, — спокойно объяснил мистер Джонс. — День ото дня сила Эффекта растет. Сказать по правде, день, когда граница Эффекта достигнет этих мест, уже близок. Я не советовал бы вам подниматься в гору.

Взлетающий Орел вдруг почувствовал себя совершенно разбитым.

— О чем это вы говорите? — спросил он устало.

— О Гримусе. И Эффекте Гримуса.

— Что это такое, черт возьми?

— Для одного дня новостей, я думаю, довольно, — ответил Вергилий Джонс. — Скажу вам только, что склоны горы Каф кишат чудовищами, мистер Орел. Без проводника вы там обязательно пропадете. Возможно, и проводник вас не спасет.

Совершенно уже сбитый с толку Взлетающий Орел яростно затряс головой и спрятал лицо в ладонях. Вергилий Джонс подошел к нему и положил руку на плечо.

— Мне очень жаль, — произнес он. — Мне очень, очень жаль.

— Мне нужно извиниться перед вами, — ответил Взлетающий Орел. — Я веду себя как капризный ребенок.

— Вас можно понять, голубчик, — добродушно отозвался Вергилий Джонс.

— А вы можете сказать мне, о каких чудовищах идет речь?

Вергилий Джонс печально кивнул.

— Значит, вы непреклонны? — спросил он.

— Да, — ответил Взлетающий Орел. — Чем бы

мне это ни грозило, я хочу довести начатое до конца.

— То, о чем я говорил вам недавно, — это лишь Внешние измерения, — сказал тогда мистер Джонс. — Существуют еще и Внутренние. Никто не знает, какие вселенные могут таиться в голове человека. Эффект может оказывать на сознание самое разрушительное воздействие.

Мистер Вергилий Джонс замолчал. Взлетающий Орел пытался добиться от него большего, и тот добавил:

— О некоторых свойствах острова Каф невозможно рассказать словами — их можно только испытать на себе. Надеюсь, что вам, мистер Орел, не придется с ними столкнуться. Вы мне очень понравились. Вы устремлены к своей цели и настойчивы, а для этого нужна душевная крепость.

Взлетающий Орел неуверенно улыбнулся.

— Взгляните еще раз на этот колодец. — Мистер Джонс торопливо взмахнул рукой, желая скрыть смущение. — Вот одно из наглядных подтверждений тому, что не все суеверия работают. Это место я нашел с помощью указующей на воду лозы, но, как видите, воды тут нет и в помине. Наполнить его не хватает духу, надеешься вопреки всему, что вода сама начнет просачиваться сквозь сухие

стены.

— Но зачем вам колодец? — удивился Взлетающий Орел. — У вас же есть ручей.

Он махнул рукой в сторону журчащей между деревьями извилистой водной полоски.

— Нужно же мне было чем-то заняться, — неохотно ответил мистер Вергилий Джонс. — Хотя мысль была так себе.

— Какое печальное у вас устремление, — сказал мистер Джонс Взлетающему Орлу. — Вы хотите стать старше, умереть — это грустно слышать. Откуда у вас, такого молодого душой и телом, подобные мысли?

Взлетающий Орел удивился горечи, которую расслышал в собственных словах:

— Я хочу вернуться к людям.

По лицу мистера Джонса быстро скользнула тень: сначала потрясение, потом на смену пришло что-то другое… желание извиниться? Этот человек постоянно извиняется, подумал Взлетающий Орел.

— Любопытно, — произнес мистер Вергилий Джонс, — смерть вам представляется очеловечивающей силой.

Смятение затянуло Взлетающего Орла в пучину тоски. Мистер Джонс, очевидно, чувствовал себя

не лучше. Выпрямившись, он отряхнул брюки, поправил шляпу и попробовал разрядить атмосферу.

— Остров Каф, — заметил он, — часто представляется мне большим *лингамом*, находящимся посреди *йони* — Моря. — Увидев, что Взлетающий Орел смотрит на него непонимающе, Джонс пояснил: — Это санскритские иносказания, мой дорогой Орел. Маленькая шутка. Боюсь, у меня довольно непонятный юмор.

Снова помрачнев, он продолжил:

— Почему я придаю этому несчастному месту такой откровенно фаллический смысл, сказать с точностью не могу. Дело в том, что нас, живущих на острове, объединяет одно. Это…

Мистер Джонс замолчал.

— Что же? — настойчиво спросил его Взлетающий Орел.

— Но вы и без меня это знаете, сэр, — ответил Вергилий Джонс, забираясь в раковину формальности. — Бесплодие. Бесплодие. Вот о чем я еще не сказал. Такой трагический побочный эффект Напитка Жизни. Среди этих забытых богом скал вы, голубчик, не встретите детей. Мы все бесплодны, каждый из нас.

И вы в том числе.

В голосе мистера Вергилия Джонса зазвучала горечь. Взлетающий Орел зашагал к хижине. Вергилий Джонс остался стоять в глубокой задумчивости, ломая между пальцами тонкие веточки дерева.

XIV

В нормальных обстоятельствах Взлетающий Орел наверняка питал бы к миссис О'Тул, несчастной женщине-калеке, инстинктивное сочувствие. Он сам, в свое время признанный уродом, немало натерпелся из-за безжалостных шпилек общества; у них с ней было много общего. Но взаимной симпатии не возникло. Если, по словам Вергилия Джонса, на гору Каф невозможно было (или не следовало) подниматься без опытного проводника, то без слов было ясно, кто мог стать таким проводником. Взлетающему Орлу не терпелось продолжить поиски, и он снова и снова пытался придумать способ убедить мистера Джонса отправиться вместе с ним. Неудивительно, что Долорес была сама не своя; неудивительно, что она отвернулась от него, хотя вначале встретила его так вежливо и дружелюбно.

Может быть, стоит предложить и ей пойти с ними? Возможно, это самое правильное решение, сказал себе он. Если она не пойдет, придется признать, что Взлетающий Орел и миссис О'Тул должны стать врагами. Выход был вроде бы най-

ден, но его тоску это не разогнало.

XV

О, какая это была замечательная вещь — сундук, огромный, затянутый паутиной, но такой удобный, замки давным-давно сломаны, крышка забыла, как открываться, а внутри хранится вся ее жизнь. О чудесный сундук, он так надежно хранил ее воспоминания все эти годы. Открыть его, погрузиться в прошлое с головой — и былые радости и горести снова омывают тебя, ничего не изменилось. Перст движется, и пишет, и движется дальше. Всем твоим слезам не смыть начертанное им. Ни всем твоим слезам, ни призраку орла. Да, да, да, это так, все замерло, застыло в вязкости лет, как застыло ее бессмертное тело, теперь такое же бессмертное, как и душа, каждый новый день оно встречает прежним, не молодеет, но и не делается старше, неизменное, вечное. Настоящее — это то, что завтра станет прошлым, все неподвижное, незыблемое, словно этот сундук, который и рассказал ей обо всем этом. Вот тяжелая крышка со скрипом открывается, время зияет перед ней узкой щелью. Вот они, свечи, преданные слуги божьи, невидимое бессмертие только-господь-наш-мудр, на свету недосягаемый

сокрой-от-глаз-наших. Тот, кто меняется, да не ступит ногой около меня. Нет, нет, они не посмеют забрать это у меня. О свечи мои, как могла я так забыться, почему забросила вас, мои стройные чистые свечечки? Посмотрите, вот фотографии, они желты, как прах, они уже наполовину рассыпались, прах к праху, горстью в могилу великой королевы. Могильщик Вергилий, названный в честь поэта, жаль, здесь нет камеры, а то сфотографировать бы его и оставить здесь — желтеть и рассыпаться, навеки и навсегда. Ее глаза лучше всяких фотографических камер: она представляет его перед собой и вот он здесь — ни желтизны, ни пыли, — и тепло его тела, которое она познала вчерашней ночью, его мягкие складки укрывают ее, берегут от опасностей и гонят время прочь, под этими складками все по-прежнему. Вот, вот фотографии. Бедная малышка, сказала тетя Энни, у нее горб. Горб, горб, как у верблюжки. Она la belle dame aux camelious. Никакой пощады. Милосердные небеса, неизменные во веки веков, вот она, вот форменное платьице, маленькая монашка, девочка-монахиня, скажи семь раз аве мария, и он навсегда останется с тобой. Вот оно, прошлое. Положи его в свой сундук, драгоценного своего поэта-могильщика, положи, пусть

лежит здесь неизменный, положи его в сундук и сохрани, удобно сложенного в несколько раз, переложенного, такого же, как прежде и всегда, да пребудет мир вовеки, аминь. Благослови меня иисусе, благослови и его в своей молитве, толстяка с римским именем, вергилий вергилий, дай мне скорее ответ. Я с ума схожу, так сильно я люблю тебя. Как он может от меня уйти, за что мне такая мука? Все раны закрылись здесь, боль уже почти ушла, и здесь он в безопасности, у меня в безопасности, да будет все так изо дня в день. Никакой орел не унесет его прочь в своих когтях, не вернет его к прошлому, прошлое незыблемо, в него не зайти снова, оно неподвижно и желто, оно рассыпалось, прошлое. Только перст все движется и пишет. Закрой сундук, убери с глаз долой свои детские вещи, все решено, и он останется, и все останется как было навсегда навсегда навсегда ничего не изменится и так будет всегда и мы вергилий и долорес будем навеки склеены любовью. Бедный маленький могильщик джонс, сколько он всего позабыл, груз прошлого лежит у него на плечах, и благодаря этому грузу настоящее не изменится. Вергилий, вергилий, дай мне скорее ответ. Вот так, закрой сундук, в нем ничего не меняется, все по-прежнему, замерло. Погладь

его и будь благодарна. Теперь я готова погладить его. Погладь, и дело с концом.

Она подмела в доме и убрала со стола, свернула циновки и вытерла пыль с кресла-качалки, раздула очаг, положила в котел свежие коренья и налила воду. И взялась стряпать обед — на двоих. Их будет здесь только двое, незыблемых, как скалы, неизменных, как эта комната, Долорес О'Тул и Вергилий Джонс, Вергилий О'Тул и Долорес Джонс, Вергилий Долорес и Джонс О'Тул, Вергилий О'Долорес и Долорес О'Вергилий. Как два чудака: Уильям Фицгенри и Генри Фицуильям. Не прерывая работы, Долорес О'Тул усмехнулась.

Когда призрак появился в дверях, она его не сразу заметила. Призрак, высокий и светлый, остановился в нерешительности в дверях хижины, не зная, как объяснить Долорес свои затруднения. Она продолжала стряпать, не обращая на него внимания, — и тогда он вежливо кашлянул.

Она мгновенно обернулась к двери, и слово «Вергилий!» уже растянуло ее губы, да так и застыло. Ее рот открылся и начал беззвучную работу: она закричала, но не раздалось ни звука. Долорес начала медленно пятиться и отступала,

пока не наткнулась на сундук.

— Миссис О'Тул? — спросил призрак. — Вы не заболели? Вы бледнее смерти.

Ужас наконец достиг ее сердца. Она рывком откинула крышку сундука и запрыгнула внутрь. Быстро, разбрасывая содержимое, нашла то, что нужно и вскинула руку с зажатым в ней предметом — небольшим распятием, вырезанным из дерева и уже порядком изъеденным древоточцем.

Она выкликнула:

— Изыди, Сатана!

— Долорес, — сказал призрак. — Успокойтесь, Долорес.

— Уходи прочь, — продолжала выкрикивать Долорес О'Тул. — Тебя нет здесь. Мы живем тут одни. Вергилий Джонс и Долорес О'Тул. И больше никого. Вот смотри: здесь только две циновки. Я готовлю обед на двоих. Здесь нас только двое. И по-другому не будет.

— Вы не узнаете меня? — медленно спросил призрак. — Вы не помните, кто я?

— Уходи прочь, — сказала миссис О'Тул, прячась внутри сундука. — Не приближайся. Уходи туда, откуда пришел. Возвращайся к Гримусу. Призрак Каменной розы, изыди! Я не верю в

тебя!

— Каменная роза, — повторил призрак. — Гримус. О чем…

— Изыди! — пронзительно завопила Долорес О'Тул и захлопнула крышку сундука.

Призрак прошел в хижину и остановился посреди комнаты, раздумывая, что теперь делать. В конце концов, он же хотел поговорить с Долорес наедине, значит, Вергилия Джонса пока еще можно было не звать. Он приблизился к сундуку.

— Господи, защити меня! — раздалось изнутри, едва он чуть приподнял крышку.

— Миссис О'Тул… Долорес… — снова заговорил призрак, — я хотел предложить вам кое-что.

— Нет, нет, — закричала Долорес. — Тебя нет здесь.

— Я знаю, вы хотите, чтобы я ушел, — продолжил призрак. — Вы боитесь, что я уговорю мистера Джонса идти со мной. Но что вы скажете, если я предложу вот что: пойдемте все вместе, вы, я и Вергилий? Что вы скажете на это?

— Тебе не заманить меня на гору, — сказала Долорес, сверкнув глазами. — Там наверху лишь прошлое. Мы оставили его позади. В прошлое нельзя войти заново. Все по-прежнему. Прошлое неизменно. Уходи.

Призрак вздохнул.

— Значит, мы расстаемся врагами, — произнес он. — Дорогая миссис Долорес, мне очень жаль, что так вышло; особенно теперь, когда вы больны. Я пойду приведу Вергилия… мистера Джонса.

— Оставь его в покое! — заорала Долорес. — Уходи и не смей трогать его!

Призрак вышел из хижины.

Бегом возвращаясь к колодцу, где он оставил Вергилия Джонса, Взлетающий Орел вспомнил разговор двух индианок-аксона, который подслушал еще мальчиком.

— С этим Рожденным-от-Мертвой нужно быть осторожными, — сказала тогда первая скво.

— Да, — ответила вторая скво, постарше. — У того, кто так родился, в глазах навсегда поселяется смерть.

И Ливия Крамм говорила ему это.

И Вергилий Джонс назвал его Разрушителем.

Но сам он ничего этого не хотел.

А кто хотел?

И кто такой или что такое этот Гримус?

А Каменная роза?

И согласится ли Вергилий Джонс идти вместе с ним? Или, может быть, теперь, узнав о болезни миссис О'Тул, он откажется?

Задыхаясь, он мчался к ложбине у колодца.

XVI

Именно колодец помог Вергилию Джонсу принять окончательное решение; но прежде чем он достиг этой точки, он сломал все веточки, какие только смог найти. Когда он ломал очередную веточку, он бросал половинки в колодец.

Вот как он убеждал себя:

Николас Деггл, конечно, не мог знать, что Взлетающий Орел встретит старого Вергилия.

Хруп.

Ergo, Николас Деггл *мог* послать индейца на остров просто для проверки — чтобы посмотреть, крепки ли еще воздвигнутые им Врата.

Хруп.

Это значит, что он вскоре появится и сам.

Хруп.

А если Николас Деггл вернется, жизнь на острове станет просто невыносимой. С тех пор как Деггл был изгнан с острова, его главный враг после Гримуса — это Вергилий Джонс.

Хруп.

Если Николас Деггл не вернется, жизнь все равно вряд ли станет лучше. Эффект распространяется. Долорес совершила пробные вылазки

немного выше по склону и хорошо это почувствовала. Как только Эффект накроет их маленькую хижину, здесь будет точно так же, как в К. Для Долорес уж точно.

Хруп.

О чем наверняка знал Николас Деггл (и о чем Взлетающий Орел не знает, по крайней мере пока), так это о том, что именно Взлетающий Орел, стремясь к тому, к чему он стремится, и будучи тем, *кто он есть,* может сделать с островом. Что он, по всей вероятности, сделает.

Хруп.

Так что сидеть на месте сложа руки резона нет.

Хруп.

Остается Долорес — снова взбираться на гору она ни за что не согласится. Но если он решит в конце концов идти вместе с Взлетающим Орлом — и это будет бесповоротное решение, — то сможет объяснить это тем, что он поступает так для блага Долорес.

Хруп.

Но если Деггл все-таки появится, а его не будет в хижине, что тогда? Хватит ли у Долорес сил противостоять Деггу? Вергилий Джонс задумался об этом на мгновение и решил, что, если он уйдет, ему придется поверить, что Долорес справится.

Хруп.

Решающий вопрос: будет ли от него, истерзанного предыдущим опытом пребывания в различных измерениях, толк как от проводника? Ответ мог быть только один, довольно мрачный: он вынужден надеяться на лучшее.

Хруп.

Другой вопрос, тоже немаловажный: сможет ли он управлять действиями Взлетающего Орла, чтобы осуществить свой план? И снова ответ был уклончивым: все зависело от того, как Взлетающий Орел перенесет встречу с тем, что ждет их на горе.

Хруп.

И потом, есть ли у него выбор? Действие Эффекта ширится, подземные толчки, пусть пока и незначительные, становятся все чаще. Одним словом, остров обречен, и ждать конца осталось недолго.

Хруп.

Именно в этот миг колодец помог ему собраться с мыслями. Вергилий Джонс бросил половинки очередной веточки в дыру и поразился внезапно бросившемуся ему в глаза сходству между колодцем и островом. Все то же: идея, которая так и не дала ожидаемых плодов. Мог некто отказаться

от своих трудов, бросить все на полпути, как сам он отгородился от жизни острова? Или это была попытка спасти его? Или, возможно, наоборот, некто согласился все уничтожить, как поступает сейчас он, пытаясь наполнить веточками сухой колодец и сровнять его с землей?..

Подобно Взлетающему Орлу, который предпочел восхождение покою, подобно Долорес О'Тул, которая прошлой ночью решила открыть ему свою любовь, вместо того чтобы продолжать играть в молчанку, Вергилий Джонс выбрал действие, а не затянувшееся бездействие. Потому что кто-то должен был сделать это, как курица должна была пасть под ножом Взлетающего Орла, как Долорес должна была открыться, как колодец был здесь для того, чтобы его засыпали. В конце концов, человек делает то, что должен, сказал он себе, поднялся с травы, надел котелок и моргнул.

Взлетающий Орел прибежал как раз тогда, когда Вергилий Джонс сломал последнюю веточку и бросил ее в колодец.

Вергилий Джонс собрался с духом и сказал:

— Мистер Орел, вы по-прежнему хотите подняться на гору?

Взлетающий Орел остановился и несколько секунд переводил дух.

— Да, — ответил он и хотел что-то добавить, но Вергилий опередил его:

— В таком случае прошу позволения быть вашим проводником.

Известие это так ошеломило Взлетающего Орла, что некоторое время он не мог выговорить ни слова.

— Миссис О'Тул, — объявил он наконец. — По-моему, она нездорова.

Долорес О'Тул все еще сидела в сундуке, когда Вергилий вошел в хижину — вошел один, как посоветовал ему Взлетающий Орел.

Увидев возлюбленного, миссис О'Тул с криком радости вскочила на ноги.

— Вергилий! — воскликнула она. — Я так испугалась.

— Ничего, ничего, Долорес, — беспомощно произнес мистер Джонс, чувствуя себя ужасным обманщиком.

Миссис О'Тул выбралась из сундука, подошла к Вергилию и замерла беззащитная, как шимпанзе.

— Все останется как было, так ведь, Вергилий? — спросила она.

Вергилий Джонс закрыл глаза.

— Долорес, — сказал он. — Постарайся понять

меня. Я должен идти на гору вместе с мистером Орлом. Должен.

— Ах, чудесно, — воскликнула в ответ она, хлопая в ладоши. — Я знала, что все будет хорошо.

Вергилий Джонс посмотрел на нее.

— Долорес, — повторил он. — Ты слышала, что я сказал? Завтра утром мы *уходим*. Уходим на гору.

— Да, конечно, — отозвалась она. — Завтра утром. Завтра утром мы спустимся на берег, как обычно, и я отнесу твое кресло, неуклюжий и близорукий ты мой, Вергилий, любовь моя.

— О господи, — сказал Вергилий Джонс.

— Вашей вины здесь нет, — выйдя во двор, сказал он Взлетающему Орлу. — Пожалуйста, не казните себя. Это я во всем виноват. Это мой крест.

— Вам нужно остаться с ней, — отозвался Взлетающий Орел.

— Нет, — ответил мистер Джонс. — Если вас это устраивает, мы выйдем завтра утром.

— Но почему, мистер Джонс? — спросил Взлетающий Орел. — Почему вы выбираете идти со мной?

— Дареному коню в зубы не смотрят, мой дорогой друг, — ответил мистер Джонс и криво

улыбнулся. — Вы знаете латынь?

— Нет, — признался Взлетающий Орел. — Или несколько слов.

— Timere Danaos et dona ferentes, — объявил мистер Джонс. — Поняли?

— Нет, — ответил Взлетающий Орел.

— Может, это и к лучшему, — ответил мистер Вергилий Джонс, — если мы хотим быть друзьями.

XVII

Чтобы не беспокоить Долорес, в тот вечер Взлетающий Орел пообедал у колодца в одиночестве; еду ему принес Вергилий Джонс. Взлетающий Орел был озадачен, многое не сходилось: предложение мистера Джонса было очень неожиданным, он явно принял решение под влиянием каких-то ужасных обстоятельств. Взлетающий Орел попытался разобраться, но потом бросил эту затею; вместо того он решил ложиться спать. И в конце концов сон пришел к нему.

Тем временем в хижине мистер Вергилий Джонс не оставлял отчаянных попыток пробиться сквозь туман, застилающий разум Долорес О'Тул.

— Ты помнишь Николаса Деггла? — спросил он ее.

— Конечно, помню, — вполне нормальным голосом ответила Долорес. — Он мне никогда не нравился. Невелика потеря, подумала я, когда он исчез.

— Он не исчез, Долорес. Он был изгнан. Послушай: если он вдруг появится, не говори ему, что знаешь меня. Хорошо?

— Конечно, дорогой, я ему ничего не скажу, — спокойно отозвалась Долорес. — Вот только то, о чем ты просишь, глупо. Если он, упаси господи, объявится здесь, то сразу же *увидит тебя сам*.

— Долорес! — воскликнул мистер Джонс. — Завтра я ухожу!

— Я тоже тебя люблю, — ответила Долорес.

Вергилий Джонс в бессилии покачал головой.

— Послушай, Долорес, — снова заговорил он. — Николас Деггл очень зол на меня. Поэтому он не должен узнать, что я любил тебя… люблю тебя. Для твоего же блага.

— Дорогой, — отвечала миссис О'Тул, — о нашей с тобой любви я хотела бы рассказать всему миру. Я хочу кричать об этом так, чтобы по всему острову было слышно. Я хочу…

— Долорес, — взмолился Вергилий Джонс. — Прошу тебя, перестань.

— Я так рада, что ты остаешься, — сказала тогда она. — Я так горжусь тобой.

— Горжусь, — эхом повторил Вергилий Джонс.

— О да, — подтвердила она. — Ты прогнал призрак, насланный Гримусом. Как ловко это у тебя получилось. Больше ничего не случится.

— Нет, — вздохнул мистер Джонс, признавая свое поражение. — Бесполезно.

В эту ночь Вергилию Джонсу приснилась Лив. Высокая смертоносная красавица Лив, которая много лет назад изломала ему душу. Лив стояла в центре водоворота и улыбалась ему, а он падал ей навстречу. Рот Лив зовуще открывался, улыбка все ширилась и ширилась, а он все несся ей навстречу, потом вода ударила его и переломила, как веточку.

За ночь Взлетающий Орел несколько раз просыпался: земля была твердой и бугристой. Чесалась грудь. В полусне он принимался чесаться и, засыпая снова, думал: «Проклятый шрам».

Этот проклятый шрам иногда его просто доводил.

Снова день Марса. Утро. Туман.

Кто-то ласково будил Вергилия Джонса. Он открыл глаза и увидел склонившуюся над ним миссис О'Тул. Долорес улыбалась.

— Пора вставать, любимый.

Вергилий Джонс поднялся с циновки. Сняв с колышка на стене свой старый заплечный мешок, он принялся методично укладывать в него фрукты и овощи.

— Дорогой, зачем тебе все это на пляже? — спросила Долорес. Вергилий Джонс ничего не

ответил.

— Мне нужен твой ремень, дорогой, — сказала тогда миссис О'Тул медовым голоском. Вергилий Джонс молча одевался: черный костюм, котелок.

— Долорес, сегодня ремень нужен мне самому.

— Вот как? — округлив губы, вздохнула она. — Если ты так хочешь, обойдусь без него.

Миссис О'Тул взвалила кресло-качалку на горбатую спину.

— Ну же, — ласково позвала она. — Пора.

— Я не могу пойти с тобой, — ответил Вергилий.

— Хорошо, дорогой, — отозвалась она. — Догоняй, как всегда. Увидимся внизу.

— До свидания, Долорес, — сказал он.

Прихрамывая, Долорес с креслом на спине вышла из хижины.

У колодца мистер Джонс подобрал Взлетающего Орла. Индеец повязал себе голову платком и сзади воткнул перо.

— Церемониальный наряд, — пошутил он.

Вергилий Джонс даже не улыбнулся.

— Пошли, — сказал он.

Пустое кресло-качалка стояло на берегу, повернутое спинкой к морю. Рядом с качалкой на

серебристо-сером песке сидела Долорес О'Тул и пела свои траурные и просительные песни.

— О, Вергилий, — говорила она. — Я так счастлива.

Где-то на покрытом лесом склоне горы Каф, неслышный и невидимый, за толстым спотыкающимся человеком и его высоким спутником — сначала котелок, потом перо — так они продвигались по заросшим тропинкам, — наблюдал, дожидаясь их прибытия, ашквак.

XVIII

Планета ашкваков, известная также под именем Язлем, обращалась вокруг звезды Целнос в галактике Тучный Мельп, в свою очередь расположенной в плоскости Левсеянна, обжитой ашкваками. Эта плоскость вселенной также иногда называлась Ашкваковское Немезирие.

Одержимость ашкваков в составлении анаграмм не знала границ: от забав с перестановкой букв в названиях до Священной игры всеобщего порядка. Игра простиралась много дальше составления словесных головоломок; могучие мыслительные способности ашкваков позволяли им делать анаграммы не только из предметов окружающего мира, но и из самих себя — последнее считалось довольно сложным ввиду особой гротескности их телесной оболочки. Правила игры назывались Анаграмматика; получить звание Мастера Анаграмматики было величайшей мечтой всех живущих ашкваков.

Понятие «живущий» вообще-то было применимо к ашквакам с большой натяжкой, поскольку они не походили ни на одну из известных нам форм жизни. Ашквакам не требовались ни вода,

ни пища, ни атмосфера. Все сведения о внешнем мире они черпали при помощи непостижимого органа чувств, одновременно служащего для зрения, осязания, вкуса, восприятия звуков, запахов и многого другого: это было что-то вроде ауры или эманации, которая окружала их огромные, твердые и бесполезные тела.

Если говорить точнее, типичный ашквак похож на большую слепую квакшу, но с одним принципиальным отличием. Тело ашквака целиком состоит из камня.

История происхождения ашкваков покрыта мраком. Виной их уродства могло быть излучение неведомой природы, опалившее когда-то бесплодную планету Язлем и наделившее обыкновенные камни разумом удивительной силы вместе — по невероятной скорбной иронии — со способностью жить практически вечно в полной изоляции от остального разумного мира. Ибо такова была трагедия ашкваков: ни на Язлеме, ни на других планетах их Немезирия не было живых существ иных видов. Ни животных, ни растений. Не было даже ветра, который мог бы овевать каменные тела ашкваков.

Несколько тысячелетий это обстоятельство, иначе говоря, отсутствие сравнительной шкалы,

мешало ашквакам осознать, какая они высокоразвитая цивилизация. Результатом вынужденной изоляции стала некая философская паранойя. Великий Магистр Игры, сам Абаж, спрашивал в прославленных «Вопросах Абажа»: *Неужели мы наименее разумная раса в нашем Немезирии?* Философия отчаяния: тот, кто уникален, разом и самый большой, и самый маленький. Наш ашквак, сейчас живо наблюдающий за восхождением Взлетающего Орла и мистера Джонса на гору, особенно гордился своим Упорядочением этого последнего и самого знаменитого из Вопросов. Ловко переставив буквы, он получил на языке ашкваков совершенно иную фразу: *Взгляните, как велика роль мыслительной элиты; воспользуемся же нашими талантами и Мозговыми долями.* Перестановка была выполнена по всем правилам Анаграмматики; новая сентенция не только состояла исключительно из букв прежнего Вопроса, но и обогащала его, привнося концепцию элитизма и его желательности, концепцию определения роли и ее происхождения, а также намечала возможные пути, следуя по которым можно было получить ответ. «Талант» у ашкваков мог означать только одно: мастерство в Упорядочении. Мастерство, породившее Глав-

нейший вопрос, Мастерство, которое надлежало использовать при его разрешении — с помощью Мозговых долей (так именовалось заключенное в теле каждого ашквака бездонное хранилище памяти, где содержался точный отчет о каждом событии, с которым каменному существу пришлось в своей жизни столкнуться).

Нашему ашкваку достались звание Мастера Анаграмматики и последовавшее за этим скромное чествование (ашкваки вообще очень сдержанная раса) — события, которые, можно с полным основанием утверждать, вскружили ему голову, хотя, по правде говоря, у него ее не было.

Здесь нужно отметить, что ашкваки так и не создали никаких традиционных технологий; Священная игра заменяла им все — и науки, и искусство. Философия ашкваков, как можно понять из приведенного выше примера, предпочитала вопросы ответам на них; несмотря на то что Упорядочение нашим ашкваком Вопроса Абажа каким-то образом намекало на его решение, он отлично понимал, что продолжение Упорядочения способно сделать дальнейшие исследования невозможными. Тем не менее наш ашквак, еще в тумане триумфа, решил сделать шаг в сторону ереси. Он положил начало особому ответвлению

Священной игры, в конце концов поставившему под сомнение саму Игру. Предложенное им давало наконец ашквакам шанс оценить уровень своей гениальности — или посредственности — сравнительно с другими цивилизациями.

Ответвление называлось Концептуализмом. Вполне возможно, лучше всего оно воплотилось в одном из редчайших Высказываний Абажа: «Я мыслю, следовательно, это существует». Наш ашквак был первым, кто понял, какие грандиозные последствия могут быть у этого утверждения. В понимании Абажа смысл Высказывания сводился к следующему: в мире ни одна вещь не может существовать вне познающего интеллекта, который бы осязал ее мыслью; наш ашквак перевернул эти рассуждения Магистра и постулировал: все, что способен помыслить подобного рода интеллект, должно существовать. Оттолкнувшись от этой гипотезы, он помыслил возможности других Немезирий с доступными формами жизни. Ашкваки не знали, что им делать: то ли восславить этого гения, то ли забросать его камнями. Внезапно их одиночество закончилось. Теперь они были в галактике не одни. Удобное, пусть и немного грустное, уединение вдруг приблизилось к своему завершению…

Дабы успокоить собратьев, наш ашквак концептуализировал Предмет. Предмет должен был существовать в каждом созданном силой мысли Немезирии, и только посредством контакта с Предметом можно было перемещаться между Немезириями. Это должно было дать ашквакам способ контролировать последствия их новой Идеи.

Именно при помощи Предмета наш ашквак вступил в контакт с Гримусом. И попал на остров Каф. Затем, чтобы следить за событиями, самому оставаясь не вовлеченным в них, ашквак упорядочил свое не слишком симпатичное тело и сделался невидимым. И принялся наблюдать.

Наблюдая за тем, как мистер Джонс и Взлетающий Орел неуверенно бредут в гору, ашквак чувствовал нарастающее возбуждение. Его аура прямо-таки трепетала от удовольствия. И было от чего: с самой первой минуты прибытия на остров он чувствовал нехватку важного звена, отсутствие ключевого ингредиента, который должен был уравновесить структуру этого места. Любой ашквак заметил бы это: всякий практикующий Священную игру даже на ранней стадии должен чувствовать меру всех компонентов. У Мастеров это чувство меры перерастало в чутье;

едва заметив Орла, наш ашквак сразу же понял, что именно этот человек и есть то самое недостающее звено. Путь этого человека, знал ашквак, должен привести к завершению Упорядочения и острова, и горы. Ашкваку не терпелось узнать, каков будет результат этого Упорядочения.

У нашего ашквака был единственный недостаток: он везде любил совать свой нос (в переносном, по известным причинам, смысле). Занимаясь бесчисленные годы Упорядочением, он уже не мыслил без этого своего существования. До сих пор здесь, на остовое Каф, он удерживался от искушения; теперь же, когда происходила великая развязка, которой остров так долго (бессознательно) ждал, он нашел повод вмешаться.

Вот как он рассуждал:

Знать все, что происходит с островом, можно, только будучи Гримусом.

Конечно, если вы не ашквак.

Так как сознание — динамическое состояние (то есть на основе ваших знаний вам нужно выбрать для себя действие или бездействие, причем даже решение бездействовать может быть расценено как действие), то совершать поступки и, вероятно, изменять течение окружающего бытия может считаться привилегией, если не сказать

обязанностью, всякого разумного создания.

Из чего ашквак на острове Каф, отлично понимая, что происходит и какую роль он во всем этом играет, вполне может поступать так, как считает нужным.

Высказав это самому себе, ашквак удовлетворенно кивнул. Перед завершением Упорядочения он надеялся на одно особое развлечение: Взлетающий Орел должен был попасть под действие Лихорадки немезирий, последствия которой бывали ужасными и зачастую фатальными.

Конечно, добавил ашквак про себя, ему придется быть очень и очень осторожным.

XIX

Густой лес, темный, как могила. Позади остался истерзанный, ушедший в себя разум Долорес О'Тул, которую покинул возлюбленный, едва она позволила чувствам овладеть собою; впереди их ожидал К. и все, что в нем находилось. Меж этими двумя точками лежали недружелюбные, поросшие Лесом склоны горы Каф. Единственное, что заставляло Взлетающего Орла двигаться вперед, — это воображаемая картина: прямо перед ним рука об руку с безликим мистером Сиспи шагает Птицепес. О том, что заставляло идти вперед мистера Джонса, Взлетающий Орел мог только догадываться.

Где-то в закоулках его головы возник едва уловимый вой. По мере их продвижения вверх этот вой, как казалось Взлетающему Орлу, постепенно звучал все громче. Вергилий Джонс не подавал виду, что слышит его. У него был потерянный вид человека, вспоминающего старые привычки.

— Да, да, вот сюда, — бормотал он себе под нос и внезапно принимался грузно проламываться сквозь кусты. — Вот черт, — тихо приговаривал он и прятал лицо в ладонях, видимо, погружаясь

в воспоминания или упреки, а потом снова вскидывал голову и бросался вперед, как раненый бизон. Взлетающий Орел шел следом; так, петляя, иногда залезая прямо в заросли, они поднимались по склону Горы к ее вершине.

Вой не прекращался; может, просто уши шалят? И, может, этот звук становится все громче только потому, что Взлетающий Орел продолжает о нем думать? Уже в отчаянии, Взлетающий Орел сильно хлопнул себя по лбу. Несколько секунд после этого лес стоял у него перед глазами плотной непроницаемой стеной, нависающей, давящей. Взлетающий Орел моргнул — наваждение прошло; заросшая тропинка под ногами вернулась на место.

Вергилий Джонс уставился на него.

— Вы кричали, — спросил он. — Что случилось?

— О чем вы говорите? — удивился Взлетающий Орел.

— Вы что, не слышали свой крик?

— Определенно нет, — раздраженно ответил Взлетающий Орел. — Вы шутите?

— Нет, нет, уверяю вас, — ответил мистер Джонс. — Скажите, а вы что-нибудь слышите? Например, такой очень высокий свист, или вой?

— Слышу… — ответил Взлетающий Орел, чье беспокойство быстро росло.

— Да, все верно, — произнес Вергилий Джонс. — Мой слух, как и зрение, начал подводить меня, особенно на высоких частотах. Видите ли, мы входим в зону Эффекта. Теперь мы будем все время разговаривать друг с другом — здесь это жизненно важно.

— Что это за Эффект? — спросил Взлетающий Орел. — И почему нам нужно разговаривать?

— Разговаривать можно обо всем, кроме самого Эффекта, — уклончиво ответил Вергилий Джонс. — Сейчас нет времени объяснять. Пожалуйста, делайте так, как я велю. Тишина сейчас особенно опасна.

Взлетающий Орел решил сдержать шквал вопросов и последовать совету мистера Джонса.

— Как вы считаете, — спросил он, — Долорес поправится?

— Надеюсь, что да, — откликнулся мистер Джонс. — Надеюсь от всей души.

Наступила короткая пауза; затем мистер Джонс разразился речью:

— Вы слышали историю о том, как однажды в вашей стране проститутка развязала гражданскую войну? Ее звали Полли Адамс…

Взлетающий Орел не мог думать об этом. Его голова была занята другими мыслями. Он думал о сестре Птицепес, о мотивах мистера Джонса, о дремучей чаще, в которой они, похоже, уже заблудились, о вое в ушах, о вое в ушах, о вое в ушах, который становился все громче и громче…

Вергилий Джонс уже кричал ему в ухо:

— Вот послушайте загадку, мистер Орел. Как, по-вашему, почему ирландец всегда надевает три презерватива?

Головокружение, слабость. Совершенно незнакомые Взлетающему Орлу прежде, теперь они прочно завладели им, как та волна, которая принесла его на остров Каф. К ним добавилось ощущение смятенной рассеянности, которое он испытал в Средиземном море, перед тем как потерять сознание. Его ноги задрожали; стоять было все труднее и труднее, а подниматься в гору — и вовсе невозможно. Он остановился. Его лоб пылал. Свистящий вой делался все громче и громче.

— Не знаю, мистер Джонс, — сказал он слабым голосом. — Так почему ирландец…

Что-то мешало ему видеть. Вергилий, казалось, ушел уже очень далеко. Его рука протянулась к Взлетающему Орлу через световые годы, как длинное, извивающееся щупальце. Орел ин-

стинктивно отшатнулся и упал. Кости заломило от холода, лоб теперь был ледяным. Вой оглушал его так, что он почти не слышал громкий голос Вергилия.

— Не беспокойтесь, — кричал тот. — Это всего лишь легкий приступ Лихорадки измерений. Скоро все пройдет… — Слова повторялись эхом и затихали.

Лихорадка измерений: что это такое? Взлетающий Орел разозлился — опять его держат в неведении, — и туман перед глазами как будто рассеялся. Он увидел над собой озабоченное лицо Вергилия Джонса.

— В темноте под деревьями хуже, — кричал Вергилий. — Нужно добраться до поляны, я помогу. Соберитесь с силами и сосредоточьтесь на моем голосе. Я буду все время что-нибудь говорить. Дневной свет помогает: он прогоняет чудовищ.

— Чудовищ… — слабо повторил Взлетающий Орел.

— Они обитают внутри вас, — объяснил Вергилий Джонс. — Внутри…

(Голос мистера Джонса снова ослаб и стал пропадать.)

У Взлетающего Орла опять закружилась голова, и глаза начала застилать пелена.

— Я не могу объяснить, — орал ему из дальнего конца длинного тоннеля Вергилий Джонс. — Чтобы понять, нужно самому пройти через это. Слушайте мой голос. Слушайте только мой голос.

Страх обуял Взлетающего Орла, страх здорового человека перед неведомым недугом. Он почувствовал, как уверенность оставляет его: что он вообще здесь делает? Что за бесовские силы обуяли его? И почему только он не убил себя, когда у него был такой шанс? Хотя, возможно, он уже умер. Да, конечно, умер. Упал за борт яхты, утонул и вот теперь в пекле, а Вергилий Джонс — демон, и то, что сейчас происходит, это какая-то адова мука. Да, он точно умер.

Ах, я вспомнил, вспомнил: я был Взлетающим Орлом. Неведомое коснулось меня крылом, и я не смог этого вынести, сошел с ума. Галлюцинации… Сначала я думал, что это галлюцинации, но постепенно они приобрели очертания абсолютной реальности, и до меня, словно сон, доносился голос Вергилия Джонса. Мир перевернулся; взбираясь на гору, я спускался в глубины преисподней, забираясь в собственную душу.

Картина, виденная мной, застыла в своих очертаниях, но претерпела мириады мгновенных

превращений: в ней менялись краски, деревья превращались в движущихся существ, твердь становилась водою, а небо — твердью, трава говорила, цветы играли музыку. Во время одних трансформаций Вергилий Джонс бесследно исчезал, в других он был огромным гноящимся чудовищем. Где-то был мертв. Иногда я слышал его далекий голос: он говорил со мной, произносил слова утешения и совета. О да, то было крещение огнем.

Вергилий Джонс и я; странная пара соратников. Он, выжженный человек, пустая оболочка прошлого, спокойное знание некоей великой неудачи; я, человек незавершенный, увлеченный поиском гибельного знания, которое должно покончить со мной, — в глазах смерти я ищу свое лицо. До недавнего времени я совершенно ничего не понимал, но он любил меня как сына, как последнего из своих живых сыновей; и едва я оправился от этой лихорадки, я тоже полюбил его, пусть плохо и недостаточно сильно. Он не бросил меня и вытащил, совершенно беспомощного и безвольного, на поляну и все время говорил, говорил, говорил, силясь вырвать мой рассудок из когтей разрушающего разум Эффекта. В темноте, пока мы не добрались до поляны, я потерял его.

Но на поляне его голос придал мне сил. И он смог достучаться до меня.

Вергилий Джонс: душа без надежды на будущее, он решил помочь мне с моим, оставил свою подругу Долорес, свою любовь и печаль и теперь возвращается туда, откуда когда-то бежал. Храбрый человек.

Для того чтобы пройти через Лихорадку и остаться в живых, нужно отбросить все «почему». Тем не менее перед самой развязкой я получил ответы на все свои безответные «почему» — а сверх того и на несколько незаданных.

Волоча Взлетающего Орла к поляне, Вергилий Джонс говорил:

— Ох, дорогой мой друг. Жаль, что все это приключилось именно с вами. Гримус говаривал, что в этом лесу человек либо находит себя, либо теряет. Между мной и вами большая разница. Я могу только терять.

И ничего-то вы, мистер Орел, пока не поняли. В этом ваша слабость, но и ваша сила. Не ведающие себя идут вперед с оптимизмом невежд. Иногда это даже спасает им жизнь. Стоит только понять себя, как человеком овладевает ужас осознания того, кто он и что он сделал… Осознанный человек может оказать на мир огромное влияние, и

на его плечи ложится бремя последствий и вины за это…

Добравшись наконец до поляны, мистер Джонс сел, положил голову Взлетающего Орла себе на колени и задумчиво поведал ему ответ на свою загадку:

— Ирландец всегда надевает три презерватива, чтобы быть уверенным, уверенным и уверенным.

Про себя он подумал:

Теперь, мистер Джонс, пришло время узнать, какой из тебя проводник.

XX

Размахивая костью, Птицепес говорила ему:

— Смотри, братик. Смотри. Вот у меня кость для тебя. Хорошая собачка. Это особая кость. Это Кость К. Поймай ее. Потом пойди и закопай, спрячь ее.

— Птицепес? — медленно спросил Взлетающий Орел. — Это ты?

Насмешливо взглянув на него с вершины скалы, Птицепес медленно повернулась на левой ноге кругом, мерно притоптывая правой ступней. И бросила ему кость. Та удобно упала ему прямо в руки; из трещины на кости выросла роза. Взлетающий Орел сунул кость в карман.

А сестра Птицепес уже насмешливо лежала на камне, задрав рваную юбку до пояса, широко расставив ноги и прогнув спину дугой.

— Иди же ко мне, братик, — позвала она. — Иди, спрячь свою кость.

Взлетающий Орел покорно пополз к сестре, и чем ближе он к ней оказывался, тем больше она становилась. В сотне ярдов она стала размером с лошадь. Дыра зияла между ее ног; волосы вокруг дыры напоминали веревки. Осталось десять ярдов. Птицепес стала величиной с дом, перед ним

лежала широкая красная пульсирующая пещера, завеса волос медленно раздвинулась. Откуда-то сверху донесся гулкий голос.

— Не противься, — говорила ему она. — Не стоит противиться, братик. Не противься, заходи. Не противься, заходи.

И он заполз в пещеру. За спиной у него, отрезая его от дневного света, опустилась волосяная завеса.

Внутри — темно-красное свечение. И снова она, стремительная Птицепес, мчится в собственные недра, на бегу вскрикивая от детского восторга.

– Глупый братик, ты не сможешь поймать меня, — крикнула она и скрылась за углом.

Взлетающий Орел еще не мог угнаться за ней, не было сил. Он встал.

И услышал голос Вергилия Джонса.

— Проблема в самом Гримусе. — говорил голос. — Он не может управлять Эффектом. Поле с каждым днем становится все сильнее. Со временем вы к нему привыкнете. Привыкнете управлять своими мыслями. Не торопясь. Поспешишь — людей насмешишь. Во Внутренних измерениях вы один. Это наши творения, если так можно выразиться. Согласен, это может испугать: каждый человек — собственный мир.

Вообразите действие Эффекта. Люди сходят с ума. Эта трагедия и приключилась в К. Люди испугались встречи с собственным разумом. Со мной тоже это случилось однажды, но это давно прошло. Помните старого отца Уильяма? То же самое. Веселого мало. Вы позволите мне поделиться с вами одной теорией? Один мой знакомец из К. — вы наверняка с ними встретитесь — называет себя философом, Игнатий Грибб его имя. Игнатий К. Грибб. К. — это Квазимодо. Этот И. К. Грибб не знает, откуда у него взялось такое второе имя, то ли это его собственная шутка, то ли родители удружили. «Живых людей нет», — любит говаривать он. Мы для него просто Оболочки, а в эфире витает то, что он называет Формами. Такие вещи, как эмоции, причины и тому подобное. На некоторое время мы можем попадать под влияние той или иной Формы, потом в нас проникает другая. Да, в таком вот духе все и происходит. Этим можно объяснить нелогичность некоторых человеческих поступков. Изменения характера и прочее. При переходе из одного измерения в другое все это, естественно, теряется. Постоянным остается только сознание. Но мистер Грибб очень старается не замечать измерения. Пугают они его до смерти. Посему воспитывайте свое со-

знание, мистер Орел, вот единственный верный выход. Выход есть всегда. Из любого положения. Если есть воля. Наше единственное средство контроля.

Голос снова затих.

Взлетающий Орел сделал глубокий вдох, закрыл и открыл глаза и попытался определить, где он находится. Он словно стоял в пружинистой пене. Его ноги ушли в нее по щиколотки. Мягкая влажная красноватая пена.

Красноватая: значит, здесь есть свет. Если он различает цвета, значит, где-то источник света, пускай он его пока не видит. Свет есть, тусклый, рассеянный, но есть. И неважно, откуда он идет.

Он обернулся к входу в пещеру — его больше не было. На мгновение он окунулся в клаустрофобию, но потом наступил покой. Хотя в голове его не переставали крутиться слова из какой-то древней книги: «Иона во чреве китовом».

Инстинкт выживания похоронен в мягкой глуби цивилизаций; у вечного странника Взлетающего Орла этот инстинкт располагался весьма близко к поверхности, хоть и немного ослабленный его осознанием своего бессмертия. Однако теперь, когда он попал в мир, который не мог существовать, как утверждали его чувства,

одновременно свидетельствуя, что он по-настоящему существует, этот инстинкт заявил о себе во весь голос. Это свершилось исключительно физическим путем. Он мог постигнуть то, что было одновременно и им самим, и чем-то совершенно иным — и это нечто взяло на себя управление его способностями и за него скрежетало зубами. Это было простое, но неоспоримое самообладание, которое приказало ему выжить. Взлетающий Орел не без удовольствия дивился силе собственной воли. *In extremis veritas.*

И БЫЛА ВОЛЯ. Он осознал свою силу, понял смысл того, о чем говорил ему Вергилий Джонс. Только так он мог пройти весь путь, если, конечно, решимость его достаточно крепка.

Взлетающий Орел решил испытать свои силы. После первой же попытки из основания Места выросла Роза. (Думать об окружающем как о внутренностях родной сестры он не мог, в особенности после того, как сама она исчезла где-то в глуби коридоров плоти.) Созданная им роза умерла почти мгновенно. Он вновь напряг разум, и выросла другая. И умирать она, по всей видимости, не собиралась.

Он взглянул вниз, и увидел под собой твердый пол. Он был покрыт ручной выделки шелковым

ковром — в самом центре бы вышит Глаз. Используя Глаз, он сделал окна. Потом Глаз посмотрел на красные стены, и они встали как надо.

Теперь он находился в очень элегантной комнате, пусть стены ее и продолжали источать живой красный свет. Он мог гордиться собой.

За окнами начали проступать очертания горы Каф. Через несколько мгновений он уже различал поляну и лес вокруг и даже один раз заметил Вергилия Джонса, который подошел к одному из окон так близко, что его мясистое лицо почти заполнило его. В стене появилась дверь с ручкой из слоновой кости; оставалось только открыть эту дверь и выйти наружу. Там он будет в безопасности. Управлять измерениями очень просто, если знаешь, чего хочешь добиться, самодовольно сказал он себе. Ему даже показалось, что Вергилий Джонс смотрит на него с уважением.

Ашквак был весьма раздосадован. При помощи техники паразитирования, с помощью которой ашкваки общались, он связал себя с «я» Взлетающего Орла и уже готовился к приятно длительному процессу Перетасовки, к удовольствию, стоящему в его системе ценностей на втором месте после Священной игры. Однако оказалось, что и сам Взлетающий Орел обладает

отличной способностью к управлению Немезириями.

Делать нечего — ашквак решил вмешаться. В конце концов, Итоговое упорядочение острова могло и подождать… Не успел Взлетающий Орел дотянуться до дверной ручки, как комната вдруг испарилась. Он был потрясен, от былой уверенности не осталось и следа. Опустилась тьма. На несколько мгновений он ослеп, голова закружилась. Казалось, мир бешено вращается вокруг него. А когда в голове у него прояснилось, он увидел рядом с собой двух сидящих на корточках абиссинцев.

XXI

Танец способен выполнять множество функций. Он может разбить лед социальной настороженности и ритуально разогнать тучи. Танец может быть выражением страсти или ненависти. В глазах юных дев в танце кружатся звезды, а смерть исполняет свой танец в кругу своих безрадостных спутников. А сегодня посреди лесной поляны, весь в пятнах зеленого света, совершенно нагой, угрюмый толстяк по имени Вергилий Джонс танцевал во имя жизни своего нового друга.

— Друг, — повторял он про себя миллион раз и шептал это слово на ухо бесчувственному Взлетающему Орлу, пытаясь придать тому сил.

— Ты соломинка, Взлетающий Орел, — говорил он, — а я утопающий.

Последний шанс, как и первый, дается лишь раз. В том, что это его последний шанс, Вергилий Джонс нисколько не сомневался. Последний шанс попытаться что-то сделать, помочь, искупить вину и бесполезность, которые скрывались в нем и покрывали ржавчиной его внутренности; шанс спасти, а не погубить.

Человек, долго проживший в относительном комфорте среди чрезвычайной бедности, в конце концов привыкает не обращать внимания на трясину безнадежности. Таков механизм выживания. По той же самой причине прошлое было изгнано из памяти Вергилия Джонса. Спустившись некогда с горы, он приказал себе забыть обо всех ужасах, которые заставили его бежать. Конечно, воспоминания по-прежнему были с ним, они были заперты внутри его головы, просто он отказывался их замечать.

И вот теперь, ради спасения Взлетающего Орла, он отомкнул эту темницу, и, подобно бедам из ящика Пандоры, воспоминания хлынули наружу и затопили его, причинив нестерпимую боль. Он успел забыть, что это такое. За давностью лет многое в нем, казалось, омертвело.

Поначалу он решил, что Взлетающий Орел, закаленный долгими странствиями, сможет без посторонней помощи пройти сквозь измерения. (Наверное, он успел забыть силу их разрушительного воздействия.) К тому же на мгновение глаза Взлетающего Орла заблестели — он почти спас свой разум от самого себя. Но сил довести начатое до конца у него не хватило; оставался только один выход.

Вергилий Джонс должен был проникнуть туда, в измерение другого, гораздо более опасное, чем его собственное, и вывести человека к свету. Другого варианта просто не было. Разум Взлетающего Орла перегревался и скоро мог выгореть начисто. Как разум Вергилия Джонса, который когда-то почти уничтожил себя. Червяк, кусающий свой хвост, в конце концов поглощает себя.

Ведь миры, которые гора Каф и ее Эффект создавали внутри человека, не были фантомами. Это были вполне вещественные миры. Они могли причинять боль и ранить.

Целую вечность Вергилий Джонс просидел неподвижно, переживая заново муки своего прошлого, весь опыт путешествий по измерениям, прежде чем Эффект набрал силу и стал для него неуправляемым. Вергилий пытался ухватиться за столь нужное сейчас знание. Он был уверен, что когда-то слышал об этом — во время своих странствий он встретил кого-то — кого? — кто знал о технике соединения с разумом иного существа.

Взлетающему Орлу о своих путешествиях Вергилий Джонс так и не рассказал. В свое время эти путешествия Вергилий Джонс любил необыкновенно. Он проникал в иные реальности, иные физически альтернативные пространственно-

временные континуумы, существующие рядом, но в то же время в бесконечной дали. Прошел он и сквозь уничтожающее пребывание в собственном Внутреннем измерении, похожем на тот индивидуальный ад, в котором застрял Взлетающий Орел и который оставил его пустым и бессильным, хотя пока еще живым. Но был и третий путь среди измерений.

Мостик между двумя первыми путями.

Вергилий Джонс обнаружил, что, обладая определенным воображением, любой человек может создавать миры, физические, внешние миры, а не отражения душевного устройства или вселенные-палимпсесты.

Миры фантастические, в которых, однако, вполне мог жить человек.

В свое время Вергилий Джонс отличался весьма богатым воображением.

Он перебрал воспоминания о собственном крахе, когда его сила превратилась в чудовище, обернулась против него самого и испепелила его разум, и наконец добрался до времен относительного мира и покоя. Он улыбнулся. Какие удивительные миры он посещал в то время! Какие поразительные вещи узнал! Он с восхищением вспомнил сексуальные техники Иджака,

инстинктивную логику гениальных растений с Поли XI, звуковые скульптуры Аурелиона. Боль уже совсем унялась; он оставил ее далеко позади и теперь раскапывал свое прошлое с наслаждением истинного археолога. И наконец нашел то, что искал, — время, которое он провел на планете Спиральных танцоров.

Некоторые области науки порой стремятся к положению поэзии; а на планете Спиральных танцоров вековые традиции ученых-поэтов привели к возникновению разновидности физики, быстро превратившейся в высокую символическую религию. Исследуя строение материи и дробя ее на все более мелкие частицы, ученые добрались до самого нижнего уровня и обнаружили чистый и прекрасный танец жизни. То была гармония бесконечно малого, где энергия и материя двигались как жидкость. Энергетические потоки изящно сходились вместе и приводили к возникновению в этой точке щепоти материи. Щепоти объединялись между собой и приводили к возникновению других, бóльших щепотей или же распадались, отдавая в пространство прежнюю чистую энергию, причем происходило это в соответствии с очень строгим спиральным узором. Когда щепоти сходились, образуя материю,

их танец назывался Танцем усиления. В случае распада на первозданные энергетические потоки, щепоти исполняли Танец ослабления.

Это открытие оформилось в религию Спирального единства. Если все есть первородная энергия, то между предметами нет никакой разницы. Мыслящее существо и стол суть только виды одной и той же силы. Тезис этот получил научное подтверждение.

Главным обрядом религии Спирального единства, подробнейшим образом разработанным благодаря последовательному совершенствованию Теории многими поколениями ученых-поэтов, стал Спиральный танец. Танец представлял собой череду движений, основанных на первородных ритмах, и предназначался для того, чтобы любое скромное, несовершенное живое существо могло стремиться к фундаментальному совершенству. Исполняя Танец, можно было слиться с окружающим Единством всего.

Вергилий Джонс поднялся на ноги.

Он снял свой старый темный пиджак. Спустил старые темные брюки. Скинул старый темный жилет с золотой часовой цепочкой без часов.

В заключение он снял с головы котелок; всю свою одежду и белье он положил аккуратной

стопкой на распростертое тело Взлетающего Орла, туда, где все это не могло ему помешать.

Игнорируя протесты ноющих мозолей, он начал Танец.

Ашквака, который уже забрался в сознание Взлетающего Орла (ему сделать это было гораздо проще, чем Вергилию Джонсу), в скором времени ожидал сюрприз.

Мистер Джонс медленно обошел вокруг тела Взлетающего Орла, выпевая одну басовую ноту. При этом он вертелся вокруг собственной оси, через равные интервалы притопывая. Поднявшееся было в нем головокружение вскоре ушло. Через некоторое время он уже не думал о том, что делает. Тело само повело его, заставляя описывать круг за кругом. Еще через некоторое время он полностью отключился от окружающего мира — перестал чувствовать свое тело, вообще что-либо; все исчезло, кроме ровного гула, который теперь окутывал его пеленой. Потом стихло и гудение (хотя басовую ноту он еще тянул), и на несколько мгновений Вергилий Джонс не чувствовал, что вообще существует. Но тут вокруг него замелькали первые пограничные ряби сознания Взлетающего Орла; мозг Вергилия Джонса постепенно настраивался в тон мыслям

его несчастного спутника.

Если бы вы в этот миг находились в нужном измерении, то, вероятно, заметили бы полупрозрачный туман, окутавший их тела.

Вергилий Джонс спешил на помощь.

XXII

Загадка, которую ашквак загадал Взлетающему Орлу, самому ашкваку нравилась чрезвычайно. Заключив, что невосприимчивость аксона к Лихорадке немезирий происходит, по всей видимости, от временного паралича воображения, Мастер упорядочения решил заделать этот пробел своими силами: шарада, которую он создал, казалась ему образцовой, потому что все ее элементы, в том числе и отгадка, состояли исключительно из воспоминаний Взлетающего Орла; по сути дела, это было ложное измерение, лабиринт-обманка, вполне проходимый, в центре которого помещался взявший было свою судьбу в собственные руки Взлетающий Орел. Ашквак расслабился и приготовился насладиться попытками Взлетающего Орла решить эту шараду.

Состояла она из следующих элементов: было место под названием Абиссиния. Его описание ашквак отыскал в закоулках памяти Взлетающего Орла. Был также абрис глубокой пропасти, узкого каньона, чьи каменные стены уходили в небо. С тем чтобы придать ситуации пикантную напряженность, ашквак добавил в головоломку

фактор времени, заставив стены каньона медленно сдвигаться. Утесы медленно ползли навстречу друг другу; довольно скоро они должны были сомкнуться над головой Взлетающего Орла и превратиться в непроницаемую гробницу из сжимающихся камней.

На дне каньона вместе с Взлетающим Орлом находились два абиссинца. Абиссинцы отдаленно напоминали Деггла, приложившего в свое время руку к созданию этого мысленного образа, оба — высокие и мрачные. И тот и другой были в черных плащах и на шее носили изумрудные ожерелья. На этом сходство с Дегглом заканчивалось. (Но и без того картинка достигла своей цели — Взлетающий Орел был до того потрясен видом Дегглов-близнецов, что мгновенно и думать забыл о сестре Птицепес и своих новообращенных силах и позволил новому измерению прочно «схватиться», как бетон.)

Абиссинцев звали Халлит и Маллит. Они вели между собой спор без начала и конца, и очевидная бессмысленность и нескончаемость этого спора дополнительно сбивали Взлетающего Орла с толку и мешали ему мыслить связно.

Еще одна маленькая деталь: руки и ноги Взлетающего Орла были крепко связаны. Он лежал

рядом с сидящими на корточках перед костром абиссинцами. Они словно не замечали его присутствия и не отвечали, когда он заговаривал с ними.

Действительно, замечательная шарада.

На песке между Халлитом и Маллитом лежала золотая монета. Время от времени кто-нибудь из них брал ее и подбрасывал в воздух; таким образом они выходили из затруднений своего бесконечного спора.

В настоящий момент они, казалось, в какой-то туманной манере обсуждали Взлетающего Орла.

— У любой проблемы всегда есть два решения, верно, Маллит?

— Ну… — задумчиво протянул Маллит и подбросил монету. — Да.

Халлит облегченно вздохнул.

— Тогда если на одной стороне этой монеты — добро, то на другой будет зло. Если мир находится на одной стороне, то на другой — война.

— Не обязательно, — отозвался Маллит.

— Чисто теоретически, — предложил Халлит.

— Чисто теоретически, ладно, — согласился Маллит, снова подкинув монету.

— Тогда если на одной стороне монеты жизнь, тогда на другой смерть, — сказал Халлит.

— Только тогда, — ответил Маллит.

— Чисто теоретически, — хором воскликнули оба абиссинца и улыбнулись друг другу.

Стены каньона продолжали медленно сдвигаться.

— Но тут парадокс, — продолжил Халлит. — Предположим, что существует человек, избавленный от ожидания смерти. Предположим, он пускается в бесконечное путешествие, где есть начало, но нет конца. Не означает ли отсутствие в этом человеке смерти также и то, что в нем нет и жизни?

— Спорно, — сказал Маллит. Подбросив монету, он поправился: — Выходит, что так.

— Следовательно, человек этот попросту живой мертвец.

— Более или менее.

— Но согласен ли ты с тем, что главное различие между живым и мертвым сводится к способности действовать?

— Чисто теоретически, — согласился Маллит.

— Тогда такой человек должен быть бессильным. Беспомощным.

— Бессильным. Беспомощным, — эхом откликнулся Маллит.

— Неспособным управлять своей жизнью.

— Неспособным управлять своей жизнью.

— Он должен постоянно метаться между своими страхами и сомнениями.

— Метаться.

У абиссинцев были очень певучие голоса. Взлетающий Орел понял, что необычайно увлечен этим разговором. Раньше он не понимал, в чем состоят красота речи и смысл простой беседы и споров, которые могут продолжаться бесконечно. Чувствуя, что его уносит, Взлетающий Орел усилием воли заставил себя собраться. Это оказалось ужасно сложно.

Неожиданно он заметил, что происходит с каньоном. С того момента, как он оказался здесь, ширина ущелья заметно уменьшилась. Он попытался вырваться из своих пут — безуспешно. Он начал громко взывать к Халлиту и Маллиту.

— Может ли мертвец говорить? — спросил Халлит.

— Сомневаюсь, — ответил Маллит и подкинул монету. — Нет, — сообщил он.

— Нет, — эхом откликнулся Халлит.

Выхода нет, печально подумал Взлетающий Орел. Потом он вспомнил, что ему шептал Вергилий Джонс: выход есть всегда. Но Взлетающий Орел больше в это не верил. Он будет лежать

здесь, выслушивая бесконечные дискуссии этих двух экстраполяций своего собственного «я», пока скалы не поглотят их.

Взлетающий Орел закрыл глаза.

Ашквак был разочарован. Что толку в простой, но остроумной шараде, если человек даже не пытается решить ее? Конечно, из нее был выход. И очень простой. От этого человека требуется только немного подумать. В ашкваке медленно крепла уверенность, что Взлетающий Орел никогда не достигнет вершин в Игре упорядочения.

Но разочарование ашквака испарилось, сменившись изумлением, когда вдруг началось кое-что, к чему он не имел никакого отношения.

В дальнем конце каньона появился смерч.

Халлит заметил смерч и очень оживился.

— Маллит! — позвал он. — Смотри, Маллит, это смерч?

Не оборачиваясь, Маллит подкинул монету.

— Нет, не смерч, — отозвался он.

— Маллит, — воскликнул Халлит, — но это смерч. Это определенно смерч.

Тем временем смерч все приближался.

— Удивительный парадокс, — сказал Маллит.

— Удивительный, — с сомнением отозвался

Халлит.

А потом смерч налетел на них. Сила, которую принес с собой Вергилий Джонс, разрушила их тела, точнее, обозначение их тел, чуждый человеческому сознанию конструкт чужеродного воображения. Халлит и Маллит превратились во всплески первородной энергии, которой когда-то были. На планете Спиральных танцоров о них сказали бы: они станцевали свой Танец ослабления до конца.

Взлетающий Орел открыл глаза. Смерч остановился вперед ним и начал медленно сбавлять обороты.

— Кружащийся демон! — вскрикнул от страха Взлетающий Орел, вспомнив о том, о чем не вспоминал уже семь веков.

— Привет, — сказал ему Вергилий Джонс.

После нескольких наводящих вопросов мистера Джонса Взлетающий Орел вспомнил Деггла и его «Эфиопию». Едва это слово прозвучало, шарада ашквака была разгадана. Слово «Эфиопия» было ключом к шараде, выходом из нее. «Эфиопия… Абиссиния… I'll be seeing you… Увидимся… Прощайте». Взлетающему Орлу достаточно было сказать: «Прощайте», и шарада разрешилась бы.

Все было так просто, грустно подумал ашквак.

Очень просто. Абиссинцы выглядели как Деггл. Место названо половиной любимой присказки Деггла. Даже идиот догадался бы, что выход на волю увязан со второй половиной фразы. Даже идиот. В этом проблема большинства людей. Они ничего не смыслят в играх.

XXIII

Чистое бескрайнее море лежало вокруг них, соленые брызги кололи им щеки, освежали лица; море туманов и облаков, серые волны, скрытые под пеленой; море, где проще простого потеряться, тягучее, неизменное море.

Взлетающий Орел лежал, переводя дух, на жестких досках плота, еще не понимая до конца, где он, еще переживая недавнее происшествие; на его горизонте совершенно нагой Вергилий Джонс стоял под изорванным парусом, на страже, ощущая, как кровь восторженно бурлит в жилах. Сцена была создана во всех подробностях и накрепко запечатлена.

— Можно я буду звать вас просто Вергилий? — нерешительно подал голос Взлетающий Орел.

Оказалось, Вергилий будет только польщен.

— Конечно, конечно. Зовите меня Вергилий.

Продолжительная пауза для закрепления дружбы.

— А как мне называть вас? — наконец спросил Вергилий.

Взлетающий Орел ничего не ответил.

— Мистер Орел, вы слышите меня? — Вергилий

Джонс повернулся к индейцу.

Взлетающий Орел спал.

Вергилий Джонс проковылял на другую сторону плота и присел возле спящего.

— Я спас вам жизнь, но не стоит благодарить меня, — сказал он своему спутнику. — Это я должен благодарить вас, и слов, чтобы выразить свою благодарность, у меня нет. Я пришел сюда к вам, потому что это за мной числился долг, о котором никак нельзя было забыть. Не стоит меня ни за что благодарить; и ничего не бойтесь.

Море плескалось у бортов их утлого суденышка, набегало, а потом отступало; набегало и отступало, пока старый слон смотрел на тело молодого-старого оленя.

— У меня есть немного еды, — с удивлением сказал Взлетающий Орел. Он полез в карман своих рваных брюк и достал две черствые галеты. Он отдал одну галету Вергилию Джонсу, прикрывшему наготу старым плащом Взлетающего Орла. Они принялись неторопливо жевать.

— Зовите меня просто Взлетающим Орлом, хорошо? — предложил Взлетающий Орел и добавил: — Вергилий.

Они ели и смотрели друг на друга.

— Все, что вы когда-либо делали, по сути, было

подготовкой к острову Каф, — сказал Вергилий.

Взлетающий Орел заметил в Вергилии перемену: инертность сменилась спокойствием. Теперь в нем появилась сила, которая вселяла уверенность и во Взлетающего Орла. Мы зависим друг от друга, подумал Взлетающий Орел не без удовольствия.

— Все, что я когда-либо делал, — продолжил Вергилий, — в некотором роде было точно такой же подготовкой.

— А чем вы занимались? — спросил Взлетающий Орел.

— О, я путешествовал, — ответил Вергилий Джонс. — Как и вы.

Море о чем-то секретничало с плотом.

— В жизни любого человека есть высший пик, — сказал Вергилий. — Момент, в который все обретает смысл — понимаете? Который все оправдывает. В любом случае, так это вижу я. И вы либо движетесь к этому пику, либо удаляетесь от него. И только на мгновение взлетев на вершину, вы живете полной жизнью.

На плоту царил покой. Взлетающий Орел сел и стал невозмутимо разглядывать спокойную водную гладь вдали. Язык Вергилия время от

времени обегал губы, словно патрулируя их границы.

— Задумывались ли вы когда-нибудь о смысле выражения «окаменеть от страха»? — спросил он Взлетающего Орла. — Превратиться от страха в камень, чувствуете?

Чуть повернувшись к своему проводнику, Взлетающий Орел лениво ответил что-то, но Вергилий уже уносился мыслью дальше.

— Так люди живут в К., понимаете? — продолжал он. — Окаменев. Хотите знать от чего?

Вергилий резко вздернул плечи, словно сбрасывая с них груз.

— Всему виной эти проклятые измерения. (Он нахмурился.) Помните, я советовал вам сосредоточить мысли на чем-нибудь одном, на вашей сестре Птицепес например? Только так и можно защититься. В К. действие Эффекта чувствуется еще сильнее. Оттуда до Гримуса рукой подать. Это сводило их с ума… И они обнаружили, что единственная возможность держать эту чертову штуку под контролем — это сосредоточиться на чем-нибудь одном. До невозможности. Стать одержимым. Вот правильное слово — одержимость. Одержимость закрывает разум для измерений. Вот какой он, К., — город одержимых. Думаю, вы

понимаете, что я хочу сказать. Они там окаменели от страха. Нет ничего страшнее, чем быть внутри себя чужаком. Людям не нравятся собственные сложности. Это подлинная трагедия.

— Одержимость? — переспросил Взлетающий Орел. — Но чем? Чем одержимость?

— О, да чем угодно, — отозвался Вергилий. — Хоть бы и мытьем полов. Доведите одержимость до абсурда, и она станет вам отличной защитой. Взять хотя бы миссис О'Тул: одержимость постоянством — превосходная защита. Ведь, как я уже говорил, Эффект набирает силу, понимаете? Он распространяется.

Вергилий замолчал.

— Некоторые заставляют себя заново проживать каждый следующий день в точности как минувший. Один и тот же день, в точности, снова и снова. Переселенцы — они такие, пускают ложные корни. Если нагородить достаточно лжи, то можно добиться своего. И защититься.

Время остановилось; они сидели, стояли, двигались, спали. В какой-то момент Взлетающий Орел спросил Вергилия Джонса:

— А у вас, Вергилий?

— Что у меня? — не понял тот.

— Вы говорили, что в любой жизни есть пик…

а у вас?

— Ах, да, — отозвался Вергилий. — Мой пик давно позади.

Снова наступила тишина. Потом он сказал:

— Когда-то. Тогда. Раньше. Гроза титек, да.

— Вы были женаты? — спросил его Взлетающий Орел.

— О да, — ответил Вергилий Джонс. — В свое время. Кажется. Недолго.

Поднялся ветер. Их изорванный парус наполнился. Они продолжали плыть неизвестно откуда неизвестно куда по бесконечному морю.

— В бесконечность, — объявил Вергилий Джонс, — туда, где разрешаются парадоксы.

— Вергилий, — спросил Взлетающий Орел, — как вы думаете — я поправлюсь?

— Что? Поправитесь?

— Да, от Лихорадки измерений, — объяснил Взлетающий Орел. — Сейчас я отлично себя чувствую. Все успокоилось. Я выздоравливаю?

— Не знаю, — ответил Вергилий. — Может быть, да. А может быть, и нет. Чудовища не приходят поодиночке. Вы сами должны знать.

— Нет, — возразил Взлетающий Орел. — Я ничего не знаю.

— В любом случае (это только между нами), —

заговорщицки произнес Вергилий, — я уверен, что с чудовищами мы справимся.

Ашквак составил новый план. Больше он вмешиваться не станет. Но немного ускорить развитие событий все-таки не мешает; его уже начала одолевать скука. Хотя появление на сцене мистера Джонса обещало ему более интересное представление.

XXIV

Навстречу им из моря поднялась земля или, вернее, суша, подобной которой ни один из них никогда не видел. Она не была твердой, но и жидкой тоже не была — какая-то скользкая и блестящая масса. На мгновение она показалась пустой, как воздух, потом вдруг обрела консистенцию патоки, а следом стала гладкой, как стекло. Над поверхностью словно курился не то легкий пар, не то дым.

Вергилий Джонс знал, куда они попали. Это было самое близкое к выходу и в то же время самое опасное из всех Внутренних измерений. Они подошли к краю сознания Взлетающего Орла, к границе, за которой его чувства сливались с пустотой. Это была еще необработанная земля, сырье для разума. Если им удастся правильно воздействовать на этот нехоженый край, то он выведет их прямиком туда, куда нужно; но если у них не хватит сил справиться с ним, он распадется на клочки и их унесет прочь из сознания Взлетающего Орла. Иными словами, тогда их ждет смерть.

Плот уткнулся в сушу — или *застрял* в ней. Они

осторожно ступили на лишенное цвета и формы вещество. Взлетающий Орел нервничал.

— Мы в самой глубине, — объяснил ему Вергилий Джонс. — Теперь нам нужно собрать все силы и сосредоточиться. Соберитесь и представляйте себе топографию этого измерения, поскольку, как и в любом измерении, здесь есть свое устройство. Это серия концентрическихкругов.

— Серия концентрических кругов, — повторил Взлетающий Орел.

— Сейчас мы стоим на внешнем круге. Нам нужно добраться до центра.

— Добраться до центра, — повторил Взлетающий Орел.

— Как только мы окажемся в центральном круге, нам придется взбираться вверх. Пробуждение лежит прямо над центром. Все понятно?

— Да, — ответил Взлетающий Орел.

— Если у нас хватит сил, то, возможно, нам удастся создать в веществе, на котором мы стоим, проход. По этому проходу можно будет добраться напрямую до центра, и измерение не сможет нам помешать.

Сам Вергилий Джонс уже вошел в свое новое измерение. Его тон стал жестким и властным. Взлетающий Орел закрыл глаза и принялся вы-

страивать проход в веществе своего разума.

Проход, точнее тоннель, открылся прямо перед ними. Темно-серые стены тоннеля изнутри озарял грязный желтый свет. Радость Взлетающего Орла увеличилась, когда он понял, что формирует этот тоннель в приемлемую копию красного коридора, по которому в самом начале Лихорадки от него убежала Птицепес. Силы начали возвращаться к нему, податливая земля, пусть землей ее было назвать нельзя, растягивалась все дальше и дальше. Вергилий Джонс почувствовал огромное облегчение. Наконец в самом дальнем конце тоннеля они заметили крохотную манящую точку света.

— Пора в путь, — сказал Вергилий Джонс.

Взлетающий Орел ничего не ответил. Он из последних сил крепил тоннель по всей длине, поддерживая его существование, пока он не *схватится*. Всегда готовый помогать, Вергилий Джонс сосредоточился на создании средств передвижения. Через несколько мгновений (быстрота и точность исполнения приятно поразили его самого) они стали гордыми обладателями двух велосипедов.

— Все, что могу, — извинился он перед своим спутником, — тайна двигателя внутреннего сго-

рания всегда была выше моего разумения.

Тоннель наконец *схватился*. Оседлав своих анахронистических коней, они покатили вглубь тоннеля, к зовущему свету.

Несмотря на все последние несомненные успехи, Вергилий, как заметил Взлетающий Орел, по-прежнему был чем-то обеспокоен.

— Вергилий? — спросил он. — Вы ничего не скрываете от меня?

— Мой дорогой друг, — отозвался Вергилий Джонс. — Конечно, нет.

— Это хорошо. Тогда ответьте — вы знаете, что на другом конце тоннеля?

— Мой дорогой друг, — повторил Вергилий Джонс и замолчал; после паузы он тихо продолжил: — Это целиком зависит от вас.

— Не понимаю.

— По всей вероятности, — ответил Вергилий Джонс, — там вообще ничего не будет.

— И это вас беспокоит?

Вергилий Джонс откашлялся.

— Вы очень необычный молодой человек, — произнес он. — Возможно, вам не понадобятся… — Вергилий замолчал.

— Что?

— Чудовища, — ответил Вергилий Джонс.

Когда он все объяснил, Взлетающий Орел уже знал, чего ждать.

Излечение от Лихорадки измерений — процесс крайне сложный. Для того чтобы избавиться от Лихорадки, недостаточно просто уцелеть, недостаточно найти выход из лабиринта. Все это не избавляет заболевшего от Лихорадки, которая может повторяться снова и снова. Как только она проникает в вас, ваша сопротивляемость быстро снижается; после первого приступа нужно ожидать новых приступов, более серьезных, начинающихся без предупреждения. Кроме того, излечение не всегда бывает полным; однако оно означает избавление больного от худших сторон воздействия Эффекта на разум. Если, конечно, Эффект не убивает вас к тому времени.

Во Внутренних измерениях каждую жертву Лихорадки подстерегают ее собственные чудовища — в каждом случае конкретного и оригинального вида, — ее собственные дьяволы среди пожирающего ее изнутри огня. Собственные черви жертвы подтачивают ее силы. Через эти препятствия человек должен перескочить, если сможет. Но зачастую они оказываются ему не по зубам; тогда он умирает. Или не умирает, но существует отныне в виде совершенно исправного тела с

выжженным мозгом.

Все, что я делал до сих пор, сказал себе Взлетающий Орел, я делал, только чтобы выжить. Столько времени ушло, чтобы добиться такой малости. Вся моя жизнь — это поиск пути через лабиринт ходов, пути, ведущего к Птицепес и Сиспи и к выходу. Он потерял половину человеческого и не смог найти даже самого себя. И эта обедненность души сейчас достигла своей низшей точки. К этому бремени теперь прибавился новый крест — ответственность за жизнь Вергилия Джонса, спасителя, проводника и друга. Ну почему, мучительно думал он, жизнь, счастье всех и каждого, с кем я ни окажусь, немедленно подвергаются опасности? У меня никогда и в мыслях не было причинять кому-нибудь вред.

Словно прочитав его мысли, Вергилий произнес:

— За меня не беспокойтесь. Я рад, что сумел вам служить. Может быть, пригожусь и в будущем.

Тут Вергилий покривил душей — и знал это. Все, с чем они встретятся за неуклонно увеличивающимся полукругом света, коснется только Взлетающего Орла. Это будет только его схватка. Никто другой не сможет помочь ему, не снизив его шансы на успех.

Взлетающий Орел стиснул челюсти.

Птицепес, его поиски: все это гигантский тупик. Путешествие через бесплодные земли, лишившее его единственного сокровища — жажды жизни. Он решил, что если выйдет из этого тоннеля, то откажется от своих поисков. Он доберется до К. и поселится там. Жизнь в дружелюбном обществе равных покажется ему достаточной наградой, более чем достаточной, пусть даже отпечатки его пальцев давно стерлись о гладь вечности. Но если гора Каф тоже не совершенна (ведь нет на свете Утопии), что тогда? Совершенство есть высшее проклятие, опустошающая законченность. Так он и будет продолжать бесконечные поиски ложной человеческой добродетели, грязной и бородавчатой, среди ее мнимо-великолепных носителей.

Вергилий Джонс догадался об общей сути размышлений, занимающих его спутника, и его глаза затуманились. Он задумался о своей судьбе, над которой он был совершенно не властен. Теперь, когда Взлетающий Орел настроился на сражение, оно было неизбежно, как восход солнца в обычном мире. Все зависело от исхода предстоящей битвы. Вергилий приказал своему разуму настроиться на смирение.

Где-то на склоне горы Каф ашквака разбудил

звук мозговой сигнализации, и он немедленно принялся с интересом входить в курс последних событий. Так-то лучше, сказал он себе. Вот это другое дело. Будь у ашквака руки, он бы довольно их потер.

Взлетающий Орел и Вергилий Джонс — Дон Кихот и Санчо — на своих шатких велосипедах катили к месту встречи.

XXV

Все краски мира сошли с ума. Небо было красным, трава розовато-лиловой, а вода — ядовито-зеленой. Взлетающий Орел моргнул, но цвета не изменились. Тогда он стал пристально смотреть на неземной пейзаж вокруг, и постепенно, по мере того как его глаза привыкали к яркому свету, все делалось нормальным.

Они стояли на берегу реки. Позади был склон заросшего лесом холма и зияло жерло тоннеля. На другом берегу реки, которая вскоре впадала в ярко-зеленое озеро, высился еще один холм. Холмы окружали их со всех сторон, молчаливые тюремщики и судьи. Посреди озера возвышалось каменное здание — высокое и круглое. Из него до них доносился голос, пронзительный и резкий; он выкликал нараспев слова, которые сначала показались Взлетающему Орлу такими же случайными, как недавно цвета мира; но вслед за зрительными образами обрели должную форму и слуховые. Его сердце замерло.

Он не слышал этих слов уже более семи столетий: то был хвалебный гимн в честь великого бога аксона. Взлетающий Орел закусил губу. Вергилий

Джонс взглянул на него, но ничего не сказал.

Они стояли рядом со своими велосипедами у самой кромки воды. Взлетающий Орел огляделся и заметил лодку. Грубую рыбачью лодку, сбоку которой болталась привязанная дощечка с выведенным краской названием: «Скользящий клинок». Взлетающий Орел, мастер ножа, вовсе упал духом и понял, что увидел в этом названии предзнаменование. *Где лезвие скользит, скольжу и я.* Сделав Вергилию знак оставаться на берегу, Взлетающий Орел забрался в лодку; мистер Джонс с тяжелым сердцем бессильно опустился на траву и принялся следить за тем, как Взлетающий Орел гребет к каменному святилищу, из недр которого его звал к себе голос прошлого. Рядом с Вергилием на пустом берегу криво и бесполезно лежали их велосипеды.

Священное пламя создавало дополнительную иллюзию. Когда настороженный Взлетающий Орел вошел в открытые двери здания, первое, что он увидел в уже знакомом грязно-желтом свете, были две гигантские тени на противоположной входу стене. Великаны: верховный вождь аксона в парадном головном уборе восседал, прямой как палка, в церемониальном кресле, а жрец, стоя пред ним на коленях, нараспев читал молитвы;

картина достигала в высоту примерно двадцать футов.

Все это действо было разыграно благодаря священному пламени. Оно было возжжено в каменной жаровне, внизу, подле монументальной каменной платформы — именно на ней на самом деле разыгрывалась сцена, гигантские тени от которой ложились на дальнюю стену. Взлетающий Орел не сразу разобрался в игре света и теней и несколько мгновений холодел сердцем — дважды обманутый иллюзией, он с уверенностью ожидал третьего обмана; но основным здесь было все-таки нечто другое: обезумевший от страха, он был непоколебимо уверен в том, что старый смуглый горбоносый вождь в уборе из перьев — не что иное, как одна из инкарнаций бога аксона. И поскольку это измерение было таким, каким оно было, правдой становилось то, во что верил Взлетающий Орел.

Бог аксона поднялся со своего трона; жрец продолжал нараспев повторять молитву, пока бог взмахом руки не велел ему замолчать. Бог был невысок ростом, но огонь его свирепых глаз под тяжелыми веками без труда пронизывал даже холодный сумрак святилища.

— Итак, Рожденный-от-Мертвой все-таки при-

шел к своему богу, — провозгласил аксона, и от этих слов сердце Взлетающего Орла снова обдало холодом. Ибо ему открылось то, что было до сих пор скрыто под покровом темноты и церемониальных одежд.

Старый смуглый горбоносый бог в уборе из перьев был женщиной.

— Рожденный-от-Мертвой.

Богиня выкрикнула это имя (самовольным именем воина она пренебрегла, явно желая оскорбить) высокомерно, с крайним отвращением.

— Все, что Неаксона, Нечисто, — молвила богиня. — Нечисто. Разве забыл ты, жалкий нечистый выродок, что означает этот закон? Ты пришел осквернить это священное место, ты, белокожий, бледнолицый, полукровка среди чистых, предатель своего племени, ты пришел совершить высший акт богохульства. Рожденный-от-Мертвой терпеть не может аксона; он пришел не на поклонение. В смерти ты родился, и разрушение — твоя судьба. Все, к чему ты прикасаешься, становится грязным; все, за что ты хватаешься, ломается; всякий, кого ты любишь, задыхается от твоей любви; всякий, кого ты ненавидишь, очищен твоей ненавистью. Кого ты пришел уни-

чтожить — не саму ли богиню аксона? Неужели червь так глубоко проник в тебя?

Слова богини коснулись самых потаенных сомнений Взлетающего Орла; он едва мог говорить, но сумел-таки заставить свои пересохшие губы шевелиться. Его слова едва слышно прошелестели в полумраке.

— Не знаю, смогу ли я, — сказал он. — Но если смогу, то уничтожу тебя.

Богиня аксона расхохоталась, и ее безудержный смех разнесся под сводами святилища.

— Ты приговорил себя своими устами, Рожденный-от-Мертвой, — выкрикнула она. — И от своей руки ты погибнешь.

Богиня опустилась обратно на трон, но теперь на ноги поднялся жрец, хранивший молчание во время всего разговора, — он повернулся и сбросил плащ. Самообладание Взлетающего Орла получило еще один удар.

Он смотрел в собственные глаза.

Да, в собственные глаза: но в остальном это было лишь его гнусно измененное отображение. Тело было таким же, и, как у самого Взлетающего Орла, за головной повязкой у существа торчало перо, однако остальное облачение разительно отличалось. Полосатый однобортный пиджак

прикрывал его голый торс. Кожа была мертвенно-белой. Пояс обвивала нитка бусин, с которой свешивались два квадратных куска материи — желтый квадрат прикрывал гениталии, голубой — ягодицы. Никакой другой одежды на двойнике не было. В его ушах блестели женские серьги, на щеках алели румяна, на губах помада. Брови существа были выщипаны в виде тонких дуг, длинные ресницы свисали вниз.

И голос — еще не сломавшийся, высокий голос евнуха, пародия на его собственный:

— Иди сюда, Рожденный-от-Мертвой. Давай.

В правой руке существо держало легкий топорик, томагавк. В левой руке у него было ружье. В том, что ружье заряжено, Взлетающий Орел нисколько не сомневался. Сам же он был безнадежно безоружен.

— Иди же, Рожденный-от-Мертвой, — раздался насмешливый голос богини аксона. — Ты готов сразиться с моим защитником? Говорят, ты великий воин. Так давай, иди.

Взлетающий Орел вздохнул и медленно двинулся вперед.

Он рассчитывал, что его суррогат поступит так, как он сам поступил бы в подобной ситуации, и выберет томагавк, прежде чем прибегнуть к гру-

боватой помощи ружья. Взлетающий Орел всегда лучше чувствовал себя с метательным оружием для ближнего боя. Он шел ленивой, почти наглой походкой и небрежно сунул руки в карманы, чтобы пуще раззадорить противника.

И тут его правая рука сомкнулась на каком-то твердом, округлом предмете. Он с удивлением вытащил его наружу. Это была *Кость К.!* Та самая Кость, которую бросила ему Птицепес, прежде чем исчезнуть в проходе, уводящем в глубь ее тела.

Кость К.: Взлетающий Орел не стал долго размышлять. Он мог бы спросить себя: откуда она взялась спустя столько времени? Возможно ли, что он просто ее не замечал? Но сейчас все это не имело значения. У него было оружие, и это в корне меняло характер схватки. Теперь его противник вполне мог решить сделать выбор в пользу безопасности и сразу же воспользоваться ружьем. У Взлетающего Орла были считаные секунды, то мгновение ступора, в который жрец впал, когда увидел в его руках неожиданный предмет.

Одним плавным движением Взлетающий Орел метнул Кость, как бросил бы большой и нелепый дротик. Кость ударила жреца в запястье руки,

сжимавшей ружье. Короткий крик боли, и ружье упало на пол. Кость тоже упала; она раскололась вдребезги, в результате чего и Взлетающий Орел, и его двойник пораженно застыли на месте.

Позже Вергилий Джонс разъяснил Взлетающему Орлу тайное значение этого предмета. Это был шифр, ключом к которому служили звуки его названия:

К — место. Кость — предмет. К.-Кость, иначе Каость, Ка-ось — Хаос. Вот так.

Но тогда Взлетающий Орел мог только наблюдать ужасающий эффект от разрушения Кости.

Мельчайшие ее осколки вихрем поднялись с пола и образовали облако посреди места сражения. Сначала туда кануло ружье. Оно просто перестало существовать. Затем начали исчезать и другие вещи.

В центре святилища образовалась дыра. Стремительный распад структуры измерения. Хаос.

Взлетающий Орел пришел в себя на секунду раньше своего альтер эго; возможно, потому что стоял дальше от дыры. Он бросился на жреца вперед головой и со всей силы боднул его в живот. Суррогатный Взлетающий Орел пошатнулся, сделал шаг назад, потом в сторону.

И провалился в дыру, обратившись в хаос, в

небытие.

Богиня аксона поднялась на ноги, ее глаза сверкали гневом; но за этим гневом, как мгновенно понял Взлетающий Орел, крылся страх. Кость К., элемент случайности, сорвал ее идеально выстроенный план; теперь она была во власти Взлетающего Орла. Медленно и осторожно он направился к ней.

— Стой на месте, Нечистый, — сказала она, но голос выдал ее.

— Я не знаю, что ты такое, — на ходу ответил Взлетающий Орел, — но знаю, что, осквернив тебя, очищу свое прошлое. Очищусь от стыда и вины, которые владеют какой-то скрытой частью моего разума, свидетельством твое здесь присутствие. Чтобы освободиться, я должен сделать нечистой богиню аксона. Ясно?

Он произнес эти слова с легким изумлением, словно в озарении.

А затем изнасиловал ее.

К ожидающему на берегу Вергилию Джонсу «Скользящий клинок» доставил другого Взлетающего Орла. Вергилий выслушал его рассказ и сказал:

— Вам правда нужно что-то делать со своим

воображением. Оно у вас чересчур буйное.

После этого Взлетающему Орлу было уже несложно с помощью Вергилия Джонса вырваться из паутины Лихорадки измерений. Спасение их выглядело очень просто: Взлетающий Орел закрыл глаза и, пока Вергилий Джонс танцевал Танец усиления, приказал себе проснуться. После того как сражение было закончено, накал ощутимо спал. Взлетающий Орел стал сильнее своего Внутреннего измерения.

Длительный опыт, однако, развил у Взлетающего Орла не только силу, но и определенную чувствительность к нюансам и *неправильностям;* и пока их с Вергилием Джонсом сознания всплывали к поверхности (придвигаясь друг к другу все ближе и на мгновение почти соприкоснувшись, чтобы затем окончательно разойтись), Вергилий Джонс, а не Взлетающий Орел, ощутил присутствие третьей личности, третьего сознания, тоже стремящегося наверх.

За миг до затмения, скрывшего тот момент времени, в который Вергилий Джонс был возвращен себе, он успел соприкоснуться с непрошенным гостем и понял это.

Пробуждение. Он был полностью наг, его одежда лежала стопкой там же, где он оставил ее: на

груди Взлетающего Орла, вокруг высился лес, а тело все еще размеренно повторяло методичные движения Танца усиления. Он был смертельно измучен и едва мог стоять на ногах, но, охваченный яростью, забыл об усталости.

— Где ты? — заорал он. — Покажись!

Из леса до него донесся «голос» невидимого ашквака.

— Мои поздравления, мистер Джонс.

Вергилий принялся торопливо одеваться.

Когда Взлетающий Орел пришел в себя, голова у него просто раскалывалась. Во второй раз на острове Каф вопрос «где я?» готов был сорваться с его губ; слабо дернув ртом, он отогнал вопрос прочь. Где хоть что-нибудь? — спросил он себя.

Как бы там ни было, он находился на горе Каф; знакомый лесистый склон говорил сам за себя. Как и эхо измерений — Эффект никуда не делся, пусть он и научился справляться с ним… с этой ноющей болью в глазах, ушах и голове. Вскоре все эти ощущения должны были смениться легким тиннитусом, дающим о себе знать только в моменты полного покоя. Но сейчас раздражающий шум не отпускал его, оставаясь визгливым напоминанием о бесконечных полостях мира.

Взлетающий Орел встал и обнаружил, что

вокруг никого нет. На мгновение его охватила паника; он выкрикнул на всю поляну имя Вергилия. А затем, успокоившись, он услышал в лесу голос. Голос Вергилия, низкий и сердитый. Взлетающий Орел крадучись пошел на этот голос, вспомнив о приемах скрытого передвижения, известных ему с детства.

В лесу Вергилий Джонс спорил со старым знакомым.

XXVI

— Как видите, — говорил ему «голос» ашквака, — я остался.

— И рука закоренелого любителя совать нос в чужие дела, — отзывался Вергилий, — не могла воздержаться от одного-двух неуместных жестов.

— Это как котелок и горшок, — ответил ашквак. — Как бревно и сучок.

— Знание простейших идиом, — заявил Вергилий, — не предоставляет никаких свобод. Всякий интеллект, ограничивающий себя одним только структурализмом, обречен навеки оставаться узником собственных сетей. Все ваши слова нужны лишь для того, чтобы плести кокон вокруг вашей неуместности.

Такое случалось с Вергилием Джонсом, когда он злился: его речь становилась витиеватой и неясной. Виной тому был страх выдать, что он потерял самообладание. Когда он злился, он чувствовал себя слабее всего, ему казалось, что его можно легко обмануть; посему его речь плела вокруг себя такой же кокон, как тот, который он ставил в упрек ашкваку.

Зол он был как никогда. Его ярость во многом, говорил он себе, была реакцией. Он подверг себя суровому физическому и психологическому испытанию, само его выживание было под угрозой; вполне логично, рассуждал он, что после такого любой человек может слишком бурно отреагировать, если его спровоцировать.

Но была и другая причина. Возвращаясь из своих последних путешествий, он чувствовал себя превосходно; он чувствовал себя так же, как чувствовал когда-то. Тогда. Давно. Раньше. Воспоминания о молодецком самочувствии ввиду теперешнего жалкого холерического состояния были просто невыносимыми. Ярость порождала в нем еще большую ярость. Это был порочный круг.

Большой язык Вергилия раз за разом обегал губы; бисеринка слюны скатилась к ямочке на подбородке; кулаки в карманах мятого пиджака лихорадочно двигались. Он сидел на поваленном суке неизвестного ему хвойного дерева; сидеть было жестко. Он угрюмо пнул шишку, смотря при этом на невидимое существо, словно стараясь обжечь его взглядом.

Взлетающий Орел молча прижался к земле и стал наблюдать за тем, как его проводник пре-

рекается с пустотой и, по-видимому, получает от нее ответы. («Голос» ашквака мог слышать только тот, к кому он обращался.) Вергилий Джонс, подумал Взлетающий Орел, в тебе гораздо больше всего, чем кажется на первый взгляд. И это был комплимент, поскольку Вергилий Джонс на любой взгляд выглядел как человек, в котором очень много всего.

Третий герой спокойно сидел в десяти футах от Вергилия Джонса, прислонившись к дереву. Сенсорная аура ашквака слегка дрожала. Это противостояние его не пугало, он был приятно удивлен, что снова встретился с мистером Джонсом; более того, эта встреча давала ему ключ к тому, каким может стать Итоговое упорядочение. Однако последняя фраза мистера Джонса, как и предполагалось, больно задела ашквака. Неуместности, в самом деле?

— Известен ли вам, мистер Джонс, — надменно спросил ашквак, — мой статус Упорядочивающего?

Мистер Джонс ничего не ответил.

— Полагаю, что да, — продолжил тогда недовольный голос. — В таком случае вы должны быть знакомы с Главным Правилом этого благородного призвания.

Мистер Джонс напустил на себя невинный вид. Сумев пробиться наконец сквозь (толстую) шкуру ашквака, он вдруг начал успокаиваться.

— Возможно, мне следует напомнить вам его, — бросил ашквак. — Возможно, это заставит вас в будущем воздержаться от подобных намеков.

— Если не ошибаюсь, — отозвался Вергилий Джонс, — Главное Правило рекомендует воздерживаться от всякой неуместности. Пожалуйста, поправьте меня, если я ошибаюсь.

Наступила короткая пауза.

— Ошибки нет, — ответили наконец ему.

— Тогда означает ли это, — продолжил Вергилий Джонс, — что я могу обвинить Мастера в кардинальном нарушении его же собственных правил?

На этот раз в воздухе повисло ошеломленное молчание.

— Основания, — коротко сказал ашквак. — Ваши основания, пожалуйста.

— Во-первых: вы позволили себе вторгнуться во Внутреннее измерение другого существа — неприкосновенное, за исключением крайней необходимости — и тем самым совершили поступок не только неуместный, но и недвусмысленно опасный. Даже самые опытные из Мастеров не

могут без риска играть с Внутренними измерениями других людей. В этом же случае риск был огромный.

— Если вы клоните к тому, что я намеревался причинить вашему спутнику вред, то вы недооцениваете мои способности. Я интуитивно почувствовал, что ваш спутник сыграет свою роль в процессе Итогового упорядочения, и с моей стороны было бы чрезвычайно неразумно искажать это Упорядочение намеренным действием. Я лишь задал ему шараду, чтобы углубить его знания об измерениях. Примите во внимание следующий факт: если бы я этого не сделал и он бы сразу же сразился с Лихорадкой, то он никогда бы не победил своих чудовищ. Разве это можно назвать неуместностью?

Вергилий задумался на минуту.

— В ваших словах есть доля истины, — признал он. — Но мы не знаем одного — действительно ли ему нужно было одолеть своих чудовищ. Но что сделано, то сделано, и теперь даже он скажет, что это было необходимо. Но, будь все по-другому, возможно, ему бы и не пришлось этого делать. Ваше оправдание опирается на недоказуемую предпосылку.

— Бремя доказательства лежит на вас, — при-

шел ответ.

Вергилий начал новую атаку.

— Во-вторых: вы не будете причастны к Итоговому упорядочению острова, но, даже выяснив это, вы не покончили со своей неуместностью здесь и остались. Зачем? Вы никому не нужны на острове; вы не являетесь частью его замысла, поэтому, по вашим же правилам, если бы он как-либо использовал вас в процессе Упорядочения, это было бы искажением естественного хода вещей, Наблюдатели нам тоже не нужны. Что скажете на это?

Молчание длилось несколько минут. (Взлетающий Орел, лишенный возможности слышать половину этого жутковатого диалога, был наполовину уверен, что он закончился. Затем в голове Джонса снова зазвучал голос ашквака, на этот раз медленный и угрюмый:

— Это грамотный ход, мистер Джонс. Вам с самого начала не следовало допускать, чтобы раздражение взяло верх над вашим здравым смыслом. Первый ход был напрасным, так что совершенства вы не достигли. Но, как бы то ни было, счет очков — вещь строгая. И счет есть счет. Счет есть счет. Счет есть счет. Счет есть счет.

Голос, несколько раз монотонно повторивший

одну и ту же фразу, был обременен знанием о поражении. Вергилий, внезапно проникшись сочувствием, спросил:

— Но, Мастер — если вы знали, зачем остались?

— Не стоит называть меня Мастером. Мастер не поступил бы так.

— Но Мастер сделал именно это, — сказал Вергилий. — И я хотел бы знать причины.

Ашквак ответил просто:

— Мне здесь понравилось.

Вергилий попытался представить себе пейзаж планеты Язлем. Пустынный. Безжизненный. Естественно, что такое высокоразвитое существо, как ашквак, предпочло сложное устройство острова Каф.

— Мастер, — произнес он наконец, — я должен попросить вас покинуть нашу землю.

Ответ ашквака был резким. Вызывающим.

— Я не уйду. Я останусь.

— Тогда, — продолжил Вергилий, чувствуя, как все его тело ломит от усталости, — я вынужден Упорядочить вас вон.

Из пустоты донеслось что-то вроде глухого смеха.

— Может быть, я и потерял форму, но не на-

столько, — отозвался ашквак. — Вы одержали временную победу благодаря моему непростительному отступлению от Правил. Но победить меня в Упорядочении у вас не получится.

Взлетающий Орел увидел, что Вергилий Джонс встал. Он прикрыл лицо руками, и случилась удивительная вещь: он словно бы стал *расти*. Но не в высоту. И не в ширину.

Мистер Джонс рос в глубину.

Единственная фраза, при помощи которой можно было бы объяснить происшедшее, имела любопытный второй смысл.

Вергилий Джонс добавил себе несколько измерений.

Не только мне приходится сражаться, подумал Взлетающий Орел; но Вергилий слаб, а я был готов к борьбе. Кроме того, выбор места сражения за его противником.

Мысли Вергилия Джонса неслись приблизительно в том же направлении; но еще он был очень доволен своим продолжающимся пробуждением. Казалось, он снова может посещать другие измерения спустя столько времени наконец-то. Вот оно. Боль.

Вергилий Джонс повернулся лицом к ашкваку.

— Мистер Джонс, — произнес тот. — Позвольте

одно слово перед началом поединка. На тот случай, если вы одержите победу.

— Слушаю? — ответил мистер Джонс. (Что это — тактика затягивания?)

— Не только я неуместен на этом острове, мистер Джонс. Боюсь, что и вы тоже.

Вергилий ничего не ответил, но было ясно, что ашкваку удалось его задеть. Его возрождение было хрупким процессом. Сомнения могли легко все разрушить.

— Интуитивная догадка, мистер Джонс, ничего более, — продолжил бестелесный голос. — Мне представляется, что вы не примете особого участия в Итоговом упорядочивании. Это ясно как день. Не находите, что это придает нашему поединку приятную симметрию, а, мистер Джонс?

— Давайте приступим, — отрезал Вергилий Джонс.

Для Взлетающего Орла дальнейшее не отличалось особой насыщенностью событиями. Не имея опыта проникновения во Внешние измерения, он не мог выйти на поле битвы. Вергилий Джонс неподвижно застыл, склонив голову к груди, подняв руки и выставив их ладонями вперед, словно человек, толкающий тяжелую дверь. Затем он внезапно, без предупреждения, рухнул ничком

на землю. Неподвижная материя замерла кучей на лесной подстилке.

Взлетающий Орел бросился вперед.

Вергилий Джонс с трудом пришел в себя.

— Не о чем беспокоиться, — прошептал он. — Это даже схваткой не назовешь. Безнадежно. Вошь, пытающаяся изнасиловать слона. Я не смог Упорядочить его отсюда. Это не получилось бы у меня и за миллион лет. Это его игра.

— Но где же он? — спросил Взлетающий Орел, оглядываясь по сторонам.

— Кто знает, — ответил Вергилий. — Да это и не важно. Он нас больше не тронет. Первый раунд, как бы там ни было, остался за нами. Кто избавит меня от этого надоедливого ашквака? — крикнул он затем, смело попытавшись выказать беззаботность.

Что-то случилось с лицом Вергилия Джонса. Последнее поражение не только обессилило его, но и лишило чего-то гораздо большего. Этот Вергилий Джонс вновь стал похож на того человека, каким он казался сначала: неуклюжим, нерешительным, бесполезным. Отважный покоритель Внутренних измерений исчез, опять превратился в вечного неудачника.

— Вергилий, — сказал Взлетающий Орел. —

Вергилий. Спасибо вам.

Вергилий Джонс хмыкнул.

И потерял сознание.

Пациент и заботливая сиделка поменялись ролями.

XXVII

Когда-то. Тогда. Давно. Раньше. Гроза титек. Да, я. Они легко попадали мне в руки. Они попадали ко мне. Я ублажал их. Легко. Нежно, хотя некоторые любят пожестче. Нежно вел на пик блаженства. Мягко на вершину боли. Груди, похожие на пару горных пиков-близнецов, они сами просились в руки, это были вершины, уступающие прикосновению. Все мое. Сладкие штучки. Что за сладость. Развратник, тогда… Любые органы от бездействия увядают. Я не знал удержу, тогда. *Дай мне это, Вергилий.* Давай и бери, давай и бери, пинг-понг одержимых тел. *Вергилий, ты знаешь, как доставить удовольствие.* Пожалуйста… умоляли они, и я мял их упругие вулканы. Мне была нужна их мягкость. Ты девственница, да? А меня звать Вергилий. Думаю, мы с тобой можем стать друзьями. И это срабатывало. Тогда. Птицы. Сначала они ворковали, точно горлицы, мне в ухо, поклевывали мочку, а потом, когда дело подходило к концу, квакали, что твоя водяная черепаха. Тогда. Раньше. Ах, я, любитель птиц, нет более любящей птицы, чем я. Все, о чем я только мог мечтать — но обо мне мечтали чаще,

чем я о других, — обними меня покрепче, пожалуйста, обними! Когда-то. Тогда. Давно. Куда ни двинешься — внутрь, наружу, — блуд никогда не меняется. Вот чудно-то. Принцип удовольствия преодолевает любые границы. Контрацепция распространяется на миллион разных мест, разных миров, разных способов сношения, vive la différence, я был там, где была таблетка и моя конфетка, где была спираль и моя вертикаль, и я их ублажал. Легко. Все в моих руках. Когда-то. Тогда. Давно. Раньше. До Лив.

Выпей, мой Вергилий. Это вода из ручья.

Съешь, мой Вергилий. Это ягоды с дерева.

Теперь отдохни, мой Вергилий. Помолчи и поспи.

Отдыхай и поправляйся.

Моя ошибка. Моя вина. Mea maxima. Прости, что я разговаривал. Прости, что я двигался. Прости, что я жил. Прости. Я на коленях. Прости меня. Лив. Я виноват. Хочешь стихами. Или буду молчалив. Ли-и-ив. Дай мне облегчение. Она всегда была для меня Лив, ее имя рифмовалось с жив и блудлив, и она была моей женой. Ох, гроза ее титек. Восхи-

тительных и белых. Я попытался взобраться на них и сорвался. Сильные не прощают слабых. Не прощают. Их. Недостаточность. Вдвоем мы могли затмить своим блеском любую звезду, горели ярче самой яркой из них, мой мотылек летел к ее свечке, я обжегся — и упал. Жара безжалостна к теплым. Она была горяча. Жаба, говорила она, и я квакал. Иди, говорила она, и я шел. В ужасе перед титьками. Тогда. Но. Раньше. Дочь Взрастающего сына, я думал, ты любишь меня. В доме наслаждений я платил добротой. Ты так *добр,* говорила она, так *добр,* и мне казалось, она любит меня. Любовь растет и поглощает свою любовь, переваривает и выплевывает. Обожженную желудочным соком ее любви. Прости. Лив. Из дома восходящих солнц в черную дыру, в черно-дырявый дом, ты взошла и почти закатилась. Горечь сменила твою гордость, прости. Она ласково ерошила мои волосы, а однажды вырвала клок прямо с корнями. Темная женщина с чистой светлой кожей, светлыми волосами и светлыми глазами, такими светлыми и такими темными, и все же такими светлыми. В ней огонь, сжигающий мужчин, но и лед, чтобы излечить их. Я не был мужчиной. Для. Нее. Лив, ледяной пик совершенства, как ты столкнула меня вниз, прости, что я… меа… maxima… Тогда.

Давно. Раньше. Сильные не прощают. Слабым их недостаточность.

XXVIII

— Лив была моей женой, — сказал Вергилий Джонс. Он сидел на краю поляны, прислонившись к дереву. — Ей нужен был более сильный мужчина.

Взлетающий Орел давно уже решил не задавать лишних вопросов Вергилию — хватало и того, что тот готов был рассказать о себе сам. Лишние вопросы могли причинить боль. Поэтому он ничего не спросил о Лив.

— Я помню К., — рассеянно продолжил Джонс. — Помню, как они там появились. Они строили жилье, женились, развратничали. А один или двое… пошли еще дальше.

— Вы хотите сказать, как Гримус? — быстро спросил Взлетающий Орел.

— Ну, — ответил Вергилий Джонс, поджимая губы. — Не уверен, что я так говорю.

— То есть?

— Говорю ли я как Гримус.

Несмотря на свою досаду, Взлетающий Орел не мог удержаться от смеха.

— Если вы начали шутить, значит, дела ваши идут на лад, — сказал он.

— Мой дорогой друг, — отозвался Вергилий. — Это была не шутка.

— Я знаю, — ответил Взлетающий Орел, все еще не отсмеявшись. — Просто небольшое замечание.

Вергилий пожал плечами.

— Вергилий, — снова спросил Взлетающий Орел, — что такое или кто такой Гримус?

— Да, — ответил Вергилий Джонс.

— Печальный факт, — снова заговорил Вергилий, когда они наконец продолжили свое восхождение. — То, что окружает человека, гораздо эпичней его самого. Эпичными обычно бывают события; люди — крайне редко. Поэтому они считают такие события ужасными. Я уже говорил вам о причинах своего суеверия — здесь, на острове, случиться может все что угодно; уверен, теперь вы меня отлично понимаете. Но есть и другая манера поведения, а именно: *если случиться может все что угодно, давайте сделаем так, чтобы этого никогда не произошло.*

— Вы имеете в виду Долорес? — спросил Взлетающий Орел.

Вергилий промолчал.

XXIX

— Проклятье, — произнес Николас Деггл.

Он стоял на берегу острова Каф. Он прошел сквозь те же врата, через которые две недели назад отправил сюда Взлетающего Орла. Деггл был зол на себя и, следовательно, на всю вселенную. Он совершил такую элементарную ошибку, что это было просто уму непостижимо: он неправильно рассчитал, где окажется, пройдя сквозь врата, и находился теперь не на той стороне Леса. Делать было нечего, ему предстояло совершить восхождение на гору.

Он должен был догадаться — врата располагались на уровне моря, значит, логической точкой выхода становился как раз берег. Вот только во время всех *настроек,* которые он проделал при помощи своей волшебной палочки, Стебля Розы, он метил в точку выше К.; когда по прошествии дней стало ясно, что врата исправно действуют, он беспечно предположил, что именно туда попал Взлетающий Орел. Какой же ты дурак, горько сказал он себе самому, а затем отбросил эту мысль подальше: для самокритики было не время, ему предстояло слишком много дел.

О том, чтобы вернуться через врата обратно в X. и уже оттуда заново просчитать проход, не стоило и думать; было ясно, что для таких серьезных предприятий Стебель недостаточно надежен, а ему и так понадобились годы, чтобы добраться так далеко. Кроме того, врата позволяли пройти только в одну сторону: здесь тоже все упиралось в свойства времени. Не стоило также пытаться подняться при помощи Стебля на вершину горы: из-за ненадежности палочки Деггл мог оказаться в положении еще хуже теперешнего. Делать было нечего — ему оставалось только лезть вверх.

— Проклятье, — повторил он.

Его длинное и стройное тело не было предназначено для таких физических усилий. Одна мысль об этом заставляла его рот извергать ругательства.

Представив, какой будет реакция Гримуса — а также, конечно, и Джонса, — когда они узнают о его возвращении, он приободрился. Я вернулся, сказал он на весь берег. Вернулся сделать то, что следовало сделать уже давно и что ему не дали сделать. В этот раз он позаботится, чтобы ему не помешали.

Неожиданно Деггл заметил, что на берегу он не один. Неподалеку прямо на песке, рядом с пустым

креслом-качалкой, сидела и пристально смотрела на утес женщина. Деггл узнал это кресло, оно принадлежало Вергилию Джонсу. Женщину Деггл тоже знал: на острове не было никого столь же уродливого, как миссис О'Тул. Но тут была какая-то загадка. Деггл не спеша направился в сторону Долорес. Не обращая на него внимания, та пела свои беззубые песни.

— Миссис О'Тул? — спросил ее Деггл.

Долорес перестала петь и медленно повернула голову к Деггу.

— А, дорогой, это ты, — сказала она. — Садись.

«Дорогой?» — удивленно подумал Деггл; но он изрядно устал, так что опустился в кресло Джонса.

Вергилий, подумала Долорес. Веселый голос, мешковатое лицо. Возвышенное сердце в обвисшем теле. Вергилий, который оторвал ее от бездушного церковного воска и одарил плотью. Как же ей повезло с ним.

— Вергилий, — громко сказала она, наслаждаясь звуками его имени. — Вергилий Джонс.

Деггл внимательно наблюдал за ней.

— Он здесь? — спросил он, пронзая миссис О'Тул взглядом.

— Как всегда, — отозвалась она, хватая его за

руку. — Вергилий здесь.

Деликатно поморщившись, Деггл высвободил руку.

— Так вы… его женщина? — спросил он.

Долорес О'Тул с обожанием посмотрела на него и запела своим жутким голосом:

— *Любовь со мной, пока моря не высохнут до дна.*

Эта песня в исполнении горбатой старухи показалась Дегглу невероятно забавной. Сквозь смех он выдавил:

— Какая разительная перемена по сравнению с Лив, не находите, миссис О'Тул?

— Никаких перемен, — ответила Долорес. — Все по-прежнему, верно, дорогой?

— Полагаю, что так, — сказал Деггл, так как она определенно ждала от него ответа.

Долорес счастливо улыбнулась.

— О, Вергилий, — пропела она отшатнувшемуся Дегглу, — я так люблю тебя.

Деггл уже знал, что делать.

— Я тоже люблю тебя, — ответил он, перебарывая подступающую тошноту.

— Пора домой, — сказала ему женщина. — Пора завтракать. Дай мне ремень.

— Мой ремень? — чуть ли не взвизгнул Деггл.

— Какой ты капризный, — заявила миссис О'Тул. — Ну же, давай.

Деггл непонимающе протянул ей свой ремень. В отличие от Вергилия ему не понадобилось после этого поддерживать брюки руками. Кроме того, в отличие от Вергилия он был худым, так что его ремень оказался коротковат.

— Пожалуй, сегодня я управлюсь и так, — невозмутимо сказала Долорес.

Николас Деггл, отчасти удивленный, отчасти испуганный безумием старой женщины, осторожно двинулся следом по тропинке, ведущей к маленькой хижине. «Интересно, что же случилось с Вергилием Джонсом?» — подумал он.

Позже тем же днем.

Долорес О'Тул кипятила кореньевый чай, когда в хижину вошел Николас Деггл. Его одежда была в беспорядке, а сам он казался еще мрачнее, чем когда только появился на острове.

— Где ты был, любовь моя? — спросила Долорес. — Выпей немного чая.

Деггл разведывал дорогу на гору. И вдруг он услышал — смертоносный вой. Поначалу он не обратил на него внимания; но постепенно звук становился все более назойливым, подступили головокружение и отрешенность. К счастью для

себя, он не был лишен некоторого присутствия духа — он упал на землю и, чтобы быстрее выбраться из опасной зоны, покатился вниз по склону. Оправившись (Деггл смог распознать Эффект Розы, испытав его на себе), он долго поносил про себя Гримуса.

— Кореньевый чай, — сказала Долорес, подавая чашку. Чай показался Дегглу отвратительным — в сердцах он швырнул чашку на пол, где та разлетелась вдребезги.

— Ш-ш-ш, ш-ш-ш, — попыталась успокоить его Долорес, — все бывает.

Она принялась терпеливо убирать беспорядок.

Покончив с уборкой, она подошла к Дегглу и уселась у его ног. Деггл уже снова расположился в качалке Джонса.

— Будем сидеть так и пить чай, каждый день, — произнесла Долорес.

— Знаешь, — ответил ей Деггл, — а ведь может оказаться, что ты права.

— Так здорово, что ты прогнал призрака, — сказала восхищенная Долорес.

— Какого призрака? — удивился Деггл.

— О, давай без ложной скромности. Ты знаешь какого. Призрак Гримуса, со шрамом на груди.

— Ах, — ответил Деггл. — Ты об этом…

Итак, Джонс ушел куда-то с Взлетающим Орлом — но куда? Может, они убили друг друга? Или окончательно спятили и решили прорываться через поле Эффекта?

— Ясно одно, — сказал себе Деггл, — если Взлетающий Орел не сумеет добраться до своей сестры и не сделает то, что должен был сделать я, то я застряну здесь навсегда. И буду жить с этой каргой, которая любит меня, потому что принимает за Вергилия Джонса. Интересно, — подумал он, — показалось бы это забавным Вергилию Джонсу?

Вряд ли, потому что он и сам не видел в этом ничего смешного.

Он спал на циновке, аккуратно расстеленной для него миссис О'Тул, когда легкий толчок заставил его полностью проснуться. Это была Долорес О'Тул, совершенно нагая, горб маячил у нее за спиной, а сморщенные груди покачивались при каждом вздохе, в лице светилось жуткое приглашение, а губы застыли в оскале.

— О господи, — сказал Деггл, закрыл глаза и стал думать об империи. Через некоторое время он снова открыл глаза — она по-прежнему была рядом и смотрела на него с вожделением.

— Не сегодня, Жозефина, — взмолился тогда

он.

— Долорес, — ласково поправила его женщина и вернулась на свое ложе.

Пот лился с Николаса Деггла ручьями.

XXX

— Вальхалла, — провозгласил Вергилий Джонс.

Вальхалла: павшие воины живут там в невиданном великолепии, ежедневно вступая в прошлые битвы, снова наслаждаясь величием своей последней минуты и падая окровавленными на сверкающие полы и возрождаясь наутро, чтобы возобновить вековечный бой. Вальхалла, зал славы, живой музей героев минувших лет. Вальхалла — у источника мудрости, откуда испил Один, в тени гигантского ясеня Иггдрасиля, мирового древа. Когда падет древо, придет конец и Вальхалле.

Как будто даже радостно щелкнув языком, Вергилий указал Взлетающему Орлу на город К.

После того как Вергилий Джонс набрался сил (хотя и не восстановил присутствие духа), подъем на гору проходил спокойно; теперь же Взлетающий Орел стоял рядом со своим проводником на самом краю леса, покрывавшего склон, и смотрел на изумительную просторную равнину.

Казалось, что в склоне горы кто-то вырезал ги-

гантскую ступеньку. Взлетающий Орел, впервые лицезревший истинную форму горы, моментально представил себе великана, который использует остров в качестве ступеньки для восхождения из моря в небо. В дальней части плоской ступени как раз и находился К., дома которого тулились к возобновляющему подъем склону. Остальную, свободную часть равнины занимали поля и луга — на некоторых паслись коровы, на других — овцы; здесь также выращивали пшеницу и иные злаки. Но сейчас была ночь, и на полях царил покой. Там и сям среди полей заметны были освещенные домики фермеров, подобные светлячкам в саду.

Над городом, на выступе горы, стояло одинокое жилище. Стены этого дома, в противоположность единообразной выбеленности городских построек, были черными как смоль. Здесь жила Лив.

Дальше начинались облака, так что вершину горы видно не было.

— Эти облака висят там всегда, — сказал Вергилий, и снова наступила тишина.

Взлетающий Орел не забыл клятвы, которую дал себе во Внутреннем измерении: если получится, он оставит свои поиски и обоснуется на острове. Здесь должен был прийти конец его

вековым странствиям, мафусаиловой эпохе слепого блуждания вслед за движущимся перстом. Взлетающий Орел должен был бы вздохнуть с облегчением — но чувствовал только напряжение. Любому человеку трудно очистить свой разум от всех его целей и начать с нуля строить свою жизнь на совершенно новый лад; для Взлетающего Орла, чья цель не менялась вот уже семь веков и приняла застывшую форму, подобно какому-нибудь Внутреннему измерению, это был настоящий гераклов труд.

Вергилий Джонс тоже строил планы, и эти планы включали в себя Взлетающего Орла. Сейчас, когда он и его спутник добрались наконец до К., наступил критический момент. Все зависело от того, отреагирует ли Взлетающий Орел на город (а тот на него) так, как надеялся Вергилий. Если да, то Взлетающий Орел будет готов к задаче, которую Вергилий хотел на него возложить. Если нет, то ничего не поделаешь. Сил приближаться к Гримусу у самого Вергилия Джонса больше не было. Недавно, в лесу, он почувствовал какую-то надежду, но схватка с ашкваком показала ее тщетность. Теперь все зависело от Взлетающего Орла. С каким-то мрачным удовольствием Вергилий подумал, что все его действия точно

соответствуют желаниям Деггла; узнай об этом Мастер Николас, он бы тоже наверняка этому подивился. «Если бы Бога не было, то его следовало бы выдумать», — вспомнил Вергилий афоризм и тут же его переиначил: «Поскольку Гримус есть, его следует уничтожить».

Сейчас возобновлялось давно проигранное сражение. Ему предстояла встреча с О'Тулом и, может быть, с Лив. Но обратной дороги не было.

— Взлетающий Орел, — сказал он, — я хочу вам кое-что сказать: более всего мы беззащитны перед теми, кого любим.

Взлетающий Орел слушал мистера Джонса вполуха. Вергилий продолжал, вглядываясь в ночной туман, который мягко окутал равнину и придавал городу мерцающий, иллюзорный вид.

— Я говорил о себе, — сказал Вергилий. — Надеюсь, вам не придется причинять мне боль. Ведь вы можете очень легко нанести мне рану. По-моему, только так и следует понимать дружбу.

Взлетающий Орел прислушался. Вергилий говорил сбивчиво; слова давались ему с трудом. Это был крик о помощи, мольба человека, который уже дважды спас Взлетающему Орлу жизнь.

— Хорошо, — произнес Взлетающий Орел.

Вергилий коротко кивнул.

Уже некоторое время они стояли на опушке леса. Была глубокая ночь.

— Ну что? — спросил Вергилий. — Вперед?

Под влиянием внезапного порыва Взлетающий Орел левой рукой обхватил правую руку своего проводника; и, словно боевые товарищи, они нога в ногу двинулись навстречу своим таким разным судьбам.

Луна, слабо пробиваясь сквозь туман, бросала на их головы белые блики.

Часть вторая
Минувшее

XXXI

Ночной К.: домишки жмутся друг другу, словно надеясь найти в тесноте защиту и тепло. Грубые стены в пятнах сырости, тумана и времени, грязная неряшливая побелка, архитектурные калеки, которые выживают назло криво положенной черепице и перекошенным дверям.

Вокруг домов — улицы. Пыльные линии жизни, они кружатся и вьются между уродливыми зданиями, идут ниоткуда, бесцельно мечутся, существуют только ради того, чтобы просто быть. Любое поселение должно иметь улицы: пустые промежутки между заполненными дырами.

Одна и только одна улица города выглядела достойно. Авеню, мощенная булыжником и разбивающая на две части взвихренную пыль, тянулась из конца в конец города, горделиво утверждая свое превосходство: римлянка среди варваров.

Человек, ветхий, как его одежды, грязный, как дома, и пыльный, как улицы, полз на четвереньках по этой величественной магистрали, словно пилигрим по дороге к Риму, совершая, судя по всему, акт поклонения.

Это был Камень; он не отзывался на другие имена, да и на выбранное им прозвище реагировал редко. Молчание было его стезей, дорога — его холмом, а каждый камень — его Сизифовым камнем. День за днем он пересчитывал булыжники, один за другим, нумеруя их в уме для грядущих поколений. Неразрешимая задача для человека с плохой памятью, бесконечный ряд чисел без суммы. Поначалу, так давно, что он даже об этом забыл, он еще пытался добиться результата; его пересохший язык спотыкался о большие, неповоротливые числа; они выскальзывали из его памяти, но всякий раз он терпеливо возвращался к самому началу. Теперь же пересчет стал лишь предлогом; подлинной его целью было постоянное возобновление дружбы с каждым камнем. Он приветствовал их как старых друзей, с радостью проползая над одним знакомым надтреснутым булыжником тут и над другим, приятно-округлым, — там. Некоторым из камней он давал имена; другие в его мечтах были свидетелями невероятных приключений. Улица была его микрокосмом, средоточием его радости и боли. Маленький и худощавый, он стал такой же неотъемлемой частью дороги, как любой из составляющих ее булыжников. В одно из своих

редких возвращений в мир говорящих людей он искренне поведал миссис Эльфриде Грибб, жене Игнатия К. Грибба, городского мыслителя: «Если бы не я, дорога бы развалилась. Булыжникам любовь нужна так же сильно, как и вам». И в практическом смысле он действительно охранял дорогу, ревностно оберегая ее от посягательства пылевых вихрей, залетающих из соседних переулков, и залечивал раны, наносимые дороге копытами животных на ее пути через поля. Камень мыл дорогу и заботился о ней. Она принадлежала ему. В награду за этот подвиг любви те, кто оказывался рядом с ним, когда он хотел есть, давали ему еду, а те, кто оказывался рядом с ним, когда он уставал, давали ему приют. Именно по этой дороге и подошли к неряшливому городу Вергилий Джонс и Взлетающий Орел.

Когда они поравнялись с первыми фермерскими домиками, Взлетающий Орел почувствовал, как сердце его забилось чаще. За тонкими занавесками в окнах теплыми островками горели огоньки, обещая путникам кров. Живо оглянувшись на своего проводника, Взлетающий Орел уже собирался поделиться с ним новообретенной радостью, но лицо Вергилия было неподвижным и хмурым. Лучше было оставить его в покое.

Взлетающий Орел сдержал бурлящее внутри воодушевление.

Дом: вот что за слово привело его в такое состояние. Слово закралось в его голову, еще когда он смотрел на город, стоя среди лесных гребней. Оно прозвучало само собой, проникло в него с лучом света далеких окон. С моря домой возвратился рыбак, и охотник вернулся с холмов[3]. Взлетающий Орел возвращался домой, в город, где никогда не был. Он увидел свой дом, глядя на затянутые туманом поля; почуял его в напитанной ароматами ночи; услышал его в стуке подошв по булыжникам; но больше всего домом были окна, эти закрытые глаза защищенной жизни, светящиеся покоем занавешенные окна.

Взлетающий Орел вдруг остановился. Вергилий с удивлением оглянулся на него и, сам того не зная, ответил услугой на услугу, сдержав в горле слова, которые могли бы стать вмешательством в чужую жизнь.

У дороги стоял фермерский дом. Приземистый, длинный, беленый. В хлеву, без сомнений, спали животные; Взлетающий Орел не мог отвести глаз от занавешенного окна. За ним передвига-

---

[3] Примечания: 3

Две последние строки стихотворения Роберта Льюиса Стивенсона «Завещание». *Пер. Г. Кружкова.*

лись люди, шла жизнь. Взлетающий Орел вдруг перескочил через калитку и подкрался к желтому свету. Вергилий Джонс стоял на дороге и наблюдал.

Взлетающий Орел медленно выпрямился и приник к стеклу; изнутри на него не мигая смотрело чье-то словно высеченное из гранита лицо. Должно быть, фермер отодвинул занавеску в тот самый момент, когда Взлетающий Орел заглянул в окно. Лицо за стеклом было изборождено трещинами, оно пестрело глубокими впадинами и оспинами, однако пронзительные глаза смотрели на Взлетающего Орла без тени удивления или гнева. Смотрели сквозь него, словно его тут не было вовсе. Дрожа и шепча извинения, Взлетающий Орел отшатнулся от окна и попятился к воротам, к Вергилию, который тоже сделал несколько шагов назад. Они зашагали прочь от каменного лица в окне, и Взлетающий Орел обнаружил, что руки у него трясутся. Всему виной были глаза: они сказали ему, что он по-прежнему пария. Неприкасаемый.

Пария. Это слово всплыло из прошлого, чтобы только усилить его смятение.

— Вергилий? — нерешительно сказал он. — Где мы остановимся на ночлег?

Вергилий пожал плечами.

— Найдем что-нибудь, — отозвался он. — Где-нибудь.

Его влажный язык облизал уголок рта.

На самой окраине города стоял самый высокий дом в К., единственный, как успел заметить Взлетающий Орел, двухэтажный. Дом этот был в превосходном состоянии, что само по себе отличало его от прочих домов. Стены этого здания — безупречного стража и хранителя города — восходили от земли ровно и прямо, поблескивая в туманно-голубой тьме белоснежной чистотой. Это был бордель. «Дом взрастающего сына мадам Иокасты», — гласила скромная деревянная табличка на стене у входа. Рядом с табличкой кто-то процарапал непонятную фразу. Без сомнения, завтра же свежий слой побелки закрасит ее, но этим вечером она выделялась четко, пятная девственную белизну стен дома наслаждений. «Руские гинералы, дабро пажаловать», — вот что было написано.

Вергилий прочитал эти слова и пробормотал себе под нос:

— Алекс снова гуляет.

— Что значит эта надпись? — спросил его Взлетающий Орел.

— Ребяческая выходка, — объяснил Вергилий. — Плод незрелого ума.

Сказав это, Вергилий замолчал. Взлетающий Орел был вынужден повторить вопрос.

— Русских генералов, — сказал тогда Вергилий Джонс, — зовут Ссанов, Гадов, Задов и Трахов. Детская шалость.

Взлетающий Орел, выслушав объяснение этой малопонятной фразы и, уже выбитый из колеи каменными глазами на гранитном лице, смутился еще больше.

И вот они в центре города; их окружили всплески активности, пусть и редкие из-за позднего часа. Взлетающий Орел бросил взгляд еще в одно окно: за ним старуха, погружаясь в прошлое, рассматривала фотоальбом. Естественное занятие для изгнанников — пускать корни в воспоминаниях. Взлетающий Орел понимал, что ему придется узнать все эти прошлые жизни, освоиться с ними, чтобы местное общество приняло его. Он пришел в К. в поисках истории.

Впереди показалось странное существо — ползущий по улице и приветствующий булыжники человек по имени Камень. Откуда-то неподалеку, из-за скученных домов, слышался перестук копыт; и время от времени порывы ветра доносили

до путников приглушенный туманом смех.

Источник смеха находился в дальнем от заведения мадам Иокасты конце мощеной улицы. Именно встречи с ним Вергилий и ожидал с таким страхом, хотя и знал, что она неизбежна. Это было «Эльбаресто», пристанище всех пьющих обитателей К., центр городских новостей. По задумке мистера Джонса, они должны были не только просить там комнату для постоя, но и показать обществу К. Взлетающего Орла; так что им нужно было встретиться с владельцем «Эльбаресто».

Звали его О'Тул.

— Able was I ere I saw Elba, — промолвил Вергилий Джонс. Не считая названия языка малайалам, этот палиндром был единственным, который он помнил.

XXXII

Взлетающий Орел увидел ее первым; сквозь клубящийся туман на них надвигалась жутковатая фигура — наполовину женщина, наполовину четвероногое. Когда она приблизилась, Взлетающий Орел поймал себя на мысли, что прекраснее и бледнее женщины в жизни не видел.

Эльфрида Грибб страдала приступами бессонницы, пусть и нечасто. Когда в полночные часы этот недуг донимал ее так, что глаза начинало саднить, она вставала, накидывала на плечи самую теплую шаль, садилась на маленькую ослицу с шелковистой шерстью и разъезжала по улицам К. Нужно было только хорошо укутаться, чтобы защититься от тумана и сырости, и эти прогулки приносили успокоение. Кроме того, они помогали коротать ночи.

Эльфрида: имя ей шло, и ко всем уменьшительным от него она питала отвращение. «Имя есть имя», — говорила она. Лицом и телосложением похожая на эльфийку, миссис Грибб заслуживала только такого имени. Нежная, чуть розоватая кожа идеально обтягивала мягкие возвышенности и углубления ее лица; маленькие губы были слег-

ка поджаты, а глаза сверкали, подобно шипучей воде. Эльфрида носила старинные кружева, вышитую лилиями шаль и шляпы с полями такими же широкими, как ее зеленые глаза, опушенные длинными ровными ресницами. Часто она надевала вуаль. По большей части была весела и заражала своим легким настроением всех вокруг; свои же печали держала при себе. У людей хватает своих забот, повторяла она себе стоически. Сама с собой она ладила замечательно.

Спасибо Игнатию. Игнатий Грибб обеспечивал надежную, незыблемую основу ее бытия. Вся жизнь Эльфриды, все ее радости вращались вокруг мужа. «Я благодарна всему, что свело меня с тобой, — говорила она мужу. — Если браки заключаются на небесах, то наш наверняка был заключен на седьмом небе». И он мог кряхтеть и кивать, а она — вдыхать успокаивающий запах его новых носков и чувствовать себя умиротворенной и цельной. В таком месте, как К., женщинам нужна была большая любовь. Она отгоняла тьму.

Укрепленная силой своей любви, Эльфрида считала своей непременной обязанностью делиться частью этой силы со слабыми. Уход за калеками и помощь голодным она считала привилегией

и оплатой долга. Такое рвение обеспечило ей столько же друзей, сколько и врагов. Не каждому нравится, когда ему помогают; не все обитатели К. с готовностью принимали невинную помощь миссис Эльфриды. Оборотной стороной ее солнечной жизни было то, что многие начали считать ее самодовольной.

То, что Эльфрида прекрасна, не могла скрыть даже вуаль; на несколько секунд Взлетающий Орел пораженно замер на пороге «Эльбаресто» — вместе с Вергилием освещенный желтым светом, который лился из дверного проема, и мерцающей лампой над их головами. Два силуэта наблюдали за изящной фигурой призрачной ночной всадницы.

На миг их глаза встретились; и в этот миг вселенная словно бы мигнула, время куда-то провалилось, и обитатели города замерли в характерных для них позах — превратившись в полотно, застывшее в секунде вечности.

Самая необычная парочка среди завсегдатаев «Эльбаресто» восседала за круглым низким столом примерно в середине длинного узкого зала. Один из этой двоицы был человек необыкновенно крупный, настоящий медведь, каковое впечатление подкрепляла медвежья шуба, кото-

рую он носил почти круглый год, хотя в К. почти не бывало сильных холодов. Возможно, из-за шубы лицо этого человека было ярко-красного цвета. Походило оно на кривой помидор. На лбу горошинами висели капли пота. Густые брови мощно заворачивались к переносице, нависая на своем пути над сверкающими глазами. Человек этот говорил быстро; его когтистые руки так и описывали широкие, опасные дуги.

Второй в паре был так же тонок, как первый широк, так же строен и элегантен, как первый тяжеловесен; изящный мужчина с молодым лицом и обычными для острова Каф древними глазами. Сейчас эти глаза выражали бесконечную скуку — более того, они словно выражали ее по привычке. Они были незаметно опущены и следили за тем, как утонченные пальцы мужчины резко и точно отрывали пауку лапку за лапкой.

Изящного мужчину звали Хантер. Его полное имя было Энтони Сен-Клер Перифайт Хантер, однако его товарищ называл его Два Раза. Это прозвище прижилось в К. не столько из-за скрытого в нем оскорбления, сколько из-за привычки Хантера часто повторять, что он все в своей жизни «пробует дважды». Медведеподобный мужчина с его безошибочным чутьем на очевидное спросил

однажды: почему, мол, именно дважды? — на что Хантер с легким презрением дал ответ, в котором звучали отголоски многих веков хорошего кровосмешения:

— Первый раз для того, чтобы узнать, понравится ли мне что-то; второй раз для того, чтобы выяснить, был ли я прав.

— Вот те на! — загрохотал тогда медведь. — Малыш, ты и впрямь Два Раза!

Его рев полностью затмил изящную ухмылку Хантера.

Медведя звали Пекенпо. В К. он был также известен как Одноколейный Пекенпо. Это был любитель рассказывать истории, которые никто не подвергал сомнению, — он был слишком большим, чтобы хоть кто-то захотел обвинить его в рассказывании небылиц. Рассказы Пекенпо изобиловали легендами Старого Запада: как-то он, по его словам, стоял лицом к лицу с Диким Биллом и заставил его опустить глаза; в другой раз он голыми руками завязал узлом винтовку самого Уильяма Бонни; рассказывал он и истории о золотой лихорадке и городках старателей, где мужчины были мужчинами, а женщины помнили, что значит благодарность. В момент остановки времени Одноколейный

досаждал мистеру Хантеру своей любимой историей, слышанной тем уже тысячу раз, и которой, в частности, объяснялась такая странная кличка. Вторым объяснением прозвища Пекенпо была его постоянная навязчивая манера снова и снова пересказывать одно и то же.

В течение нескольких столетий подряд Одноколейный Пекенпо выслеживал в лесах Северной Америки местного снежного человека — большенога. Поймать его Пекенпо так и не смог. По этой причине его истории были пропитаны агрессивной меланхолией неудачи и бесплодных выдумок о том, как ускользнула большая добыча. Как раз для того, чтобы изловить снежного человека, Пекенпо и согласился взвалить на плечи бремя бессмертия; и лишь неохотно убедившись в том, что с большеногом у него ничего не выйдет, он в конечном счете стал кандидатом для острова Каф.

— Было время, — рассказывал он, — когда я готов был поклясться, что этот большеног — баба. Иначе почему он, сволочь. так коварен и так глумится надо мной? Будь он человеком, решил я, он точно был бы бабой и так изводил бы мужиков почем зря, концы им обрывал — знаешь, бывают такие стервы. Глупая это была мысль, ну что он

женщина, но я вбил ее себе тогда в башку, и хоть трава не расти. Один раз мне приснилось, как я его, ее то есть, трахнул… Господи, та еще была рукопашная! Он бы тебя пополам переломил — и это как минимум, мистер Два Раза.

— Я бы попробовал… — спокойно отозвался Хантер.

— Дважды, — грохнул Одноколейный, заглушив глас своей аудитории. — Да. Но все равно. Приятно было выслеживать его. Словно обхаживаешь норовистую красотку, которую нужно приручать постепенно. Мысль о том, что он баба, первый раз пришла мне в голову, когда я увидел у ручья его след. Блеф это был или двойной блеф? В какую сторону он действительно ушел? Я всегда доверял своему чутью. Оно помогает выслеживать любую добычу лучше всякого запаха. Если знаки не совпадают с твоими ощущениями, про знаки можно забыть. В этом, кстати, и заключается разница между великим охотником и паршивым.

— Но ты его так и не поймал, — любезно вставил Два Раза.

— Пару раз видел, — ответил Одноколейный. — Один раз заметил издали: размерчик еще тот, огромный, как гора, — он пер через густой лес,

словно того и не было. Когда я туда прибежал, осталась только просека, такая, словно танк прошел. Когда такое видишь, невольно просыпается уважение.

На мгновение Пекенпо замолчал.

— Во второй раз, — продолжил он затем, — большеног сам ко мне пришел. Вообще спать на его территории — это рискованное дело. Обычно я вокруг костра устанавливал тревожную систему — натягивал проволоки, чтобы звенели колокольчики и кастрюли гремели. Однажды ночью проснулся, а он тут как тут, стоит надо мной и смотрит. Прошел через все проволоки, словно днем, чтобы хорошенько меня разглядеть. Тогда-то я и понял: нет, этот бабой быть не может. Я лежал не шевелясь, словно мертвый, а он кивнул и пошел обратно в лес. Я повернулся, чтобы взять ружье. А РУЖЬЯ-ТО И НЕТУ! Он отнес его на другую сторону костра. Ох, и хитер же он был. И вот что я тебе еще скажу, мистер умник Хантер. Может, я и не поймал этого гада, но он сделал меня настоящим мужчиной, таким, каким тебе не быть никогда. ПРИДИ И ВОЗЬМИ МЕНЯ, вот что хотел он сказать своим взглядом. ПОЙМАЙ, ЕСЛИ СМОЖЕШЬ. Он показал мне точку невозврата. Плевать ему было на то, что я лучший охотник на

свете и опыта у меня на десять жизней. Этот парень учился убегать *миллион* лет. А что теперь? Теперь я уважаю его уединение.

Одноколейный Пекенпо внезапно вскочил на ноги и, размахивая руками, как мельничными крыльями, принялся выкрикивать:

— ПРИДИ И ВОЗЬМИ МЕНЯ, СВОЛОЧЬ! ПОЙМАЙ, ЕСЛИ СМОЖЕШЬ!

Потом он разразился судорожным захлебывающимся смехом, от которого задрожали даже брови; примерно в это же время Два Раза Хантер оторвал пауку последнюю лапку, оставив на столе только круглое, трепещущее, умирающее тельце.

Провал во времени.

По мнению Эльфриды Грибб, у Фланна О'Тула было два основных недостатка: его манера постоянно строить из себя безобразно шумного заводилу и его второе имя, Наполеон. Понятие «ирландский Наполеон» было настолько потешным, что не приходилось удивляться тому, что вышло из О'Тула.

Фланн О'Тул занимался производством картофельного виски в задних комнатах «Эльбаресто» и попытками соблазнения любого существа женского пола, заходившего в его заведение; он регу-

лярно раздавал клятвы и спокойно их нарушал; он был подвержен приступам ярости, но считал себя благоразумным человеком; в любой момент дня и ночи он мог свалиться с ног, напившись до бесчувствия, но считал, что обладает большой силой; и каждую ночь за ним тянулся шлейф непристойностей и рвоты, когда его относили в постель, но в то же время он видел себя лидером городского сообщества; он цитировал стихи, совершая при этом отвратительные поступки. В присутствии О'Тула свет дня для Эльфриды Грибб мерк и жизнь теряла всякую радость; себе же самому он казался громоотводом, проводником электричества, Раскованным Прометеем, диким, чувственным мужчиной в расцвете сил, самой стихией жизни. При всем при том в нем была очень сильна религиозная жилка; похмельными утрами можно было заметить, как он умерщвляет свою плоть при помощи трости, или услышать его мучительные крики, доносящиеся из покоев мадемуазель де Сад в «Доме взрастающего сына». Это было одной из причин, по которым миссис О'Тул бросила Фланна; тем, кому против их воли выпали физические страдания и увечья, естественно возненавидеть того, кто подвергает им себя во имя Господа. Единственной ее возможной

реакцией было бегство.

— Пресвятая Мария, — завопил мистер О'Тул жене фермера, которая в страхе отпрянула. — Ты выглядишь вполне готовой, моя дорогая. Что ты скажешь насчет хорошей порции горячей колбасы мистера О'Тула? Что ты дергаешься? Слышишь, ты, протестантская шлюха, я предлагаю тебе Орган О'Тула. И это не какая-то мелочь, спешу тебя заверить, что умею им пользоваться.

Фермер-муж хмуро сидел рядом с женой, но даже не попытался ее защитить: желудок, наполненный картофельным виски, превращает его обладателя в опасного бойца.

— Взгляни вот на своего мужа, — сказал мистер О'Тул и пошатнулся. — Если он не разумнее тебя, значит, я уже ничего не понимаю. Или я ошибаюсь? Покорность есть добродетель, сопротивление — это акт насилия, а я ненавижу насилие. Так приди же ко мне с задранной юбкой и спущенными трусиками, и Наполеон О'Тул подарит тебе вечер, которую ты не забудешь никогда. Подай пример истинного пацифизма. Кажется, на санскрите есть для этого слово — ахимса. Сам мистер Ганди мог бы гордиться тобой.

Женщина покачала головой, умоляюще глядя на мужа.

— Ну-ну, — сказал фермер и приподнялся со своего места. О'Тул толкнул его обратно.

— Ты что же, сэр, отказываешь мне в моих правах? Это место — моя земля, и сеньор на своей земле имеет известные права. Не становись у меня на пути. Не вздумай. Настанет утро, и я, без сомнения, накажу себя, как год за годом наказывал себя священным браком с кривой каргой. Это было религиозное дело — доставлять удовольствие калеке и терпеть муки при этом. Вот ты когда-нибудь трахал горбатую, фермер? Тогда не ущемляй мою свободу. Я свой срок отбыл.

— Я с тобой никуда не пойду! — сказала женщина.

— Не пойдешь? — заорал в ответ О'Тул. — Да как ты смеешь! Ты заявилась в «Эльбаресто» и отказываешь его повелителю? Так вот какая она, твоя благодарность хозяину заведения! А ведь уже по одному названию ты должна была догадаться, что здесь тебя ждет член Наполеона. Неужели ты не желаешь покувыркаться с самим императором? Я бы подарил тебе гениальных детей. Если бы смог.

— Я никуда не пойду, — со слезами на глазах твердила фермерша.

— Тогда убирайся отсюда к дьяволу! — завопил

О'Тул, а потом схватил и поднял над головой стол, стоявший между парочкой. Стаканы и напитки полетели на пол. О'Тул собрался было кинуть стол через всю комнату.

Провал во времени.

(По версии мистера О'Тула, их брак с Долорес закончился так: он выгнал ее из дому, когда вдоволь настрадался, вдоволь намучился из-за ее уродливости и неблагодарности. На самом деле все обстояло совершенно иначе. Долорес О'Тул ушла от мужа, потому что тот не удовлетворял ее в постели. У Фланна Наполеона О'Тула было только пол-яичка, все остальное он потерял в бою с собакой; его вялый пенис был в дюйм длиной и по причине разрушительного воздействия зеленого змия лишь изредка увеличивался в объеме вдвое. Эти обстоятельства приводятся, чтобы до некоторой степени объяснить поведение мистера О'Тула.)

После того как мадам Иокаста сменила Лив в качестве хозяйки городского борделя, по предложению Вергилия веселому дому дали новое, ироничное название, построенное на игре слов. По настоянию новой хозяйки Дом приобрел свой безупречный вид, но в нем не было ни намека

на роскошества и элегантные кованые решетки и ворота зданий Нового Орлеана; сама же мадам ничем, кроме созвучного имени, не напоминала трагическую царицу, жену и мать царя Эдипа. В результате обе части шутки работали не до конца, а Дом выработал собственный стиль.

Одной из первых новаций, на которую Иокаста решилась, когда нашла в себе силы выбраться из-под всеобъемлющей тени Лив, было усиление специализации среди работников. Что касается Лив, та считала, что ее подчиненным вполне достаточно считать себя представителями горизонтального искусства *вообще,* с чем Иокаста всегда была не согласна — возможно, это объяснялось тем, что она сама была универсальной специалисткой, мастерицей на все руки и все время чувствовала раздражающее недовольство собой. Посему в день переименования борделя она дала новые имена и своим служащим, а вместе с именами они получили и строго определенные сексуальные обязанности. Она была уверена, что нововведения себя оправдали; люди говорили, что «Дом взрастающего сына» стал более светлым, открытым, непринужденным местом и предоставлял лучшие услады, чем когда им управляла Лив. (Ведь гораздо проще попро-

сить об услуге известную экспертку в вашем излюбленном развлечении, чем объяснять незнакомой шлюхе, какой именно каприз вам угоден.) Кроме того, Иокаста чувствовала, что теперь ее девушки могли больше гордиться своей работой.

Из всех работников беспокойство Иокасте доставлял только Жиль Приап — единственный тамошний жиголо. Для своих габаритов он был довольно ленив; Иокаста знала, что мужчинам для восстановления нужно больше отдыха, чем женщинам, но все же подозревала Жиля в притворстве. И опять же специализация: он единственный практиковал мужские искусства, что, конечно же, требовало от него некоторой разносторонности. Тем не менее клиенты Жиля, похоже, были им довольны. Они называли его фирменным блюдом Дома, что немало раздражало девушек. В особенности когда клиентами Жиля оказывались мужчины.

Иокаста обходила коридоры своей империи. За закрытыми дверями комнат персонал Дома трудился вовсю. Больше всего на свете Иокаста любила вот эти приглушенные звуки, эти хрипы подлинного наслаждения, смешивающиеся с напускными, но такими искусными вздохами. Иногда она даже начинала думать, что эта слу-

ховая стимуляция нравится ей больше, чем сам половой акт… но торопилась отогнать подобные непрофессиональные мысли.

Естественно, сама она была женщиной желанной; она отлично это знала. Возможно, она и уступала внешне некоторым своим девушкам, но была определенно шикарной дамой. Классические греческие черты ее лица отлично гармонировали с именем; и если ее бюст и был чуть тяжеловат, она перестала переживать из-за этого уже вечность назад. Вздымающиеся под ее любимым пеньюаром (длинным, до пола, белоснежным, кружевным) в свете свечи, которую она несла во время своего обхода Дома, груди ее выглядели вполне достойно. Она любила одеваться в пеньюары. В таком облачении Иокаста чувствовала себя чистой.

В чем никто из работников Дома нисколько не сомневался, так это в том, что любую из значащихся в прейскуранте услуг мадам могла исполнить в два раза более эротично, чем они. Она была здесь лучшей; и если сама она недооценивала свою универсальность, то ее подчиненные, напротив, ее превозносили. В те редкие дни, когда она решала практиковать лично, они не упускали возможности припасть к

смотровым глазкам ее комнаты и учиться.

Свист хлыста невозможно было спутать ни с чем. Хлыстом орудовала в своих покоях Бум-Бум де Сад, которая находилась в самом разгаре своего представления. Ее ненасытный голос протянул что-то о докрасна раскаленной кочерге, и Иокаста удовлетворенно двинулась дальше.

Бум-Бум была любимицей Фланна О'Тула, потому что с ее помощью он получал настоящее удовольствие от своего самобичевания; но Фланн О'Тул не был любимцем Иокасты. Сам склонный к садизму, он способен был покалечить персонал.

За следующей дверью царила тишина. Это были покои мадемуазель Флоренс Найтингейл. Она практиковала умиротворяющую домашнюю сексуальность, умела невинно показать сосок и скромно раздеться. Флоренс всегда *занималась этим*, никогда не трахалась, не совокуплялась, не еблась и не сношалась; она занималась этим с изяществом и в темноте. Иокаста замерла на месте и уловила доносящиеся изнутри мелодичные звуки. Флоренс напевала клиенту колыбельную.

В комнате Жиля Приапа играла музыка. Возможно, так он пытался скрыть недостаток усердия; но сегодня вечером мадам Иокаста решила не вмешиваться. Впрочем, вскоре серьезный

разговор с Жилем должен был все же состояться.

Индийской девушки, Камалы, в ее комнате не было. Иокаста вспомнила, что в соседние покои, в кровать к китайской «девушке-змее» Ли Кок Фук, пожаловал особый гость. Граф Черкасов, как обычно, потребовал к себе двух своих любимых дам, и, пока ничего не подозревающая графиня Черкасова спокойно спала в своей постели, две мастерицы восточных услад пытались заставить аристократическую кровь добродушно-глупого графа течь чуть быстрее обычного. Ли Кок Фук и Камала Сутра составляли прекрасный дуэт.

— Входите, мадам.

Голос Мидии заставил черты лица мадам разгладиться. Эта девушка была ее любимицей; только она одна по-настоящему понимала хозяйку. Талант Мидии приближался к таланту самой Иокасты. Во избежание конкуренции со стороны своей протеже мадам поручала ей ублажать исключительно женщин, что та и делала с большой охотой. «Я люблю женщин, — говорила Мидия. — Мы с ними хорошо ладим».

Иокаста ступила в комнату своей помощницы.

— Похоже, сегодня вечером мы обе остались без пары, — произнесла Мидия. Обнаженная, она стояла перед открытым окном, повернувшись к

нему спиной и выставляя себя напоказ ночи.

— Закрой окно, Мидия. Сегодня туман. Ты можешь простудиться.

Мидия без слов повиновалась. Мадам знает, что лучше.

— Поскольку у нас обеих выдалась свободная минутка, — предложила она Иокасте, — почему бы нам с вами, мадам, не попрактиковаться немножко?

— Вот что мне нравится, Мидия, — отозвалась мадам Иокаста и позволила пеньюару соскользнуть на пол. — Преданность.

— Я так рада, мадам, — произнесла Мидия, подходя к ней.

Провал во времени.

Мистер Норберт Пейдж был маленького роста.

Он носил маленькие бифокальные очки в серебряной оправе.

Ходил маленькими шажками.

Пил маленькими глотками.

Его руки принялись совершать маленькие нервные движения, когда он обнаружил, что сарай не заперт. Алекс становился слишком искусным в обращении со своей золотой зубочисткой. Мистер Пейдж толкнул дверь, и Алекс улыбнулся ему со всем своим невинным и ребя-

ческим очарованием.

— Алекс, — спросил Норберт Пейдж, грозя пальцем как можно строже, — ты ведь не выходил отсюда?

Это был жалкий вопрос; Алекс счастливо кивнул и радостно ответил:

— Выходил.

— Но тебя никто не видел?

Алекс отрицательно покачал головой, по-прежнему лучезарно улыбаясь.

— Алекс, ты меня в гроб загонишь, — с большим облегчением произнес мистер Пейдж. — Если бы тебя заметили… если бы твоя мать узнала, что я отлучился пропустить рюмочку…

Мистер Пейдж замолчал; улыбка Алекса сделалась еще шире:

— Играть, — скомандовал он. — Играть в игры.

Норберт Пейдж очень любил настольные игры; за свое пристрастие к сидячему атлетизму он получил прозвище Спортивный Пейдж. Благодаря этому пристрастию он был отличной сиделкой для Алекса.

Они начали партию в шашки — шахматными пешками на шахматной доске. Это позволило мистеру Пейджу придумать для себя особое усложнение. Когда пешки-шашки достигали

последней линии доски, он заменял их большими фигурами. Для Алекса эта замена означала обычную дамку; но Спортивный Пейдж строго соблюдал старшинство ферзя над ладьей, ладьи над слоном и так далее и не позволял себе съесть старшую фигуру младшей. Ему так играть было интересней, а у Алекса появлялся шанс выиграть.

Провал во времени.

Были в городе, конечно, и те, кто эту секунду пропустил. В частности, ее не заметила Ирина Черкасова, почивавшая во время ночной отлучки мужа в просторной, хотя и грубо сколоченной кровати под балдахином.

Если «Дом взрастающего сына» был самым высоким зданием в К., то резиденция Черкасовых, которая находилась в стороне от центра города, занимала более всего места. Вокруг дома был прекрасный и обширный сад. По сути дела, они постарались сделать этот дом с садом как можно более похожим на свою старую дачу; но, поскольку семья графа была невелика и много комнат пустовало, им пришлось делить дом с неким П. С. Мунши, о ком ходила шутка, что он был запоздалой мыслью своих родителей — своеобразным постскриптумом, отсюда и инициалы.

П. С. Мунши был городским квартирмейстером, а непрекращающаяся вражда между ним и графом Черкасовым была одним из городских чудес и увеселений. «По счастливой иронии судьбы, — сказал как-то мистер О'Тул в минуту трезвого просветления, — в гнездо аристократии в нашем поселении проникла столь могущественная гадюка уравниловки».

П. С. Мунши спал с томом Маркса под подушкой. Это было очень неудобно, но он делал так в знак уважения. Спал он и в тот момент, когда вселенная мигнула. Спал плохо.

А в соседнем доме спал еще один обладатель необычного имени, а именно Игнатий Квазимодо Грибб.

Свернув на дорогу Камня и приблизившись к «Эльбаресто», Эльфрида Грибб, моралистка до мозга костей, почувствовала легкий приступ тошноты. Эльфрида выносила его не больше, чем притон мадам Иокасты; и если у нее и была какая-то претензия к мужу, сейчас спящему, так это та, что в его всеобъемлющей любови к городу, который он сделал своим домом, не находилось места для осуждения этих двух обителей порока.

Итак, перед дверями «Эльбаресто» оказался весьма разношерстный квартет… Вергилий

Джонс, в нерешительности ссутулившийся за спиной у Взлетающего Орла, который всматривался в туман; человек по имени Камень, продолжающий влачиться по булыжникам; и бледная женщина верхом на послушной ослице.

Глаза Эльфриды встретились с глазами Взлетающего Орла. У нее перехватило дыхание.

Провал во времени.

XXXIII

Надолго ли может застыть бытие? Время пошло — как показалось тем, кто это испытал, — еще не успев даже толком остановиться, и все же на миг оно замерло. Эльфрида вздрогнула, словно от холода. Она принялась думать об Игнатии, удерживая его образ перед своим внутренним взором, пытаясь представить его лицо настолько реальным, чтобы за него можно было ухватиться. В то же самое время Иокаста и Мидия продолжали практиковаться с непривычной свирепостью; в «Эльбаресто» Фланн О'Тул поставил на место стол, который собирался швырнуть, и ушел за стойку бара, где на него молча уставилась его смущенная овчарка.

— Вергилий? — вопросительно подал голос Взлетающий Орел; в ответ Вергилий Джонс непонимающе потряс головой.

— Какой-то провал, — сказал он. — Наверно, от усталости.

— Но мы оба почувствовали это, — возразил Взлетающий Орел. — Одновременно.

Вергилий снова покачал головой.

— Не знаю.

Его голос неприятно резанул Взлетающего Орла по истерзанным нервам.

— Тогда давайте войдем, — предложил Взлетающий Орел. — Возможно, там мы сумеем устроиться на ночлег.

Эльфриде послышалось имя Вергилия. Этого не может быть, подумала она. Неужели мистер Джонс вернулся? Но одна из фигур в освещенном проеме двери определенно напоминала Вергилия Джонса. Второй человек… спутник возможного Джонса… тот, что смотрел на нее из тумана… его лицо… нет, это была просто игра ее воображения. Это был незнакомец. Его перо это доказывало. Это был незнакомец.

Ясно одно, подвела итог Эльфрида. Надежда наконец заснуть, недавно затеплившаяся в ней, теперь растаяла без следа. Возможно, остаток ночи было лучше использовать для того, чтобы найти разгадку этой тайны.

Взлетающий Орел и Вергилий Джонс скрылись за дверью «Эльбаресто».

Эльфрида слезла с ослицы, плотнее закуталась в шаль и прокралась к стене дома, замерев между окном и дверью.

Миссис Грибб готовилась первый раз в жизни подслушивать.

XXXIV

Они медленно двинулись через длинную узкую комнату, и вокруг постепенно воцарялась тишина. Словно от их тел исходила невидимая парализующая субстанция, от которой все движения гасли в зародыше, а на губах умирали слова. Эта субстанция обладала, очевидно, и магнитным свойством, поскольку люди, словно в оцепенении, могли лишь следить за двумя идущими мужчинами. Тишина под сводами «Эльбаресто» была почти неведома; явление Вергилия и Взлетающего Орла странным образом изменило атмосферу, в которой завсегдатаи привыкли находиться. Потрясенный Взлетающий Орел одновременно ощутил присутствие чего-то еще более скользкого, еще более опасного и менее предсказуемого: вроде чувства тюремщика, внезапно обнаружившего добровольное возвращение в темницу беглых заключенных, или переживаний льва, столкнувшегося с христианином-самоубийцей. Как ни странно, объектом этих эмоций были они оба с Вергилием. Не в первый и не в последний раз Взлетающий Орел задумался о тайном прошлом своего проводника.

Еще сильнее Взлетающего Орла потрясло то, что в направленных на него взглядах он читал нечто похожее на *узнавание*. Но потом он обнаружил — почти с разочарованием, — что полностью выпал из центра внимания. Как будто его вообще не должно было быть здесь и все присутствующие желали, чтобы его здесь не было.

Как только эти люди узнают меня лучше, утешил он себя, они станут более дружелюбными. Среди висящей в «Эльбаресто» мертвенной тишины такая мысль была, вероятно, излишне оптимистичной.

Говор и шум вернулись в собрание так же внезапно, как покинули его; в тот же миг все до единого лица отвернулись от новоприбывших. Это был тревожный поворот: завсегдатаи возобновили застольные беседы, словно мистера Джонса и Взлетающего Орла вообще не существовало.

Хантер с отчаянным интересом повернулся к Одноколейному Пекенпо.

— Расскажи что-нибудь, — чересчур горячо попросил он своего товарища, — о секретах твоего охотничьего искусства.

Пекенпо моментально разразился громогласным повествованием о том, как ставить капканы,

выслеживать добычу, стрелять и выживать в дикой природе. Все признаки скуки исчезли с лица Два Раза, сменившись внезапно пробудившейся страстью к охоте. Да и сам Одноколейный прежде редко бывал так увлечен своими историями — он говорил с таким жаром, словно от этого зависела его жизнь.

Тем временем Фланну О'Тулу стало совсем худо. Крепко зажмурив глаза, он склонился над стойкой бара и, барабаня по ней кулаками, твердил:

— Святая Мария Матерь Божья, клянусь, никогда больше не буду пить. Святая Мария Матерь Божья, клянусь, никогда больше…

Внезапно он замолчал и скрылся под стойкой, где его начало рвать в специально приготовленное ведро.

— Матерь Мария… — стонал он.

В тот же самый миг овчарка мистера О'Тула сделала нечто неожиданное. Ужом проскользнув мимо блюющего хозяина и юркнув под стойку, она, виляя хвостом, бросилась к Вергилию Джонсу и принялась его облизывать — в общем, дарить мужчине его первое после возвращения дружеское приветствие. О'Тул с серым лицом восстал из-под стойки; глаза его были широко раскрыты.

— Глазам своим не верю, — произнес он. — Од-

нако псина всегда его любила; будучи ближе к животным, чем к людям, он всегда умел с ними общаться. Значит, это сам Вергилий Джонс и есть — а не его призрак! Джонс-могильщик. Наш кладбищенский дурачок вернулся.

Глаза присутствующих медленно вернулись к Взлетающему Орлу, мистеру Джонсу и большому животному, радостно прыгающему вокруг них. Сами новые гости замерли на середине бара, напротив столика Пекенпо и Два Раза. Взлетающий Орел заглянул в глаза одному, другому — и заметил там быструю смену одинаковых выражений. Поначалу неверие, эхом вторящее О'Тулову; потом изумление и наконец облегчение.

– *Вот те на,* — выдохнул Пекенпо. — Мистер Джонс и *незнакомец.*

На последнем слове он сделал сильный акцент.

— Так, так, — два раза повторил Два Раза. — Джонс и незнакомец.

Подобного же рода восклицания донеслись со всех сторон. Постепенно в заведение вернулись веселье и оживление.

Пришедший в себя О'Тул, уже вновь кипя неуемным возбуждением, выскочил из-за стойки. Его лицо расплылось в широкой улыбке, которая

казалась весьма дружелюбной. *Казалась дружелюбной,* как отметил про себя Взлетающий Орел. Казаться — не значит быть.

— У его приятеля перо в волосах, — громогласно сообщил о своем открытии Одноколейный Пекенпо. — Помню, как-то раз пришлось мне содрать скальп с одного индейского вождя.

(Смех, выкрики, свист.)

И это пробудило во Взлетающем Орле воспоминания. Не о личном опыте, но об истории. Вот что напомнило ему их с мистером Джонсом появление в баре: старые вестерны в Фениксе, в задрипанных кинотеатрах, куда он тайком пробирался. Краснокожий входит в салун. Прежде чем пристрелить его, ковбои потешаются над ним. В этом городе мы краснокожих не любим. Мы любим ямы.

— Эй, собака, — гаркнул Фланн О'Тул своей суке, — а ну-ка, на место!

Этот резкий выкрик только подкрепил нарастающие тревожные подозрения Взлетающего Орла, однако на широком лице О'Тула по-прежнему сияла добродушная улыбка. Поджав хвост, овчарка удрала к себе за стойку.

Ручищи Фланна О'Тула: каждая словно заканчивается огромным окороком. *Руки душителя,*

пронеслось у Взлетающего Орла в голове. Он еще вспомнит об этом впечатлении в другое время и в другом месте. Сейчас эти руки раскрылись, словно приглашая в дружеские объятия.

— Вергилий, — прогудел О'Тул. — Вергилий, дружище. Ты ли это?

Левая рука О'Тула метнулась вперед и ущипнула мистера Джонса за плечо. Тот уже некоторое время стоял совершенно неподвижно. Взлетающий Орел заметил тень боли, промелькнувшую на лице Вергилия. Но его глаза оставались пустыми.

Фланн О'Тул был в восторге от своей проделки.

— Ты либо дурак, либо гений, мистер Джонс, — объявил он. — Только дурак оставит такое безнаказанным. Только дурак — либо человек, хорошо понимающий свои слабости. Но теперь я хотя бы уверен — ты создание из плоти и крови. Пойдем, позволь мне загладить свою вину. Я угощу тебя выпивкой.

Вергилий не шелохнулся.

— Ну иди, иди, — со смехом продолжал звать его О'Тул, уже совершенно восстановивший присутствие духа и с удовольствием дразнивший моргающего толстяка. — Я был достаточно милосерден — мог бы использовать и правую. Но

ведь требовалось сперва убедиться, что ты не призрак, согласись? Иди сюда, выпей с О'Тулом и представь нам своего зловещего друга. Выпивка за мой счет! — крикнул он на весь зал. — Эй вы все, идите сюда и поздравьте нашего блудного сына с возвращением в родной дом!

Вергилий обрел дар речи.

— Я выпью с тобой, О'Тул, — сказал он, — но прежде нам нужно поговорить.

— Чушь какая, — проорал в ответ О'Тул. — Поговорим за стаканчиком.

— Мне нужно поговорить с тобой наедине, — добавил Вергилий.

Физиономия Фланна О'Тула стала издевательски-серьезной. *Он обращается с Вергилием как с деревенским дурачком,* сообразил вдруг Взлетающий Орел и с удивлением задумался, отчего мистер Джонс выбрал себе здесь такую роль. Возможно, сказал он себе, у него и не было выбора.

— Пфф! — выдохнул О'Тул. — Серьезно? Но здесь мои друзья, мои самые близкие и уважаемые товарищи. От них у меня секретов нет. Так что давай выкладывай. У меня от радости видеть тебя снова прямо в горле пересохло.

— Речь идет о твоей жене, Долорес, — продолжил тогда Вергилий Джонс, — которая ушла от

тебя. Не без причин, нужно сказать. Мы с ней любовники. И я не могу пить с тобой. Все, что она говорила о тебе, правда. И было правдой еще до того, как она сбежала. Все это и сейчас правда. Мы пришли сюда не за тем, чтобы пить с тобой. Нам просто нужны комнаты, вот и все. Поэтому прошу меня простить…

Рык зародился где-то в недрах груди Фланна О'Тула и постепенно разросся в дикий, потрясающий душу звук. Глаза ирландца налились кровью и полезли из орбит. Несколько секунд он стоял так, наливаясь краской и рыча, а потом его руки метнулись к Вергилию Джонсу. И прежде чем тот успел пошевелиться, его горло оказалось в железных тисках. Он начал задыхаться.

— Простить тебя? Конечно! — заорал О'Тул так, что зазвенели стаканы. — О да, ты и впрямь круглый дурак, мистер Вергилий Казанова. Да проклянут меня святые, если я не придушу тебя прямо сейчас, и я буду душить тебя медленно, чтобы насладиться зрелищем твоей заслуженной смерти. Ты пришел в дом самого О'Тула и оклеветал его, назвав рогоносцем, — этим безрассудным поступком ты доказал, что ты настоящий безумец! Соблазнить мою жену! Тебе еще повезло, что я тебе не верю! Ты не смог бы соблазнить и

сосиску, и это спасет тебе жизнь.

— Мне казалось, ты говорил, что жена для тебя — одно сплошное испытание, — оживленно заметил Хантер.

— А ты не лезь, — огрызнулся О'Тул. — Моя жена — это моя жена, и я не позволю оскорблять ее имя, потому что вместе с ней это оскорбляет и меня. Похоже, пора поучить мистера Джонса хорошим манерам. От этих уроков не освобождены даже идиоты.

О'Тул разжал пальцы, и, Вергилий, шатаясь, сделал шаг назад, жадно вдыхая воздух. Взлетающий Орел заметил, как правая рука О'Тула крепко сжалась и начала движение вперед. Он почувствовал, что как будто прирос к полу, и зачарованно следил за медленным движением кулака, летящего по воздуху к еще не отдышавшемуся Вергилию; звук удара оказался тише, чем он ожидал. У Вергилия подогнулись колени, и он молча повалился на пол.

Взлетающий Орел все еще не мог сдвинуться с места. О'Тул повернулся к нему — бык, увидевший своего второго матадора.

— Ну что, не собираешься помочь приятелю, ты, как-там-тебя? — спросил он Орла, по-прежнему во всю глотку.

Взлетающий Орел почувствовал, как его голова качнулась из стороны в сторону.

— Нет?

О'Тул расхохотался.

— У Вергилия никогда не было близких друзей, — сказал он. — С твоей стороны умно держаться от него подальше.

Взлетающий Орел почувствовал тошноту в основании желудка.

— Выкинуть его отсюда, — крикнул кто-то из задних рядов. — За руки, за ноги, чтобы лбом дверь открыл.

О'Тул осклабился.

— Одноколейный, нужна твоя помощь, — позвал он. — Если ты не против, конечно.

Вдвоем они подняли Вергилия с пола и понесли к двери. Взлетающий Орел молча смотрел им вслед.

Раз.

Два.

Три.

Вергилий грохнулся на булыжники мостовой.

Встревоженная Эльфрида Грибб бросилась к нему и положила его голову к себе на колени; но когда он пришел в себя, то, шатаясь, поднялся, поправил котелок и, даже не поблагодарив ее,

устремился прочь по главной улице. По пути он один раз упал, споткнувшись о ползающего Камня.

Эльфрида поджала губы, сильно уязвленная неблагодарностью спасенного. Игнатий всегда говорил, что Вергилий не в своем уме. Видимо, справедливо.

Услышав в своей голове голос, Взлетающий Орел застыл, будто парализованный. Голос этот звучал, как всегда, убедительно, и Взлетающий Орел почувствовал крайнее отвращение к себе.

Вот что голос сообщил ему на этот раз: он успел стать подозрительным чужаком в городе, в котором решил поселиться. Эти люди в «Эльбаресто» нужны ему — ему необходимо завоевать их доверие и заручиться помощью хотя бы для того, чтобы получить угол для ночлега, уж не говоря о месте в городском сообществе. Объединиться сейчас с Вергилием Джонсом означало бы распрощаться с надеждой наконец достичь конца своего пути, своей гавани.

Думать так было невыносимо, поскольку он уже был связан с Вергилием и находился в долгу перед ним на две жизни вперед. Однако голос был настойчив. Взлетающий Орел теперь хорошо знал себя и понимал, что желание быть своим,

принятым другими людьми взяло в нем верх над духом приключений и одержимостью бесконечным поиском.

— Завтра, — сказал он себе. — Или, может быть, сегодня, но позже. Я найду Вергилия и попрошу у него прощения. Да, так я и сделаю. Завтра.

В ушах его зазвучали слова Вергилия, сказанные всего несколько часов назад: «Вы можете очень легко нанести мне рану». Скрытые в этих словах опасения уже успели оправдаться. Только что он, Взлетающий Орел, ударил своего друга гораздо больнее Фланна О'Тула, да еще в самое уязвимое место. Он был виноват; но не мог заставить себя думать об искуплении. Пока не мог. Сначала его должны принять.

Моя ошибка. Моя вина. Меа maxima.

Он встряхнулся, чтобы осознать, где находится. Вокруг — неулыбчивые лица; только один Фланн О'Тула ухмылялся своей жестокой улыбкой.

— Куда он пойдет? — спросил Взлетающий Орел.

— Конечно, к Иокасте, куда же еще? — ответило ему густобровое красное лицо. — Она единственная его примет.

— Сдается мне, — произнесло другое лицо, узкое, изящно-скуластое, — нам снова придется

привыкнуть к нему.

— Только не здесь, — сказал Фланн О'Тул. — В империи Наполеона ноги его больше не будет.

— Вы позволите мне сесть? — спросил Взлетающий Орел.

— Садись, — кивнул Фланн О'Тул. — И ты ответишь нам на некоторые вопросы.

Цинизм в изящном лице, жажда насилия в глазах О'Тула. О'Тул: лицо, осознающее творимое насилие, грубая сила, упивающаяся собой, мастурбация власти. Господи, пронеслось в голове Орла, куда я попал?

— Я с удовольствием отвечу на все ваши вопросы, — произнес он и от стыда прикусил язык.

— Как звать? — спросил О'Тул.

— Взлетающий Орел. Я индеец аксона, родился в Америндии. (Опознавательный знак и серийный номер. Он чувствовал во рту привкус крови. И чувствовал кровь Вергилия на своих руках. Еще одному человеку он причинил боль своей близостью.)

— Никогда не слыхал о таком племени, — объявил Пекенпо, медленно качая головой.

— Сколько лет?

— Семьсот семьдесят семь лет. (Как глупо это прозвучало; как далеко осталась та жизнь, ко-

торая у него была до того, как он оказался на острове Каф. Здесь он уже претерпел эту перемену: его бессмертие утратило смысл, оно перестало быть предметом размышлений и обсуждений, осталась только горечь. Странно — когда-то оно чуть не довело его до самоубийства. Среди гениев интеллект теряет ценность; тут начинают соперничать в кулинарии или сексе. У бессмертных так же. Когда время не имеет власти, на него перестают обращать внимание.)

— Род занятий?

— Мореход… Я ходил по морям. (Это тоже как будто было сказано не о нем, а о каком-то другом Взлетающем Орле.)

— Основной интерес?

— Я… прошу прощения?

— Основной интерес? — повторил свой вопрос О'Тул.

— Я не совсем понимаю вас, — отозвался Взлетающий Орел.

— Объясни ему ты, Два Раза, — вздохнул О'Тул. — Я пока налью себе чего-нибудь для подкрепления сил.

Место О'Тула заняло изящное лицо.

— Здесь у нас, в К., — заговорил голос, пропитанный цинизмом, — мы привыкли считать себя

людьми цельными. Большинство из нас, если не сказать все, имеют особую область интересов, которую считают своей вотчиной. Боюсь, мы не можем принять никого, кто устроен иначе. Это как разница между случайным половым актом и любовью. Чем сильнее ты любишь, тем острее видишь, тем глубже узнаешь и тем больше обогащаешься. Мы привыкли думать о себе как о людях, которые смогли обогатиться. И ожидаем от вас согласия с подобной точкой зрения.

— Да, — отозвался Взлетающий Орел, — хорошо. Я согласен.

(«…Нанести мне рану», — сказал ему Вергилий Джонс. «Хорошо», — ответил тогда он.)

О'Тул уже вернулся от стойки.

— Ну что ж, — сказал он. — Попробуем еще раз — никто не против? Основной интерес?

Ожидающие лица вокруг…

Превозмогая головокружение и смущение, Взлетающий Орел ответил, сам не понимая, откуда у него взялась такая мысль:

— Гримус. Это Гримус.

— Эк он… — крякнул О'Тул, не находя слов.

— Тише, тише, — произнес Хантер. — У вас, к сожалению, дар задевать за живое. Мы стараемся не говорить здесь… об этом.

Лица вокруг были унылы. Пожелай сейчас О'Тул воззвать к насилию, у Взлетающего Орла не было бы ни шанса.

Неожиданно на сторону «краснокожего» встал Одноколейный Пекенпо.

— Черт возьми, — рявкнул он, — живешь сам и давай жить другим. Он, конечно, чудак-индеец, но не вижу причин не применить это правило и к нему. Среди моих лучших друзей были индейцы. Причин противиться нет. Таких, как он, здесь еще не было, верно? Он заполняет пробел, верно? Так почему бы и нет, черт побери?

Кроме Пекенпо, никто не мог противостоять О'Тулу на его территории. Стеклянное выражение на лице хозяина заведения сменилось двусмысленной ухмылкой.

— Ладно, — сказал он, — предоставим возможность решать графу. Лично я не прочь немного поболтать о Гримусе. Я люблю небылицы…

— Говорят, он пить не умел, — совершенно серьезно объявил кто-то. Все рассмеялись.

— Говорят, что в играх он был дока, — сказал другой голос, и смех усилился.

— Говорят, он был великим охотником, — подхватил Пекенпо, вызвав новый взрыв хохота.

— Джентльмены, — подал голос Взлетающий

Орел, — незачем поднимать меня на смех. Я говорю честно: я хочу поселиться в вашем городе.

— По крайней мере, теперь ты в лучшей компании, — сказал О'Тул. — Давай выпей, Взлетающий Орел. Решать не нам, а графу Черкасову. Завтра ты с ним встретишься. А сегодня я подыщу для тебя местечко прямо здесь.

Облегчение захлестнуло Взлетающего Орла, но он постарался не потерять осторожности.

— Могу я спросить… — начал он.

— Валяй, — ответил О'Тул.

— Тогда скажите, какой сегодня день?

На этот раз Фланн О'Тул рассмеялся вполне добродушно.

— Видишь, что бывает, когда путаешься с такими, как Джонс, — сказал он. — Можно потерять счет времени. Сегодня вторник, точнее, самое начало среды. Есть ли у вас еще подобные загадки?

— Да, — ответил Взлетающий Орел. — Кто такой Вергилий Джонс?

На несколько секунд Фланн О'Тул застыл с раскрытым ртом, а потом захохотал так, что у Взлетающего Орла едва не полопались барабанные перепонки:

— У меня есть для вас одна шутка, — сообщил он, успокоившись. — Скажи мне, кто твой друг,

и я скажу, кто ты. А твой друг Вергилий Джонс — дурак. Пей, мистер Орел, пей давай.

Взлетающий Орел почувствовал невыносимое головокружение и тошноту; виной тому, возможно, были картофельное виски и усталость.

— Мне нужно на воздух, — прошептал он и направился к двери — грязный бродяга с перекошенным пером в волосах, доведенный до предела. Лица расступились перед ним и пропустили его. Питейный зал колыхался в тумане.

Фланн О'Тул и Долорес О'Тул в постели. Он в стельку пьян, она, широко раскрыв глаза, тянется к нему. Сквозь сон Фланн Наполеон О'Тул бормочет:

— Не сегодня, Жозефина.

— Долорес, — холодно поправляет она и отворачивается спать.

Вспомнив об этом, О'Тул раздавил в кулаке стакан.

XXXV

Эльфрида Грибб, которая подслушала весь разговор в баре, уже придумала, что ей делать; ее изящные челюсти были крепко сжаты. Решительно, хотя и слегка встревоженно, она дожидалась появления Взлетающего Орла.

С трудом выбравшись на улицу, он тут же привалился к стене. Его голова качнулась — со стороны он выглядел как человек в последней степени физического и морального истощения. Он так плохо одет, подумала Эльфрида Грибб. И такой грязный.

— Сэр, — постаралась сказать она как можно тверже.

Голова Взлетающего Орла повернулась в ее сторону. Женщина… красивая женщина… да, она ехала на осле… Она чего-то хочет от него, но чего именно — не понять.

— Сэр, — настойчиво продолжала Эльфрида, — вам не стоит здесь оставаться.

— Что? — переспросил он.

— Вы пойдете со мной, — категорически заявила Эльфрида. — Если вы серьезно решили обосноваться в К., то не могли придумать худ-

шего начала. Сначала мистер Вергилий Джонс, а теперь эта буйная, распущенная толпа… Нет, сэр, вы должны пойти со мной. У нас с мужем есть комната для гостей, она будет в вашем полном распоряжении. Неужели мысль о чистых простынях вас не соблазняет? И о хорошей еде, раз уж на то пошло. Пойдемте со мной, сэр. Черкасовы — наши соседи и хорошие друзья. Граф высоко ценит мнение моего мужа. Уверяю вас, это лучшее, что вы можете сейчас сделать. Только, пожалуйста, поторопитесь, а не то вас затащат обратно в бар.

Прекрасная женщина предлагает ему свое гостеприимство, понял Взлетающий Орел. О причинах, побудивших ее к этому, он не ведал, не догадываясь о ее пристрастии к добрым делам, но слишком устал, чтобы разбираться. Ясно было одно: она значительно симпатичнее Фланна О'Тула, поэтому выбор был очевиден. Даже несмотря на то, что слово «муж» он расслышал.

Он попытался выпрямиться.

— Взлетающий Орел, — прошептал он.

— Какой вы смешной, мистер Орел, — простите ради бога! — рассмеялась себе под нос Эльфрида. — Но ночной отдых творит чудеса! Меня зовут Эльфрида Грибб. Мой муж, мистер Игнатий Грибб, — философ.

— В таком случае я, — попробовал шутить Взлетающий Орел, — буду философским камнем ему на шею.

Он пошатнулся.

— К чему это остроумие? — ответила Эльфрида. — Я уверена, что в вашем нынешнем состоянии вы могли бы лишь превращать цветные металлы в золото дураков. А теперь давайте поспешим.

— Я… пожалуйста, помогите мне.

Опираясь о плечо миссис Грибб, он нетвердыми шагами добрался до ослицы; не без труда они вдвоем оседлали животное — миссис Грибб впереди, Взлетающий Орел сзади; стуча подковами по дороге Камня, ослица повезла их в то место, о котором Взлетающий Орел мечтал весь вечер, — домой.

Не успели они добраться и до «Дома взрастающего сына», а Взлетающий Орел уже заснул, положив голову на спину миссис Грибб и крепко обхватив ее одной рукой за талию, чтобы не упасть.

— Боже мой, — говорила себе Эльфрида Грибб, — вот это приключение.

Длинная ночь близилась к концу.

XXXVI

В изножье кровати стоял гном.

— Замечательно, — произнес он. — Замечательно.

Это был очень чистый гном, и он подпрыгивал на месте с жадным любопытством, усугубленным крайним нетерпением. На гноме была безупречная шелковая рубашка с шейным платком, замшевая куртка, довольно неуместные (но безупречно аккуратные) старые вельветовые брюки и холщовые домашние тапочки. Когда гном заметил, что Взлетающий Орел пробудился, его глаза загорелись ярким фиолетовым светом.

— Ах, — сказал гном, — мистер Орел. Поздравляю вас со счастливым прибытием, как говаривали когда-то в la Belle France. И разрешите пожать вам палец.

Взлетающий Орел решил, что он либо еще спит, либо ослышался.

— Пожать палец?

— Да, да, да, да, да, — затараторил гном. — Вот так, видите?

Он обежал вокруг кровати на ту сторону, где лежал Взлетающий Орел, и протянул тому ма-

ленькую руку. Взлетающий Орел по инерции вежливо протянул в ответ свою. Гном зацепил его большой палец своим и только после этого сжал руку остальными пальцами.

— Вот так, — сказал он. — Местные обычаи — дело чрезвычайной важности, знаете ли. Следуйте им, и перед вами откроются все двери. Игнатий Квазимодо Грибб, к вашим услугам, сэр. Некогда профессор философии в… хотя это неважно. В отличие, как я уже говорил, от местных обычаев. Которые важны чрезвычайно. Похоже, вы пришли в себя?

Рот гнома остался вопросительно открытым, глазки заблестели, и, ожидая ответа Взлетающего Орла, он стал перепрыгивать с ноги на ногу.

— Благодарю вас, мистер Грибб, — ответил Взлетающий Орел. — Вы и ваша жена очень добры ко мне.

— Ерунда, ерунда, ерунда, ерунда! Теперь примите ванну, а мы тем временем подыщем вам какую-нибудь одежду взамен вашей, изорванной разъяренными дикарями. Это провожают по уму, а встречают-то по одежке. Костюм делает человека. Так ведь? А?

— Да, — неуверенно согласился Взлетающий Орел. — Но я не уверен, что ваша одежда окажет-

ся мне впору… — Он замолчал, а гном яростно замахал на него ручками.

— Не моя, не моя, не моя, — тараторил он. — Благодарите отзывчивого графа Черкасова. Акт добрососедства, так сказать. И хороший знак к тому же. Вам придется обратиться к графу с официальным прошением, и если вы сделаете это в его собственной одежде, в этом ведь не будет ничего дурного, а?

Прищурив один фиолетовый глаз, гном ткнул Взлетающего Орла острым локотком в ребра.

— Наверное, — торопливо откликнулся Взлетающий Орел.

В комнату вошла Эльфрида Грибб. Бессонная ночь не в силах была причинить ей вред; напротив, стены родного дома и мягкий дневной свет только подчеркивали ее неземное очарование.

— Вы должны простить моего мужа, — сказала она. — Он так рад вашему появлению здесь, что, боюсь, от восторга слегка перевозбудился. Вам с ним о многом нужно переговорить. Если я вдруг понадоблюсь — я буду тихонько возиться по дому.

Эльфрида нагнулась над мужем, поцеловала его в купол лысой головы (вернее, головы, навсегда застывшей в процессе линьки) и вышла

из комнаты.

«Вот где начинается новая жизнь», — думал Взлетающий Орел, принимая ванну. Остаток ночи он провел под роскошным бельем на пуховой перине. *Он обязан воспользоваться подвернувшейся удачей.* Одно было несомненно: чета Гриббов жила гораздо лучше первых его благодетелей — Вергилия Джонса и Долорес О'Тул.

Первая вода ушла в слив совершенно черной. Он был ужасно грязен. Его волосы напоминали буйные нехоженые заросли. Взлетающий Орел решил вымыться повторно; на этот раз вода была холодной, но это не имело значения. Цвет воды опять сменился с прозрачного на черный. Только после третьего омовения он наконец признал себя чистым. Когда он появился из ванной, Игнатий Грибб уже поджидал его, разложив на кровати несколько комплектов одежды. Взлетающий Орел выбрал скромный темный костюм и галстук — сидели они на нем вполне сносно. От шляпы он отказался.

— Надеюсь, я потратил не слишком много воды? — вежливо осведомился он.

— Ерунда, ерунда, — отозвался Грибб. — У нас на крыше вместительная цистерна. Теперь пойдемте со мной, покажите себя Эльфриде во всем

блеске. Она будет сражена.

Из спальни они прошли в идеально убранную комнату. Эльфрида лежала в шезлонге с вышивкой на коленях. При виде вошедших она села и захлопала в ладоши.

— Боже мой, — воскликнула она, — вот теперь мы видим ваш естественный цвет, мистер Орел.

— Благодаря вам, мадам, — поклонился он в ответ.

Она позволила чуточке румянца разлиться по своим щечкам.

— А теперь ступайте оба, — заявила она. — Я ужасно занята.

Рядом с Эльфридой стоял старый, почти антикварный заводной граммофон; протянув руку, она опустила иглу на пластинку. Зазвучала музыка. Музыка, которой Взлетающий Орел не слышал вот уже несколько веков. Флейты и скрипки: интерлюдия почти забытого покоя. Взлетающий Орел проглотил подкативший к горлу комок.

— Тогда в мой кабинет, мистер Орел, — сказал Игнатий Грибб. — Я предложу вам капельку выпить — что скажете?

С трудом оторвав взгляд от чудесной картины, Взлетающий Орел проследовал за маленьким, шустрым и сморщенным человечком в глубь

дома.

— Уверен, мистер Орел, что вы немало повидали на своем веку, — объявил Игнатий Грибб. — Это чувствуется в каждом вашем движении.

— Ваш дом постоянно напоминает мне о старых временах, — ответил Взлетающий Орел. — О самых приятных моментах. Этот херес, например. Я не пил хереса, наверное, лет сто.

— Ко всем прочим своим достоинствам Эльфрида еще и весьма благоразумна, — заметил на это Грибб. — Когда мы решили предпринять путешествие на остров Каф, она настояла на том, чтобы взять с собой все без исключения мелочи цивилизованного обихода. Таким образом, замечу вам, у нас оказался здесь небольшой погребок, которым мы пользуемся в таких редких случаях, как этот. В основном мы пьем местное вино. Оно, конечно, довольно легкое, но и хорошо, что не жирное.

Взлетающий Орел едва сдержал смешок — мистер Грибб был очень доволен своим критическим замечанием.

— Так вот что я хотел вам сказать, — продолжил тем временем Грибб, — я научился определять масштаб и характер жизненного опыта человека по его глазам. У человека, битого жизнью, узкие глаза; его противоположность, герой-победитель,

смотрит горделиво, широко открытыми глазами. Я рад, мистер Орел, что ваши глаза так широко открыты. Это значит, что мы с вами можем подружиться.

Взлетающий Орел смущенно пробормотал слова благодарности. Для себя же он решил, что этот человек глуп и к тому же склонен к догматизму; но в ответ на столь щедрое гостеприимство следовало проявлять терпимость.

Мистер Грибб был готов пуститься в пространные рассуждения на любую тему и потому с восторгом принял вопрос Взлетающего Орла:

— К какой философской школе вы принадлежите?

— Когда-то давно, — начал Грибб, — я увлекся таким понятием, как память рода, то есть сгустками высококонцентрированного знания, которые передаются из поколения в поколение, постоянно чем-то обогащаясь и что-то теряя. Мне пришло в голову, что источник-материал этих форм знания должен быть самой сутью философии. Другими словами, сэр, я достиг высшей гармонии: сочетания наиболее глубоких, проверенных временем мыслей человечества и ритмических рисунков, придающих этим мыслям связность и, что самое главное, популярность. Я возвращаю людям их

интеллект.

— Я не совсем… — начал было Взлетающий Орел.

— Неужели вы не понимаете, мой дорогой друг? Ритм, структура, стиль: все это можно найти в сказках, в старинных преданиях, но самое главное… (он театральным жестом взмахнул рукой и взял со своего письменного стола рукопись) — в клише!

«Боже мой!» — пронеслось в голове у Взлетающего Орла.

— Вот это, — провозгласил Грибб, тыча пальцем в страницы, — главнейший мой труд. Философия универсальных цитат. Цитаты на любой случай, которые делают жизнь одновременно осмысленной и выносимой. Рамка фраз, в границах которых можно жить, фраз, насыщенных поистине всеобщим смыслом. Вот послушайте — моя первая и, быть может, самая совершенная и универсальная цитата из всех:

Пески времени текут к новому Истоку.

— Потрясающе, — сказал Взлетающий Орел.

— Правда, правда? Да, да, да: вы только вдумайтесь. Пожилая тетушка на свадьбе подыскивает слова, пронизанные идеей перспективы. Она

может использовать эту фразу, и празднество тотчас приобретет новый, углубленный смысл. Та же тетушка готовит на кухне ужасное блюдо; она произносит ту же фразу — с оттенком стоицизма, — и тем самым два разъединенных события немедленно увязываются в одно. Таким вот образом универсальная цитата позволяет нам лучше ощутить неразрывность жизни. Мы видим, чем именно свадьба похожа на необходимость готовить еду заново. Цитата подсвечивает оба этих события.

— Удивительно, — сказал Взлетающий Орел.

— Дорогой вы мой, дорогой вы мой, дорогой вы мой, — заторопился Игнатий Грибб. — Я уверен, что мы станем лучшими друзьями. Вы понравитесь Черкасову, не сомневайтесь. Я так вас ему рекомендую, что он вас тут же одобрит.

— Насколько я понял, — решился высказаться Взлетающий Орел, — неприятности могут возникнуть из-за предмета моего основного интереса.

— Ох, — ответил Грибб, — какая ерунда. Черкасов еще никого не отверг.

— Но в «Эльбаресто» мои слова вызвали суматоху.

Грибб насмешливо хмыкнул.

— Так, так, так, — затараторил затем он. — Что же такое опасное вас привлекает?

— Гримус, — просто ответил Взлетающий Орел.

Игнатий Грибб молча опустился на стул. Высокие напольные часы своим тиканьем подчеркивали паузу. Подозрительно-навязчиво жужжала муха.

— Эльфрида что-то такое мне говорила, — снова подал голос Грибб. — Но тем не менее. Не изводите себя напрасными переживаниями.

Свои уверения он подкрепил несколькими кивками. Но легче от этого на душе у Взлетающего Орла не стало.

Эльфрида возлежала в своем шезлонге; рядом с ней был Игнатий; вышивка небрежно лежала на полу — единственный штришок неаккуратности в идеально прибранной комнате. Из рупора фонографа лилась старая-старая песня.

День перевалил за полдень, и туманная дымка сменила цвет с утреннего золота на дневную желтизну. *Желтый — цвет жизни,* вспомнил Взлетающий Орел, сидя на плетеном стуле с слишком прямой спинкой напротив своих хозяев. Гостиная была погружена в легкую прозрачную дымку. Время замедлило ход, подумал

Взлетающий Орел. Он был почти счастлив. В К. снова обретали смысл история, хорошие времена да чуть ли не национальности: О'Тул, Черкасов… Нравились они ему или нет, но имена этих людей воскрешали прошлый мир к жизни. Здесь, в недрах гостиной Гриббов, Взлетающий Орел чувствовал — и наконец обрел — покой.

Здесь ревностно охранялись останки прошлого. Для человека, стремящегося найти себе дом, это имело огромное значение.

Он смотрел на Эльфриду: опустив глаза, она слушала голос мужа. Смотреть на эту женщину было само по себе удовольствие. Длинные пальцы Эльфриды медленно и искусно переплетали между собой кусок нити. Это зрелище способно было погрузить в гипнотический транс.

Вот что говорил Игнатий:

— По моему мнению, одно из главных достоинств К. — это отсутствие здесь ученых. Я всегда находил досадным стремление простых технологов называть себя так — учеными, людьми знания. В их отсутствие наука вернулась к ее исконным хранителям: учителям, мыслителям и абстрактным теоретикам вроде меня.

Однако отсутствие технократов, мой дорогой Взлетающий Орел, не означает возврата к

суевериям; напротив, оно возлагает на нас еще большую ответственность за рационализацию мира. Мир таков, каким мы его видим, ни более ни менее. Эмпирические данные — единственный базис философии. Я не реакционер; в юности я бы посмеялся над идеей бессмертия, но теперь, когда я знаю, что оно может быть даровано, я принимаю ее. Я могу поблагодарить технократов лишь за одно: они отдают должное тому, что этого заслуживает. Иметь перед собой вечность на изучение одного предмета — это воистину благодать; жизнь в этом городе, надежную и размеренную, я, будь я суеверным, назвал бы чудом. Здесь любой может посвятить себя своему основному интересу и ни в чем не нуждаться; любому здесь предоставлены кров, стол и общество людей. Благодаря этому, а также вечной игре тезиса и антитезиса счастье достижимо для любого. Например, я счастливый человек, мистер Орел; и знаете почему? Расскажу, но позвольте мне сделать это окольным путем.

Так же, как и вы, мистер Орел, мы прибыли на остров сравнительно недавно; я говорю «сравнительно», поскольку речь идет о нескольких столетиях. По прибытии я обнаружил, что в умах горожан формируются некоторые досадные ми-

фы, и поставил своей целью искоренение этих мифов. Кстати говоря, это стало любопытным исследованием, сопутствующим моей работе над памятью рода, — я изучал развитие мифологии в одном поколении долгожителей. В любом случае, мистер Орел, какой бы путь вы ни избрали в вашей области, смею надеяться, вы не станете ничего делать, чтобы поддерживать этот определенный миф.

Взлетающий Орел внезапно почувствовал, что ходит по тонкому льду.

— Не хотите ли вы сказать, сэр, что Гримуса не существует?

Вопрос заставил Грибба раздраженно поморщиться.

— Да, да, да, да, да, — очередью выпалил он. — Именно это я и хочу сказать. Не существует ни Гримуса, ни его драгоценной машины, ни таинственных измерений, ничего такого. Все это фантазия идиотов вроде Джонса — в ней много и шума, и страстей, но смысла нет.

— Вы удивили меня, мистер Грибб, — отозвался Взлетающий Орел. — Позволю себе не согласиться с вами.

— Вы слишком много времени провели с этим фокусником… с этим шарлатаном. В этом городе

ему нет места.

Было видно, что Грибб разозлился. Красный карлик.

— Дорогой, — подала голос миссис Эльфрида, — уверена, тебе будет интересно, если человек с обширным опытом мистера Орла изучит этот вопрос.

Грибб взял себя в руки.

— Да, конечно, — согласился он. — Дорогая, дорогая, дорогая, ты, как всегда, права. Это было бы… крайне забавно.

Взлетающий Орел глубоко задумался: по всей видимости, в К. Лихорадка измерений была неизвестна; кроме того, теперь, когда он уже пережил ее, измерения больше не вторгались в его сознание. А в компании Вергилия он был болен. Ему ужасно захотелось узнать о нем побольше.

Взлетающему Орлу было ясно одно: если ему позволят, он должен попытаться собрать как можно больше сведений о Гримусе, и неважно, кто это — подлинное или вымышленное лицо. Только так он мог разобраться в себе самом.

И все же — куда делся Вергилий Джонс?

— Хочу заверить вас, сэр, — торжественно объявил он Гриббу, — что в своих изысканиях я буду воплощением беспристрастности. Это долг чести

за то, что вы приютили меня. В месте, напитанном ученостью, может жить только научный подход.

— Так, так, так, так, так, — умиленно затараторил мистер Грибб.

— Господи, — сказала Эльфрида, — если мы собираемся обедать у Черкасовых, то мне нужно лететь одеваться.

XXXVII

Избитый мужчина в порванном костюме стучит в дверь борделя — семь раз. Сразу после седьмого удара дверь распахивается настежь и глухо ударяется в темную стену. Свеча бросает свет на женщину в длинном кружевном пеньюаре, распущенные темные волосы каскадом ниспадают на плечи, лицо сияет. Мужчина, шатаясь, входит внутрь; дверь закрывается. Пустыни без оазиса не бывает.

Мужчина лежит, его голова покоится на коленях у дамы, которая держит лампу, он спит, а дама поет. Позади неподвижно стоит нагая девушка; у их ног примостилась женщина в длинном кружевном пеньюаре и за всем наблюдает. Вот несколько строчек из песни:

Надо ль стремиться взойти
На высокую гору Каф?
Она всех собьет с пути,
Обратит любой посох в прах.
Твою песню она прекратит,
Твой смех превратится в страх.

О, не стремись ты взойти
На высокую гору Каф.
Но у всех она лежит на пути.

Проснувшись, мужчина просит дать ему прибежище; а поскольку бордель и есть прибежище, в просьбе ему не отказывают. Ему приносят пищу и чистую одежду.

— Твой тезка Чанакья, — прошептала Вергилию Камала Сутра, — мог положить одну руку на жаровню с углями, а другую — на прохладную грудь молодой девушки и не почувствовать ни боли от ожога, ни наслаждения нежной плотью. Ты способен чувствовать и то и другое — благо это или несчастье, решать тебе. И теперь, когда ты познал огонь сполна, позволь женщине излечить тебя.

Она легла рядом с ним; из ее горла начал исходить глухой клекот. Потом она подняла руки к глазам, чтобы закрыть их, и так и оставила ладони с растопыренными пальцами у уголков своих миндалевидных глаз. Вергилий по-прежнему не шевелился, тогда она взяла его руку и положила себе на грудь. Постепенно его рука ожила.

— Утешься, — сказала она.

И он утешился.

— Если не отрываясь всматриваться в черный кружок в центре белого листа бумаги, — сказала Ли Кок Фук, — то кружок либо исчезнет, либо примется расти, пока не станет казаться, что он занимает весь лист. В древнем символе инь и ян в доле инь содержится пятнышко ян, а в доле ян — пятнышко инь, что символизирует присутствие в каждой половине зерна ее противоположности. Если всматриваться в точку, то постепенно она разрастется в облако; тогда в твоем разуме нарушится равновесие и наступит опустошенность, от которой ты сейчас страдаешь. Я помогу тебе отвести глаза от этого облака; любовные ласки, возможно, восстановят гармонию.

Она обвилась вокруг Вергилия наподобие змеи, обхватила его руками и ногами так, что он потерял всякую способность двигаться; ему ничего не оставалось, кроме как ответить взаимностью.

Следующей ночью Флоренс Найтингейл снова пела ему колыбельную, и Мидия снова безмолвно стояла за ними, а мадам Иокаста возлежала у их ног. Песня Флоренс, легкая и успокаивающая, напоминала журчание воды, чистой и свежей воды в быстром ручье. Вергилий спал уже лучше.

— Есть люди, чье проклятие в том, что они

отличаются от остальных, — говорила Ли Кок Фук. — Оказавшись среди мыслителей, они отмечают лишь недостаток практичности; а оказавшись среди людей действия, скорбят об отсутствии мысли. Когда они сталкиваются с одной крайностью, их тянет к другой. Такие люди обычно одиноки, большинство недолюбливает их, да и сами они не способны заводить друзей, ведь дружба подразумевает принятие чужого образа мыслей. Но, быть может, одиночество — это не такое уж и проклятье, ибо мудрость редко отыщешь в толпе. Бывают, однако, времена, — заключила она, растекаясь вокруг Вергилия, — когда даже такие люди не совсем одиноки.

Мадам Иокаста подняла заслонку смотрового глазка. Камала Сутра показывала Вергилию Джонсу позу из тантрической йоги. Он сидел обнаженный на ее кровати в позе лотоса; сама же индианка располагалась лицом к Вергилию у него на коленях и обвивала ногами его талию. Их глаза были закрыты, половые органы соединены. Иокаста удовлетворенно кивнула.

Вергилий Джонс мирно лежал в постели Флоренс Найтингейл. На ночном столике блестел бронзовый кувшин с вином. Иокаста, Мидия,

Камала и Ли полукругом стояли перед двумя лежащими людьми.

— Добро пожаловать домой, Вергилий, — сказала мадам Иокаста.

— Предлагаю тост, — объявил Вергилий, — за «Дом взрастающего сына» и обитающих в нем ангелов милосердия.

— А мы пьем за исцеление твоих душевных ран, — ответила Иокаста.

Вергилий осушил бокал до дна. Флоренс тут же наполнила его снова.

— Мне что-нибудь сыграть, мадам Иокаста? — спросила она.

— Это было бы чудесно! — сказал Вергилий. — Сыграй нам и спой.

Флоренс взяла свою лютню и начала петь. Глядя на нее, Вергилий вспомнил строки из старой поэмы:

Стройно-звучные напевы
Раз услышал я во сне,
Абиссинской нежной девы,
Певшей в ясной тишине…

Он смотрел, как чернокожая Флоренс поет, и вскоре забыл все прочие песни и стихи:

О, когда б я вспомнил взоры
Девы, певшей мне во сне
О Горе святой Аборы...[4]

Так они лежали в кровати вдвоем — могильщик с античным именем и шлюха с античным профилем.

— После предательства Взлетающего Орла я очень сильно страдал, — сказал Вергилий. — Но теперь мне уже все равно.

— Ты должен остаться здесь, Вергилий, — ответила ему Иокаста. — Будешь жить с нами и присматривать за нами. Хватит тебе бродить вверх и вниз по склонам этой проклятой горы, ты сделал более чем достаточно. Никто не должен взваливать на себя вину целого острова. Пора тебе отдохнуть. Пускай твой Взлетающий Орел отправляется дальше один, если ему нужно; ты сделал для него все, что мог.

— Или все, что хотел, — сказал Вергилий. — Сейчас он думает только о том, как бы здесь поселиться. Поселиться в К.! Кто знает, возможно, все так и должно было закончиться — ничего больше не поделаешь, он нашел свое место. Про-

---

[4] Примечания: 4

Отрывок из поэмы Сэмюэла Тейлора Кольриджа «Кубла-хан, или Видение во сне». *Пер. К. Бальмонта.*

сто я думал…

Вергилий внезапно смолк.

— Ты думал, что в его силах сделать то, чего не смог ты? — продолжила за него Иокаста. Вергилий ничего не ответил.

— Желание мести — это не самое достойное чувство, — мягко сказала Иокаста. — И ты и я, мы оба хорошо знаем, что Гримус сейчас недоступен. Ни для кого.

Вергилий пожал плечами.

— Может, и так. Но вероятнее, что нет…

— Что такого есть в Лив, — горько спросила Иокаста, — что обрекает мужчин на подобную муку? Ты бы никогда не возненавидел Гримуса, если бы не Лив.

— Вероятно, нет, — ответил Вергилий.

— Лив, — бросила Иокаста, словно сплюнула. — Ты должен забыть ее, Вергилий. Ее, Гримуса и Взлетающего Орла. Я не могу лечь в постель с твоими призраками.

Вергилий рассмеялся.

— Ты терпеливая женщина, Иокаста, — сказал он. — Налей мне еще вина — в нем есть прощение и забытье. Я рад буду остаться с вами.

— Иокаста?

Она пошевелилась во сне.

— Иокаста, послушай…

Вергилий напряженно сидел в постели. Сквозь полутьму он мог разглядеть свое отражение в зеркале на дальней стене.

Иокаста приподнялась на локте.

— Ну что ты придумал на этот раз? — спросила она. Последние несколько ночей подобное повторялось регулярно; Вергилия вдруг резко будили его сны. «Исцеление подсознания требует больше всего времени», — извинялся он в таких случаях.

— Я только что вспомнил, — сказал он. — В ту ночь, когда я пришел в город. Ты не забыла? Кое-что случилось. Кое-что странное…

— Господи! — охнула Иокаста. — Как я могла забыть. Провал…

— Точно. Что это было, черт возьми?

— Не знаю, — ответила она. — Раньше такого не случалось.

Вергилий взглянул в окно на темную массу горы Каф над ними — ее вершина была затянута тучами.

— Что затеял этот глупец теперь? — сердито спросил он.

— Возможно, он не в состоянии за этим следить, — тихо сказала Иокаста.

— Это было похоже… — начал Вергилий, но

остановился.

— На вспышку смерти, — закончила вместо него Иокаста.

Никто из них в ту ночь больше не спал.

— На пути сюда, — сказал Вергилий, — я снова обрел свой дар, представляешь? А потом снова его потерял. Но мне удалось разок совершить путешествие.

— Тебе нужно оставить эти занятия, — ответила Иокаста. — Остальным повезло больше, чем тебе; у нас иммунитет, вот что я хочу сказать.

— Как у того короля, который регулярно принимал яд, чтобы никто не смог отравить его, — заключил с невеселой улыбкой Вергилий.

— Да, — серьезно ответила Иокаста, — именно так.

Вергилий откинулся на подушку.

— Ты этого никогда не поймешь, — сказал он. — В мире нет ничего лучше путешествий по измерениям. Ничего даже близкого.

— Забудь об этом, Вергилий, — сказала Иокаста. — И иди ко мне.

XXXVIII

Ирина Черкасова выплыла навстречу Эльфриде и запечатлела на каждой ее щеке поцелуй.

— Ах, дорогая моя, — воскликнула она, — как тебе удается быть одновременно такой добродетельной и обворожительной? Воистину, ты поступаешь несправедливо — присваиваешь себе все достоинства. Оставляя нам только пороки.

Эльфрида покраснела:

— Какая чепуха, Ирина, ты меня перехваливаешь. Мистер Орел скоро поймет это и решит, что я тщеславна.

— Мистер Орел, — сказала Ирина Черкасова и подала Взлетающему Орлу свою длинную руку. — Мы уже очень и очень наслышаны о вас. Эльфрида взяла вас под свою опеку — вам повезло, она святая.

— Судя по тому, что я вижу, — ответил Взлетающий Орел, склоняясь над вытянутой ручкой, — то сегодня вечером мне повезло вдвойне.

Ирина Черкасова весело засмеялась в ответ, но глаза ее, серые и таинственные, поймав и удержав взгляд Взлетающего Орла, изучали собеседника и, быть может, хранили в себе проблеск

обещания.

— Две святые, дорогая! — сказала она, обращаясь к Эльфриде, — сразу две святые: что нам не подвластно?

Глаза Ирины продолжали дразнить Взлетающего Орла. Глазам этим была известна их власть. Между бровями Эльфриды Грибб легла крошечная складка.

— Так пойдемте же, пойдемте! — воскликнула Ирина и, взяв Эльфриду под руку, увлекла ее в *салон*. Игнатий Грибб и Взлетающий Орел направились следом. Философ на ходу вполголоса бросил своему спутнику:

— Маленький совет, мистер Орел. Будьте осторожны.

Ирина и Эльфрида, обе бледные, утонченные, похожие на фарфоровые статуэтки, плыли впереди. Взлетающий Орел мысленно изумился тому, как стремительно изменилась его жизнь с момента прибытия в К.: сначала еле удерживаемая в рамках грубость «Эльбаресто», теперь в равной степени еле удерживаемые в рамках прелести мира этих двух женщин; и задался вопросом: есть ли существенная разница между этими двумя мирами?

Граф Александр Черкасов сильно потел для

столь красивого мужчины. За каждой манжетой он скрывал по платку; один платок был уже мокрым насквозь, второй его быстро нагонял. Граф чрезвычайно часто и лихорадочно вытирал лоб, этот высокий купол, придававший ее обладателю вид чувственного гения; эту иллюзию подкрепляли копна светлых кудрей и слегка вывернутая верхняя губа. Но то была лишь иллюзия; Александр Черкасов был слабым, тупым, бесполезным, вечно выставляющим себя на посмешище дураком, о чем его красавица жена преотлично знала. Используя этот факт в противоборстве с супругом, она не упускала случая уколоть и унизить его. Он никогда не находился, что ответить Ирине: ответа просто не было.

В момент появления четверки граф стоял у неиспользуемого камина в любимой позе праздного аристократа, одним локтем опершись о стену. Еще дальше располагался низкий кофейный столик с графином вина и серебряным порстигаром. В сигаретах не было ни крошки табака; в нем не нуждались, поскольку на полях вокруг К. обильно произрастала индийская конопля. Большую часть жизни Черкасов провел под легким кайфом, что лишь усиливало затуманенность его от природы пустого взгляда.

Конопля не открыла в ленивом разуме графа ни одной двери, а только еще глубже погружала его в колею анахронических поступков, из которых и состояла его жизнь. Александр Черкасов все еще был в своем поместье в России.

Свои функции в К. он сводил к абсолютному минимуму; преступления в городе были большой редкостью, из-за чего играть роль судьи Черкасову почти не приходилось, и к моменту появления в К. Взлетающего Орла он уже очень давно не одобрял ничьих основных интересов. Граф спал, курил, бродил по саду и ел. Жизнь состояла из считаного числа развлечений и немногих амбиций; граф был типичный павлин, и ему было достаточно расхаживать повсюду с важным видом. Он бы не возражал против обычной смерти; бессмертие он принял только из-за Ирины, которая боялась старости и испытывала потребность в компании; как только знакомое им общество начало вымирать, Черкасовы перебрались на остров, где время остановилось, — он показался им довольно заманчивым вариантом. Шлюхи мадам Иокасты удачно компенсировали графу безупречную враждебность и сексуальное неприятие, которые он своими слабостями частенько вызывал у жены.

Граф поцеловал Эльфриду в щеку, Гриббу устало и насмешливо отдал честь, а Взлетающему Орлу вяло пожал большой палец.

— Итак, Игнатий, вы обзавелись протеже… и каким красавцем! Очевидно, мои котировки после этого несколько понизились.

— Дух соперничества вам не очень близок, не правда ли, граф? — сказал Грибб.

— Наверное, вы правы, — отозвался Черкасов. — Да. Думаю, вы правы.

— Как бы то ни было, — продолжил Грибб, — это мне должно быть не по себе. Кто я? Гадкий утенок в собрании лебедей.

Черкасов рассмеялся и потрепал Грибба по голове.

— Вы стоите нас всех, Игнатий, — бросил он.

Взлетающего Орла озадачили подобные взаимоотношения, тем более после того, как он заметил, что, прислушиваясь к разговору мужей, Ирина и Эльфрида то и дело словно бы машинально кивают и издают одобрительные восклицания. Учтивость речей графа и его снисходительное поведение отдавали какой-то странной рассогласованностью, словно он считал Грибба фигурой, определенно заслуживающей вознесения на пьедестал, — но только где-нибудь

далеко. Но вот Ирина устремила свои сияющие серые глаза на Взлетающего Орла, и тот сразу забыл все, о чем думал.

— Выпьете, мистер Орел? — предложила графиня и протянула бокал, но только после того, как на мгновение сжала стекло в ладонях. — Вот, прошу, — произнесла она весело, — я согрела для вас вино.

— Что может быть лучше такого вместилища для вина, — с улыбкой отозвался Взлетающий Орел, и между бровями Эльфриды Грибб снова появилась крошечная складка.

— Я голоден как волк, — объявил граф. — Не стоит ли нам допить вино за едой?

Настал черед Ирины хмуриться, но потом, одарив мужа ослепительной улыбкой, она сказала:

— Ну конечно, дорогой. Прошу гостей извинить меня — я ненадолго отлучусь: проверю, все ли готово. — И, повернувшись к Взлетающему Орлу, добавила: — Теперь мне приходится обходиться без прислуги. Этикет от этого слегка страдает.

Затем она вышла.

За столом разговор вел граф. Взгляд его вечно пустых глаз на этот раз был скорее отстраненным, чем отсутствующим. Говорил Черкасов исключительно с женой; остальные спокойно могли бы

исчезнуть еще перед входом в гостиную. Ирина сидела напряженно, крепко сжав губы, но ни разу не перебила мужа и ни разу не попыталась вовлечь гостей в этот своеобразный ритуал — так воспринимал обед Взлетающий Орел.

— Хорошие были времена, — вещал Черкасов. — Помнится, поутру сразу после бала кавалерия шла в бой. И мы гоняли казаков по бескрайним степям. А чего стоили петербургские салоны: остроумные мужчины, прекрасные женщины, никаких ограничений в вине и связях — и не все они были поверхностными.

Граф рассмеялся: нервно, пронзительно.

— Александр, — наконец решилась подать голос Ирина; но задуманный упрек прозвучал скорее как беспокойство. Граф оставил жену без внимания.

— Связи, — с чувством повторил он. — Но обо всем этом пришлось забыть. Восстание черни ширилось, ее крики становились все громче, оружие — разрушительнее. Кем мы были — породистыми псами, чьи дни сочтены? Нас ждала ночь, и с ней пришли палачи.

Граф уже не сдерживался, говорил громко, ритмически, напористо.

— Они вешали нас, расстреливали, выпускали

нам кишки; последний бокал вина, последняя папироса, последний смех — большего нам не позволяли. Но одного они запретить не могли — нашей дружбы. Она останется с нами навсегда. Стены этой комнаты хранят память о ней. Давайте же выпьем за это.

Большой круглый стол был накрыт на восьмерых. Слева от Взлетающего Орла сидела Ирина Черкасова. Стул справа пустовал. Далее располагался Игнатий Грибб — островок между парой незанятых стульев: возможно, еще один знак его положения в социальном распределении, установленном графом, — Игнатий был единственным, у кого не было соседа, чтобы перекинуться словцом. Дальше следовали сам граф и Эльфрида и, наконец, между ней и Ириной стоял последний свободный стул.

Прислушиваясь к элегии Черкасова, Взлетающий Орел пытался представить себе, кого сейчас граф видит перед собой, какими призраками заполняет свободные стулья и кто сидит вместо самого Взлетающего Орла; но вот Черкасов слегка вздрогнул, и его взгляд изменился; пусть и по-прежнему затуманенный, он больше не был отстраненным. Со смущенной улыбкой граф оглядел присутствующих, и Ирина заметно рас-

слабилась.

— Тост, — провозгласил граф. — За этот вечер и за нашу дружбу, которую не смоют никакие приливы истории.

Все пятеро поднялись и выпили стоя.

Усаживаясь обратно, Взлетающий Орел вспомнил слова Вергилия Джонса, сказанные им о К.: Вальхалла. Вдруг он почувствовал прикосновение руки к своему бедру. Взглянув вниз, он увидел у себя на коленях клочок бумаги. Развернув его под столом, он прочитал послание графини:

НЕ ЗАДАВАЙТЕ СЕЙЧАС ВОПРОСОВ.
ЧЕРЕЗ НЕКОТОРОЕ ВРЕМЯ ИДИТЕ ЗА МНОЮ В САД.

И.

Ирина и Эльфрида только-только предприняли отважную попытку затеять ни к чему не обязывающую беседу, когда их надежды сгубил на корню ужасный грохот, раздавшийся за стеной гостиной. Казалось, на пол посыпалась целая армия жестянок, кастрюль и прочих полых предметов. Затем жуткий шум стих, но его сменил тонкий голос, затянувший молитву не молитву, песню не песню — под ритмичный, оглушающий аккомпанемент гонга. Голос выкрикивал:

— SVO-BO-DA! SVO-BO-DA!

— Мунши, — с некоторым смирением произнесла Ирина.

— Бедная Ирина, какой ужас, — автоматически откликнулась Эльфрида.

У Взлетающего Орла снова возникло ощущение, что он стал свидетелем некоего малопонятного ритуала, проводимого сегодня, как и много раз прежде, и ожидаемого в будущем — во все времена. Возможно, причиной такого ощущения было полное отсутствие удивления, что немедленно подтвердили слова графини:

— Мистер Мунши делит этот дом с нами, мистер Орел. Не довольствуясь постом городского квартирмейстера и сопряженной с этим постом властью насаждать свои чудаческие эгалитарные взгляды, он считает своим долгом портить нам вечера такими вот демонстрациями. Насколько я понимаю, его цель — довести до нашего сведения нашу принадлежность к классу угнетателей. Мы терпим его выходки: они безвредны, хотя и немного ennuyeux[5].

Граф Черкасов уже поднялся.

— Прошу меня простить, — сказал он. — Мне

---

[5] Примечания: 5
Скучны (*фр.*).

нужно отлучиться. Пожалуйста, продолжайте обед без меня.

— Обязательное второе действие не заставило себя ждать, — заметила Ирина. — Мунши подойдет к двери и произнесет свою инвективу. Иногда мне кажется, что, прежде чем начать, он совершает набег на свой винный погреб. Демагог, придающий себе отвагу с помощью того, что нарушает его принципы, — не усматриваете ли вы в этом поистине поэтическую иронию? — Она попыталась рассмеяться.

— Но что ему нужно? — спросил Взлетающий Орел.

— SVOBODA, — ответила Ирина. — При наших обстоятельствах требование совершенно курьезное.

В дверях прозвучал тонкий, но пронзительный глас Мунши.

— Свобода! — продолжал выкрикивать он. — Сама свобода в оковах!

— Добрый вечер, — произнес голос Александра Черкасова.

— Завтра грядет заря эры освобождения, — ответил ему Мунши. — Сегодня закат эры хозяев. Уже по одной этой причине сегодняшний вечер действительно добрый.

— Не желаете бокал вина? — спросил граф.

— Благодарю вас, — нормальным голосом ответил Мунши и тут же снова сорвался на крик: — Слишком много мучеников пролило слишком много крови! Угнетатели познают ужасную месть! Грядет новая эра, говорю вам! Эра разрушения!

Ирина шепнула Взлетающему Орлу:

— Эта эра грядет вот уже несколько столетий. — И она продолжила, уже обращаясь ко всем, чуть громче, чем следовало: — Вчера я прочитала чудесный рассказ. Хотите, расскажу?

— Конечно же, да! — отозвалась Эльфрида.

Ирина поджала губы и, соединив кончики пальцев двух рук между собой, замерла в позе глубокой сосредоточенности.

— Это очень серьезное произведение, — начала она. — Оно об Ангеле смерти. По сюжету Бог посылает Ангела смерти на землю собирать мертвые души; но Ангел обнаруживает, что с ним творится ужаснейшая вещь: каждая проглоченная им душа становится его частью. И Смерть меняется, преображается с каждым умершим существом. Усталость бедного Ангела растет, к тому же он начинает сомневаться в том, существует ли он вообще сам по себе, если в нем находится так много

людей; и тогда он возвращается к Богу и просит освободить его от столь тяжкой обязанности. И как вы думаете, что Ангел узнает? А вот что: Бог, тоже утомленный своими обязанностями, желает умереть. Бог просит Ангела смерти поглотить его, и, разумеется, Ангел не может ему отказать. Ангел поглощает Бога, и Бог умирает; но Ангелу это дается непросто — его сердце разрывается от усилия. Кончилось все очень грустно: он понимает, что Смерть умереть не может, поскольку нет никого, кто смог бы поглотить ее. Не кажется ли вам, что это очень изящный и красивый рассказ?

Воцарилась тишина. Потом Игнатий Грибб сказал:

— Дорогая Ирина, для такой прекрасной наружности у вас слишком мрачный ум.

Но Эльфриду рассказ, кажется, заставил задуматься. Взлетающий Орел, завороженный двумя странными бледными женщинами, даже забыл о звонкой инвективе, доносящейся из соседней комнаты.

— Мне не понравился рассказ, — вдруг подала голос Эльфрида. — Он слишком красивый, слишком ясный. Я вообще не люблю такие цельные истории. Рассказы должны быть как жизнь,

иметь размытые края, состоять из незавершенностей, показывать судьбы, соположенные случайным образом, а не благодаря какому-то грандиозному замыслу. Жизнь по преимуществу бессмысленна — потому мне всегда кажется, что рассказы, в которых каждый элемент имеет значение, — это искажение действительности. А от искажения действительности посредством литературы недалеко до преступления, поскольку тем самым писатель может исказить и чье-то понимание жизни. Как ужасно видеть смысл или подтекст во всем, что тебя окружает, во всем, что ты делаешь, во всем, что с тобой случается!

Эльфрида замолчала, слегка смущенная своей речью, которая, по сути дела, напрямую противоречила ясности ее жизни. С лукавой улыбкой Ирина сказала ей:

— Дорогая, ты приняла эту историю слишком всерьез. В конце концов, это всего лишь рассказ. А рассказы, по моему мнению, — это довольно-таки неважные вещи. А коли так, то почему они не могут, нашего невинного удовольствия ради, быть изящно сложенными? Я всегда предпочту оформленность *люмпенскому* лицу жизни. А что вы скажете, мистер Орел?

— Я не стал бы утверждать так уверенно, — от-

ветил Взлетающий Орел. — Все зависит от того, верите ли вы в то, что все малые круги мира неким образом соединены между собой, или нет.

— Нет, нет, нет, нет, нет, — запротестовал Грибб. — Вы совсем не так все поняли. Суть вот в чем: важность чего-либо всегда связана со значением. То есть со смыслом. Эльфрида, считающая рассказы весьма важным предметом, хочет, чтобы в них было меньше смысла, то есть чтобы они были не такими многозначительными. В то же самое время графиня, которая считает, что все это не особо важные вещи, ждет от них отточенности, считая, что авторы должны обработать люмпенское лицо жизни, вложить него смысл и придать ему важность. Таким образом, обе наши дамы противоречат сами себе. Все дело в семантике, если вы уловили мою мысль. Если рассказы имеют важность, они должны быть изящно сложенными. И наоборот.

Игнатий замолчал. Взлетающий Орел потерял нить его рассуждений еще где-то в самом их начале, и, как он подозревал, Ирина с Эльфридой тоже. Повернувшись, он обнаружил, что граф Черкасов и Мунши уже появились в дверях гостиной. Внешность Мунши поразила его — пронзительный голос вовсе не вязался с коренастой фигурой

и густой бородой.

— Мистер Мунши зашел засвидетельствовать свое почтение, — объявил Черкасов. — Но он уже уходит.

— Я действительно зашел сказать, что ухожу, — подхватил Мунши, — но совсем не для того, чтобы свидетельствовать свое почтение. И уж точно не *ему*. — Мунши мотнул головой в сторону Игнатия Грибба. — Самодовольный лицемер — вот кто он такой. Это из-за ваших идей, мистер Грибб, мы находимся в состоянии рабства. А теперь я ухожу, — закончил он, повернулся на каблуках и действительно вышел вон.

– *Вот так,* — сказала Эльфрида.

— Что он имел в виду? — спросила Ирина. — Неужели он имел в виду, что Игнатий ошибается, отвергая мифы острова Каф?

— Я всегда считал, — подал голос Грибб, — что главный опиум для народа — это суеверия.

Взлетающий Орел продолжал рассматривать Ирину и Эльфриду. Обе, казалось, чувствовали себя не в своей тарелке. Черкасов утирал лоб еще лихорадочней, чем обычно.

— Не обращайте внимания на его слова, — торопливо произнес он. — У этого человека затуманен разум.

А Взлетающий Орел подумал так: «Если только суеверия не основываются на фактах. В таком случае их отрицание действительно может быть формой рабства».

За стеной снова начали бить в гонг.

Ирина Черкасова встала.

— Если все уже закончили с обедом, — произнесла она, — то, думаю, нам будем удобней в соседней комнате. Эльфрида?

Дамы удалились. Игнатий, граф Черкасов и Взлетающий Орел перешли в еще одну комнату, которая служила графу одновременно кабинетом и спальней. Опустевшую же гостиную по-прежнему наполняла какофония, производимая борцом за права угнетенных.

Взлетающий Орел раздумывал о том, как бы половчее представить свой основной интерес; присутствие Грибба должно было помочь превратить разговор на эту тему в простую формальность, тем более что граф, как догадывался Взлетающий Орел, предпочитал сводить свою деятельность к роли скрепляющей печати.

— Я думаю об этом, — объяснил Орел. — как о способе изучения истории острова Каф. Как вы понимаете, я очень долго жил без корней; и коль скоро я решил теперь пустить корни здесь, то

для начала мне будет полезно как можно больше разузнать о городе, об острове и о горе.

— Конечно, конечно, — отвечал граф.

— Кроме того, — продолжил Взлетающий Орел, — я хорошо работаю руками. Чиню вещи, строю вещи. За время странствий можно многому научиться. Буду рад предложить в К. свои услуги любому, кто решит что-либо построить или отремонтировать. Таким образом я смогу быстрее узнать людей.

— Отлично, отлично, — отвечал Черкасов.

Граф удалился с Гриббом на короткое совещание в угол комнаты. В таких вопросах к его мнению прислушивались, хотя в остальном он стоял на социальной лестнице гораздо ниже русского аристократа.

— Мистер Орел, — сказал наконец граф, — я одобряю ваш выбор. Если Игнатий считает, что ваши изыскания никому не причинят вреда, я могу с ним только согласиться. Мы многим ему обязаны, знаете ли. Он помог нам основать здесь… терпимое… сообщество. И все благодаря его проницательному уму, развеявшему немало мифов.

— Благодарю вас обоих, — ответил Взлетающий Орел.

— Добро пожаловать в К., — объявил Александр Черкасов, протягивая большой палец.

«Вот я и дома», — подумал Взлетающий Орел.

Они отправились к дамам. Эльфрида бросилась к мужу с вопросом.

— Игнатий, я только что рассказывала Ирине о странном случае прошлой ночью. Ты не просыпался, ничего не чувствовал?

— О чем это ты, дорогая? — с вежливым терпением в голосе поинтересовался Игнатий.

— Ну как же… Все на миг застыло. Я словно перестала существовать.

— Какая нелепость, — ответил Грибб.

— Миссис Грибб совершенно права, — подал голос Взлетающий Орел, — это было похоже на какой-то провал во времени… оно будто остановилось.

— Послушайте, послушайте, послушайте, — заторопился Игнатий, — подобное логически невозможно. Утверждая, будто прошлой ночью был миг, когда все перестало существовать, вы сами себе противоречите. Если все прекратило существование, следовательно, не было и времени, поэтому говорить о моменте несуществования нельзя, как и вообще о любом периоде небытия.

— Но это действительно было, — упрямо сказа-

ла Эльфрида.

— Но, дорогая, — начал раздражаться Грибб, — как ты можешь, утверждая, что на секунду мир прекратил существование, говорить, что это было? Если что-то было, оно существовало. Небытие не может существовать, таким образом, момента несуществования тоже быть не может.

Грибб выглядел крайне довольным своей аргументацией. Взлетающий Орел решил больше не вмешиваться; Грибб был не из тех, с кем спор возможен. Эльфрида тоже сделала вид, что согласилась, хотя, очевидно, не была убеждена.

Бросив короткий, но многозначительный взгляд в сторону Взлетающего Орла, Ирина сказала:

— Прошу всех простить меня; я ненадолго выйду в сад; днем я оставила кое-что на траве и не хочу, чтобы это теперь испортилось от тумана и росы.

И она ушла. Через минуту Взлетающий Орел попросил показать ему дорогу в уборную. Граф проводил его и оставил одного. Тот с удовлетворением отметил, что может выбраться наружу через окно и незаметно от всех попасть в сад к Ирине. Он запер дверь на задвижку.

Взглянув в зеркало, висевшее на стене, Взлета-

ющий Орел сказал вслух своему отражению:

— Теперь, когда свои дела ты устроил, стоит пойти и помириться с Вергилием. Ты стал забывать старых друзей.

И вдруг случилось невозможное. Не успел он договорить, как в зеркале, *за спиной у его отражения,* начала отворяться дверь. «*Но дверь заперта,* я сам запер ее», — в панике подумал он и обернулся.

Дверь была плотно закрыта, задвижка на месте. В растерянности он снова повернулся к зеркалу. Там, позади его отраженного двойника, все так же медленно открывалась дверь. Кто-то вот-вот должен был войти.

Он услышал голос, полный горечи, но хорошо знакомый:

— Здравствуй, братик.

Там, в зеркале, в уборную вошла Птицепес. Взлетающий Орел почувствовал, как его пробил ледяной пот.

Призрак сестры сделал несколько шагов вперед и повторил:

— Здравствуй, братик.

А затем призрак в зеркале отступил назад за дверь и все снова стало нормальным и разумным. Чтобы устоять на ногах, Взлетающему Орлу

пришлось опереться плечом о полку.

Ирину Черкасову он нашел в дальнем конце сада, у сарая. Тот был без окон, а на двери висел замок. Еще не до конца пришедший в себя Взлетающий Орел подошел к графине. Ее серые глаза оставались бесстрастными.

— Мистер Орел, — сказала она. — Я уже решила, что вы забыли о моей записке.

— Мне пришлось задержаться, — ответил он. — Извините меня, графиня.

— Ирина, — тихо произнесла она.

— Ирина, — поправился он.

— Мне нужно кое-что вам объяснить, — продолжила графиня. — Мой муж живет прошлым; да и все мы, наверное. Но вам не следует считать его сумасшедшим. Он совершенно в своем уме. Как и Эльфрида, несмотря на ее одержимость чистотой, благонравием и мужем. Как и сам Грибб, несмотря на…

Поток слов вдруг иссяк. Взлетающий Орел был по-прежнему слишком взволнован, чтобы настаивать на продолжении.

— Я слышала, что в К. вы пришли вместе с Вергилием Джонсом, — торопливо сказала Ирина. — Вот кто по-настоящему безумен. То же относится и к его бывшей жене, мадам Лив. Мы

подкармливаем ее из сострадания. И мы вполне нормальны! — Голос Ирины поднялся до крика.

— Я никогда и не думал иначе, — ответил Взлетающий Орел. — Это должно быть ужасно — заново налаживать свою жизнь в таких условиях.

— Я знала это! — в экзальтации воскликнула графиня. — Я знала, что вам можно доверять. Я сделаю вас своим другом, мистер Орел.

— Просто Взлетающий Орел, — попросил он.

— Прекрасно, — сказала она. — Ирина и Взлетающий Орел. Вот мы и подружились; и я готова показать вам прошлое, которое тяжким грузом висит у меня на шее.

Графиня отперла замок и распахнула дверь сарая.

В полумраке Взлетающий Орел разглядел двоих взрослых мужчин — они сидели за столом и играли в шашки шахматными пешками. Одним был мистер Пейдж; он в тревоге вскочил на ноги и заслонил собой второго мужчину, но вскоре расслабился, узнав Ирину.

— Все в порядке, мистер Пейдж, — сказала графиня. — Вот, Взлетающий Орел, это мистер Пейдж. Он помогает нам с нашей проблемой. Если я не ошибаюсь, то по-медицински это называется

аллопатия: излечение болезни путем вызывания другой тенденции. Мистер Пейдж, видите ли, любит игры; он приходит сюда каждый день и играет с Алексеем в надежде что-то пробудить в его разуме. Но это тщетная надежда, я уверена. Мой сын живет здесь, в этом сарае; здесь ему нравится больше, чем дома, во избежание неудобств мы позволяем ему это. Так лучше всем.

Алексей Черкасов, крупный, крепкий юноша лет шестнадцати, глупо улыбнулся вошедшим. Неряшливость его движений и мимики ясно говорили о том, что с ним не все хорошо.

— Он слабоумный, — с ядовитой горечью произнесла Ирина. — Его разум остановился в развитии на уровне четырех лет. Вы удивляетесь, почему я не могу закрыть глаза на глупость своего мужа? Вот вам ответ: от глупца-мужа я зачала идиота-сына.

— Ма-ма, — радостно сказал Алексей и принялся сосать большой палец.

Взлетающий Орел вышел из сарая вслед за Ириной. Графиня заперла дверь, снова упрятав свой семейный скелет в отведенном ему шкафу.

— У мистера Пейджа есть ключ от двери с дальней стороны, — объяснила она. — Он навещает Алексея, когда может.

Словно лишившись вдруг сил, графиня прислонилась спиной к стене сарая. Затем крепко сжала зубы и резко выпрямилась.

— Но мне нужно сказать вам еще кое-что, Взлетающий Орел, мой новый друг, — снова заговорила она, впившись серыми глазами ему в лицо. — Дотроньтесь до моего живота, — приказала она и, когда Взлетающий Орел замешкался, грубо схватила его руку и приложила к своему телу. — Вы что-нибудь чувствуете? — спросила она.

— Ничего, — ответил он. — Просто живот.

— Тогда, — сердито сказала она. — Потрогайте мою грудь.

Взлетающий Орел непонимающе потряс головой. Может, она пьяна? Или пытается соблазнить его?

— Потрогайте мою грудь, — повторила Ирина и потянула его руку вверх. — Ну?

Взлетающий Орел снова молча покачал головой.

— Да вы и не должны ничего чувствовать, — вздохнула она. — Но почему-то мне всегда кажется, что это бросается в глаза. Вот что я так настойчиво пыталась донести до вас, Взлетающий Орел: вскоре после того, как я приняла

Эликсир жизни, выяснилось, что я на третьем месяце беременности. Как вы знаете, Эликсир прекращает любое развитие и физические изменения. И вот уже несколько веков подряд я ношу в себе ребенка. Все еще. Можете вы понять, что я испытываю при этом? Что значит носить в себе еще одну жизнь, навечно застывшую в утробе; может быть, там гений, а может быть, второй идиот, а может быть, чудовище, отпечатанное во мне, как силуэты любовников на греческой вазе? Что значит для женщины веками носить в себе ребенка, жить постоянно наполненной соками материнства? Можете вы это представить?

— Да, — ответил Взлетающий Орел. — Могу. Но ведь есть способы…

— Нет, вы не понимаете! — закричала она. — Это же жизнь. Живое существо. Невинное. Священное. Я считала жизнь священным даром и потому выпила Эликсир. Никто не имеет права отбирать жизнь.

— Возможно, вы не тот, кем кажетесь, — продолжила она, задыхаясь. — Ему следовало бы… — она снова внезапно оборвала фразу и затем резко объявила: — Нужно возвращаться в дом.

Она повернулась и ушла. Немного постояв в одиночестве, Взлетающий Орел вернулся к окну

уборной.

Незаконченные фразы Ирины сильно тревожили его. Слегка беспокоила его и та легкость, с какой его приняли здесь. После первоначальной враждебности «Эльбаресто» он не ожидал такого: казалось, Черкасов и Игнатий буквально жаждали заполучить его в свою компанию. Мысленно он пожал плечами — он принят, достаточно, наверное, и этого. Со временем все станет понятно. Даже то, почему ему недавно явился призрак сестры Птицепес…

Стоило Взлетающему Орлу снова увидеть двух бледных граций, как все его тревоги ушли. Он сидел, потягивая вино, сделанное в К., борясь с дремой и прислушиваясь к долетающим до него обрывкам разговора между Черкасовой и Грибб, которые описывали бесцельные, гипнотические круги по комнате. Бледные ведьмы продолжали ткать свои чары, оплетая его шелковыми путами. Именно благодаря этим женщинам, вопреки теоретизированию Грибба, вопреки Мунши и даже вопреки Вергилию Джонсу, город К. приобрел для него реальные черты. Пусть это граф Черкасов разрешил ему остаться, но притяжение, первые нити, связавшие его с К., исходили от этих двух женщин, кружащих, кружащих подле него, как

мотыльки около свечи. Взгляд проплывающих мимо зеленых глаз смешивался со взглядом серых. Чистая Эльфрида, потускневшая Ирина, усталый Орел. Бледные колдуньи кружились и улыбались, и ткались чары, о которых никто из этих троих понятия не имел и существование которых станет понятно им только тогда, когда будет уже слишком поздно.

— Боюсь, мне немного дурно, — сказала Эльфрида Грибб. — Думаю, нам пора откланяться.

При этом она взглянула на графиню без особой нежности; но Ирина, провожая Гриббов и Взлетающего Орла до двери, была сама забота.

Эльфрида поняла, что с неодобрением думает о слишком затянувшемся рукопожатии, которое Ирина позволила себе с Взлетающим Орлом, и выражении (благодарности? раскаяния?) в глазах графини, — и торопливо одернула себя.

Все это, конечно же, не имело для нее никакого значения. Она любит мужа. Он любит ее. И ни для кого не секрет, что брак Черкасовых только видимость, фасад, который и граф, и графиня продолжают сохранять из-за их общего отвращения к скандалам. Какое ей дело до того, что Ирина Черкасова думает о Взлетающем Орле или он о ней?

Однако всю дорогу домой Эльфрида пребывала в непривычно плохом настроении.

Взлетающий Орел же чувствовал себя после второго вечера в К. столь же изможденным, как и после первого.

Маленькие насекомые, порождения ночи, мельтешили около их лиц. Сцена была готова.

XXXIX

Ослица Гриббов, вероятно самая послушная и ласковая ослица из всех, что когда-либо были на свете, неторопливо рысила по дороге Камня, неся на спине озабоченного Взлетающего Орла. Он провел большую часть дня, изучая свой новый дом, и его разум разрывался между двумя желаниями: докопаться до сути встретившихся ему противоречий и аномалий и остаться, забыв о своих крамольных просьбах, в кругу недавно приобретенных друзей. Эти два его желания, по всей видимости, исключали друг друга. Если он принимал за истину свой недавний опыт и объяснения Вергилия Джонса по поводу всего случившегося, то тем самым ставил себя вне господствующего в К. образа мыслей, согласно которому не существовало ни Гримуса, ни его Эффекта; принимая же официальную доктрину Гриббa, он был обязан отринуть свидетельства своих собственных органов чувств и считать Вергилия Джонса одновременно безумцем и злодеем; решиться на это Взлетающий Орел не был готов, не понимал он и того, как мог бы — отвергнув Вергилия — описать свое путешествие внутрь себя.

Может, он был под действием наркотика? Тогда как объяснить видение сестры Птицепес? Неужели граф крепит свое вино чем-то наркотическим? Внутренняя борьба доводов и контрдоводов не прекращалась в нем ни на минуту; он чувствовал себя таким же невежественным и глупым, как его безропотная ослица, чьим узким горизонтам он начинал завидовать.

— Каким образом вы опровергаете миф о Гримусе? — спросил он Гриббa.

— Ах, это, — таким было начало ответа. — У меня нет времени на мифы о сотворении мира. Убедительно прошу вас поверить, что ваше увлечение упрощенными объяснениями происхождения вещей — а таковы все мифы о сотворении мира — это крайне неблагодарная нива.

— Тогда не могли бы вы рассказать мне, — как можно вежливее продолжил расспросы Взлетающий Орел, — каким образом вы и миссис Грибб (а может быть, вам известно что-то и о других горожанах?) оказались на острове Каф?

Грибб ответил:

— Иногда, мистер Орел, вы становитесь ужасно настойчивым… Так вот, как я уже говорил вам, истоки, начала никакого значения не имеют. Совершенно никакого. Изучайте, как мы тут

живем, — сколько угодно. Но оставьте, ради бога, эту свою одержимость утробой, вопросами рождения. Неужели зрелость интересна вам меньше, чем рождение? А теперь — извините: до обеда я должен успеть составить еще несколько клише.

Ослица неторопливо брела по дороге Камня.

В голове у Взлетающего Орла возникли новые загадки.

В племени аксона деньги хождения не имели; но люди, жившие на плато, рождались и воспитывались для общинной жизни. Удивительно было видеть, что разношерстный набор обитателей К., абсолютно непохожих друг на друга, смог с такой внешней легкостью принять похожую форму коммунального устройства. Каким образом такой задиристый и несговорчивый человек, как Фланн О'Тул, соглашается с тем, что стоит он не больше и не меньше, чем любой другой член коммуны? Черкасовы, хоть и находятся номинально на самой вершине общества, до конца этот принцип, несомненно, не разделяют. Никакого вознаграждения за труды; распределение продуктов, производимых фермерскими хозяйствами, происходит скорее по потребностям, чем сообразно статусу или рангу… Все это не укладывалось в голове. Успев за день переговорить

и с фермерами, и с мясниками (и часто поражаясь несоответствию человека и его профессии), Взлетающий Орел выяснил, что шлюхи мадам Иокасты работают бесплатно, как и бывший охотник Пекенпо, теперь служащий кузнецом. Горожане выполняли свою работу, а взамен могли пользоваться любыми услугами и в изобилии получать провизию от господина Мунши, квартирмейстера. Город предоставлял услуги, фермы предоставляли еду, и всем этим люди свободно пользовались. В каком-то смысле это было воплощением утопии; оставалось непонятным, каким образом подобный механизм работал. Черкасовы оставались аристократами, Грибб оставался Гриббом. Это чувство сплоченности было свойственно К. только в плане общественного устройства; в остальном это было место, разделенное на небольшие группы, а кто-то существовал и сам по себе; общих сборных занятий или празднеств, характерных для сплоченных людских поселений, было совсем немного. *И никаких преступлений.* Взлетающему Орлу не давала покоя мысль, что для таких людей такое устройство общества могло работать только при наличии единой, враждебной всем могущественной силы, вселяющей во всех такой страх, при

котором любые разногласия отходили на второй план перед поиском средств выживания. Что снова заставляло вспомнить объяснение Вергилия Джонса: Гримус. Стоило только Взлетающему Орлу подумать об этом, как он снова слышал в глубинах сознания тихий свистящий вой, который оставался там все время, никуда не деваясь. Лихорадка измерений полностью отсутствовала в К., что могло быть принято как сокрушительный аргумент против теории Вергилия; однако альтернативное объяснение было еще более веским. Одержимость, «однобокость ума», процесс окаменения людей, их упрощение — все это было защитой от Эффекта. «Сосредоточьтесь на форме вещей, на материальном процессе выживания, на своем „основном интересе“, — говорил Вергилий Джонс, — и измерения, внутренние и внешние, не в силах будут проникнуть в ваше сознание». Все сходилось: Грибб и остальные так упорно отказывались обсуждать истоки и начала, потому что заговорить о них значило бы впустить врага, изгнанного из сознания. Вот почему в отношении Черкасова к Гриббу уважение соседствовало с насмешкой: Грибб, оплот школы отвержения существования Гримуса, заслуживал уважительного к себе отношения; но коль скоро

все в К. знали, что теории философа — не более чем удобное притворство, это уважение было только внешним; горожане, вероятно, презирали Грибба за его напыщенность. Взлетающий Орел задумался, что должна чувствовать в таком случае Эльфрида. Скорее всего, она просто обожала его за мудрость.

Эльфрида и Ирина — это были два самых весомых аргумента в пользу К. От города, в котором существуют такие грации, невозможно легко отказаться. Он мог распрощаться с К. и продолжить свои поиски, но два дня — слишком короткий срок, чтобы решиться нарушить данную себе клятву. Да, решать еще рано.

Но пока он пытался себя успокоить, лицо сестры всплыло перед его мысленным взором и отказалось исчезать. Заставить себя превратиться в страуса оказалось нелегко даже в городе, населенном ими.

Ослица по привычке остановилась перед лавочкой Мунши. По мнению Взлетающего Орла, П. С. Мунши стоило расспросить хотя бы потому, что он ставил под сомнение незыблемость философии Грибба. Но когда они сели в спартанской комнатке Мунши позади лавочки, так сказать, в его убежище, Взлетающий Орел почувствовал,

как надежда потихоньку его покидает. По стенам были развешаны пожелтевшие плакаты, призывающие к борьбе с тираниями давно минувших дней. Крепко сжатый кулак солидарности был основным сюжетом. От остальных горожан Мунши отличался только сутью своей одержимости. Он был Человеком Оппозиции. Именно это давало ему силы подвергать сомнению шаткую конструкцию, на которой держалось душевное равновесие горожан. Он выступал против, сам оставаясь частью этого мира; и когда Взлетающий Орел вдруг поднял вопрос о том, как все началось — и о Гримусе, — то в ответ получил только перечисление официальных доктрин и каменный взгляд.

— Вы об этом — пф! — ответил Мунши. — Все это чушь! Я плевать хотел на это. Важно другое: привилегии Черкасова, праздная писанина Грибба, которых угнетенные массы вынуждены содержать, а еще синекура, данная женщине из-за ее психического состояния. Лив не сумасшедшая и лишена талантов. Она лишь пассажирка. Вот по-настоящему важные вещи.

— Но вы продолжаете работать в системе?

— Время еще не пришло, — отчеканил Мунши. — Ситуация созреет только тогда, когда

политизация рабочих масс достигнет критической точки.

Железная непоколебимость Мунши выдавала его с головой. Он чувствовал уверенность в своих взглядах, поскольку ни один из них он не обязан был доводить до логического конца. Разочарованный Взлетающий Орел извинился и ушел.

Близился вечер, когда Взлетающий Орел снова увидел свою сестру. И в этот раз появление Птицепес нельзя было объяснить ни галлюцинацией, ни каким-либо другим обманом зрения. Это была она, его сестра, заменившая ему мать, Птицепес собственной персоной, большая, как жизнь, и безыскусная, как прерия.

В К. все шло своим чередом; мистер Камень занимался подсчетами, вершина горы пряталась в облаках, над равниной висел туман. Взлетающий Орел остановил ослицу у «Дома взрастающего сына» и спешился. Он хотел повидаться с Вергилием. Привязав ослицу к дереву в стороне от дороги Камня, он двинулся в обход Дома к крыльцу. Там, прислонившись к входной двери, стояла женщина, лицо ее было в тени.

— Вергилий Джонс здесь? — спросил он.

Женщина бросилась к Дороге.

— Давай, братик! — закричала она. — Попробуй

поймать меня!

Быстроногая, как всегда, Птицепес побежала вокруг борделя, мимо привязанной к дереву ослицы. В первое мгновение застыв от неожиданности как вкопанный, Взлетающий Орел опомнился и бросился следом. Но каждый раз, когда он заворачивал за угол, она уже заворачивала за следующий, легко удерживая дистанцию. «В следующий раз, братик! Может, в следующий раз!» Он пробежал позади дома и вернулся к тому месту, где стояла и ревела его ослица. Птицепес нигде не было видно.

Ослица ревела потому, что ее содомировал Два Раза, он же Энтони Сен-Клер Перифайт Хантер. Даже терпению самой покорной ослицы бывает предел.

Сдерживая ярость и тошноту, Взлетающий Орел сказал Два Раза:

— Вы не видели ее?

— Кого? — спокойно спросил Хантер. Ослица взревела пуще прежнего.

Из окна Дома показалась женская голова.

— Убирайтесь отсюда, хулиганы! — закричала женщина.

— Ради бога, прекратите, — взмолился Взлетающий Орел, оттаскивая Хантера от привязанной

к дереву ослицы.

— Хорошо, — послушно согласился Хантер. — В любом случае это довольно отвратительно.

— Тогда зачем вы…

— Я все пробую дважды, — заученно ответил Хантер, тщательно отряхивая костюм. — Прошлый раз эта скотина лягнула меня. Чуть не сломала мне ногу. Хорошо хоть больше мне этого делать не придется.

Усилием воли Взлетающий Орел заставил себя забыть об этом безумии. Птицепес опять убежала от него; но самое главное, она показалась ему снова. Откуда она появилась? Может быть, это какая-то насмешка? Впечатление было такое, словно она — или кто-то другой — не желал, чтобы он оставался в К. Взлетающий Орел почувствовал прилив упрямства. Если это и впрямь так, может, ему как раз стоит остаться.

Хантер уже исчез, но более объяснимым образом: он отправился к едва различимому в тумане «Эльбаресто». Взлетающий Орел погладил свою несчастную и встревоженную ослицу:

— Бедняга, — сказал он ей и забрался в седло.

На этот вечер происшествий было предостаточно; объясняться с Вергилием Джонсом у него больше не было ни сил, ни желания. Он

чувствовал себя таким же содомированным обстоятельствами, как и его несчастный скакун.

В «Эльбаресто» Хантер говорил Пекенпо:

— В какой глуши мы живем! Если вдруг захочется чего-нибудь новенького, приходится насиловать ослиц. Стремление к выживанию сделало всех нас трусами.

— Ну и что? — отозвался Пекенпо.

— Так быть не должно, — ответил Хантер.

— Ну и что? — повторил Пекенпо.

— Одноколейный, — спросил тогда Хантер, — зачем ты приехал на остров?

Пекенпо обдумал вопрос со всей серьезностью.

— Я привык быть живым, — ответил он.

XL

Качели. На качелях Эльфрида, Взлетающий Орел стоит позади, Ирина опирается плечом на могучий ясень, на толстом суку которого качели и висят. Эльфридин зонтик от солнца закрыт и прислонен к зонтику Ирины; в мягкой тени дерева в зонтиках нет нужды. На губах Эльфриды застыла детская довольная улыбка; составляя ей компанию, Взлетающий Орел тоже улыбается; а вот Ирина не улыбается, ее серые глаза затенены ресницами, она пребывает где-то между сном и явью. Качели раскачиваются плавно и широко, под стать раскинувшимся ветвям ясеня. Даже в роскошном саду Черкасовых нет дерева, которое могло бы сравниться с этим великолепным ясенем, и качелей, подобных этим. Туман сегодня легкий, солнце припекает, а воздух наполнен гудением пчел, занятых своими делами. Вот бабочка, она сверкает крыльями, трепещет в лучах, пробивающихся сквозь тень. День-элегия, изящный, как полет качелей, свежий и чистый, как только что испеченный хлеб, нежный, как кружево или кожа бледной женщины, день, достойный красоты женщины на качелях. Взлетающий Орел

проснулся на рассвете бодрым и сразу широко раскрыл глаза; он отлично выспался и снов своих не помнил. Рассвет, предвестник великолепного дня, тоже был очаровательным и сумел прогнать прочь его тревоги. В такой день, у такого дерева с качелями, в обществе двух таких женщин у кого угодно поднялось бы настроение. Взлетающий Орел чувствовал себя великолепно.

На качелях Эльфрида.

— Сильнее! — приказывает она.

Взлетающий Орел толкает сильнее, качели воспаряют еще выше. Ирина стоит с закрытыми, как и ее зонтик, глазами — полупрозрачные веки скрывают от нее происходящее. Такие нарочито невинные забавы мало ее привлекают. Эльфрида Грибб, ее ближайшая соседка, служит ей постоянной спутницей; и все же, думает Ирина, у них совсем мало общего, не считая красоты. Давно уже она не задумывалась об этом, давно уже наигранно-детская манера Эльфриды так ее не раздражала. Но сегодня Эльфрида действует ей на нервы. Даже среди детей не найти такой чистоты, такой прочнейшей, точно броня, невинности, такого отсутствия всякой расчетливости в поступках, какие изображает Эльфрида. Она искусно скрывает искусственность, решает Ири-

на, и именно эта ловкость раздражает. Эльфрида смеется, спит, ест, гуляет — как ребенок, а Ирина Черкасова не любит детей. Так что она закрывает глаза и предоставляет им возможность насладиться игрой.

Парящая между небом и землей Эльфрида пробуждала во Взлетающем Орле совсем другие мысли. Эльфрида, так же как и он, поднялась рано; и до неожиданного визита графини к ним на завтрак они успели долго и хорошо поговорить. Вглядываясь в зеленые глаза миссис Грибб, Взлетающий Орел открыл, что во всем готов соглашаться с их хозяйкой — точно так же, как ранее готов был подчиняться воле обладательницы серых глаз. Слушая Эльфриду, он был готов отбросить все сомнения прошлого вечера и все свои страхи, укрепляясь в убеждении, что в К. и только в К. его место. Есть и похуже варианты, чем вечность напротив этих глаз. Кроме того, в обществе Эльфриды он начинал испытывать все более сильную симпатию к Игнатию Гриббу. В ее глазах Грибб был любящим и понимающим супругом, и с такими глазами спорить было нельзя. Иногда на них на миг ложилась тень, словно угасала уверенность… но после тень изгонялась, и глаза сверкали вновь. Даже нетерпимость

Эльфриды к Дому мадам Иокасты не могла поколебать ее уверенности в правильности суждений мужа; Взлетающий Орел с содроганием вспоминал свою жизнь на содержании и поддерживал неодобрение Эльфриды с жаром новообращенного. Он стал хуже думать о Вергилии Джонсе из-за того, что тот жил в борделе. И его совесть это, конечно, приятно успокаивало. Заключенный в нем опыт хамелеона и симбиотический талант, разбуженные взором Эльфриды, снова взяли над ним контроль.

— Ирина! — позвала Эльфрида. — Идите сюда! Теперь ваша очередь!

— Нет, нет, — ответила Ирина. — Я воздержусь.

— Глупости, — сказал Взлетающий Орел. — Здесь нас никто не видит.

Тогда Ирина сдалась. Она заняла на качелях место Эльфриды. Эльфрида же уселась на траву и стала что-то вполголоса напевать.

Взлетающий Орел вдруг вспомнил, как много прошло времени с тех пор, как он последний раз был с женщиной. В тот же момент его мысли обратились к Ирине Черкасовой с ее безвольным мужем, идиотом сыном и застывшей беременностью. Эльфрида Грибб была привлекательной, несмотря на свою подчеркнутую невинность (или

благодаря ей?); Ирина Черкасова демонстрировала свое очарование гораздо более свободно. Связь с ней представилась ему определенно вероятней. *Но вторая-то лучше,* сказал он себе и поразился этой мысли. Поразился и сразу встревожился из-за тех последствий, которые она может создать для него — гостя в доме Игнатия Грибба. Задумавшись, он толкнул качели слишком сильно.

— Мистер Орел, — с упреком сказала Ирина, — пожалуйста, осторожней.

Мистер Орел — что это: дань приличиям или с откровенностью прошлого вечера покончено?

— Простите, — пробормотал он.

Эльфриде сегодня тоже было непросто со своей соседкой. И она тоже чувствовала, как это для нее непривычно; и так же, как Ирина, она не могла определить источник своих чувств. А может, она просто запрещала себе думать на такие темы, точь-в-точь как накануне гнала от себя ревность мыслями о дорогом Игнатии. Она опять попыталась представить себе мужа: вот он склоняется над своими книгами и записями, сделанными мелким почерком, вот много часов сидит неподвижно, похожий на камень, и вдруг молниеносно вписывает короткую строчку в старую тетрадь, заполняя в ней все свободные

места, потому что его запасы не бесконечны. Эльфрида улыбнулась воображаемой картинке; но образ мужа медленно исчез, снова уступая место высокой, крепкой фигуре Взлетающего Орла. «Он, безусловно, красив», — сказала она себе.

Ирина уже слезла с качелей.

— Теперь, мистер Орел, — непререкаемо заявила она, — мы с Эльфридой должны покачать вас — ведь зрителей здесь нет, вы сами говорили!

— О да! — воскликнула Эльфрида и вскочила с места. — Ваша очередь, мистер Орел.

И вот он оказался во власти двух бледных граций, летая на качелях вверх и вниз, со свистом рассекая почти прозрачный воздух. Он был в их власти, потому что и сам постепенно начинал впадать в одержимость, а объектами его одержимости становились именно эти две дамы.

Отговорки кончились. Сегодня он собирался повидаться с Вергилием. Он и так тянул слишком долго, а сделать это было необходимо. Возможно, теперь, когда он начал приспосабливаться к образу жизни К., встречи с его бывшим проводником должны стать совсем редкими, но это не повод для неблагодарности. А возможно, К. и вовсе не его конечное место назначения… ведь столько вопросов остается неразрешенными, да и эта

страусиная манера ему не подходит.

— Мне нужно сходить в город, — сказал он.

— Я провожу вас до дороги Камня, — ответила Ирина. — Я все равно хотела прогуляться.

Они ушли, оставив Эльфриду в крайне дурном расположении духа и злой на саму себя.

Когда дом Гриббов скрылся позади, отрезанный от Взлетающего Орла и Ирины деревьями, она спросила его:

— Мы с вами по-прежнему друзья, Взлетающий Орел?

— Да, — ответил он. — Если вам угодно.

Тогда она положила руку ему на затылок и крепко поцеловала в губы.

— Скрепим этим нашу дружбу, — сказала она и, не оглядываясь, пошла от него.

Взлетающего Орла разрывало между чувствами к Вергилию и к той новой жизни, с которой его познакомила Эльфрида; теперь к этому прибавились порожденные поцелуем Ирины колебания между ней и Эльфридой. «Я должен расставить все по местам», — сказал он себе и решительно направился к «Дому взрастающего сына».

XLI

«Дом взрастающего сына» возносился в солнечном свете прямо от булыжников дороги. У дома, на мостовой, стоял осел, на нем сидела неподвижная фигура. Подойдя ближе, Взлетающий Орел понял, что фигуру с головы до ног укрывает струящаяся черная одежда; на уровне глаз находилось небольшое окошко, но и оно было затянуто чем-то вроде густой вуали. Взлетающий Орел не мог определить, мужчина это или женщина, и вздрогнул от страха, снова вспомнив о призраке Птицепес. Только бы не снова это видение. Но вот фигура заговорила, и Взлетающий Орел успокоился: голос был женский, низкий и бесстрастный, но он совершенно точно не принадлежал его сестре.

— Кто ты? — спросила женщина.

Взлетающий Орел представился, не видя причин этого не делать; скрывающая свое лицо женщина не ответила ему тем же. Тогда он холодно спросил:

— Вы из этого Дома?

— Да, некоторым образом, — ответил голос; Взлетающему Орлу почудилось, что вопрос жен-

щину позабавил.

— Тогда, пожалуйста, скажите: Вергилий Джонс здесь?

Фигура медленно кивнула, продолжая рассматривать бордель, как и все время до этого.

— А где еще ему быть? — снова бесстрастно добавила она.

— Хорошо, — бросил Взлетающий Орел и пошел к двери.

— Взлетающий Орел, — окликнула его фигура.

— Что? — спросил он, повернувшись в дверях.

Некоторое время женщина молчала.

— Ничего, — сказала она потом. — Ничего, просто привыкаю к твоему имени. Раз уж ты идешь к Вергилию, передай ему от меня привет.

— От кого именно? — с любопытством спросил Взлетающий Орел.

На несколько мгновений фигура снова погрузилась в задумчивое молчание, потом подняла правую руку и указала на гору.

— Я живу там, — сказала она.

На скальном выступе над городом, у границы облачного покрова, виднелся дом — такой же черный, как и одежды его владелицы.

— Думаю, мы с тобой скоро увидимся, — добавила женщина и тронула осла.

— Но как вас зовут? — крикнул ей вслед Взлетающий Орел.

Осел удалялся прочь неспешной рысью.

— Миссис Вергилий Джонс! — отозвалась Лив, и снова в ее бесстрастном голосе послышалась презрительная насмешка.

XLII

Брючный ремень мистеру Вергилию Джонсу был теперь не нужен. Он больше не носил брюк.

Его бедра были обернуты полотенцем, на шее висели бусы, голову прикрывал котелок. В правой руке он держал кувшин с вином. Левой захватывал изрядную долю ягодиц Камалы Сутры. На коленях у него стояло блюдо с фруктами. Тонкая красная струйка стекала с его языка в ложбинку свежебритого подбородка. Он восседал на низкой кровати Камалы; хозяйка кровати спокойно лежала рядом; прямо перед ним раскинулась мадам Иокаста. Вергилий Джонс был божественно пьян.

Потеряв дар речи от подобной картины, Взлетающий Орел застыл в дверях комнаты Камалы. Вергилий Джонс отнял руку от мадемуазель Сутры, приподнял котелок в знак приветствия, а затем вернул руку на место.

— Ах, — сказал он, — мой старый друг, мой малец, такой нетерпеливый, такой восторженный. Взлетающий Орел, это же вы? Приветы вам, салюты, феличиты и транзиты. Вот, выпейте. Снимите одежду. Отдохните. Что скажете обо

мне? Как я устроился — роскошно? Жизнь моя в розовом цвете. Розовый джинн — вот кто я. Это просто шуточка.

Взлетающий Орел шагнул в комнату и снова замер. Камала Сутра спрыгнула с кровати и подбежала к нему. Поставив левую ногу на его правую ступню, правой ногой она обвила его талию. Потом положила правую руку на его левое плечо, а левой — обняла за шею. Наконец подняла к нему лицо и тихо заворковала.

Ликующий Вергилий Джонс расхохотался, звонко хлопая себя снова свободной левой рукой по ляжке, и складки на его животе радостно заколыхались.

— Вы только посмотрите на это, — довольно улыбаясь, воскликнул он. — Поза «Восхождение на гору»! Какая необычайная уместность, какая уместная необычность. Понимаете, понимаете, Взлетающий Орел? Вы гора, а она совершает восхождение на гору, чтобы вымолить поцелуй. Воркование и все такое прочее. Уникальная, без дураков, техника из «Камасутры».

— Гуль-гуль, — сказала Камала Сутра.

Мадам Иокаста надула губы.

— Похоже, это ему не очень понравилось, — заметила она. — Может быть, послать за Жилем?

Камала Сутра отпустила Взлетающего Орла и вернулась на ложе.

— О да, конечно, — отозвался Вергилий Джонс, заходясь от смеха пуще прежнего. Он отпил из кувшина и закашлялся. Мелкие брызги вина полетели на простыни. И на мадам Иокасту.

Та встала, прошла к двери мимо Взлетающего Орла и несколько раз дернула там за ленту звонка. Возвращаясь к Вергилию, она бросила:

— Как приятно наконец-то увидеть, как вы выглядите.

— Я пришел… извиниться… — начал Взлетающий Орел.

Мадам Иокаста прервала его:

— Перед кем, перед Вергилием? Ну что же, очень мило с вашей стороны.

Она ослепительно улыбнулась и со всей силы ударила Взлетающего Орла по лицу.

— Вы не торопились, — добавила она и ударила его другой рукой по другой щеке, причем улыбка ее не дрогнула ни на миг. — Вот так-то лучше, — заключила она.

Позади Взлетающего Орла распахнулась дверь. В комнату вошел, наверное, самый красивый мужчина из всех, что Взлетающий Орел когда-либо видел. Жиль Приап скользнул в покои Камалы,

лениво поглаживая впечатляющее орудие своего ремесла. Пока он оценивающе разглядывал Взлетающего Орла, это орудие с такой же ленивой неспешностью поднялось до вполне сносного угла.

— Этот? — спросил Приап мадам Иокасту, указав на Орла.

— Этот, — ответила мадам, возвращаясь на кровать рядом с Вергилием.

— Здесь? — осведомился Приап, одарив Взлетающего Орла взглядом сверхопытного профессионала.

— Здесь, — распорядилась Иокаста.

— Не хотите ли, чтобы я раздел вас? — спросил Жиль Приап Взлетающего Орла. Судя по усталому тону, ожидаемым ответом было: «Нет».

— Чертов лентяй, — бросила мадам. — Не говори, делай. Он копуша только поначалу, — добавила она виновато, обращаясь к Взлетающему Орлу.

Взлетающий Орел сбросил с себя покорные, вялые руки Жиля Приапа и, стараясь не обращать внимания на участников этой неожиданной сцены, обратился к Вергилию Джонсу.

— Вергилий, — начал он, и тут голос слегка дрогнул, показывая, что у него не получилось

взять себя в руки, — мне очень жаль, что тогда в «Эльбаресто» так вышло. Я не должен был позволять им так с вами обращаться. Можно поговорить с вами наедине?

— Подумать только! — всплеснула руками мадам Иокаста. — К чему такая щепетильность? Разве мы кусаемся? Какое право вы имеете просить мистера Джонса о чем бы то ни было?

Вергилий икнул и прыснул. Взлетающий Орел подумал, что он выглядит ужасно жалким, и поднявшийся в нем гнев смешался со стыдом и отвращением, лишив его остатков сдержанности.

— Что ж, — отозвался он, — я действительно не знаю, зачем пришел сюда. Что руководило мной: дружеские чувства, обязательства или — не могу не признать это — чувство вины? Кроме того, я рассчитывал на вашу помощь… Я хотел о многом вас расспросить, попросить совета… Но теперь я понимаю, что надеялся напрасно. Печально видеть, что именно вы, Вергилий, пали так низко. Не вы ли говорили мне, как высоко цените свое достоинство? «Человек живет, чтобы своей жизнью и поступками хоть как-то упорядочить бессмысленность вселенной»… — неужели, говоря так, вы имели в виду эту душевную импотенцию похоти? Что они такого сказали, что

вы погрязли в жалости к себе? Каким образом им удалось заставить вас забыть о том, ради чего вы покинули Долорес? Я хотел спросить вас об этом много раз, но ждал, когда вы будете готовы. По всей видимости, ждал слишком долго и упустил свой шанс. Вы сломлены, а я уже обосновался в городе. И вы не просто сломлены… вас словно мумифицировали здесь, а вместо пирамиды у вас публичный дом. В котором…

— Заткнись, — приказала мадам Иокаста.

Взлетающий Орел, чьи отчаяние и вина наконец нашли выход, запнулся и глупо застыл посреди этой пахнущей мускусом комнаты. Вергилий хихикал, Камала Сутра целовала ему ноги, Жиль Приап выглядел безразличным, а мадам Иокаста дрожала от ярости, не сознавая, что эта ярость увеличивает пропасть между двумя странниками.

— Вы, — сказала Иокаста с язвительным презрением, — законченный эгоист. Как только вы поняли, что мистер Джонс — добрый и отзывчивый человек, вы вырвали у него услугу, словно живой зуб. Вам было наплевать на боль, которую он испытал при этом, наплевать на то, что он оставил ради вас, наплевать на то, что стало с ним потом. И вот теперь снова хотите получить

от него помощь, совет, наставление. Вам снова все это нужно, и поэтому вас так раздражает, что мистер Джонс наконец-то нашел утешение. Он ничем вам не обязан, мистер Орел. Это вы обязаны ему всем. Человек, отвечающий предательством на любовь, бесчестен. Вергилий нашел наконец свой приют; оставьте же его в покое.

— Но он должен мне рассказать, — тупо сказал Взлетающий Орел, — что заставило его привести меня сюда.

— Но дорогой мой, — воскликнул Вергилий Джонс, — не я, а вы привели меня сюда.

— Но зачем? — взорвался Взлетающий Орел. — Зачем?

— Мистер Орел уходит, — сказала Жилю Приапу мадам Иокаста. — Пожалуйста, покажи ему выход.

Со скоростью, которой от него никак нельзя было ожидать, Жиль Приап заломил Взлетающему Орлу за спину правую руку.

— Нет, — раздался прежний, трезвый голос Вергилия Джонса. — Я расскажу ему.

— Николас Деггл был изгнан с острова Каф мной и Гримусом, — начал свой ответ Вергилий Джонс. — Деггл считал, что власть, которой обладает Гримус, должна быть уничтожена. В

то время я разделял мнение Гримуса о том, что новое знание имеет невероятную ценность и что нужно противостоять реакционным силам, которые олицетворял Деггл. Теперь я так не думаю. Эффект набирает силу… И я не уверен, что Гримус сейчас способен контролировать его. Я хотел уничтожить источник Эффекта.

— Значит, вы использовали меня, — проговорил Взлетающий Орел. — А мне тут говорили про вашу бескорыстность.

— Если угодно, да, я использовал вас. Добраться до Гримуса я уже не способен. Но вы можете это сделать, ведь вы с таким мастерством покорили свои Внутренние измерения. Я считал также, что у вас есть необходимые воля и стремление — вы же так хотели найти сестру.

— Она с ним? — спросил Взлетающий Орел.

— Конечно, — устало ответил Вергилий. — Где еще ей быть?

— Я видел ее, — сказал Взлетающий Орел. — Здесь, в К.

— Ну вот и хорошо, — отозвался Вергилий Джонс, и его глаза на мгновение блеснули, но потом потухли вновь. — Значит, теперь вы знаете, что имела в виду бедная Долорес, когда говорила о Призраке Каменной розы.

— Что такое Каменная роза? — спросил Взлетающий Орел. — И где найти Гримуса? Наверное, он скрывается где-то на вершине горы?

— Теперь это значения не имеет, — ответил Вергилий Джонс. — И вы, и я уже приняли решение. Так что дорога кончается здесь. Для нас обоих. Прощайте, мистер Орел.

Ступив в эту комнату, Взлетающий Орел пережил слишком многое, так что ему пришлось найти прибежище в гневе.

— Я рад, что не кончил так, как вы, — резко объявил он, — здесь, среди шлюх и безумия.

— Вы уверены? — вопросом отозвался Вергилий Джонс.

— Абсолютно, — проорал Взлетающий Орел. — Могу поручиться, черт возьми. Не во многом я могу быть уверен, но тут сомнений нет. Я справился лучше, чем вы.

— Я с подозрением отношусь к чрезмерной уверенности, — сказал Вергилий. — Она сужает кругозор. Сомнение — один из признаков широты.

Взлетающий Орел покинул комнату без помощи Жиля Приапа, представлявшегося ему гротескным кошмарным напоминанием о собственном прошлом… и сделал это таким образом,

который максимально приблизил его к традициям города К. Он решил закрыться от прошлого, забыть о всякой вине и унижении, отринув муки истины, которые могли пробудиться в нем от слов и яростно-презрительного взгляда мадам Иокасты. Вергилий был прав: он принял решение.

Вергилий Джонс ему разонравился — такой вывод он сделал среди прочего.

Все это помогло ему счесть свой выбор оправданным.

По пути к выходу он прошел мимо двух людей. Первой была темноволосая нагая красавица Мидия — в стенах Дома носить одежду она ненавидела. При виде Взлетающего Орла девушка замерла, как загипнотизированная, и лишь проводила его взглядом. Взлетающий Орел спускался по лестнице и Мидию не заметил — мыслями он был очень далеко. Мидия поднялась на второй этаж Дома и вошла в комнату к серьезным и опечаленным Иокасте и Камале и изрядно веселящемуся Вергилию. Жиль Приап уже удалился, торопясь уединиться и отдохнуть.

— Мистер Джонс, — спросила Мидия, — *это был ваш друг?*

— Нет, — резко отозвалась мадам Иокаста.

— Да, — ответил Джонс, — был.

— Вы должны рассказать мне о нем все, — сказала Мидия.

Мадам Иокаста почувствовала, что ее ярость сменяется бессилием. Похоже, Взлетающий Орел готов был встать между ней и ее фавориткой. Жизнь иногда бывает страшно несправедливой.

Вторым человеком, которого Взлетающий Орел встретил по дороге к выходу из Дома, был Фланн О'Тул, только что закончивший свою очередную сессию с Бум-Бум де Сад. Встретились они у входной двери.

— Ого! — загрохотал О'Тул. — Так вот ты где. Наслышан о твоем оглушительном успехе у Черкасовых и Гриббов. Разве ты не собирался отметить с нами свое прибытие? Поздороваться, так сказать, с единомышленниками?

— Ведите меня, — ответил Взлетающий Орел.

Они вышли из Дома вместе; и только когда они пришли в «Эльбаресто», Взлетающий Орел вспомнил, что забыл передать Вергилию привет от Лив.

XLIII

— Известен ли вам хоть один гений, который не был бы так или иначе одержим? — торжественно спросил Игнатий Грибб. — Одержимость есть путь к самореализации. Причем единственный путь, мистер Орел, единственный.

— Вергилий Джонс считает одержимость отображением внутренних страхов, — ответил Взлетающий Орел. Он был достаточно пьян, чтобы не заботиться о том, что говорит, а Гриббы достаточно тактичны, чтобы делать вид, будто они не замечают его опьянения. Впрочем, Эльфрида сидела за обеденным столом в горьком молчании.

— Вергилий Джонс — конченый человек, — сказал Игнатий Грибб. — Живое свидетельство идиотизма, который он именует своей теорией. Я рад, что вы с ним расстались, мистер Орел, искренне рад. Вам осталось только выкинуть из головы его бредни.

— Вергилий Джонс считает, что сомнения предпочтительней уверенности, — пробормотал Взлетающий Орел.

Игнатий Грибб глубоко вздохнул.

— Болезнь Гамлета, — заметил он. — Я имею в виду сомнение. Оно его и сгубило. Другой пример — старинная история о Фоме Неверующем. Есть вещи, сомневаться в которых просто смешно. Вы согласны?

— Э-э… — протянул Взлетающий Орел, у которого от выпитого в голове был туман, но Игнатий Грибб уже ни на что не обращал внимания. Он увлекся.

— Необходимо только одно — четко различать границу между одержимостью и фанатизмом. Фанатик не владеет собой, это одна из форм безумия. Фанатизм ведет к тирании и гнусным преступлениям. А одержимость — наоборот. Она создает симфонии и великие полотна. Пишет романы и сдвигает горы. Это высший дар человеческой расы. Отрицать его — значит отрицать нашу природу. Какой толк от бессмертия, если мы не используем его для исследования своих самых глубоких увлечений? Какой тогда толк в острове Каф?

— Вергилий Джонс считает, что здесь все поставлено с ног на голову. Он говорит, что остров сам порождает необходимость… что в поле Эффекта выживает только одержимый разум.

— И как раз этот миф, — сказал Игнатий

Грибб, — ваш основной интерес и призван разрушить.

В первый раз за все время Эльфрида решилась вставить слово.

— Взлетающий Орел, — начала она, — вы не возражаете, если я буду называть вас так, ведь мы теперь друзья?.. Мне кажется, что вы очень легко поддаетесь чужому влиянию. Этот мистер Джонс не должен так сильно терзать ваш разум. Вам надо забыть его и его безумства… вам он больше не нужен.

В голосе миссис Эльфриды отчетливо прозвучала нотка отчаяния.

— Забыть его, — повторил Взлетающий Орел и, отключившись, упал лицом в суп.

XLIV

— Эльфрида, — спросил Взлетающий Орел, — вы случайно не знаете мою сестру? Ее зовут Птицепес.

Глаза Эльфриды расширились; в конце концов она пробормотала:

— Мне… Мне знакомо это имя. Она ваша сестра?

Взлетающий Орел кивнул и заметил, что к Эльфриде возвращается стальное самообладание.

— Боюсь, у меня для вас плохие новости, — сказала она. — Ваша сестра умерла.

— Откуда вам это известно? — тихо спросил Взлетающий Орел.

— От Игнатия, — ответила Эльфрида. — Он сказал… что она пропала… что она, скорее всего, умерла. Мне очень жаль.

Она избегала встречаться с ним взглядом, высматривая что-то в шитье, которое лежало у нее на коленях.

— Приглашаю вас сегодня после полудня к себе на крокет, — сказала Ирина Черкасова.

— Я не умею играть в крокет, — ответил Взле-

тающий Орел.

— Тогда это будет новый опыт, — улыбнулась графиня. — Когда играешь в игру, в которой ничего не понимаешь, то узнаешь о себе много нового. Например, о пределах своих возможностей.

— Не сомневаюсь, что Взлетающий Орел отлично осведомлен о своих возможностях, — резко вставила Эльфрида.

Ирина выгнула бровь.

— Я просто пошутила, — весело ответила она.

— С удовольствием сыграю с вами, — сказал ей Взлетающий Орел.

Эльфрида промолчала.

В течение следующих дней Взлетающий Орел большую часть времени проводил с Ириной и Эльфридой. Изыскания Грибба и леность Черкасова заставляли женщин искать общества друг друга; они, очевидно, были рады компании Взлетающего Орла и в его присутствии словно молодели. Он же благодаря им обретал убежище, укрытие от мыслей и страхов, такое же, каким был «Дом взрастающего сына» для Вергилия Джонса. Рядом с Ириной и Эльфридой роль страуса становилась для него и возможной, и приятной.

Естественно, не последнее значение имел здесь

и зов плоти. Взлетающий Орел знал, что как мужчина довольно привлекателен. Знал он и то, что неотразимым его назвать нельзя. И причины того, что он оказался во главе треугольника, двумя другими вершинами которого были эти женщины, вероятно, заключались в чем-то ином, чем просто в зове плоти. Одним из главных факторов был связанный со Взлетающим Орлом дух новизны. Для Эльфриды и Ирины он был Незнакомцем, тайной, новым живым существом, которое так хотелось исследовать.

Что касается Ирины, ее не оставляющее сомнений желание заполучить его объяснялось довольно легко. Она явно презирала мужа; Взлетающий Орел был для нее выходом из ловушки, способом выразить графу свое презрение, рассеять утомительную моногамию ее брака. Простейший, классический случай усталой, несчастной жены, открывшей возможность новых ощущений.

По невысказанному мнению Взлетающего Орла, в своем несчастье Ирина даже находила какое-то удовольствие, а ее двойная неудача, в материнстве и замужестве, давно уже стала эмоциональной опорой, почвой, на которой можно было взрастить сочувствие или восхищение. Позволив себе затеять с Ириной интрижку, он будет

вынужден разделить с ней груз ее несчастий. При этом Ирина была несомненной сиреной, а сирена — это пожирательница мужчин. Однако, несмотря на все это, она была женщиной красивой, манящей, а кроме того, уже сама дала понять, что готова к близости с ним.

Взлетающий Орел находил эту готовность небольшим недостатком. Недосягаемое привлекало его гораздо сильнее, и Эльфрида с ее столь частыми признаниями в любви к своему гному-ханже была гораздо ближе к тому, чтобы выглядеть недосягаемой. Взлетающий Орел не знал даже, симпатичен он ей или нет. Ни слова не было произнесено; свои надежды он основывал только на нескольких взглядах, на легком касании тел, на неуловимых паузах перед очередным признанием в любви к Игнатию, на едва приметном раздражении, звучащем в голосе миссис Грибб в присутствии открыто флиртующей Ирины. Все это могло быть просто плодом его воображения.

Но если его догадки все-таки содержали долю истины, тогда открывался простор для новых терзаний. Возможно, Эльфрида любит мужа не так сильно, как убедила себя. Но если так, в чем причина такой глубокой супружеской

преданности? Может, эта внешне естественная, всепоглощающая страсть лишь еще один способ жить одержимо, как того требует Путь К.? И если он прав и она тоже хочет его, то чем это можно объяснить? Восстанием против Игнатия (как у Ирины против Черкасова)? Взлетающий Орел покачал головой. Может быть, он недооценивает себя.

Конечно, истинные причины беспокойства двух граций, связанные с его появлением, Взлетающему Орлу не были известны. Так что все его размышления вели только к части истины.

Таинственная природа острова Каф в эти дни заявила о себе лишь однажды, но случившееся разрешило неопределенность отношения Эльфриды к Взлетающему Орлу. Птицепес больше не давала о себе знать, а тихий вой в глубине его сознания как будто бы совсем стих. Казалось, сам остров чего-то выжидал. Впоследствии это время будет представляться ему длинной веревкой, которую кто-то отмотал ему, — веревкой достаточно длинной, чтобы повесить нескольких человек и заодно повеситься самому.

Еще один провал во времени сопровождался такими обстоятельствами.

Игнатий Грибб наслаждался послеобеден-

ным сном и опять проспал это важное событие. Эльфрида и Взлетающий Орел были у качелей. Точнее говоря, они сидели на траве под ясенем, на котором были устроены качели. Еда и вино в желудках навевали дрему; но новый временной провал резко заставил их очнуться.

Мгновение провала было похоже на удар электрическим током. Ни одно живое существо не может быть изъято из действительности и затем возвращено в нее без чувства потрясения.

Время застыло, а потом снова пошло; Эльфрида испуганно глядела на Взлетающего Орла глазами беспомощного ребенка. Он обнял ее, и они крепко прижались друг к другу, доказывая себе самим, что все в порядке, что они здесь, реальные, живые.

Последовавший затем поцелуй был вполне естественным.

Внутри дома Гриббов Игнатий продолжал спокойно храпеть в своем кабинете.

XLV

Ранее, в «Доме взрастающего сына».

Мидия сказала:

— Мадам Иокаста, может, вам не следовало быть такой суровой с Взлетающим Орлом? Людям свойственно ошибаться. Хорошие люди могут совершать плохие поступки в стрессовых ситуациях.

Мадам Иокаста сказала:

— Ты его даже не знаешь.

Мидия вскинула голову:

— Я просто сомневаюсь, что в нем следует видеть только плохое. Вергилий всегда поощряет сомнения.

Иокаста сказала:

— В этом доме Взлетающему Орлу не рады. А тебе, Мидия, следует помнить о своей специализации — дорога в твою постель ему заказана.

— Да, мадам, — сказала Мидия и, помолчав немного, добавила: — Мне нравятся женщины.

— Не грустите, — сказала Мидия Вергилию.

— Нет, моя дорогая, — невпопад произнес тот.

— Простите, мне не следовало расспрашивать

вас о нем, — продолжила Мидия.

— Не в этом дело, — ответил Вергилий.

Ашквак предупреждал его: он лишний здесь, его присутствие неуместно; история горы Каф должна идти дальше без его участия. Ашквак предупреждал; Взлетающий Орел выбрал для себя Путь К., стало быть, ашквак был прав.

— Нелегко бывает уходить на покой, — сказал он Мидии.

XLVI

Он остался один, без проводников: без сестер, добывающих для него пищу, без шаманов, изгоняющих из племени, без ливий, отдающих приказы, без дегглов, указывающих путь, без вергилиев, дающих указания. Ему предстояло выбрать — кто из двух? Или никто? А затем рискнуть, полагаясь на их выбор. И он должен знать, чего хочет.

Белые ведьмы продолжали ткать свои чары, оплетая его шелковыми путами.

Возможно, лучше даже ошибиться, чем без конца изводить себя этим выбором, вечно мучиться, снова и снова копаться в себе и спорить, спорить.

Вопреки своей воле Взлетающий Орел все больше начинал мыслить в духе предложившего ему свое гостеприимство города.

Бледные колдуньи кружились и улыбались…

— Я знаю, я гость в его доме, — сказал он. — Но это и ваш дом тоже. Я знаю, что он был очень добр и щедр ко мне. Но именно вы привели меня сюда. Я не надеюсь на то, что вы полюбите меня; я сам не знаю, люблю ли вас. Но я знаю одно: я хочу вас.

Я понимаю, что было бы легче, спокойней, если бы я вас не хотел. Но это так.

Итак, дело сделано.

— Я люблю мужа, — ответила Эльфрида голосом, дрожащим от волнения.

Ночь. Ирина Черкасова лежала в постели без сна и думала о провале во времени. По пологу над ее головой, по жесткому балдахину ее грубо сколоченной кровати, незаметно полз паук. За закрытым окном с карниза свисали летучие мыши.

Для нее это был первый провал, а первый раз — самый страшный. Ирина закусила губу и ощутила соленый привкус крови. Сегодня ей нужен был кто-нибудь рядом, пусть даже Александр. Но как пойти к нему, как ей, гордой Ирине, прокрасться в его спальню после стольких ночей, проведенных отдельно, как попросить у него чуточку тепла и защиты, когда она сама столько времени хранила ледяное высокомерие? Нет, это невозможно. Нет. Да. Да. Она может это сделать. Ирина выбралась из постели и набросила на плечи пеньюар.

Она постучала в дверь мужа, но никто не ответил. Конечно, Александр спит; он, наверно, уже забыл, как это делается, ничтожный дурак.

Ирина открыла дверь.

В этот самый миг в «Доме взрастающего сына» Ли Кок Фук лизала Александру Черкасову мочку уха.

Безусловно, она знала это. Догадывалась, что ее муж проводит ночи в публичном доме. После того как она изгнала его из своей постели, было бы наивно думать иначе. И вообще, удовлетворенный недоумок удобнее раздраженного мужа, требующего исполнения супружеского долга. Но в эту ночь ей было больно. Ведь она решила прийти к нему, унизиться перед ним ради его общества. Обида особенно остра для чувствительного человека, если ее наносит глупец. Ирина Черкасова вернулась в свою постель, уже остывшую, и, поглаживая не до конца оформившееся существо внутри своего лона, задумалась о мастурбации. Но потом перед ее внутренним взором возникло лицо Взлетающего Орла и она отвергла игру с собой. Она не станет помогать себе сама, гораздо приятней получить помощь от другого, нужно только подождать. Она приняла решение, и это помогло ей заснуть.

После случайного поцелуя Эльфрида стала отвергать ухаживания Взлетающего Орла с такой

страстной непреклонностью, что это внушило ему надежду. Очень много времени и слов она потратила на то, чтобы объяснить ему, почему случившееся не должно было произойти, почему они никогда не смогут сделать это снова и, конечно же, не зайдут дальше этой точки, но ни разу не сказала, что поцелуй был ей неприятен.

— Все дело в Игнатии, — повторяла она.

И хотя она тут же добавляла, что это любовь к мужу делает для нее неприемлемым предложение Взлетающего Орла, у того возникало четкое ощущение, будто она имеет в виду — пусть на долю секунды, пусть лишь на то время, которое отнимают у нее эти слова, — что муж — это просто препятствие.

Взлетающий Орел решил прибегнуть к последнему средству — увести миссис Эльфриду из супружеского гнезда, где ее, вероятно, сдерживало возможное появление мужа в любой момент.

Он начал приглашать Эльфриду на длительные прогулки по полям близ К.; и после каждой такой прогулки миссис Грибб клялась ему, что это в последний раз, но ни разу не сдержала клятву.

Во время первой прогулки они остановились возле колодца. У колодца ходил по кругу бык, с помощью зубчатого механизма приводя в действие

насаженное на толстую ось колесо с ведрами, черпающими воду и выливающими ее в желоб, откуда влага текла орошать поля. Глядя на быка, Эльфрида заметила:

— Животные счастливей нас.

Взлетающий Орел подождал, что будет сказано дальше. Эльфрида погладила животное по боку и продолжила:

— Они смертны.

— Вы несчастливы здесь, — сказал тогда ей Взлетающий Орел, уже понимая, что это правда.

— Какая ерунда, — торопливо отозвалась Эльфрида. — Я совершенно счастлива.

И впервые ощутила в этих словах пустоту и обман. Резко повернувшись, Эльфрида быстро пошла прочь от колодца.

— Я иду домой, — бросила она ему, пытаясь уверить себя, что возвращение в привычную обстановку вернет и привычные чувства.

Белые ведьмы продолжали ткать свои чары, оплетая его шелковыми путами. Бледные колдуньи кружились, кружились подле него, как мотыльки около свечи.

Площадку для крокета никак нельзя было назвать ровной, а шары — круглыми, но это не мешало Ирине играть с сосредоточенностью

истинного профессионала. Что касается Взлетающего Орла, то ему сосредоточиться было трудно, но он сумел не ударить в грязь лицом.

— А вы быстро все схватываете, — похвалила его Ирина. — Наверно, вы опытный игрок и просто надо мной смеетесь.

— С вами мне не сравниться никогда, — ответил он.

— Все дело в практике.

Графиня прицелилась, рассчитывая смелый дальний удар.

— Вы ни за что не попадете, — сказал Взлетающий Орел. — Площадка слишком неровная.

Ирина попала.

— Нужно лишь учитывать уклон, — объяснила она. — Извините, я веду нечестную игру, у меня ведь преимущество: мне тут знаком каждый дюйм.

Теперь она загнала шар Взлетающего Орла в кусты.

— Боже мой, — воскликнула она с откровенным лукавством. — Вам его оттуда не выгнать и за сто лет.

Взлетающий Орел отправился на поиски шара и забрался в дебри густого кустарника, окаймляющего дальний рубеж сада Черкасовых. Вдруг

позади себя он услышал шорох. Повернувшись, он увидел, как Ирина делает шаг из платья, лежащего на земле.

— Платье может зацепиться за ветку и порваться, — объяснила графиня. — Лучше уж я сразу сниму его.

— Вы точно знаете, что делаете, Ирина? — спросил Взлетающий Орел.

— Помогаю вам отыскать шар, — ответила она. — Похоже, что без меня вы не управитесь.

Несмотря на недавние сомнения Взлетающего Орла, любовный акт с Ириной стал утешением для них обоих.

В сарае, на другом краю сада, Норберту Пейджу почудился крик. Он вышел посмотреть, но не заметил ничего необычного.

Во время их следующей совместной прогулки Эльфрида позволила Взлетающему Орлу взять себя за руку. В другой раз он не только взял, но и поцеловал ее руку, и она это стерпела. Очередная прогулка, и — под громкий аккомпанемент пчелиного жужжания — она позволила ему — и себе — еще один поцелуй. На этом их прогресс на некоторое время остановился, но в конце концов Эльфрида разрешила ему ласкать себя, сначала сквозь одежду, а потом и под ней, трепеща от про-

бегающих по телу сладостных судорог желания.

Но затем она остановила его, чуть не доведя до исступления.

— Какой смысл останавливаться теперь? — воскликнул он. — Это уже была измена… Так почему хотя бы не получить от этого удовольствие?

— Ты правильно сказал, — печально ответила она. — Это уже была измена.

Эльфрида не хотела его дразнить — она была так же огорчена, как и он. Но позволить себе последний шаг, совершить окончательное предательство она не могла. Что-то останавливало ее, что-то гораздо сильнее ее самой. Взлетающий Орел отказывался верить в то, что это могла быть мораль.

— Я люблю его, я люблю его, я люблю его, — твердила она сквозь стиснутые зубы.

— Нет, не любишь, — отвечал Взлетающий Орел. — Ты привыкла к нему. Но ты никогда не считала его привлекательным. Ты не любишь его.

— Люблю, — рыдала она. — Я знаю, что люблю.

На его глазах к ней с поразительной скоростью возвращалось самообладание, а на ресницах высыхали слезы.

Качели, на них Эльфрида, Ирина смотрит на

нее. Бывают мгновения, думает Взлетающий Орел, когда они начинают напоминать сестер-близнецов. Такие похожие, но такие разные.

Ирина Черкасова, с легкостью презирающая людей, презирает сейчас Эльфриду. Глупая, вечно хихикающая женщина. Тем временем Эльфрида Грибб обнаруживает в себе гораздо более сильное чувство: ревность.

Они продолжают улыбаться друг другу сквозь свои вуали.

Тем вечером в доме Ирины был большой бал, и она запретила себе плакать. Внизу — музыка и элегантные кавалеры; наверху — она, с сухими глазами и с температурой. Простудиться именно в этот день, именно в этом году, когда она наконец расцвела и вышла из детства и часами стояла обнаженная перед зеркалом с книгой на голове, вобрав живот и выпятив грудь. В этом году не должно было быть ни поглаживаний по голове, ни понимающих насмешливо-взрослых разговоров, ни терпеливого удивления тому, с каким раздражением она по команде матери в полночь отправлялась в свою комнату. В этом году она собиралась танцевать до рассвета и даже после, а потом завтракала бы на реке под ивами с каким-нибудь влюбленным кавалером… Она подумала

о толстой, прыщавой Маше, сияющей внизу от триумфа, — о своей уродливой сестре, которая стала королевой бала и сейчас кружилась в танце с заскучавшими юношами, каждый из которых гадал, куда пропала хорошенькая Ирина… и гнев прогнал слезы.

— Можно войти?

Это Паташин. Григорий Паташин, éminence grise[6] салона ее матери. Крупный мужчина, несший на своих широких плечах, таких квадратных и мощных, что меж ними едва была видна шея, вот уже почти семь десятков прожитых лет. Паташин, с бородавкой на кончике носа и голосом, напоминающим скрежет гравия. Паташин, чья дурная слава с годами не утихла.

— Входите.

— Ирина Натальевна, — сказал он ей, поправляя плохо сидящие брюки. — Вечер совершенно испорчен вашим отсутствием.

— Садитесь, Григорий, — ответила она, намеренно опуская обращение «дядя», как звала его всю жизнь, и похлопывая рукой по одеялу. — Садитесь и расскажите мне, что там происходит. Что Маша, хороша ли она?

---

[6] Примечания: 6
Серый кардинал (*фр.*).

— Может ли Маша быть хороша? — проговорил Паташин и подмигнул Ирине.

— Старый медведь, — засмеялась она, — вы просто мастер такта.

— А вы, Ирина, — сказал Паташин, мягко приподнимая ее подбородок кончиками пальцев, — слишком умны и уравновешенны и можете ожидать в жизни большой удачи. Я смотрю в ваши глаза и вижу там ум. Я смотрю на ваше тело и вижу в нем предчувствие. Вам нужно учиться лицемерию, учиться скрывать ум в глазах и приучать к разумным желаниям свое тело.

— Чтобы умереть старой девой, — снова засмеялась Ирина. — Я такая, какая есть.

— Да, это так, — задумчиво протянул Паташин. Его рука не отпускала подбородок; затем он передвинул ее к щеке. Ирина потерлась о ласкающую руку. Рука была холодной.

— Никто ведь не хватится вас, — прошептала она. — Немного времени у вас есть.

Паташин расхохотался.

— Соблазнить вас, Ирина Натальевна, шансов нет, — сказал он затем. — Если вам угодно мужчину, вы сами все сделаете. Если же нет… — Паташин пожал плечами.

— Заприте дверь, — приказала она.

Ей пришлось вытерпеть вид разоблачающегося великого мужчины, а это зрелище достаточно унылое. Паташин избавился от своей гениальности вместе с воротничком и жилетом; бросив одежду на стул, он предстал перед ней с заросшей седыми волосами грудью. В его глазах читалось вожделение. Ирина закрыла глаза, отчаянно желая никогда не состариться.

— Надеюсь, вам не было больно? — спросил он ее, когда все закончилось.

— Нет, — совершенно ровным голосом ответила она. — У верховой езды есть свои преимущества.

— Мне нужно идти, — забеспокоился Паташин, и она стала свидетельницей его обратного превращения в салонного льва. Пока он поправлял волосы и расчесывал бороду, она сказала:

— Быть соблазненной гением. Что за начало!

Григорий Паташин пошел к двери, бросая на ходу:

— Кого из нас соблазнили, хотел бы я знать?

После того вечера с Григорием Паташиным Ирина не только возненавидела старость; он толкнул ее прямиком в объятия прекрасного, глупого и юного Александра Черкасова. Таким образом, в беде, постигшей ее детей, был виноват именно Паташин. Она вышла замуж за его пол-

ную противоположность, и это была его ошибка. Кроме того, возможно, что она отчасти перенесла свои чувства к сестре Маше на Эльфриду. Несоответствие здесь было только одно: красота Эльфриды.

И вот еще о Григории Паташине. Он наградил ее страстью ко всему запретному, потому что запретное напоминало ей о том вечере, а значит, о юности…

Взлетающий Орел, конечно же, был запретным плодом…

Тогда она была Эльфридой Эдж. Дочуркой миссис Эдж. Милая Эльфрида, такая славная девочка. Знаете, ее отец бросился с крыши своего дома. Она видела в окно, как он пролетел мимо, и сказала потом, что подумала, это обвалилась дымовая труба. Всегда такая уравновешенная, она легко перенесла смерть отца. Хорошо обеспечена, это уж конечно, просто купается в деньгах, ей достались от родственников животноводческие фермы и всемирно известная коллекция марок. «Моя маленькая черная марка» — так он ее звал, а она всегда была бледная как мел; ужас, но с деньгами можно скоро утешиться, верно? Такая милая девушка, всегда спокойная, маленькая мисс снежинка, выглядит тихоней, такое дурно говорить,

только маленькие девочки в девять лет должны плакать чаще. Нет, миссис Эдж больше не живет здесь, уехала куда-то в чужие края, развлекается с местными, и это понятно, внешность-то еще при ней, о веселых вдовах вы здесь ни от кого слова плохого не услышите. Когда Эльфрида выросла, только и делала — настоящее сокровище, — что помогала пожилым, ходила за орущими детками молодых родителей, все книжки читала, да шила, да готовила, а ведь молодые леди в восемнадцать должны *развлекаться* чаще.

Эльфрида Эдж
Не горевала:
Сама с собой играла
Иль помогал ей Редж.

— Эй, Эльфрида, пойдем пройдемся.

— Нет, спасибо, что-то не хочется.

— Пойдем, я покажу тебе моего петушка.

— Твой петушок меня совершенно не интересует.

— Спорим, ты в жизни ни одного петушка не видела.

— Нет, видела.

— Нет, не видела.

— Нет, видела.

— А вот мать твоя точно насмотрелась. И черные видела, и коричневые, и желтые, небось, и голубые, как у тех арапов, которые себя красят.

— Оставь мою мать в покое.

— Если уж она такая любительница, то ты тоже должна быть не прочь.

— Реджи Смит, у тебя самый грязный язык в школе.

— А у тебя всегда самые чистые переднички.

…большой грязный мужик с болтом в фут длиной да еще и художник жил с богемными типами на берегу моря так что должен был хорошо разбираться в этом деле И с ней в постели все пыхтел так что она сказала А почему бы и нет никогда не знаешь чего лишаешься пока не попробуешь и он сказал ладно куколка и открутил его и у него резьба в дырке где раньше был болт и он вкрутил его ей а у нее тоже резьба и она проснулась разочарованная а все простыни мокры от пота…

Лишь потому,
Что мама это делает,
Не значит, что и я должна,
Лишь потому,
Что папа это делал,

Не значит, что и я хочу.

(Э. Э., 16 лет)

Когда Игнатий Грибб прислал письмо, в котором сообщил, что отказывает в зачислении, она поняла: это конец. Если она не смогла попасть в этот колледж, то ей уже никогда не попасть ни в какой другой, и значит, на этом все. Ученая Эльфрида, тихоня Эльфрида, пришел конец твоему учению. Но вот что еще он написал ей в своем письме: «…если мой отказ огорчит вас, то смею надеяться, что утешу вас, признавшись, сколь очаровательной я вас нахожу, и, если вы не поступите в университет, я был бы рад предложить вам место моего секретаря. Прошу серьезно об этом подумать».

Они были парой заблудших душ в мире не сбывшихся надежд. То, что они поженятся, было ясно с самого начала. Заполучив в жены красавицу, ослепляющую красотой весь потрепанный студенческий городок, он перестал был вечным посмешищем. Получив такого мужа, как он, она вполне могла считать себя умной — стоило только поверить в его мудрость. Они отлично знали недостатки друг друга и относились друг к другу бережно и уважительно, все насмешки, все

злословие мира были им нипочем. Остров Каф стал для них счастливым отдохновением; здесь он нашел самоуважение, а она могла спокойно лелеять свою любовь. Игнатий, названный в честь святого темных ночей, — центр ее вселенной и любовь. Важнее всего была любовь. Быть влюбленной — вот что было важнее всего.

Пески времени
текут к новому
Истоку.

Ирина и Эльфрида, обе израненные юностью, — одна пыталась сохранить ее, навсегда погрузившись в ее невинность, другая цеплялась за мысли о грехах, и порой мысли превращались в поступки. Такие похожие, но такие разные. Так же, как плато аксона и К.

Несколько дней Взлетающий Орел жил настоящим, позволил течению событий увлечь его, унесся в потоке необузданных чувств, передал себя в их власть и выбросил из головы все мысли о Гримусе, Птицепес и Вергилии. Довольно для каждого дня своей заботы.

«Жить настоящим» — какое емкое выражение. Позже он вспомнит, что говорил ему Вергилий:

«В жизни любого человека есть высший пик. Момент, в который все обретает смысл».

Для Взлетающего Орла этот миг наступил в тот день, когда он занимался с Ириной Черкасовой любовью в седьмой раз.

Они впервые делали это в постели. Черкасов снова ушел в «Дом взрастающего сына», и Ирина решила воспользоваться удобным случаем. Ее спальню освещала единственная свеча. Ирина была ненасытна и монархически властна; Взлетающий Орел был как раз в подходящем настроении, чтобы исполнять все ее требования. Их ночь была яростной, переполненной жадным насилием, они напоминали зверя о двух спинах; в пылу этой схватки Взлетающего Орла посетило видение.

В колышущемся свете свечи лицо Ирины вдруг приобрело эльфийскую бледность лица Эльфриды; ее извивающееся тело стало телом Эльфриды, стоны — стонами Эльфриды. На короткий, как вспышка молнии, миг обе женщины словно бы слились в одну, соединенные силой порыва его любовной страсти. Видение ушло, но ощущение осталось; по окончании любовного акта в омытой желтым светом комнате Взлетающий Орел откинулся на спину и поразился этому чуду.

Так оно и было: в неприкрытой похоти Ирины он искал утонченность — да, и чистоту — Эльфриды, святость, которая поднимала ее красоту выше красоты графини; в то же самое время он желал, чтобы чувственная раскрепощенность Ирины проникла в самоограничительную мораль Эльфриды. В них были единство и борьба противоположностей: невинность Эльфриды и страстность Ирины, свобода Ирины и скованность Эльфриды. Их отношение к мужьям резко отличалось, они находились на различных полюсах теплоты. Их связывал только Взлетающий Орел. Как Эльфрида любила его, но не позволяла своей любви поглотить себя, так Ирина похотливо желала его и легко отдавалась своей похоти. И в той, и в другой царила незавершенность; их завершенность достигалась через его посредство. Их лица, тела, даже души были видны ему как на ладони, слитые воедино. Заниматься любовью с Ириной означало спасать Эльфриду от ее разочарований; а целовать Эльфриду в щеку означало освобождать Ирину от похоти. Эльфрина, Ирида, Эльфрида, Ирина.

Но также было верно и другое: они вдвоем дополняли его самого. Лежа в постели Ирины, Взлетающий Орел наслаждался чутким равно-

весием между любовью к невинности и тягой к плотскому опыту, между самоограничением и осуществлением, — он стоял на вершине, с которой возможен был только один путь: вниз. Эльфрина Орел. Их треугольник больше не был тремя точками, он стал одной.

Но этот момент был навсегда потерян, потому что в своей эйфории он позволил себе произнести имя.

— Эльфрина, — сказал он.

Рядом с ним напряглось тело Ирины Черкасовой. Она услышала имя *Эльфрида*.

— Убирайся! — крикнула она.

Взлетающий Орел низвергся с высот своих мыслей и вновь оказался в комнате, освещенной сиянием одинокой свечи. Только что достигнутое совершенство осколками лежало у его ног.

— Убирайся! — повторила графиня.

Миг совершенства всегда содержит в себе зародыш собственной гибели.

Было уже за полночь, когда Взлетающий Орел пробрался обратно в дом Гриббов, но в кресле гостиной сидела бледная, изнуренная долгим ожиданием Эльфрида. Свет одинокой свечи напомнил ему о той спальне, которую он только что покинул.

— Добрый вечер, Взлетающий Орел, — сказала Эльфрида.

Безмолвно склонив в ответ голову, он опустился на стул напротив нее.

— Ирина? — спросила она, уже уверенная в ответе.

— А чего ты ожидала? — ответил он, чувствуя, что этими словами окончательно оскверняет память о своем видении.

— Игнатий спит крепче всех на свете, — горько сказала она. — Так что ты мог бы заняться со мной любовью прямо здесь и сейчас.

— Ты это не всерьез, — ответил он.

— Займись со мной любовью! — воскликнула она. — Будь ты проклят!

Но все повторилось: в его руках тело Эльфриды, желающей его безмерно, вдруг оцепенело.

— Прости, — прошептала она, — но, видно, плоть моя слаба.

— Или слишком сильна, — тихо отозвался Орел.

Граф Александр Черкасов, графиня Ирина Черкасова, Алексей Черкасов и Норберт Пейдж пили чай в *салоне*. Ирина часто обмахивалась веером, хотя в комнате было совсем не жарко.

— Ма-ма, — счастливо пролепетал Алексей.

— Мама с тобой, Алексей, — ответила Ирина, — мама всегда с тобой.

— Ирина, — сказал ей Черкасов, — ты очень сильная женщина.

— Да, — ответила она. — Это так. Я знаю, когда нужно отказать себе. И в чем.

Скрытый смысл сказанного не дошел до мистера Пейджа; он считал и графа, и графиню чудеснейшими людьми.

— Это великий дар, — заметил он поспешно, чувствуя, что должен что-то сказать. — Великий дар. Знать, когда остановиться.

Одно слово, и возможность была утеряна навсегда. Он мог вернуть Эльфриде покой и довольствоваться ее душой. Он мог предоставить Ирине общество, в котором она так нуждалась, и не беспокоиться о ее привязанностях. Они могли бы навечно стать Эльфриной Орлом. Вместо этого они снова превратились в три разобщенные точки, их треугольник распался. Одно слово смогло изменить ход истории.

У дороги стоял фермерский дом. Приземистый, длинный, беленый. Взлетающий Орел вздрогнул от неожиданного узнавания: во время своего прибытия в К. он перескочил через калитку и

увидел в окне гранитное лицо; здесь ему снова напомнили о том, что он пария. Но теперь он стал другим; он был частью этого места, как и ферма. Так что в каком-то смысле он был и частью этого фермерского дома. По крайней мере сегодня.

С ним была Эльфрида Грибб; сегодня они зашли особенно далеко, но ни он, ни она не заметили пройденного пути — каждый шагал, молча думая о своем. Увидев ферму, Взлетающий Орел рассказал историю о каменном, изборожденном трещинами лице с глазами василиска.

— Казалось, что в памяти этого человека хранятся сотни тайн, но ни одну из них он ни за что не раскроет, — сказал он.

Эльфрида тихо улыбнулась. Ее мысли были далеко.

— И все, кого я встречал потом в К., такие же, — продолжил Взлетающий Орел. — Правда, я бы не сказал, что они хранят свои тайны для себя — они просто делают вид, что никаких тайн не существует. Здесь слишком о многом молчат. Слишком о многом.

Эльфрида ответила, не поднимая на него глаз:

— Да. Думаю, так и есть.

— Рад, что мы взяли вас на борт, Взлетающий Орел, — сказал ему в тот же вечер Игнатий

Грибб. — С вами Эльфрида повеселела. К сожалению, в течение дня я не могу уделять ей достаточно внимания. До вас она целыми днями скучала, бедняжка. Так?

Эльфрида заставила свои губы сложиться в улыбку.

Игнатий Грибб с наигранной доверительностью наклонился к Взлетающему Орлу.

— Пока вы не появились, дружище, — сказал он, — моя жена не знала, чем без меня заняться.

— Но, Игнатий, я не… — начала было Эльфрида, но Грибб только весело отмахнулся.

— И это нормально, — заключил он, — поскольку я тоже не знал, что мне делать без нее.

— Счастливый брак — это замечательно, — выдавил из себя Взлетающий Орел, чувствуя себя последним мерзавцем.

Эльфрида Грибб вышла из комнаты.

— Достаточно было одного взгляда, и я все поняла, — говорила мужу Ирина. — Он оказывает на бедную невинную Эльфриду очень дурное влияние. Ты только посмотри на него.

— Внешность обманчива, — ушел от ответа Александр Черкасов.

— Я уверена, между ними что-то есть, — продолжила Ирина. — Мне кажется, что тебе нужно

переговорить с Игнатием.

— О чем же?

— Ты должен предупредить его, — ответила она. — Намекнуть, что за гостем нужен глаз да глаз.

— Но я не думаю…

— Если ты не скажешь ему, — оборвала мужа Ирина, — тогда я скажу сама.

— Подожди, — встревоженно сказал Александр Черкасов. — Я переговорю с Взлетающим Орлом. Направлю на путь истинный. Ну ты понимаешь…

— Какой же ты глупый, глупый человек! — вскричала в гневе Ирина Черкасова.

События, однако же, развивались еще быстрее, опережая ее гнев.

Пусть все и кончилось, сказал зеркалу Взлетающий Орел, и пусть это сопровождается трагедиями и неизвестно еще, каких черных ужасов ожидать впереди, но то был высший момент, момент ясности, момент света.

— Нет, — сказала Эльфрида Грибб, — сегодня я гулять не в настроении. А вы идите. У меня тут кое-какие дела.

Взлетающий Орел вышел, оставив полуле-

жащую в шезлонге Эльфриду слушать тихую музыку.

XLVII

Смерть пришла на остров Каф буднично, без предупреждения, словно в мягких туфлях; это скорее было начало, а не конец. Смерть пришла как должное, словно была здесь все это время и вот теперь вдруг решила напомнить о себе; но такой незаметный приход ни в коей мере не преуменьшил вызванное ею потрясение.

Вернувшись с прогулки, Взлетающий Орел обнаружил около дома Гриббов небольшую толпу. Здесь были Норберт Пейдж и квартирмейстер Мунши. В дверях дома неподвижно стояла Ирина Черкасова, словно ее мумифицировали, едва она ступила на порог. Она машинально подалась в сторону, уступая ему дорогу. Он задавал вопросы, но никто ему не ответил.

В шезлонге сидел, обливаясь потом, граф Черкасов; он поднял с пола вышивку Эльфриды и теперь бессмысленно вертел ее в руках.

— Что случилось? — спросил Взлетающий Орел.

— Мы услышали крик, — ответил граф. — Один протяжный крик.

Взлетающий Орел обвел глазами пустую, тихую

комнату.

— ЧТО СЛУЧИЛОСЬ? — проорал он. — Где Эльфрида?

Черкасов кивнул в сторону кабинета.

— Один протяжный крик, — повторил он.

Взлетающий Орел рванулся к двери, ведущей в кабинет. В окутавшей дом тишине вой, доносящийся из глубин его сознания, звучал особенно громко.

Ставни на окнах были закрыты, и свет проникал в комнату только через открытую Взлетающим Орлом дверь. Был там письменный стол Игнатия Грибба, заваленный бумагами и папками, перьями и пузырьками с самодельными чернилами. Были книги, лежащие на столе, стуле и на полу, свисающие с полок и подоконника. Сравнительно с аккуратностью, царящей в остальном доме, беспорядок в кабинете Грибба казался вопиющим.

Кровать располагалась прямо перед окном. Во мраке можно было едва разглядеть на ней маленькую фигуру, неподвижную, мертвую. Другая фигура замерла перед узким ложем, живая, но тоже неподвижная, сливающаяся с темнотой. На прикроватном столике стояла незажженная свеча.

Маленькое тельце на кровати было печальными, скрюченными останками Игнатия Квазимодо Грибба, некогда профессора философии, человека с убеждениями и мудреца.

Над ним стояла его новоиспеченная вдова, Эльфрида Грибб, которая в бытность свою Эльфридой Эдж приняла падающего с крыши отца за дымовую трубу.

— Это я убила его, — сказала она. — Это моя вина.

Фрида Грибб,
Фрида Грибб
Как-то хлоп
И мужа в гроб.

Взлетающий Орел прикрыл за собой дверь. В кабинете стало темно, хоть глаз выколи; он осторожно подошел к кровати. На веках Игнатия лежали две старые монеты.

— У него были открыты глаза, — сказала Эльфрида. — Мне пришлось их закрыть.

Он взял ее за плечи.

— Посмотри на меня, — попросил он.

Но она продолжала смотреть вниз.

— Эльфрида! — громко позвал он, и тогда голова ее медленно поднялась.

— Одной тайной меньше, — сказала она. — Я люблю тебя.

Взлетающий Орел смотрел на тело Игнатия Грибба. На философе была безупречная шелковая рубашка с шейным платком, замшевая куртка, довольно неуместные старые вельветовые брюки и холщовые домашние тапочки. Рот Игнатия был чуть приоткрыт, а губы выпячены, отчего он немного походил на рыбу.

— Смерть никому не прибавляет достоинства, — сказала Эльфрида. — Он лишился не только жизни…

— На теле нет ран, — заметил Взлетающий Орел. — Никаких следов.

— Тело ни при чем, — глухо ответила Эльфрида. — Я убила его изнутри головы. Мне пришлось закрыть ему глаза. После того как я их ему открыла.

Она больше не могла сдерживаться; ее ледяное самообладание треснуло; слезы хлынули из глаз. Эльфрида вцепилась в руку Взлетающего Орла.

— Я люблю тебя, — повторяла она. — Люблю тебя. Люблю тебя. Люблю тебя.

— Ты рассказала ему, да? — спросил Взлетающий Орел, который наконец-то все понял.

— Да, — слабым шепотом ответила она. — Я

убила его.

Догадаться, что случилось, стало совсем несложно. Эльфрида, подстегнутая ревностью, наконец позволила чувствам, с которыми так долго и так успешно боролась, овладеть собой. Но будучи Эльфридой, она решила, что этот заключительный шаг должен быть таким же бесповоротным, как и ее прежняя преданность Игнатию. Отправив Взлетающего Орла на прогулку одного, чтобы он не смог помешать ей, она явилась в логово к мужу и объявила ему, что больше его не любит. Как сказал бы Вергилий Джонс, Эльфрида перенесла свою одержимость с мужа на Взлетающего Орла. Тот подумал: «И чья же это теперь вина?»

Известие сразило Игнатия, как удар молнии. Нечто подобное могло бы убить его даже за пределами острова. Они с Эльфридой, обороняясь от враждебности мира, существовали только благодаря взаимной поддержке и зависимости, они были двумя уязвимыми людьми, для пущей безопасности лежавшими в супружеской постели спина к спине. Главной основой горделивой самоуверенности Игнатия, без сомнения, была любовь Эльфриды. Известно, какой опорой для мужчины с физическим недостатком, будь то рост или что-то другое, может стать любовь пре-

красной женщины. Он черпал в любви Эльфриды силу и решимость, придающие твердость не только его теориям и идеям, но и всей его личности. Эльфрида была его душевным покоем, его неколебимой поддержкой, его второй половиной, и вдруг она бросила его. Мужчины кончают с собой и из-за меньших неприятностей.

Но это была гора Каф; в поле действия Эффекта Гримуса прибегать к самоубийству было вовсе необязательно. Взлетающий Орел почти видел за украшенными парой монет глазами опустошенный мозг Грибба. Своим признанием Эльфрида не просто расстроила Игнатия. Слова ее преодолели бессознательный, но глубоко укоренившийся защитный механизм — тот мысленный барьер, созданный Игнатием почти для каждого жителя К. Измена Эльфриды выбила краеугольный камень из созданной им личности; и в тот самый момент, когда все, что казалось надежным, вдруг пришло в движение, Лихорадка измерений коршуном набросилась на его беззащитный разум.

Что Игнатий чувствовал в тот миг, задавал себе вопрос Взлетающий Орел, в ту секунду, когда внутренняя множественность вонзила свои когти в него, слабого и неподготовленного, неспособного с исчезновением оборонительной стены

взять происходящее под свой контроль? Каково это — оказаться во власти сил, отрицание которых он сделал своим главным вкладом в жизнь города, и быть уничтоженным ими? Да, воистину, смерть никому не прибавляет достоинства.

А что будет с К., существование которого целиком опиралось на теории Грибба, на придуманную им технику Основного интереса и полное погружение в «здесь и сейчас»? Смерть Игнатия показала, что вокруг существует Нечто, чья незримая сила давит на них, и эта сила сейчас с потрясающей скоростью уничтожила своего главного противника. Смогут ли горожане перед лицом смерти и дальше держать свой разум закрытым? Взлетающий Орел подумал, что это явно получится не у всех.

Чувство вины опустилось на него подобно черной лавине, разорвав белые чары, сотканные Эльфридой и Ириной. Он бичевал себя так жестоко, как не сумел бы никакой О'Тул. Он, который с такой охотой ступил на путь К., теша себя иллюзией неизменности, и предал пережитый опыт ради дома и тройственной любви. Он, который презрел того, кто открыл ему истинную природу острова и помог выжить. Стоили ли социальная устроенность и общество двух

прекрасных женщин того вреда, который он причинил? Конечно же, нет; но даже это он не смог уберечь. Отвергнутый Ириной, он остался с изменившейся Эльфридой на руках, и его жизнь тоже наверняка была под угрозой. Взлетающий Орел пожал плечами. Он снова сеет погибель среди окружающих, и эта его способность достигла нового, невиданного размаха, так мог ли он теперь ценить свою жизнь? Эгоист — так назвала его Иокаста. Это было явным преуменьшением.

— Я буду заботиться о тебе, — сказала Эльфрида. — Обещаю. Я буду заботиться о тебе вечно. Если и ты будешь заботиться обо мне.

— Эльфрида… — беспомощно пробормотал он, но голос его затих; он просто не мог придумать, что ей сказать.

— Я люблю тебя, — повторила она. — Тебе больше никто не нужен. Правда же, никто?

В комнату проник свет. В дверях стоял граф Александр Черкасов. Его губы были искривлены в гримасе отвращения, глаза были глазами глубоко потрясенного человека.

— Это не убийство, — сказал ему Взлетающий Орел. — Она не убивала его. Никакого насилия не было.

— Не было, — повторил Черкасов и пошел из

дома прочь.

Эльфрида Грибб вцепилась в руку Взлетающего Орла с такой силой, словно от этого зависела ее жизнь. По сути дела, так оно и было.

Взлетающий Орел обнял ее, и они долго стояли так, обнявшись, над трупом Пути К.

XLVIII

Четыре могилы, безмолвные стражи на опушке леса, свежие раны в груди Вальхаллы, находились в том самом месте, где Взлетающий Орел и Вергилий Джонс когда-то стояли и смотрели на огни города — не сосчитать сколько дней назад. Утро было тихим, по равнине стелилась легкая дымка, вершина горы оставалась недоступной взгляду: ее, как всегда, защищали облака. Беспрерывно облизывая губы, Вергилий, мокрый от пота, с подгибающимися от усталости ногами, напряженно следил за приближающейся процессией. Он собирал остатки сил — вскоре ему предстояло вернуть все как было. Кучи земли, темной и чуть влажной, высились по бокам каждой могилы.

Femme fatale. Если колпак тебе впору, надень его. Один за другим они падали вокруг меня; мертвецы окружали меня, а во мне скрывалась нерожденная жизнь. Несчастный, глупый граф был поражен прямо в свой чахлый разум. Он умер у меня на глазах, ступив лишь несколько шагов за порог дома смерти, ушел тихо, отстра-

ненно, без единого слова, упал на траву своего сада, я стояла позади, а он был впереди и так и упал, ничком. Алексей захихикал, сын-идиот смеялся над сраженным внезапным открытием отцом, над упавшей пешкой, а тот потом пошел обратно, обратно в дом, чтобы сидеть и смотреть в пространство. Несчастный куцый анахронизм, он находил утешение у шлюх, не находя его в моих объятиях, и теперь, когда я хотела бы приласкать его, было слишком поздно. Он смотрел в пространство и курил, словно дым мог отогнать смерть. Когда-то в прошлом он позволял себе ущипнуть задик маленькой Софи Лермонтовой, был галантен на балах и на войне, но прошлое отступало, окружающий ужас вытеснял давние удовольствия, а он сидел, курил и смотрел в пространство. Как тривиально все разрешилось — смерть Грибба убила и его, его хрупкий разум не выдержал смерти философа. Он умер у меня на глазах, перенесся в какой-то другой мир, его руки и губы двигались в такт биению невидимой, неслышимой жизни. Я все видела хорошо: как он поднялся, как твердо встал на ноги, поджарый и красивый, мой слабоумный Адонис, и как потом рухнул перед своими призрачными палачами, нет, нет, повязки на глаза не нужно, а вот от

сигары, перед тем как начнем, не откажусь. Палачи-призраки — я не видела и не слышала их прихода, этих его убийц-теней, но это были они. Я не удивилась, когда нашла его мертвым.

Но и Пейдж, обожающий нас малыш Норберт, последний из наших слуг, который не хотел ничего, только служить нам, который был так добр к Алексею; маленький человечек, бедный беззлобный Пейдж не перенес гибели хозяина. Смерть Грибба он еще бы пережил. Пока граф твердо стоял на Пути К., все Гриббы на свете могли умирать, его бы это не задело. Но если срубили ствол, то и сучьям не жить. Он умер, как только получил известие о том, что граф был сражен, что до него добрался Гримус — ну вот я это сказала, — а в это время Алексей продолжал смеяться и играть.

Femme fatale. Таков мой удел. Что ж, я принимаю его. Горе — принимаю. Боль — принимаю. Они падают вокруг меня. Но я не упаду, я буду нести свой крест. Но не вину. Пусть вина падет на того, кто за все в ответе, на еще живых обитателей дома смерти, на нее, на этот разубранный повапленный гроб, и на него, орла-убийцу. За графиней Черкасовой вины нет.

Энтони Сен-Клера Перифайта Хантера известие о смерти Грибба застало в «Эльбаресто». Сперва

Два Раза пришел в дикий восторг.

— Вот теперь посмотрим, — сказал он. — Теперь, возможно, мы перестанем лгать.

Одноколейный Пекенпо взглянул на своего товарища без интереса. Грибб умер. Ну и что? Пекенпо отлично проживет и без Грибба. Человек делал то, что должен был делать, чтобы выжить. Человек верил в то, во что должен был верить, чтобы остаться в живых. Один Грибб ничего не меняет.

Равнодушный взгляд сменился тревогой, когда Два Раза вдруг схватился за голову и повалился в сторону бара. На его лице застыло выражение полного неверия.

У самообмана существует несколько уровней глубины, и Хантер, конечно, понятия не имел о том, в какой степени он стал зависим от собственной позы. Выбрав себе роль Два Раза, он сделал частью этой роли элегантное, циничное разочарование в Пути К. Но под своей маской он был так же напуган и так же не желал признавать реальность Гримуса и его Эффекта, как Грибб или Александр Черкасов. Измерения набросились на него без предупреждения и расправились с ним в считаные мгновения только потому, что самообман коренился в его сознании гораздо

глубже, чем у остальных: он убедил себя, что ничего такого не существует, что он не закрыт от всего связанного с Гримусом. Ураган Внутренних измерений пронесся по его разуму, поразил нервные центры и выжег синапсы мозга, который не смог приспособиться к ворвавшейся в него новой реальности, потому что, как оказалось, просто не был к ней готов.

Пекенпо увидел, как его друг повалился ничком, услышал, как его голова стукнулась о пол; и никакие крики и встряска не смогли привести Хантера в чувство. Уход Два Раза был самым молниеносным из всех.

Одноколейный совсем растерялся; видно было, что его одолевает какое-то сильное чувство. Он не мог позволить Хантеру умереть. Просто не мог.

— А ну вставай, маленький ублюдок, — уговаривал он Хантера. — Давай, малыш Два Раза, все хорошо, все хорошо, все хорошо.

Одноколейный тряс мертвое тело, как пустой мешок.

— Бесполезно, — сказал Фланн О'Тул с несвойственной ему мягкостью. — Оставь его, Одноколейный, это бесполезно.

Он положил руку на медвежье плечо Пекенпо. Одноколейный поднялся, прижимая к себе тело

друга.

— Не знаю, кто в этом виноват, — прорычал он на всю комнату. — Но кто-то скоро за все заплатит.

Двинувшись к двери, он сказал, прежде чем выйти наружу:

— Домой его отнесу, малыша Два Раза. Умер, и охнуть не успел…

Гробов не было. Игнатия Грибба, Норберта Пейджа и Два Раза Хантера обернули в грубые шерстяные одеяла из лавки Мунши. Граф Александр Черкасов был завернут в простыню с вышитым фамильным гербом. Тела лежали в полотняных гамаках, висящих между шестами, которые несли за концы. Почти все население К. растянулось за главными скорбящими длинной, напоминающей слезливого крокодила, процессией. Главными скорбящими были Эльфрида, которую вел под руку Взлетающий Орел, Ирина Черкасова и Одноколейный Пекенпо.

Граф Александр Черкасов возглавил островное сообщество без выборов, по общему согласию. Даже Фланн Наполеон О'Тул предпочел ограничить свою империю пределами питейного заведения. Теперь, когда глава города умер, его полномочия без обсуждения и как само собой разумеющееся

перешли к его сыну.

Граф Алексей Александрович Черкасов возглавлял процессию, улыбаясь с восторгом ребенка, изучающего новую игру.

Погребальная церемония была простой и короткой, без набожного притворства. Каждый из главных скорбящих сказал несколько слов, тела засыпали землей, и все кончилось. Алексей Черкасов, идиот, поставленный возглавлять слепцов, молча стоял среди легкого тумана и улыбался — живая эпитафия отцу.

— Мой муж был человеком, которого чаще обижали, чем он сам кого-то обижал. Он был солью земли, цветом своего поколения, скалой, на которой мы стояли. Он был хорошим человеком и любящим мужем.

Все нашли уместным, что последнее слово, произнесенное над телом автора «Философии универсальных цитат», было составлено из цепочки клише. Эльфрида отошла от изголовья могилы и схватила Взлетающего Орла за руку. Ирина Черкасова ожгла их испепеляющим взглядом.

Одноколейный Пекенпо навис над могилой Два Раза — трагический Голиаф, оплакивающий потерю своего Давида. Выразить свое горе слова-

ми он не смог, зато осознал, что за шпильками и колкостями, которыми привычно обменивались они с Хантером, крылась важная связь — взаимная потребность противоположностей.

— Два Раза был одним из лучших, — сказал он в итоге.

На долю Ирины Черкасовой выпало сказать две речи. Перед началом она немного постояла в тишине, упрямо выпятив под вуалью подбородок — настоящий архетип скорбной гордости. Потом произнесла несколько слов о преданности и самопожертвовании Норберта Пейджа — услышав знакомое имя, Алексей Черкасов захлопал в ладоши. Перейдя после этого к могиле мужа, она сказала следующее:

— Если смерть моего мужа сумеет разрушить то, что мы создали здесь, я сочту это оскорблением его памяти. Путь К. — верный Путь. Все останется как было.

Взлетающий Орел, прислушиваясь к этим дерзким словам, уловил в них эхо причитаний Долорес О'Тул; но он обнаружил и ключ к тому, почему большая часть горожан уцелела, хотя он боялся, что они все до последнего попадут под проклятие измерений. Те, кто справился с первым потрясением (люди вроде Ирины), видели

в Пути К. не только способ защиты, но самоцель, образ жизни, который укрывал их в коконе прошлого и мелочах настоящего. Они именно этого и хотели. Так Ирина просто сделала новые потери частью своего трагического образа, так Пекенпо превратил Хантера в одну из своих бесконечно повторяющихся легенд. Такие люди могли и дальше противостоять Эффекту Гримуса. Они создали ему альтернативу, и эта альтернатива обрела самостоятельное существование. Эффект был им не страшен: они уже слишком глубоко ушли в себя.

— Засыпь могилы, могильщик, — сказал Фланн О'Тул.

Церемония завершилась.

Прежде чем собрание разошлось по домам, имели место три происшествия, из которых стало ясно, что, несмотря на последнее слово Ирины, жизнь в К. все-таки не останется неизменной. Первое: Эльфрида подошла к Ирине и сказала:

— Мне так жаль.

На что Ирина, глядя на нее с воспитанным за многие века презрением, ответила:

— Я не разговариваю со шлюхами.

Графиня спокойно повернулась и ушла, а Эльфрида, и без того бледная, стала белой как мел.

Вторым событием, как будто искупающим этот резкий разрыв старых подруг, стало примирение. Играя пуговицей пальто и не решаясь смотреть Ирине в глаза, мистер П. С. Мунши робко приблизился к ней.

— Графиня, — заговорил он, — если графу Алексею вдруг понадобится напарник для игр, то я… я мог бы… конечно, если время позволит…

— Спасибо, мистер Мунши, — сказала Ирина.

К. инстинктивно смыкал ряды, подтверждая свое единство перед лицом возродившегося врага.

Третье происшествие было таким: Одноколейный Пекенпо и Фланн О'Тул начали о чем-то тихо переговариваться. Затем они направились к Эльфриде и Взлетающему Орлу, которые уже собирались уходить.

— Мне нужно кое-что тебе сказать, — бросил Пекенпо Взлетающему Орлу.

Взлетающий Орел и Эльфрида остановились.

— Нам тут кажется, что все неприятности в нашем городе начались после того, как появился ты. Еще люди говорят, что вы двое трахаетесь. В этом городе такое не приветствуется.

— Что вы хотите этим сказать, мистер Пекенпо? — холодно осведомилась Эльфрида. — Пожа-

луйста, выражайтесь точнее.

— Что я хочу сказать, *миссис Грибб,* — ответил Пекенпо, с тяжелым презрением подчеркивая обращение, — так это что пора кой-кому убраться из города.

— Все вы понимаете, — вставил Фланн О'Тул.

— Я люблю тебя, — сказала ему Эльфрида, — и я больше не ребенок. Меня не нужно защищать. Мне нужен ты. Благодаря тебе я смогла разобраться в своих чувствах к Игнатию: я любила его как отца. А ты, любимый мой, будешь мне любовником. Я знаю это. Мы будем заботиться друг о друге и заниматься любовью. Ты заставил меня повзрослеть, и я очень рада этому. Я больше не хочу быть хорошей и только…

— Рада? — спросил Взлетающий Орел. — Рада несмотря на то, что это убило человека, который любил тебя?

— Меня любишь ты, — сказала Эльфрида, цепляясь за его одежду. — Покажи мне, как сильно ты меня любишь.

— Это невозможно, — отозвался Взлетающий Орел. — Мы только что похоронили Игнатия.

— Но я люблю тебя, — твердила свое Эльфрида, — и хочу тебя, прямо сейчас. Сию минуту. Сию секунду.

— Нет, не сейчас, — вздохнул Взлетающий Орел.

Эльфрида вырвалась из его объятий; ее любовь лишь усиливала тяжесть его вины.

XLIX

На следующий день Взлетающий Орел отправился в К., чтобы спросить в лавке Мунши еду и еще кое-какие вещи. Но не успел он проехать по дороге Камня и несколько десятков шагов, как понял, что угрозы Пекенпо не были пустыми. Люди останавливались и провожали его взглядами, словно до глубины души дивясь его нахальству. Взлетающему Орлу вновь начало казаться, что он угодил в один из тех старых фильмов, которые он смотрел в задрипанных кинотеатрах Феникса; К. стал владением Пекенпо, маленьким городком на Диком Западе; а сам Взлетающий Орел, что ни говори, отлично подходил на роль краснокожего. И ему уже казалось, что из дверей салуна вот-вот появится шериф, который без всяких разговоров пристрелит его на месте.

П. С. Мунши возился за прилавком, взвешивая что-то на весах. Кроме Взлетающего Орла в лавке была только одна женщина, но Мунши подчеркнуто не обращал на него внимания. Когда женщина вышла, Взлетающий Орел сказал:

— Теперь моя очередь, мне кажется.

— Если кажется, креститься надо, — не подни-

мая головы, отозвался Мунши.

— Послушайте, дайте мне продукты, и я уйду, — попросил Взлетающий Орел, протягивая список.

— Еды нет, — ответил П. С. Мунши.

Когда Взлетающий Орел с пустыми руками вышел из лавки, на улице его поджидал Одноколейный Пекенпо.

— Вот те на! — сказал охотник. — Кого я вижу, неужто индейца?

Охотник преградил Взлетающему Орлу дорогу к ослице.

Взлетающий Орел решил действовать вежливо, но твердо.

— Прошу прощения, — сказал он, — я хотел бы вернуться к миссис Грибб и рассказать ей, что в городе нам желают голодной смерти.

— Отлично, — ответил Пекенпо. — У меня и в мыслях не было тебе мешать.

С места он при этом не сдвинулся. Взлетающий Орел попытался обойти его и добраться до дожидающейся его ослицы, однако огромная лапа Пекенпо молниеносно взметнулась и схватила Взлетающего Орла за горло. Бороться было бесполезно, и Взлетающий Орел весь обмяк. Пекенпо зло сверлил его глазами.

— Не пойми меня неправильно, — прогрохотал

он, — я не предвзят. Но если завтра ты все еще будешь здесь, я за тобой приду.

Свободной рукой Пекенпо нанес ему сокрушительный кроличий удар по затылку. Взлетающего Орла стошнило прямо на мостовую. Пекенпо бросил его прямо в грязь и без единого слова удалился.

Взлетающий Орел с трудом залез на ослицу и направился домой.

— Нам придется уехать отсюда, — сказал он Эльфриде.

— Но почему? — удивилась она. — Тут мой дом. Наш дом.

— Если мы останемся, они не будут кормить нас, а может, и попытаются выгнать. Невозможно бороться с целым городом.

— Если ты решил уйти, любовь моя, — ответила она, — я, конечно же, отправлюсь с тобой.

Лицо Эльфриды было спокойным, почти безмятежным, движения — сдержанными, пусть и покорными.

— Мы уходим, — сказал он.

— И куда ты меня поведешь? — кротко спросила она.

В самом деле, куда? У нее хватит достаточно одержимости, чтобы пережить спуск с горы

— если уж она способна переносить действие Эффекта в К., то сможет и там, где оно слабее. У нее хватит душевных сил, но не физических — Эльфрида Грибб не была рождена для суровых путешествий; к тому же Долорес О'Тул вряд ли обрадуется возвращению в свой дом призрака Гримуса. Кроме того, это попахивало бегством с места преступления. Преступления, совершенного им. Нет, назад он не вернется. Назад для него дороги нет. Остается идти вперед, подниматься выше на гору, навстречу таящим неизведанное облакам — но что он будет там делать? А главное — что там будет делать *она?* Взлетающий Орел покачал головой. Ему нужен совет, это ясно.

Совет. Вергилий Джонс, обливающийся потом над могилами. Взлетающему Орлу показалось, что во время похорон Вергилий разок подмигнул ему. Может ли это означать, что он больше не сердится, хотя Взлетающий Орел и обошелся с ним так бессердечно?

— Нам придется посетить мадам Иокасту, — не сказал, а скорее подумал он вслух. — Ничего другого мне в голову не приходит.

— Вряд ли она обрадуется мне, — заметила Эльфрида.

— У Иокасты, хм, есть зуб на нас обоих, — отве-

тил Взлетающий Орел. — Мое с ней знакомство прошло тоже не лучшим образом.

— Наверно, ей не понравилось твое лицо, — загадочно предположила Эльфрида.

— Деваться некуда, — отозвался Взлетающий Орел. — Мне нужно снова поговорить с Вергилием. И думаю, что там они нас не достанут.

— Бордель, — прошептала Эльфрида. — Почему бы и нет, почему бы и нет?

Он облачился в свою старую, поношенную походную одежду. Игнатий, вплоть до последней минуты такой же аккуратист, как Эльфрида, сохранил даже его головную повязку и перо. Криво улыбнувшись, Взлетающий Орел надел повязку и воткнул за нее перо. Если ему действительно предстоит оказаться в дурном вестерне, то стоит соответственно нарядиться.

Ему пришлось еще раз увидеться с Ириной Черкасовой: нужно было вернуть ей одежду мужа. Графиня не пригласила его войти, взяла стопку одежды в дверях.

— Я видела тебя насквозь, не сомневайся, — сказала ему она. — Даже когда ты носил его одежду.

— Что ты хочешь этим сказать? — удивился Взлетающий Орел. — Ты сама сделала меня своим другом.

— Я сказала об этом графу, — продолжила она. — Я увидела это в твоем лице. Зло.

Ирина захлопнула дверь. Больше Взлетающий Орел ее никогда не видел.

Дверь отворилась сразу после седьмого удара. При виде стоящих на пороге мадам Иокаста изумленно раскрыла глаза. Эльфрида, которая крутила в руках зонтик, ответила спокойным взглядом. Она была полностью одета в белые кружева.

— Вам что-то нужно? — попыталась обескуражить пришедших мадам Иокаста.

— Да, — покорно ответил Взлетающий Орел; не время было вспоминать о гордости. — Мы просим убежища.

Иокаста улыбнулась без тени веселья.

— Нет, — ответила она и начала закрывать дверь.

— Что вы хотите услышать от меня? — вскричал тогда Взлетающий Орел. — Что я признаю все свои ошибки? Я их признаю. Что я вел себя как бессердечный эгоист? Я согласен с этим. Что я дурно обошелся с Вергилием, тогда как должен был испытывать к нему только благодарность? Да, это так. Я все это принимаю. Так неужели и вы не можете принять от меня искреннее признание

вины? По-вашему, каково это — чувствовать себя пусть и косвенно, однако все же ответственным за четыре смерти?

— Убийственно, — безжалостно сказала Иокаста.

— Если вы нас не впустите, — ответил Взлетающий Орел, — на вас ляжет ответственность за две смерти. Нам не дают никакой еды.

— Привет, — раздался голос. Не скрывая своей радости, из-за плеча Иокасты на Взлетающего Орла смотрела Мидия.

— Мидия, сходи за Вергилием, — приказала Иокаста. — Пусть он решает.

Вергилий Джонс спустился вниз с очень довольным видом.

— Взлетающий Орел, дорогой мой! — радушно воскликнул он. — Дорогая миссис Грибб! Как приятно вас видеть!

— Вергилий, — обратился к нему Взлетающий Орел. — Не хочу, чтобы вы подумали, будто я говорю все это только потому, что оказался в беде. Я сделал выбор, как оказалось, неверный, но мое раскаяние искренне. Я был неправ. То, как я вел себя по отношению к вам, не имеет никакого морального оправдания. Хочу сказать одно: я знаю это и прошу у вас прощения.

Вергилий выслушал речь Взлетающего Орла с самым серьезным видом, но глаза его смеялись.

— Ерунда! — весело воскликнул он, когда тот закончил. — Все мы время от времени ошибаемся. Добро пожаловать домой.

— Ты хочешь, чтобы я его впустила? — с сомнением переспросила Иокаста.

— Естественно, — ответил Вергилий. — Он же мой друг.

— А она? — спросила Иокаста. — Святая Эльфрида, вырядившаяся во все белое на следующий день после похорон мужа. От нее я не слышала ни слова раскаяния.

— Я не лучше и не хуже вас, — ответила Эльфрида.

— Прошу вас, Вергилий, — взмолился Взлетающий Орел. — Она не в себе.

— Так-то лучше. Такой она мне больше нравится, — заметила мадам Иокаста, отступая с дороги. — Ну что же, негодники, входите, хватит торчать на пороге.

Приветливая улыбка Мидии вознаградила Взлетающего Орла за суровый тон мадам.

Окно комнаты выходило на угрюмый склон горы, вершину которой все так же скрывал облачный покров. Комнату нельзя было назвать

красивой; вероятно, она казалась бы совершенно заурядной, если бы не резные барельефы.

Они вселяли ужас.

Не то чтобы они были гротескными, поскольку гротеск, исполненный мастерски, становится прекрасным. Дело было и не в том, что предметы, выбранные резчиком для изображения, были сами по себе отвратительны: при правильной подаче самая уродливая голова может производить впечатление. Эти резные изображения были просто безоговорочно уродливы, словно у резчика не было никакой другой цели или эстетического замысла, кроме желания показать, что мир состоит только из зла и ненависти. Но и такая оценка была чересчур высока для этих поделок. Изготовивший их человек обладал еще меньшим талантом, чем Взлетающий Орел, который вовсе не был художником.

Резные барельефы угрожающе смотрели со стен, и от этого в комнате становилось темнее.

— Это комната Лив, — объяснил Вергилий Джонс. — Здесь никто не жил с тех пор, как она, гм, ушла отсюда вместе со мной. Это она занималась резьбой. Я вернул ее работы на место, когда, ну… когда останавливался здесь некоторое время назад. Перед тем как уйти из К. Не обращайте на

них внимания. Вот кровать.

Кровать была одна, и Эльфрида сразу же прилегла на нее. Через секунду она уже спала. Ее измученные смертью Игнатия нервы наконец сдали и потребовали времени на восстановление. Взлетающий Орел вздохнул с облегчением.

Прежде чем оставить его одного, Вергилий сказал:

— Вам нужно набраться сил, это сейчас важно.

Избегая смотреть на развешанные по стенам бесформенные силуэты, Взлетающий Орел подошел к окну и принялся изучать гору. На щеку уселась муха — взмахом руки он отогнал ее. Муха покружилась и уселась на другую его щеку; он снова ее смахнул. В третий раз он ловким ударом раздавил ее и стряхнул трупик на пол.

Вопреки уродливой резьбе, присутствию Эльфриды Грибб, а также полной неопределенности в будущем Взлетающий Орел чувствовал себя в этой комнате в безопасности. Воздух в борделе был насыщен запахом утешения. Но одновременно Взлетающий Орел осознавал, что здесь он не найдет для себя убежища, тем более на долгое время. Ему не удалось обрести состояния покоя — то есть он не сумел удержаться на Пути К., — так что оставалось вновь вернуться к движению.

Значит, ему нужно было понять, что делать — не только с собой, но и с Эльфридой.

Взлетающий Орел продолжал рассматривать гору.

— Ты побеждаешь, — сказал он.

Повернувшись, он бросился на кровать рядом со спящей Эльфридой, улегся на спину и долго смотрел пустым взглядом в потолок. Вскоре он тоже устало заснул.

Мидия вошла в комнату, чтобы посмотреть, как он спит. Пока она вглядывалась в его лицо, которое изменило ее жизнь, изучала четко очерченные черты, темную щетину и закрытые глаза с длинными ресницами, в ее голову закрались крамольные мысли. Возможно, виной тому было влияние, которое на нее оказывала комната Лив; Лив, которая отказалась от дома терпимости и предоставляемой им безопасность ради мужчины (трудно поверить, что этим мужчиной был Вергилий Джонс), — Лив, которая себя и свои желания ставила выше долга и ухватила свой шанс; Мидия, рассматривая лицо спящего, крутила в голове такую мысль:

Я пойду туда, куда пойдет он.

Все дело было в лице.

Она обратилась к спящему мужчине с тихой

речью:

— Тебе нужна женщина, которая сможет совладать с тобой, — сказала она ему.

Мадам Иокаста вновь обходила коридоры своего царства; но на этот раз она не получала от этого удовольствия, не прислушивалась к звукам за дверями: по просьбе Вергилия она закрыла Дом для посетителей. Всюду стояла тишина. В комнате самой Иокасты находился задумчивый и невеселый Вергилий; в покоях ее предшественницы — контуры тел двоих спящих, чье появление в ее Доме, как она с тревогой признавалась себе, может изменить ее маленький мир и изменить очень сильно. Вергилий уже замкнулся в себе; Мидия, несмотря на свою специальность, увлеклась Взлетающим Орлом.

Она остановилась у комнаты Лив, и сквозь приоткрытую дверь до нее донеслись сказанные Мидией слова. Иокаста бесшумно удалилась, а ее тревога удвоилась.

Но она уже предоставила им убежище, сказала себе Иокаста, и не может нарушить обещание.

Во главе толпы стояли Фланн О'Тул и Одноколейный Пекенпо. Позади них была еще, может быть, дюжина человек, преимущественно из

завсегдатаев «Эльбаресто». Мужчины принесли с собой камни, палки и кусок веревки.

— Дом закрыт, — с порога сказала им мадам Иокаста.

— Нам нужны не твои женщины, — толстым голосом объявил Фланн О'Тул, изо рта которого вырывались пары картофельного виски. — А этот мерзавец Орел.

— У нас тут намечено небольшое безобидное линчевание, — подал голос Пекенпо.

— Ясно, — ответила Иокаста. — Вам нужен козел отпущения.

— Боже упаси! — воскликнул О'Тул. — Просто стоит лишь немного задуматься и сразу видно, что все наши беды начались после его появления. Так что вполне логично немного ускорить его уход, правда ведь?

— Фланн О'Тул, — сказала мадам Иокаста. — Тебе отлично известно, что это за место. Любой входящий в Дом оставляет мирское за его порогом. Здесь можно укрыться, зло сюда не проникает. Взлетающий Орел попросил убежища. Если вы попытаетесь вытащить его силой, Дом утратит свой смысл для всех вас. Вместе с Взлетающим Орлом вы повесите на суку часть города. Вы этого хотите?

Толпа недовольно заерзала. С лица Фланна О'Тула сошла уверенная улыбка.

— Но послушай, Иокаста, — пошатываясь, сказал он. — Какого дьявола ты защищаешь его? Ты знаешь, что мы никогда бы не нарушили святость Дома и все такое прочее, но они же не друзья тебе, этот Орел и его приятель Джонс.

— Уходи, Фланн О'Тул, — ответила Иокаста.

— Хорошо, — подал голос Пекенпо. — Хорошо, Иокаста. Твоя взяла. Но мы останемся сторожить вот здесь, на ступеньках. И как только твой гость высунет свою смазливую мордашку наружу, у Вергилия Джонса сразу же появится работа.

Окинув его презрительным взглядом, Иокаста закрыла дверь. На Пекенпо ее взгляд не произвел особого впечатления.

L

Взлетающий Орел сидел у ног Вергилия Джонса, а точнее говоря, рядом с ним на низкой постели в комнате Иокасты и слушал. На лице Вергилия Джонса было написано удовлетворение, а в голосе чувствовалось приятное волнение, но и то и другое несколько ослабленное и неуверенное, как у человека, который понимает, что события вновь складываются в его пользу, но при этом совсем не уверен, что способен повлиять на их дальнейший ход. На потолке паук плел свою паутину.

— Новые случаи Лихорадки, — сказал Вергилий Джонс. — И, конечно, их будет еще больше. Боюсь, что теперь К. сильно ослабил свои позиции. Его ахиллесова пята обнажена. Это был наглядный урок хрупкости даже самой лучшей обороны. Хотя, без сомнения, оборона К. была устроена очень искусно. Горожане упражнялись в своем «ничего не вижу, ничего не слышу» так долго, что это стало их второй натурой. Вы можете судить по себе — иллюзия нормальности, на милость которой вы решили сдаться, носит всеобщий, всеувлекающий характер. Они жили здесь, но

жили для того, чтобы лелеять свою одержимость, и потому казались отстраненными, опьяненными своей самодостаточностью. Их одержимость росла вместе с силой Эффекта, не отставая от нее, и, возможно, они могли бы противостоять ей вечно. Смерть Грибба все изменила. Теперь многим нелегко заставить свой разум полностью отвлечься от Гримуса. А это им просто необходимо, хотя до всех этих смертей они даже могли отпускать в его адрес шуточки. Отсюда и настойчивость линчевателей. Отсюда и навязчивость миссис Грибб. Я не слишком верю ее словам о любви к вам. Ей нужно любить — вот это больше похоже на правду. Дальше будет только хуже; теперь, стоит им расслабиться, измерения ворвутся в их головы. Некоторые умрут. И это сделает оставшихся еще более одержимыми. Невеселые перспективы, согласитесь.

— Но Иокаста и ее девушки, похоже, совсем не страдают от Эффекта, — заметил Взлетающий Орел.

— Ах, — вздохнул Вергилий. — Если говорить в двух словах, в этом и заключается сверхординарная природа Дома. Это убежище, понимаете, убежище не только от толпы, но и от Эффекта. Поскольку, как вы и сами недавно говорили, Дом

стал для его обитателей итогом их Пути. Ничего, кроме Дома, для них больше не существует. Правда, боюсь, что ты растревожил нашу дорогую Мидию. Похоже, что ваша, ха-ха, власть над женщинами не уступает Гримусовой.

— Мне очень жаль, — глупо пробормотал Взлетающий Орел.

— Все очень просто, — продолжал Вергилий Джонс. — Гримус стал обладателем ценнейшего знания: мы живем в одном из бесконечного множества измерений. Принятие природы измерений способно в корне поменять наше представление о том, кто мы такие и что представляет собой наш мир. Нам придется пересмотреть с самого начала список моральных ценностей и приоритетов. Вам нужно задать себе такой вопрос: существует ли на свете такая вещь, как чрезмерное знание? Если сделано чудесное открытие, последствиями которого управлять невозможно, следует ли попытаться его уничтожить? Позволительно ли интересам науки перевешивать интересы человечества и даже самого его существования? Что лучше: узнать и умереть или не знать вообще? Вот лишь несколько вопросов. На самом деле их гораздо, гораздо больше, уверяю вас.

— И вы приняли решение не в пользу науки? — спросил Взлетающий Орел.

— В данной ситуации, в данный момент это знание представляет опасность для жизни, — печально ответил Вергилий Джонс.

Вергилий Джонс подвигал пальцами на ногах и осмотрел свои мозоли. Все это время Взлетающий Орел сидел молча, наблюдая за пауком на потолке. Наконец Вергилий заговорил снова.

— Со мной здесь обращаются как с идиотом, — так начал он, — потому что в свое время я действительно им был. Сразу после того моего… расхождения… с Внутренними измерениями. И с Лив. Я бегал по городу, вывалив из штанов свое хозяйство. Мой нос всегда был синим. Я подстерегал женщин на улицах и пускал газы прямо им в лицо. Несчастным раздвоенным существом — вот кем я был. И остаюсь до сих пор. Но тогда я пытался что-то доказать. Что мне наплевать на всех. Наплевать на остров. Наплевать на все. Проблема заключалась в том, что сам я в это не верил. Из-за этого моим жестам недоставало некоторой убедительности. В результате я спустился с горы на побережье и нашел там достоинство. Покров бессилия. И так было, пока не появились вы.

— Вергилий, что мне теперь делать? — вырвалось у Взлетающего Орла. — Что вообще можно сделать?

— Ах! — воскликнул Вергилий и принялся суетливо облизывать губы. — К тому-то я и клоню. У вас осталось три возможности: отступление, бездействие и действие. Ни в одной из них нет ничего постыдного.

— Я не понимаю, — сказал Взлетающий Орел.

— Если вы выбираете отступление, то вы должны выйти к толпе и дать ей себя линчевать. Не слишком приятный путь. Вы можете также уйти незаметно и спуститься с горы вниз, махнув на все рукой. На провалы во времени, на Лихорадку. Просто забыть обо всем. Выбрав бездействие, вы остаетесь тут и ждете, не бросит ли вас Иокаста на растерзание волкам. Выбрав же действие, вы будете делать то, что я скажу.

— Вы выбрали бездействие, — заметил Взлетающий Орел. — Последнее время вы ничего не предпринимали.

— Ну конечно, — ответил Вергилий. — Я больше не в силах ничего предпринять. Чего не скажешь о вас.

— Нельзя сказать, что Внутренние измерения выжгли мой разум без остатка, — сказал Верги-

лий. — Иначе мне не удался бы Танец усиления. Но это своего рода паралич. Можно также сравнить это с заклинившей коробкой передач. В момент крайней необходимости я смог собраться с силами. Но в результате короткой стычки с ашкваком снова лишился своих способностей. Сейчас, когда я знаю, что вам будет гораздо проще продолжить дело, крайней необходимости нет. И не уверен, что есть желание.

— Но вы же решили мне помогать? — с беспокойством спросил Взлетающий Орел.

— Решения даются легко, — ответил Вергилий. — Нет ничего проще.

— Мы с вами находимся в поле того, что я называю Хаосом измерений, — поучительно объяснял Вергилий, — он проистекает, как и все силы Гримуса, из предмета, известного нам как Каменная роза. Возможно, это для вас не новость. Вот Каменную розу и нужно уничтожить.

Не стану обманывать — риск велик. Вполне возможно, что без Розы это измерение просто исчезнет. Но ясно одно: если Розу не уничтожить, то очень скоро на острове не останется никого, кроме зверей, пауков и мух. Поэтому приходится рисковать.

— Либо смерть, либо исцеление, — подытожил

Взлетающий Орел.

— Именно так, — подтвердил Вергилий. — Очень точно сказано.

— В том, что я хочу уничтожить Розу, — продолжил мистер Джонс, — непреднамеренно виноват Деггл. Он нарушил единство Розы, отколов от нее кусок Стебля. Я почти уверен, что провалы во времени и Эффект Гримуса явились прямым следствием сбоев в работе искалеченной Розы. Деггл присвоил совсем маленький кусочек Розы, и поначалу это прошло незамеченным. Но структура нашего измерения нарушилась.

— Если отсутствие даже маленького кусочка привело к таким тяжелым последствиям, — спросил Взлетающий Орел, — то что будет, когда мы разобьем Розу целиком? Не уничтожит ли это всех нас?

— Необязательно, — ответил Вергилий. — Остаться совсем без хлеба иногда лучше, чем остаться с ломтем.

Тяжесть вины и ощущение бессмысленности своей нынешней жизни подталкивали Взлетающего Орла к тому, чтобы согласиться с планом, предложенным мистером Джонсом. Со дня смерти Игнатия Грибба моральный дух Взлетающего

Орла неуклонно падал. Теперь же из-за открытых Вергилием мрачных перспектив острова Каф он достиг самой низшей точки. Но что-то еще удерживало Взлетающего Орла от окончательного согласия — какие-то крохи того относительно невинного «я», с которым он прибыл сюда; задумавшись об этом «я», Взлетающий Орел, как ни странно, обнаружил последний проблеск надежды.

— Хочу поставить вам два условия, — сказал он Вергилию. — Во-первых, мне нужно быть уверенным, что Гримус способен избавить меня от бессмертия. Я не хочу оставаться на горе Каф. И еще я знаю, что в моем мире вечность приедается.

— Значит, вы снова вернулись к этим мыслям, — заметил Вергилий.

— Кроме того, — продолжал Взлетающий Орел, — я должен знать, что есть путь назад: обратно в мой мир, в мое измерение, называйте как хотите, — обратно туда, откуда я пришел.

— Если мы остаемся живы, вы покидаете остров? — переспросил его Вергилий.

— Да.

— И, если я дам вам свое слово, вы отправитесь к Гримусу?

— Если смогу.

Вергилий Джонс печально улыбнулся.

— Насколько мне известно, — сказал он, — с обоими вашими целями дело обстоит одинаковым образом: надежных способов их достичь не существует.

Это напоминало смертный приговор, утвержденный судом и не подлежащий обжалованию. Пути назад не было. Цель многих веков — вернуться к нормальной жизни — недостижима; его недавние мечты о спокойном существовании в К. разрушены. Он был пуст внутри, Оболочка без Формы.

— Проклятие, — сказал он. — Конечно, я все равно сделаю что нужно. Почему бы и нет?

Вергилий Джонс снова улыбнулся своей печальной улыбкой. Но в ней мелькнуло и торжество.

Когда пора действовать, для размышлений уже нет времени. Вергилий Джонс, чемпион по сомнениям, больше не мог позволить себе колебаться. Он составлял план похода Взлетающего Орла к Гримусу.

— Врата, ведущие к Гримусу, подобны тем, через которые вы попали в море Каф, только действуют мягче. Если не знать точно, где они

находятся, найти их невозможно. А я это, так случилось, знаю. Своих Внутренних измерений вам опасаться не нужно. Вы разобрались с ними, так что они не причинят вам вреда и вы сможете полностью сосредоточиться на продвижении сквозь Внешние измерения. Это тоже может оказаться не слишком приятным. О том, что вы идете к нему, Гримус узнает обязательно; возможно, он даже попытается закрыть Врата. В этом случае вам придется прорываться силой. Само собой, он будет сопротивляться любым попыткам добраться до Розы. Вы должны будете вести себя осторожно, терпеливо выжидать подходящий момент, бить наверняка и все такое. Помните: Гримус всего лишь человек.

— Шансы, кажется, слегка не в мою пользу, — заметил Взлетающий Орел.

— Можно сказать, у вас один шанс из ста, — ответил Вергилий Джонс. — И даже если вам удастся прорваться через Врата… Гримус умеет убеждать.

— Где находятся Врата? — задумчиво спросил Взлетающий Орел.

— Ах да, Врата. Чтобы до них добраться, придется ускользнуть от толпы. И немного подняться на гору. До… до места, где живет Лив. Вы же знаете,

где черный дом?

Вергилий нерешительно замолчал.

— Да, знаю, — сказал Взлетающий Орел. — И уже даже видел Лив. Она просила передать вам привет.

Вергилий встряхнулся от зарождающегося оцепенения.

— Видели ее? — удивился он. — Вы уверены?

— Нет, — ответил Взлетающий Орел. — Она была с головы до ног закутана в черную ткань.

— Да, это она, — произнес Вергилий. — Это Лив.

Взлетающий Орел обвел взглядом комнату. Ползучие растения на стене. Ползущий паук на потолке. Возможно, это последняя комната, которую ему суждено увидеть. Подумав об этом, он понял, что ничего не имеет против такого исхода. Он уже истощил свои силы, теперь он был лишь орудием в руках Вергилия, ни более ни менее. До того как оказаться на острове Каф, он от отчаяния желал себе смерти. Сейчас его чувство не имело ничего общего с отчаянием; жизнь просто потеряла для него ценность.

— Ну что ж, — произнес Вергилий, — приятно будет снова встретить Лив.

LI

— Да ради бога, — сказала Иокаста. — Ради бога, иди.

Вергилий стоял перед ней с видом провинившегося школьника, не зная куда девать руки, открывая и снова закрывая рот, словно придумывал приемлемые объяснения своему проступку и отбрасывал их.

— Иди, — повторила Иокаста. — Если все, что мы сделали для тебя, все, что сделала для тебя я, ничего не значит, тогда, пожалуйста, отправляйся хоть сейчас. Возвращайся к ней. Она разорвет тебя на мелкие кусочки. И тогда уже не останется ничего, из чего я могла бы собрать тебя заново. Она уселась над городом, как паучиха, сплела там сеть, и, конечно же, ты попадешь прямо в нее. Решил идти, так иди, закончим на этом. Решил покалечиться — останавливать тебя я не собираюсь. Наверное, ты дурак. Или безумец. Разве не безумие возвращаться к ней после того, как она тебя опозорила? Но если решил идти, так иди, держать не стану.

— Я должен, Иокаста, — с мукой в голосе ответил Вергилий. — Нужно показать Врата Вз-

летающему Орлу.

— Взлетающему Орлу! — воскликнула она. — Который отплатил тебе за доброту предательством. Который отплатил мне за доброту тем, что вскружил голову Мидии. Который принес одни лишь беды всем, кто его приютил. А ты готов сделать для него все что угодно.

— На этот раз Взлетающий Орел оказывает мне услугу, — тихим голосом ответил Вергилий Джонс.

— Тогда катитесь к черту! — крикнула ему Иокаста. — Оба — убирайтесь! Вон из моего Дома!

Эльфрида Грибб в белом кружевном платье, с лицом, прикрытым вуалью, по которой беспрепятственно ползла муха, стояла спиной к окну. Справа высились резные барельефы, позади — гора, слева — Взлетающий Орел, а в лицо смотрела беда.

— Ты не можешь уйти, — говорила она. — После того, что я сделала для тебя, ты не можешь так поступить. Я люблю тебя, Взлетающий Орел. Мое место возле тебя.

Он закрыл глаза и постарался, чтобы его голос звучал как можно более твердо.

— Я тоже любил тебя, — сказал он.

Ее глаза застыли, превратившись в слепой зе-

леный мрамор.

— Любил… — Это был не вопрос, а холодное утверждение.

— Многое изменилось, — продолжил он несчастным голосом. — Я должен идти.

— Шлюха, — сказала она. — Ты думаешь, что я шлюха. «Я не разговариваю со шлюхами». Ты такой же, как она. Ты все это спланировал, заставил меня влюбиться в тебя, заставил ревновать, разбил мою жизнь.

— Нет, — ответил он.

— Шлюха. Шлюха Эльфрида. Да, почему бы и нет? Почему бы и нет? Если человек, которого я люблю, считает меня шлюхой, я должна соответствовать его представлениям. Почему бы и нет? Я стану шлюхой и этим буду зарабатывать себе на жизнь. Почему бы и нет, почему бы и нет?

– *Почему бы и нет,* — подумал Взлетающий Орел, — вот девиз сегодняшнего дня.

Мидия, подслушивавшая их разговор, сияла от радости.

На кухне «Дома взрастающего сына», среди заброшенных кастрюль и сковородок, ел человек по имени Камень, единственный гость в эту ночь, единственный из жителей К., кому Дом не мог отказать в гостеприимстве. При виде Камня в го-

лове Вергилия Джонса немедленно созрел план.

Взлетающий Орел покинул Дом через боковую дверь, выполз на дорогу Камня, ветхий, как присвоенные им одежды, грязный, как дома, пыльный, как улицы, и принялся пересчитывать булыжники. Он приветствовал их как старых друзей. Медленно, опустив лицо и надвинув на него рваную шляпу, он двинулся по ночной дороге: в одной руке ведро, в другой — тряпка, на коленях, что-то бормоча, он мыл камни.

Мадам Иокаста заперлась в своей комнате и улеглась в кровать — она решила не интересоваться тем, что творится в ее Доме. Занимать чистильщика булыжников в нарушение устава Дома добровольно вызвалась Мидия; и, пока Иокаста лежала лицом к стене, Мидия использовала весь свой богатый опыт, чтобы удержать возле себя Камня — своего первого мужчину за целую вечность, — и тем самым дала Взлетающему Орлу возможность осуществить свое мучительно неспешное бегство.

Вергилий Джонс вышел из Дома за несколько минут до рассвета — в котелке, часовая цепочка вокруг талии, — с самым невинным видом напевая что-то себе под нос. Линчеватели в большинстве своем разбрелись по постелям, но

медвежья фигура Пекенпо упрямо торчала на парадном крыльце. Охотник окинул Вергилия недобрым взглядом, но позволил ему пройти. Продолжая напевать, Вергилий зашагал вверх по улице, с улыбкой отмечая, что на ней нет медленно ползущей фигуры. Либо Взлетающего Орла обнаружили, либо он достиг своей цели.

На дальнем конце дороги Камня, там, где город сменяли склоны горы Каф, лес снова вступал в свои права. Среди густой растительности начиналась едва приметная тропка, больше подходящая для осла, чем для пешехода. Она вела к последней точке человеческого обитания — скале, на которой стоял дом Лив, смотрящий на К. сверху вниз. Здесь, в лесу, Вергилий Джонс встретил Взлетающего Орла.

— Как в старые времена, — вздохнул Вергилий Джонс.

Мидия ушла. Избавиться от Взлетающего Орла Иокаста была только рада. К расставанию с Вергилием Джонсом она подготавливала себя уже давно. Но обнаружить мужчину — да еще самого жалкого мужчину — в постели Мидии, тогда как самой девушки и след простыл, — это было выше сил Иокасты. Мидия, бедная, ослепленная страстью Мидия — почему именно она?

И куда она ушла? Наверняка отправилась следом за Вергилием и Взлетающим Орлом. Но как далеко она решила за ними пойти? И звали ли они ее с собой, хотели ли видеть рядом и можно ли надеяться на то, что она вернется и будет на коленях смиренно просить о прощении? Иокасте хотелось надеяться на это, но она отлично помнила Лив и хорошо знала, что Мидия не вернется… Если только сама не захочет…

Третий провал настиг Иокасту, когда она вышла из комнаты Мидии в коридор, где царила непривычная тишина. В момент провала Иокаста была совершенно одна.

Когда время вернулось на место, она прислонилась к стене, пытаясь отдышаться. Из своей комнаты к ней вышла Эльфрида. Лицо миссис Грибб было спокойно и неподвижно.

Она подошла к Иокасте и обняла ее за плечи.

— Мадам, — сказала она, — я хочу остаться у вас. Я хочу остаться… и работать.

Иокаста окинула Эльфриду рассеянным взглядом. Теперь могло случиться все что угодно.

— У нас как раз освободилось место, — ответила она. — Так что ты принята.

Две брошенные женщины немного постояли рядом, обнявшись; потом Иокаста с покрасневши-

ми глазами спустилась к парадной двери Дома. Когда она открыла ее, Пекенпо поднялся на ноги.

— «Дом взрастающего сына» открыт для клиентов, — объявила мадам Иокаста.

Наступило утро.

LII

Николас Деггл привычно встретил утро в кресле-качалке, во дворе, среди кур. Он размышлял о провалах во времени.

Было очевидно, что Долорес О'Тул их вовсе не замечает. Возможно, ее своенравный разум просто отрицал их существование точно так же, как отказывался воспринимать то, что видели глаза, и то, что слышали уши, заставляя Долорес принимать его за Вергилия Джонса. *Все останется как было.*

Однако, ужаснувшись, сказал себе Деггл, возможно и другое объяснение. Гримус. Гримус овладел новой сокрушительной силой и теперь пытается избавиться от него. Возможно, провалы во времени затрагивают только его, Деггла.

Он раскачивался, как маятник, между паранойей и беспомощностью, туда и обратно. В дверях хижины появилась Долорес с ножом в правой руке. Пришло время для заклания очередной курицы.

Долорес уселась перед Дегглом на землю. Внезапно она точно рассчитанным движением перерезала себе вены на левом запястье. Потом,

переложив нож в левую руку, она столь же спокойно начала резать правое запястье. Только сейчас очнувшись от шока, Деггл бросился к ножу. Долорес отшатнулась и приставила лезвие к своему горлу.

— Ради бога, ты хоть понимаешь, что делаешь? — крикнул ей Деггл.

— С тех пор как мы занимались любовью, — ответила Долорес, — ты каждую ночь отвергаешь меня. Я все понимаю, Вергилий, мое тело вызывает у тебя отвращение. Ты ненавидишь меня, и поэтому я не хочу больше жить.

Кровь капала на песок, оставляя маленькие пятнышки красной грязи.

Что нужно сделать, чтобы остановить кровотечение из вены? Деггл беспомощно огляделся по сторонам.

— Жгут, — громко сказал он.

— Оставь меня! — отмахнулась Долорес и запела слабым голосом: — *Прекрасный мой, желанный мой, да с белой бородою.*

Николас Деггл принялся стягивать рубашку через голову. Когда он снова взглянул на Долорес, она уже лежала на земле лицом к небу, а ниже подбородка у нее от уха до уха зиял второй, алый, рот. Она успешно закончила то, что задумала.

Деггл, голый по пояс, с рубашкой в руке, смотрел на кровь, пока та не перестала течь. В голове у него пронеслась такая мысль:

— Я остался совсем один.

Кресло-качалка тихо покачивалось под легким утренним ветерком.

LIII

Уже знакомый нам ашквак, решивший быть свидетелем истории острова Каф до самого ее конца, нашел прибежище от удачно выдвинутых Вергилием Джонсом обвинений в самом увлекательном занятии на свете — наблюдении за чужими жизнями.

Ашкваки, тела которых двигаются крайне медленно, развили способность мгновенного перемещения с места на место путем физической дезинтеграции и последующей реинтеграции, происходящих под надзором их бестелесных сущностей. Так, наш ашквак вместе с Эльфридой подслушивал у дверей «Эльбаресто», а потом в саду у Гриббов смотрел, как она, Ирина и Взлетающий Орел по очереди качаются на качелях. Ашквак заглядывал в окна «Дома взрастающего сына» и видел, как путешественники покидали его. Ашквак был немало озадачен провалами во времени и стал бесстрастным свидетелем самоубийства Долорес О'Тул.

Теперь, дожидаясь завершения Итогового упорядочивания, он вновь и вновь возвращался к размышлениям над анаграммой, в свое время

сыгравшей немалую роль в возникновении острова Каф, — над Переупорядочиванием, которое можно было бы сделать на основе имени *Гримус*.

Анаграммой которого было другое имя — *Симург*.

Ашквак с нетерпением ждал неминуемого столкновения между Орлом, царем земных птиц, и Симургом, райской птицей, хозяином Каменной розы. Тот факт, что имена эти заключали в себе такой исконный смысл, придавал предстоящему особую пикантность.

Часть третья
Гримус

LIV

В маленьком домике с черными стенами было темно — а еще тихо и прохладно. Повсюду лежали тени, словно бесплотные стражи незримого уродства. Пелена облаков вокруг вершины горы Каф висела снаружи подобно второму, грозящему бурей, своду, заслоняя дом от бледного, ослабленного туманом солнечного света, который падал на равнины внизу. Таков был дом Лив, слепой, без фундамента, с накрепко запертой дверью, безучастно торчащий на унылом скальном выступе; к крайнему дереву на опушке леса был привязан осел, он жевал высокую лесную траву и казался единственным признаком жизни. Вдруг пронзительно вскрикнула птица.

Незримое уродство. За закрытыми ставнями царил космический хаос, отходы жизнедеятельности боролись за пространство на полу и громоздились друг на друга. Пыль толстым слоем покрывала беспорядочно разбросанные книги и тарелки. Кусок хлеба, уже совершенно неопознаваемый под слоем плесени, лежал на разбитом дамском зеркальце, и паук протягивал между ними свою паутину. Одежда, бумага и крошки еды

— все было одинаково заключено в корку грязи. А над захламленным полом со стен взирали резные барельефы. В сравнении с ними их предшественники из «Дома взрастающего сына» могли сойти за отражения красоты и радости. Жуткие искривленные силуэты, тела и лица, обрубленные конечности, кошмарные пейзажи свидетельствовали о нарастающей мании их творца, о все более вязкой трясине отвращения. Если считать, как это принято, что резчики просто извлекают из своего материала уже заложенное в нем, то дерево для этих барельефов, должно быть, создали демоны, ведь оно дало жизнь поистине отвратительным изображениям.

Внутренность черного домика состояла из единственной комнаты. В клетках на полке понуро сидели куры. В комнате имелись стул и кровать, и вот что странно: эти два предмета выглядели столь же чистыми, сколь грязным был весь остальной дом. За ними ухаживали, с них вытирали пыль, а постельное белье на кровати было явно постирано. Эти кровать и стул, казалось, принадлежали другому миру.

На стуле восседала неподвижная тень.

Снова очутиться на покрытых лесом склонах означало полностью отказаться от иллюзии нор-

мальности, стряхнуть с себя дух города, безумно обыденного, обыденно безумного. Зеленый свет, сочащийся сквозь листву, очистил их души. Здесь Взлетающий Орел, высвободившись из сетей самообмана, снова ощутил осязаемую тайну горы. Она приковывала к себе внимание. Вергилий тоже был в отличном расположении духа и без слова жалобы тащил по крутому склону свои килограммы и мозоли, хватаясь за кочки и за пучки трав, подтягивая себя все выше. Воздух гудел от обилия насекомых, с неба доносились загадочные послания пролетающих птиц.

— Magister pene monstrat, — ни с того ни с сего процитировал Вергилий.

У них была короткая передышка. Взлетающему Орлу пришлось попросить разъяснений.

— В школе, — начал Вергилий, не без смущения погружаясь в воспоминания, — один юный безобразник написал это на классной доске перед началом урока. В шутку. Однако учитель воспринял написанное вполне спокойно, спросив только, отчего слово «пенис» стоит в аблативе, а не в аккузативе. Тогда грубиян, проявив изрядное мужество, встал и сказал:

— Но, сэр, здесь же аблатив конечной цели.

Они возобновили свое восхождение. Радость

от близости конечной цели — какой бы она ни оказалась — охватила и подчинила их обоих. Если уж им суждено проиграть сражение, то по крайней мере победа не достанется горе легко. В восторге предвкушения Взлетающий Орел не задумывался о том, что ему почти неизвестны правила предстоящего сражения и цели его противника. Он просто был частью похода на Гримуса, и ничто другое его не интересовало.

Рубец на груди зудел.

Взглянув на Вергилия Джонса, Взлетающий Орел заметил, что тот, когда не хватается за траву, держит пальцы скрещенными.

Немного позади скользила незаметная фигура, это Мидия следовала за ними, не отставая ни на шаг, но и не приближаясь. Они не слышали ее, потому что даже вообразить не могли, что кто-нибудь пойдет по их следам. Свистящий вой Эффекта — не звук, беспокоящий слух, а скорее навязчивое ощущение — усилился, но и Взлетающий Орел, и Вергилий Джонс, и Мидия, каждый по-своему, умели защищаться от него: Мидия — при помощи своей новой одержимости, Вергилий — благодаря давней бесчувственности, а Взлетающий Орел — благодаря иммунитету, приобретенному после победы над Лихорадкой.

Неподвижная тень на стуле услышала движение за стенами своего жилища. Это означало, что скоро придется встать. Это означало, что придется взглянуть на книгу, лежащую сейчас под подушкой. Это означало, что придется свернуть голову еще одной курице и поесть. Это означало, что придется выяснить, кто бродит там снаружи. Но пока время не пришло — можно было еще немного посидеть в темноте.

Лив часто сидела так, похожая на неподвижную каменную статую.

На выступе было холодно — холодно и сыро. День давно перевалил за середину. Взлетающий Орел остановился возле осла Лив и, лениво поглаживая животное, принялся наблюдать за тем, как Вергилий Джонс расхаживает по поляне с видом школьника, отправившегося на поиски клада.

(*— Нет, — говорил он себе, — мы не будем к ней заходить. Просто сделаем, что нужно.*)

Шестнадцать шагов вперед от края выступа. Повернуть направо. Шестнадцать шагов вправо. Остановка. Черный дом позади, безмолвный и равнодушный.

— Здесь, — сказал Вергилий Джонс. — Врата должны быть здесь.

Закрыв глаза, Взлетающий Орел попытался

совладать с поднявшейся в нем бурей эмоций. Пришла пора. Он направился к Вергилию, чей язык, словно пытаясь нащупать что-то неуловимое, лихорадочно и слепо обегал губы. Роза парализовала его чувства, поэтому сам он не мог точно определить место. Взлетающий Орел должен был стать подопытным кроликом.

— Встаньте здесь, где стою я, — велел ему Вергилий, — сосредоточьтесь и попытайтесь найти Врата.

Вергилий сделал три шага влево и торопливо скрестил пальцы.

Взлетающий Орел ринулся вперед и замер на указанном месте.

И снова закрыл глаза.

Врата, яростно принялся думать он. *Вот Врата. Я прохожу через Врата. Вот Врата. Я прохожу сквозь них. Вот Врата…*

Он повторял это снова и снова, разгоняя в себе силу, как учил его Вергилий, и ожидая, что Внешние измерения вот-вот подхватят его и перенесут к Гримусу.

Что изменилось вокруг? Подул ли легкий ветерок, которого прежде не было? Или почва под его ногами вдруг стала какой-то странной? Нужно отбросить эти мысли, они только отвлекают.

Сосредоточиться, сосредоточиться. Вот Врата, и я прохожу сквозь них.

Но ничего не случилось.

Голос Вергилия, совсем рядом, над самым ухом:

— Думай о Розе. Ты идешь к Розе.

Роза из камня. Роза приближается ко мне, я могу взять ее в руки. Я могу взять Розу в руки, взять в руки, взять в руки…

Ничего.

Он открыл глаза. Вергилий смотрел на него с тоской.

— Что вы видели? — закричал могильщик. — Гримуса? Он что, не пропускает вас? Вы не можете пробиться? Соберите всю волю в кулак. Воля, воля. Вот что нужно. Где есть воля, там есть и Путь.

— Вергилий, — тихо ответил Взлетающий Орел, — Врат тут нет.

— Но они должны быть здесь! — возразил Вергилий. — Должны. Они всегда были здесь. Я не мог ошибиться.

— Но здесь ничего нет, — сказал Взлетающий Орел глухим голосом.

— И вы не чувствовали ничего, никакой силы? — спросил его Джонс.

Взлетающий Орел покачал головой.

— У вас не появлялось такое чувство, словно… вас засасывает куда-то? — продолжал добиваться от него ответа Вергилий.

Взлетающий Орел снова покачал головой. Он чувствовал себя истощенным, опустошенным пережитым разочарованием.

Вергилий Джонс сел на землю и обхватил голову руками.

— Он перенес их.

Его голос доносился словно из глубокой пещеры. Взлетающий Орел понял, что это конец. Не успев толком начать, они проиграли. Невыразимая горечь поднялась в его душе.

— Вы не знали этого? — спросил он. — Не знали, что Гримус может передвинуть Врата?

Заслышав в голосе Взлетающего Орла печальный укор, Вергилий Джонс поднял голову.

— Теоретически я допускал это, — ответил он. — Но только теоретически. На практике же… Наверно, за это время он многому научился. Построить Врата стоило таких усилий. Такой боли. Это совсем не так просто, понимаете? По крайней мере так было раньше. Я не думал, что он пойдет на это.

— Значит, не думали? — переспросил Взлетающий Орел, и адреналин в крови наполнил

его голос издевкой. Вергилий только взглянул на него в ответ, и глаза его были как у побитой собаки.

— Мы найдем Врата, — без выражения произнес он. — Он не мог перенести их далеко. Я не верю, что он стал настолько искусным. Нужно просто пошуровать немножко в округе. Все в порядке, они где-то здесь. Мы найдем их.

— Да, — ответил Взлетающий Орел и повернулся к черному дому.

В дверях дома стояла фигура, укрытая черной тканью с головы до ног, с окошком на уровне глаз.

— Я знала, что ты придешь, — ровным голосом произнесла Лив.

Вергилий Джонс бродил, пошатываясь, по маленькому плато и что-то приговаривал себе под нос. Время от времени он останавливался и, зажмурившись до того плотно, что из уголков глаз начинали сочиться слезы, застывал в параличе мысли. Потом открывал глаза, тряс головой и снова нетвердым шагом пускался в путь. Врата по-прежнему ускользали от него.

— Неужели он воображает, что я не пыталась их найти? — произнесла Лив. — Неужели он воображает, что я все это время торчала здесь

просто так? Причин ненавидеть Гримуса у меня не меньше, чем у него. И он что же, считает Гримуса глупее себя, дурень?

Наигранное спокойствие ушло из ее голоса, теперь в нем отчетливо было слышно устрашающее напряжение страсти. В словах Лив было столько яда, что позавидовала бы змея.

— Взгляни на него, Взлетающий Орел, — сказала она. — Взгляни на Вергилия Джонса, твоего проводника и моего мужа, одинаково бездарного и в том и в другом качестве. Я смотрю на него и вижу такого же слепо одержимого человека, как и остальные обитатели К. А что видишь ты? Я вижу человека, который гоняется за тенью. А что видишь ты? Заходи в дом, Вергилий! — позвала она. — Может, я спрятала твои Врата здесь. Заходи и поищи их в доме.

Вергилий Джонс продолжал ковылять с одного пустого места на другое, тут и там крепко зажмуривая глаза. Возможно, он даже не услышал Лив.

— Сейчас ты узнаешь о Вергилии Джонсе всю правду, — обратилась тогда она к Взлетающему Орлу. — Тебе давным-давно пора понять, какого дурака ты свалял, поверив ему.

Они немного постояли, молча глядя на Вергилия, который что-то бормотал и ковылял вокруг,

силясь преодолеть разрыв между желаемым и действительным, — переполненная ненавистью Лив и бледный Взлетающий Орел, отмеченный шрамом. Их жизни разделяли огромные пропасти, Взлетающий Орел почти физически ощущал их протяженность. Но именно эти провалы, а также слабость, слепота и ненависть поневоле связывали их, соединяя воедино.

Лив резко повернулась и ушла в дом. Помедлив мгновение, Взлетающий Орел вошел следом, оставив усталого Вергилия Джонса, беспомощного и раздавленного, бродить, разговаривая с самим собой, снаружи. День клонился к закату.

Мидия, спрятавшись у края лесного склона, тихо плакала, сочувствуя их беде.

— Он предупреждал тебя о Лихорадке измерений? — спросила его Лив. — Нет? Думаю, он хотел, чтобы ты переболел ею, поскольку лишь таким образом он мог сделать из тебя того человека, который был ему нужен. А говорил он тебе о том, какой опасности ты можешь подвергнуться, с таким-то лицом, в К.?

— Что не так с моим лицом? — поинтересовался озадаченный Взлетающий Орел.

— Так он даже об этом умолчал, — промолвила Лив.

Голова под вуалью покачала головой; в голосе зазвучало презрение:

— Уже дважды он подвергал твою жизнь опасности. И собирался сделать это снова. Так он и вправду ничего тебе не сказал?

— Вергилий дважды спас мне жизнь, — ответил Взлетающий Орел. — И я сам согласился идти сюда. Так что там с моим лицом?

— Бедный глупый мальчик, — произнесла Лив, укладываясь на кровать.

Взлетающий Орел осторожно сел на стул, стоящий посреди всей скопившейся в доме грязи.

— Бедный глупый мальчик, — повторила Лив. — Ты похож на Гримуса как две капли воды. Возможно, ты чуть моложе, кожа твоя чуть бледнее, но сходство все равно потрясающее. Именно это в первую очередь и привлекло к тебе Гримуса, а ты как думал? Его интересовала не Птицепес. А ты. Рожденный-от-Мертвой.

Она очень много обо мне знает…

— Сиспи, — догадался он. — Сиспи и Гримус — это один и тот же человек?

Темная фигура на кровати кивнула.

— Но если я так похож на него, — спросил теперь Взлетающий Орел, — почему Птицепес мне ничего не сказала? Она обязательно упомянула

бы об этом… мы тогда были очень близки.

— Гримус, — ответила Лив, — великий обманщик. Он мог легко изменить внешность. Даже не сомневайся, бедный глупый двойник. Именно твое лицо заворожило его. Но досталась ему Птицепес.

Последовал взрыв жестокого смеха. Лихорадочно переваривая услышанное, Взлетающий Орел понял, что ему хочется увидеть скрытое под вуалью лицо.

— Да, и еще, — сказала Лив, — Гримус — очень привлекательный мужчина. Возможно, это откроет тебе глаза кое на что.

Деггл называл его красавчиком.

Вы не тот, кем кажетесь… — сказала ему Ирина.

Грибб стоит в изножье его кровати и приговаривает: «Замечательно. Замечательно».

Узнавание в направленных на него взглядах в «Эльбаресто», Пекенпо, сказавший с особой интонацией: «Мистер Джонс и незнакомец».

Призрак Каменной розы.

Призрак Гримуса.

Вот почему Ирина Черкасова мгновенно воспылала к нему страстью. Вот почему он привлек Эльфриду. Вот почему Мидия не могла оторвать

от него взгляд. Вот почему он сразу же не понравился Иокасте. Он жил под чужой личиной, пожиная и плоды, и бури судьбы другого. Вот почему.

— Вижу, ты многое начал понимать, — сухо заметила Лив и лениво потянулась в кровати. — Видеть, как правда действует на людей, никогда не надоедает.

— Правда, — прошептал Взлетающий Орел.

— А теперь, — продолжила Лив, — я расскажу тебе правду обо мне. Я расскажу тебе все, потому что ты изголодался по правде. Вот правда о Лив: она ненавидит Гримуса. Она ненавидит Вергилия. Она ненавидит эту адову гору.

— Но продолжает жить на ней, — заметил Взлетающий Орел.

— Ненависть, — ответила Лив, — это самое близкое к власти, что есть на свете. А от власти так легко не отказываются.

Взлетающий Орел открыл было рот, чтобы ответить, но Лив не позволила.

— Пора взглянуть на книгу, — сказала она и сунула руку под подушку.

Сидя в этой грязной комнате, низведенный до положения пешки в чужой игре словами скрывающего свое лицо оракула, без надежды на

искупление, подтверждением чему было потерянное бормотание за окном, Взлетающий Орел узнал историю острова Каф; он узнал ее, когда уже решил, что ничего изменить не сможет. И как обычно, он ошибался.

Развешанные по стенам резные изображения видели, как Лив достала из-под подушки очень, очень старую записную книжку, которая была завернута в грубую черную ткань.

— В те времена, — объяснила она, — Вергилий вел дневник. Это интересное чтение.

Одна из куриц на полке невпопад закудахтала.

— Сейчас я прочту из него, — сказала Лив и принялась читать текст по памяти. По памяти — потому что в комнате было темно и становилось все темнее с каждой секундой наступающего вечера, так что даже самый слабый свет угасал. Лив помнила дневник Вергилия наизусть.

День Меркурия, 19 июня

Мои дневники всегда были мне друзьями. Письменное слово гораздо постояннее людей. И честнее. В нем, точно в зеркале, всегда можно ясно увидеть свои недостатки, но оно показывает их без всякой злобы. Это дружба, если угодно.

Хочу предупредить вас, мой друг, что сегодня вам придется быть более понимающим, чем ко-

гда-либо. Я собираюсь поведать вам о событиях, неверие в которые можно было бы с легкостью простить. Но вы должны мне поверить.

В делах людей прилив есть и отлив, с приливом достигаем мы успеха[7]. Дорогой Брут. Наверное, он был прав. Ясно одно: сейчас самый высокий прилив в моей жизни. Впрочем, связь между приливом и успехом все же довольно сомнительна. Однако я никак не перейду к сути. Возможно, мне просто не хочется начинать. Но начать надо.

Мои старые неудачи вам известны: чистейшая лень и легкий, как бабочка порхающий от одного предмета к другому, ум помешали мне претворить мои археологические планы в жизнь. Праздность, по иронии, может привести прямиком к физическому труду. Но долги нужно оплачивать, а я умею копать. Пусть теперь я и не раскапываю, а закапываю. Себя я сейчас вижу выполняющим полезное для археологов дело — шпигую почву материалом будущих исследований. Мне приходится так думать: других достоинств в моем нынешнем занятии я не нахожу.

Как вы уже знаете, на нынешнюю работу меня устроил Николас Деггл. Вчера он заходил ко мне.

---

[7] Примечания: 7

Отрывок из трагедии Уильяма Шекспира «Юлий Цезарь». *Пер. Мих. Зенкевича.*

(Приношу свои извинения за то, что тогда ничего не написал. События не давали мне свободно продохнуть.) Думаю, Деггл пришел посмеяться надо мной, как он любит. Это его самая неприятная черта. Но, вероятно, для кредитора вполне простительная. И, вероятно, объяснимая, если принять во внимание то, чем я тут занимаюсь.

Дело в том, мой друг, что я не просто копаю могилы, я копаю их для домашних животных! Я предавал земле бесчисленное количество спаниелей, любимцев семьи, и горько оплакиваемых кошечек. Говорят, всем приходится с чего-то начинать. Нельзя придумать более скромного начала.

Место на кладбище домашним любимцам отведено на самом краю, у лесной чащи. Похоронив третьего за день песика, я направился к деревьям, чтобы сделать перерыв на скромный обед: два печенья и кусок сыра. И там я вдруг увидел Это.

Поначалу я решил, что это какое-то заброшенное надгробье. Но при ближайшем рассмотрении я отверг это простое объяснение. Предмет, целиком вырезанный из камня, был высотой с человека. Внешними контурами он напоминал Розу сложных очертаний, поэтому мы теперь так и называем его: Каменная роза.

Роза стояла прямо посреди зарослей кустарника. Не думаю, что кто-то хотел спрятать ее там специально. Просто она *была* там, и все. Расчищая себе путь, я сильно оцарапал руки и порвал рукав куртки.

Именно здесь, мой друг, вам нужно сдержать свое недоверие. Я дотронулся до Розы, и случилось нечто по-настоящему ужасное. Голова закружилась, перед глазами возникли странные образы. Должно быть, я потерял сознание. Очнувшись, я обнаружил, что лежу на земле возле Розы, в пыли и с новыми царапинами. К стыду своему, должен признаться, что первым моим желанием было броситься наутек. Я вернулся к работе и закопал еще несколько животных. И тут появился Деггл. Раздраженный его снисходительным тоном, я отвел его к Розе. Мне хотелось увидеть, окажет ли она на него такой же эффект, как на меня. Если Деггл тоже вырубится, то наверняка быстро оставит свои насмешки.

Так и вышло. Чтобы привести его в чувство, мне пришлось щедро плеснуть ему в лицо водой. Должен сознаться, что, возможно, при этом я использовал больше воды, чем было нужно.

Испуганные и потрясенные, мы вышли из леса и обнаружили, что за нами наблюдает высокий

светлый мужчина, на вид не то чтобы очень старый, но производящий впечатление какой-то древней умудренности. По моему мнению, незнакомцу за пятьдесят, он очень хорошо сохранился, но при этом кажется старше. Если это не слишком оксюморонное утверждение. Мужчина явился с просьбой похоронить райскую птицу с очень ярким оперением. Незнакомец сказал, что его зовут Гримус; судя по акценту, он родом откуда-то из Центральной Европы, беженец, без сомнения.

Должно быть, мы выглядели довольно жутко, потому что он почти сразу спросил, не случилось ли чего. Выслушав наш короткий рассказ, в продолжение которого его интерес только возрастал, он пошел за нами в лес и там прикоснулся к Розе. Он отшатнулся от нее и схватился руками за голову, но сознания при этом не потерял, что моментально наделило его неким старшинством над нами. Возможно, поэтому мы согласились с его просьбой молчать о находке, пока не поймем лучше, что такое Роза.

Гримус пригласил нас к себе домой тем же вечером, чтобы продолжить беседу. Уже тогда казалось, что мы вступили с этим человеком в заговор. Когда моя работа подходила к концу, он вернулся на кладбище с пустым гробом. При

помощи веревок и палок мы извлекли Розу из земли и уложили в гроб, не прикасаясь к ней. Гримус пригнал к лесу «универсал», и мы, словно трое расхитителей могил, вынесли с кладбища наше сокровище, ощущая себя преступниками, хотя и не совершили никакого преступления.

Дом Гримуса находится в пыльном районе на юго-западной окраине города. Дом этот, пыльный не только снаружи, но и внутри, битком набит разными диковинными предметами и книгами. Полно чучел птиц и доказательств того, что Гримусу довелось повидать мир. Повсюду картины, как мне кажется, в восточном стиле, и в подавляющем большинстве на орнитологические темы. Гримус очень интересуется мифологическими птицами и, что любопытно, сам, когда начинает говорить, становится похож на птицу: он похожим образом взмахивает руками, а его голос напоминает торопливое щебетание. На дилетантском уровне я разделяю интересы Гримуса, к тому же он обладает способностью заражать своей страстью слушателей, так что нам с Дегглом скучать не приходилось.

Гримус — это не его настоящее имя. Он признался нам в этом совершенно откровенно. Новое имя ему пришлось взять потому, что прежнее

было совершенно непроизносимым на языке нашей страны, куда он прибыл около тридцати лет назад. Верный себе, он выбрал имя, анаграмматически отсылающее к мифической птице — Симургу.

— Симург — это царь всех птиц, — с жаром растолковывал он нам. — Она огромная, всемогущая и единственная в своем роде. Симург включает в себя всех остальных птиц. В одной суфийской поэме рассказывается о том, как тридцать птиц решают разыскать Симурга и отправляются на гору, где он живет. Когда они достигают ее вершины, то обнаруживают, что они сами и есть Симург или, вернее, стали Симургом. Само имя Симург может быть переведено как «тридцать птиц». «Си» — значит «тридцать». «Мург» — «птицы». Это увлекательно, очень увлекательно. Миф о горе Каф.

— Хаф? — переспросил Николас Деггл.

— Нет, Каф, — отчетливо произнес Гримус. — Так произносится арабская буква К[8].

---

[8] Примечания: 8

Хочу отметить, что в латинском алфавите эта арабская буква не имеет прямого аналога. Ее часто передают как Q, но на самом деле это гортанная смычка, точное обозначение для которой отсутствует. Поэтому я решил называть ее здесь просто как К, даже рискуя вызвать путаницу с совершенно другой буквой. Причина тому очень простая — это единственный способ, каким я могу сам произнести эту букву. У пуристов мне не будет, конечно, прощения, но что поделаешь. — *Прим. автора.*

Было видно, что Гримус способен болтать так дни напролет, но Деггл прервал его, напомнив о Розе.

— Ах, да! — воскликнул Гримус. — Роза. В Розе заключена Сила.

— Вы оккультист? — спросил я разочарованно. Оккультизм всегда нагонял на меня тоску. Уж очень он безрадостный.

— Не совсем, — прощебетал в ответ Гримус. — Я просто широких взглядов — вот и все. Если Роза заключает в себе Силу, то нам необходимо узнать, что это за Сила.

— Откройте гроб, — сказал он мне.

Его приказной тон мне не очень понравился, но я все же не стал возражать. Гримус сделал шаг к Розе и, прежде чем мы успели понять, что он собирается сделать, крепко схватил ее за стебель. Испустив громкий крик боли, он не ослабил хватки. Я отчетливо увидел, как его зрачки расширились до предела.

Потом Гримус исчез. Роза осталась на месте, а хозяина особняка нигде не было — могу поклясться чем угодно. Он мягко и беззвучно исчез.

Прошло несколько минут, и наконец Гримус появился, сияя и весело качая головой.

— Чудесно, — сообщил он нам. — Воистину

чудесно.

Я посмотрел на Николаса Деггла, а тот — на меня.

— Вы тоже должны испытать это, — сказал нам Гримус. — Просто обязаны.

В конце концов мы проделали то же, что Гримус, но только после того, как изрядно подкрепились превосходным хозяйским бренди. И мне, и Деггу, нам обоим было страшно, но ручаюсь, что Деггл боялся сильнее. В конце концов, ему было что терять — он мог лишиться своего авторитета начальника. А Деггл не из скромных людей.

Я пока не могу описать вам планету Язлем. Сначала я должен составить о ней более полное представление. Скажу только, что нам довелось пережить путешествие сквозь… что? Не знаю, но мы встретились с формой разумной жизни, значительно превосходящей человеческую. Мир внезапно наполнился удивительными возможностями.

И это я, я был первооткрывателем всего этого!

— Следующие несколько страниц я пропущу, — строго объявила Лив. — Здесь содержится описание путешествий Джонса.

Комната уже полностью погрузилась во мрак. Взлетающий Орел завороженно слушал мерный

речитатив.

День Луны, 1 июля

Сегодня Гримус совершил знаменательное открытие и предложил великий замысел. Должен признаться, величие этого замысла потрясло меня. Деггл был мрачен и молчалив и, как мне кажется, отнесся к предложению Гримуса неодобрительно; но Роза держала его в своей власти так же крепко, как и всех нас. Хотя он и отказался пользоваться ею после первого посещения Язлема.

— У нас хватает проблем, — говорил он, — и без всяких фокусов.

И все же Деггл продолжал приходить: он являлся каждый вечер, когда мы собирались у гроба в гостиной Гримуса, готовясь к новым путешествиям при помощи процесса Концептуализации, объясненного нам Абажем. Деггл приходил и мрачно наблюдал за тем, как мы с Гримусом по очереди отправляемся в неописуемые миры.

Я очень быстро освоился в этой новой вселенной и чувствовал себя совершенно нормально в экзотическом пригородном доме Гримуса, наблюдая, как человек исчезает и появляется словно из ниоткуда, а затем проделывая вслед за ним то же самое! Очевидно, что, как и Гримус, я тоже

широких взглядов (слова Гримуса). К счастью. Но сегодняшний день приберег для моих широких взглядов тяжкое испытание. Вернувшись из своего Путешествия, Гримус принес с собой кое-что. Первый случай, когда предмет из чужого мира попал в наш мир. Гримус принес с собой две бутылочки. В одной из них была желтая жидкость. В другой — голубая.

— Желтая жидкость для вечной жизни. Голубая для вечной смерти, — сказал он.

Эти две бутыли и были его великим замыслом. Так он сам сказал. По крайней мере, насколько я помню.

— С сегодняшнего дня, — объявил он нам со своим легким славянским акцентом, — в наших руках находится величайший дар жизни. Это огромная ответственность, но я предлагаю принять ее. Первый обязательный шаг — вкусить от этого дара самим. Второй обязательный шаг — выбрать кандидатов. Для отбора я предлагаю такие критерии: те, кто жаждет жить, и те, чья работа может принести пользу в веках. Одним словом, все те, кто не только получит выгоду от более долгой жизни, но и будет стремиться к ней. Третий обязательный шаг — создать прибежище. Место, куда смогут прийти те, кто устал от мира,

но не от жизни.

— Одну минуточку, — подал голос Николас Дегл. — Каким же волшебным образом мы разыщем всех этих людей?

Вместо ответа Гримус опустил руку в карман плаща, который он обычно надевал во время своих Путешествий, и достал оттуда Водяной кристалл.

— С помощью этого Кристалла, — объяснил он, — и точной настройки Розы мы сможем наблюдать за жизнью тех, кого подвергаем Концептуализации по методу Абажа. Проще говоря, нам будет достаточно сосредоточиться и представить себе желаемый тип кандидата, и такой человек появится в Кристалле, как на экране телевизора. После этого, еще раз настроив Розу, мы переместимся к этому человеку сами.

— Предлагаете поиграть в Бога? — сказал Дегл. — Опасная игра, вам не кажется?

— По-вашему, мы должны поделиться нашим открытием с властями? — резко спросил Гримус. В его голосе ясно слышались горечь и злоба, порожденные, очевидно, печальным опытом общения с власть имущими, приобретенным до того, как он стал Гримусом-птицечеловеком. (Свое настоящее имя он так нам и не открыл.) —

Вы бы предпочли оказаться в сумасшедшем доме? Или следить за тем, как правительства используют наш дар, чтобы делать оружие и вести войну? Либо мы сами беремся за дело, либо забываем о нем навсегда. Хочу сказать вам только одно: оставлять без пользы знание такого масштаба не просто преступно. Это грех.

Лив перелистнула еще несколько страниц. Каждую она переворачивала не торопясь и с большой тщательностью, хотя, пока говорила, не заглянула в записную книжку ни разу.

Мы строили мир. Невозможно сказать, *нашли* ли мы наш остров или *создали* его. Я склоняюсь ко второму, Гримус — к первому. По его мнению, техника Концептуализации просто выявляет реальные сущности, которые совпадают с задуманными концептами. Я же в этом не уверен. Как бы там ни было, но теперь мы владельцы острова, настоящего райского уголка, плодородного и покрытого буйной растительностью. Гримус дал ему имя. Остров Каф. Гора в центре — гора Каф. В его произношении слышались и гортанная смычка, и плоская арабская гласная, но ни я, ни Деггл не могли совладать с этими звуками, так что низвели название острова до простого

Каф. Каф — как звезда. Но какая? Яркая? Золотая? Время покажет.

Теперь, что касается населения острова: все свое время Гримус проводит у Водяного кристалла. И успел сделал замечательное открытие: каждый новый человек, которого Кристалл показывал ему, происходит из другого измерения, пускай разница совсем неуловима, и существует в едва отличающемся *потенциальном сегодня*… тоже слова Гримуса. Возникнет ли проблема с ассимиляцией в едином обществе иммигрантов из разных, по сути дела, миров? Гримус смотрит в будущее с оптимизмом. Разница слишком незначительна, говорит он мне, чтобы это имело значение. Хотелось бы верить, что он прав.

Лив перевернула еще одну страницу.

Остров Каф, день первый
День Луны, 1 января

Дата выбрана случайно. Если уж приходится начинать, то лучше начинать с самого начала. Мы находимся на острове Каф, в городе, названном просто К. Гримусу нельзя отказать в гениальности: путем искусной настройки Розы он подготовил все так, чтобы все, кто пожелал поселиться на острове Каф (Гримус тщательно

проверял всех кандидатов), оказались в К. в один и тот же день независимо от того, в какой момент жизни они в своем измерении приняли такое решение. По его словам, это было обычным *уравнением времени,* и я ему верю. Неувязка вышла только одна. Время прибытия философа Игнатия Грибба и его жены Эльфриды было высчитано неверно, так что на острове их пока нет.

Встреча членов сообщества проходит как нельзя лучше. Повсюду царит дух радости, ощущение рая. Мы бессмертные, и это наш Олимп. День, когда я согласился работать могильщиком на кладбище домашних животных, был, наверное, самым удачным днем в моей жизни.

Еще несколько страниц пропущено. На этот раз, когда Лив заговорила снова, в ее голосе прозвучало напряжение, которого прежде не было.

День Венеры, 26 января

Сегодняшний рассказ будет посвящен двум женщинам. Скажу сразу, для меня это счастливая история.

Лив Силвэн — шлюха. Исключительная шлюха. (Любопытно, как много на острове Каф собралось шлюх. Должно быть, эта деятельность по-настоящему приносит удовлетворение.) Лив радуется

тому, что красива, и любит работать своим телом. Стыд Лив не знаком. Кроме прочего, она обладает талантом руководить. Бордель с первых же дней оказался под ее началом. Единственной, так сказать, оппозицией Лив была Иокаста. Она вторая по старшинству в борделе. Иокаста тоже мне нравится. Но Лив… в общем, Лив есть Лив.

Должен сознаться, до знакомства с Розой я никогда не был тем, кого принято называть половым гигантом. При всей моей тучности мне скорее подошло бы определение «пигмей». И я никогда не винил в этом дам, этих милых сладких сисясто-попастых созданий. Кто захочет лечь под меня и быть раздавленной? Но Роза придала мне уверенности. Я посетил миры, где толстые мужчины были так же востребованы, как и рубенсовские дамы. Я, гроза титек. Вергилий Джонс, секс-символ! Поистине замечательно!

Я не могу до конца поверить, что Лив Силвэн хочет меня. Но она так сказала, а обвинять ее во лжи у меня язык не поворачивается. Итак, Лив желает меня. Но почему? Во имя неба, почему? Она говорит, что готова оставить свою работу и заниматься хозяйством в нашем с Дегглом и Гримусом доме. Понять этого я не могу. Но дареному коню в зубы не смотрят. День, в который пре-

красная женщина говорит, что хочет уродливого мужчину только потому, что тот ей *нравится,* воистину счастливейший.

Мы собираемся пожениться. В свое время Гримус, по всей видимости, носил священнический сан и проведет церемонию по обряду нашей церкви, хоть я и не особенно набожный. Но брачная церемония — это весело.

Что касается Гримуса… он та еще птица, должен заметить. Я никогда не был знатоком мужской привлекательности и сказал бы, что из нас троих лучше всех выглядит Деггл. Но, судя по всему, нет. Любимцем и шлюх (за исключением моей Лив), и фермерских женушек, и русской княгини стал Гримус. Однако он не проявляет к ним никакого интереса. Это объясняется его монашеским прошлым. У него есть опыт безбрачия. Возможно, поэтому он так и притягателен для женщин. Его не так-то просто заполучить.

Женщина из племени аксона по имени Птицепес самая настойчивая. На редкость простая и доверчивая, она всюду ходит за Гримусом по пятам, оправдывая собачью часть своего имени. Гримус совсем не обращает на нее внимания, хотя она лебезит перед ним как может. Птицепес наверняка видит в нем своего рода шамана — и

поклоняется ему, бедное, бесхитростное дитя. Но ей это когда-нибудь надоест.

Появление Птицепес на острове связано с интересными обстоятельствами. Гримус одно время стал одержим идеей поиска собственного двойника. «По логике вещей, — говорил он, — в бесконечной вселенной должна найтись моя точная копия. Но это мне не интересно. Мне нужно лишь определенное сходство. Подобие такого рода, которое бы одновременно содержало и что-то совершенно чуждое».

Когда в туманной дымке Кристалла замаячило плато аксона, Гримус возликовал. Но все случилось не так, как он рассчитывал. Брат Птицепес еще не выбрал остров Каф. И неясно, выберет ли вообще. Может, да, а может, и нет.

Возможно также, Гримус не очень-то и хотел видеть его здесь. В планы Гримуса не дано проникнуть никому.

Лив быстро перевернула несколько страниц.

День Марса, 5 апреля

Все летит под откос. Я чувствую это. Атмосферы радости больше нет. Если ничего не изменится, жизнь на острове потеряет смысл. Но Гримус со мной не согласен. «Это Великий эксперимент, —

говорит он. — Неудача исключена». Лично я не уверен, что Гримус сумеет удержать всех нас вместе только силой своей воли. Вечность — это слишком долго.

Кроме того, мы втроем никогда не проверяли, готовы ли сами к такой жизни. То, что мы заслуживаем бессмертия, было принято нами безоговорочно, и точно так же безоговорочно мы избрали остров Каф своим убежищем. Возможно, мы полностью ошибались.

Самоубийства все разрушают. Вот в чем дело. Гримус из-за них в ярости. Зачем эти люди вообще оказались здесь, говорит он. Они должны были спокойно выпить свои голубые бутылочки где-нибудь в другом месте. Они не имели права убивать себя здесь. Деггл сказал, что согласие поселиться на острове Каф очень напоминает вступление в брак. Огромное количество людей разводятся вне зависимости от того, какой страстью они пылали друг к другу, когда шли под венец.

После случаев самоубийства среди горожан появились недовольные нами. Деггл на их стороне. Прав ли он? Нет, я уверен в этом. Все сделали свой выбор свободно. Нашей вины нет ни в чем.

Напоминает вступление в брак… Само собою, я

был слеп. Лив меня не любит. Я знаю это. Я знал это и раньше. Но все же думал, что симпатичен ей.

Единственное, что любит Лив, — это власть. Она желает существовать вблизи средоточия власти. Ей нравится быть рядом с Гримусом. С моей помощью это ей удалось. Но всему приходит конец. Раю приходит конец. Мы больше не занимаемся любовью. Лив без конца разговаривает с Гримусом.

Вот что я подслушал:

— Ваше имя, — сказал Гримус, — если записать его латинскими буквами, — LIV. В латинском же исчислении это означает пятьдесят четыре. Мне было пятьдесят четыре года, когда я выпил Эликсир. Числа связывают нас.

Я знал, что Гримус интересуется нумерологией. Но просто ли это мистическая связь, его монашеские штучки? Я быстро превращаюсь в ревнивца. Лив говорит, что у меня нет причин ревновать. Конечно, она права. Ведь между нами ничего нет.

Все летит под откос.

День Юпитера, 1 мая

Mayday, m'aidez. Великий замысел дал трещину, и трещина пролегла между всеми нами. Мой до-

рогой друг, я изо всех сил буду стараться излагать события беспристрастно, но не уверен, что у меня получится.

Деггл начал это. Насилие.

Закончила Лив.

Но сначала о начале. Начнем с начала и будем продолжать до тех пор, пока не достигнем конца, после чего можно будет остановиться. Звучит как руководство к действию. Итак, начало. Два дня назад. Меня разбудил ужасный грохот в Комнате Розы. Я помчался туда так быстро, как позволяла моя комплекция. Гримус был уже там, стоял над Розой в своей нелепой ночной рубашке и смешном колпаке, похожий на огромного, разъяренного гоблина. Он во все глаза глядел на место бедствия.

Роза лежала на полу, а ее стебель торчал из-под гроба, перевернутого вместе с нашей драгоценностью! Над гробом склонился хмурый Деггл.

Я уже некоторое время ощущал, что с Дегглом что-то не так, и нередко задумывался о том, в какой степени растущее недовольство горожан — следствие его происков. В К. наступил период разочарования. Кроме самоубийств (которые, слава богу, вроде бы закончились), было отмечено несколько случаев самоизгнания. Люди предпо-

читали жить где угодно: в чаще леса на склонах горы, лишь бы не в городе. К. стоял недовольный, выставленный на посмешище. Мне представляется естественным — да поможет нам бог, — что горожане могут во всем винить людей, которые создали остров. Но насилие… слухи о планах разрушения инфернальной машины Гримуса… а я-то думал, что мы распрощались с насилием. И сама Роза… Я уже не знаю, что о ней и думать.

Контроль. Контроль.

Деггл большую часть дня обычно просиживал в «Эльбаресто». Возможно, он видел себя своего рода спасителем. Народным мессией. Освободителем. Мы с Деггломом всегда недолюбливали друг друга. Возможно, наша вражда была гораздо глубже, чем мы сами предполагали.

Но все равно. Мы застали его за попыткой сломать Розу! Гримус быстро опомнился от шока и, продемонстрировав невероятную силу, вышвырнул Деггла вон из комнаты.

— Ее нужно проверить, — объявил он мне и остаток ночи провел возле Розы, настраивая ее, приводя в действие и останавливая. Уже рассвело, когда он с облегчением сообщил, что никакого ущерба Розе нанесено не было.

Никакого ущерба!

— Но это не должно повториться, — добавил Гримус. Такую ярость в его голосе я слышал только однажды — во время его краткой диатрибы против властей. — На острове Роза — самая ценная вещь, — продолжал он. — Я не могу ею рисковать. Вы поможете мне?

Пылкий блеск его глаз под тяжелыми веками захватил меня.

— Как? — спросил я.

— В одиночку я, скорее всего, ничего не смогу сделать, — ответил Гримус. — Потребуется наше совместное волевое усилие. Вместе мы изгоним вандала с острова. Ночью я посетил Абажа и он показал мне один метод. Но это не просто.

Не буду вдаваться в подробности последующего спора. Скажу только, что к тому моменту, когда мы зашли в Комнату Розы, я уже с Гримусом во всем согласился. И тут вдруг я ощутил странное беспокойство.

Как мне объяснить это? В комнате возникло некое новое ощущение, что-то вроде едва слышного воя. Нет, не в комнате. *У меня в голове!* Вблизи Розы он был сильнее всего. Я сразу же встревоженно спросил об этом Гримуса. В ответ он махнул рукой: этот звук никаким образом не отражается на действии Розы.

– *Это просто какой-то свист,* — сказал он. — Ашквак Абаж не изъявил по этому поводу никакого беспокойства.

Гримус настроил Розу и, сосредоточившись на нашем намерении, мы начали повторять такую фразу: IXSE SIXITES SIXE IXSETES EXIS EXISTIS. Как я полагаю, это был один из вариантов формулы SISPI для Путешествий между потенциальными сегодня.

С тех пор о Деггле на острове Каф ни слуху ни духу. По всей видимости, заклинание Гримуса сработало. Куда мы отправили Деггла, я понятия не имею, но он исчез. Без сомнения, при желании можно разыскать его с помощью Водяного кристалла. Но меня такое желание не посещает. По крайней мере пока.

Сеансы взаимодействия с Розой мне всегда представлялись чем-то вроде ритуалов. Очень уж не механистически все выглядит. Так вот. Как только наш тогдашний ритуал подошел к концу, я почувствовал, как у меня закружилась голова. Со мной точно что-то было не в порядке.

— Недостаточно изгнать Деггла, — говорил Гримус. — Нужно перенести Розу в безопасное место. И у меня есть план.

Я едва различал его слова… Голос то становился

громче, то затихал, но вот совсем затих.

(Теперь, Вергилий, возьми себя в руки и спокойно расскажи, что было дальше.)

Свистящий вой. Каким-то образом всему виной был этот свистящий вой, я знал это наверняка. Все это время я держал руки на стебле Розы, был к ней так близко. Любопытно, почему Гримус перенес все без последствий…

Вой ворвался в мою голову и наполнил ее формами, призраками, чудовищами и кошмарами. Ужасами. *Ужасами.* Я пытался спастись, но спасения не было. Все это происходило *внутри* меня.

Галлюцинации? Нет, образы казались слишком реальными и они способны были причинять боль. Я не стану описывать здесь те адские картины, которые я видел, чувства, которые испытывал, бездны, куда проваливался. Это было так, словно целое воинство ужасов выбралось наружу из темных уголков моего воображения, словно самые сокровенные мои страхи обрели плоть. Страшно, как же страшно. Нет, я больше ничего не напишу про эту… Лихорадку измерений. Так эту болезнь назвал Гримус.

Когда я пришел в себя, то обнаружил, что лежу на полу в Комнате Розы, а Гримус сидит рядом и озабоченно смотрит на меня. Он спас меня:

настроил Розу на мои координаты и заставил вернуться из глубин собственного бытия. Значит, Роза может не только причинять страдания, но и исцелять. Однако сейчас она пугает меня как никогда раньше.

Больше всего меня пугает то, что теперь я не в состоянии ее использовать.

Гримус хотел, чтобы я снова покорил Розу, как альпинист покоряет гору, с которой один раз сорвался. Он настроил Розу на Язлем, и мы вместе ухватились за стебель.

Но я остался там, где был! Как я ни старался, Роза мне не подчинялась.

Мой разум словно парализовало. Не дающий покоя вой утих, но мое сознание закрылось и от бессчетных вселенных, которые я еще не успел увидеть. Все, что у меня теперь есть, — это остров Каф. Какое же это жалкое владение.

Далее буду краток, иначе могу пустить слезу.

Впервые используя Розу для Путешествия внутри измерения, Гримус перенес себя — а вместе с собой и Розу — на вершину горы Каф. Ценой огромных усилий он сумел отгородить подступы к пику двойным барьером: видимым, из густых облаков, которые навечно скрыли его от наших глаз, и своего рода силовым полем, непреодоли-

мым для человека. К Гримусу ведут лишь одни Врата. Он показал мне их на тот случай, *если положение улучшится*. Оно не улучшится.

Уход Гримуса положил конец моему — нет, не браку — сожительству с Лив. Мне пришлось наблюдать унизительное зрелище, как моя жена умоляет, заклинает Гримуса взять ее с собой. Но женоненавистник Гримус отказал ей. Я с удивлением обнаружил, что обозлен: ведь своим отказом он… оскорбил мою жену! Вообразите, друг мой, как низко я пал.

Представьте себе ярость Лив, когда вместо нее Гримус взял с собой эту женщину, Птицепес. Хотя выбор его легко объясним. Гримусу нужна служанка, а не любовница. Думаю, что из слепо преданной ему индианки выйдет отличная прислуга. Она смотрит на Гримуса как на полубога.

Когда Гримус наконец покинул нас, весь гнев Лив излился на меня. Она сказала мне немало таких жестоких слов, что у меня рука не поднимается написать их на этих страницах. Она презирает меня за то, что я не чета Гримусу, хотя я никогда не утверждал обратного. Презирает за умственный паралич, из-за которого лишилась его компании. Она не хочет иметь со мной никаких дел. В ее глазах я просто жалкий толстяк.

Вероятно, она права. Да. Вероятно, она права.

Дом, в котором мы с ней жили, теперь пустует. Лив переселилась на гору, чтобы быть как можно ближе к Гримусу, это очевидно. Но Лив не знает, где Врата, и не догадывается о том, как близко к ним находится. Но, даже если бы она нашла Врата, Гримус не позволил бы ей пройти в них. Теперь он будет зорко следить за островом при помощи Водяного кристалла, защищать Розу и свое уединение. Кроме Розы, его ничто не интересует.

Обо мне заботится Иокаста. Мы с ней давние друзья. Подозреваю, что между ней и Лив случился разлад. И поскольку Лив отвергла и оскорбила меня, Иокаста приняла меня под свое крыло. Но гадать о мотивах — сущее мучение; если мне предлагают дружбу, а ее принимаю.

Mayday, действительно.

День Сатурна, 29 сентября

Я решил уйти из К. Этот город порожден машиной. Солдаты, полицейские, актеры, охотники, шлюхи, пьяницы, бездельники, философы, лакеи, идиоты, ремесленники, фермеры, торговцы башмаками, художники — все они объединены общей неспособностью ужиться с миром, который был им навязан. К тому же свистящий вой в головах, как говорят, становится все сильнее.

Сам я ничего не слышу. Этот вой многих лишил рассудка. И привел к тому, что они выбрали Путь К., как его формулирует Грибб. Грибб и миссис Грибб прибыли совсем недавно. Несомненно, их прибытие устроил Гримус, хотя сейчас Гриббы отрицают существование как его самого, так и его Эффекта. Их защита в одержимости. Мне видеть то, что происходит с К., с этим некогда райским уголком, невыносимо. Возможно, разум мой и парализован, но душа-то нет.

Кто виноват? Кто-то допустил просчет. И это сделали мы. Все началось с нашего эксперимента. Но Роза… Роза прекрасна. Как так получилось, что она принесла столько горя? Печально, что такое чудо обернулось таким искажением жизни. Я должен уйти. Я не могу больше этого видеть. Женщина Долорес О'Тул собирается отправиться на побережье. Я уйду вместе с ней.

Что касается вас, мой друг, мне придется попрощаться с вами. Мне больше не нужны друзья. Я принесу вас в жертву Лив, чтобы умилостивить богов. Я отнесу вас к ней. Может быть, она разорвет вас на части или просто небрежно отбросит в сторону, как в свое время поступила со мной. Значит, такова ваша судьба. Но это поможет мне забыть о прошлом. Поможет забыть о К. и об

ужасах, которые выжгли мой мозг. Вы останетесь средством моего самоочищения. Нет больше той любви…

Вашей уничтожительнице я в заключение напишу несколько слов. Когда-то, в подлежащем забвению прошлом, я верил, что она хочет меня. Совершенства тех мгновений не может умалить даже то, что теперь я знаю, как тогда ошибался. И я благодарю ее за это. Начало всегда лучше конца. В начале все возможно и надежда жива. Теперь же — надеяться больше не на что.

Темно. Записная книжка закрыта, завернута в черную ткань, возвращена на место. Женщина в черном молча поднялась с кровати и неподвижно замерла перед Взлетающим Орлом. Один раз кудахтнула невидимая курица. За окном все так же слышалось лихорадочное топтание автора дневника: он продолжал искать дверь, которую, как ему было прекрасно известно, он был не в состоянии ни найти, ни открыть. А рядом с ослом, за деревом, притаилась шлюха, внимательно за всем наблюдающая.

«Она не стала разрывать дневник на части», — подумал Взлетающий Орел.

— Пятьдесят четыре, — произнесла Лив обычным, ровным голосом. — По его словам, это

значит, что числа связывают нас. Его замерший раз и навсегда возраст и мое имя. Но он же и разорвал нашу связь. Я знала, о чем он думает, знала, что он чувствует, я видела его насквозь. Наша связь была нерасторжима — и все-таки он посмел расторгнуть ее.

Во время этих слов Лив нагнулась над островком расставленных на полу свечей и зажгла их с помощью огнива. Затем распрямилась и вновь застыла перед Взлетающим Орлом — от пола поднимался желтоватый свет, и она отбрасывала на стены огромные тени. Взлетающий Орел вспомнил: богиня аксона выглядела так же. *Тогда. Давно. Раньше.* Но очень быстро его воспоминание растворилось в еще свежей в памяти истории острова и исчезло во мраке.

Лив молча стояла перед ним. И снова появилось ощущение совершающегося обряда: книга прочитана, свечи возжжены, молитва произнесена. Так она и жила свою жизнь, забальзамированная в горьком формалине застарелой ненависти и предательства. На мгновение Взлетающий Орел почувствовал к Лив жалость; затем ее глаза, видимые даже сквозь густую сетку вуали, сфокусировались на его лице.

— А-а-а-а-а-ах.

То был могучий выдох, вырвавшийся из самой глубины ее легких.

— Конечно, — сказала она потом. — Конечно. Ты вернулся ко мне. Призрак Гримуса явился ко мне, чтобы воскресить старую связь. Конечно. Так оно и есть.

Лив стала другой, вдруг понял Взлетающий Орел. Чтение дневника, весь этот обряд изменили ее. Теперь она произносила слова медленно и отстраненно, словно в трансе. Прошлое завладело ею. И он, Взлетающий Орел, тоже стал частью этого прошлого.

— Иди же ко мне, — сказала Лив, пятясь к кровати и маня его пальцем. — Иди ко мне и освяти эту связь.

Взлетающий Орел продолжал неподвижно сидеть на стуле, не зная, что делать.

— Взгляни на мое тело, Призрак, — сказала Лив. — Разве это не подходящий алтарь?

Руки Лив быстро взметнулись вверх, куда-то за шею, и расстегнули там застежку. Черная мантия упала на пол. Теперь она стояла перед ним обнаженная, но лицо ее все еще было скрыто под черной вуалью, из-под которой на него пронзительно или, может быть, насмешливо смотрели горящие глаза, а свечи продолжали возносить

вверх колеблющийся желтый свет.

— Взгляни на мое тело, Призрак, — повторила Лив. Взлетающий Орел поднял глаза.

Лив, ледяной пик совершенства. В словах Вергилия не было ни капли преувеличения.

Его глаза видели, но разум отказывался им верить. Ступни, чуточку более широкие, чем нужно, покрывало замысловатое переплетение узора хной, как у индейской невесты; длинные точеные ноги — вес тела перенесен на правую, левая расслаблена, из-за чего крутой изгиб бедер был подчеркнут еще сильнее, продуманно соблазнительно; внизу живота крутые завитки волос — неукрощенные, не знающие бритвы светлые, мягкие завитки; глубокий, глубокий пупок, темное озеро на белизне ее кожи; груди, небольшие, правая чуть больше левой, левый сосок приподнят чуть выше правого, но оба по-детски розовые, мягкие; узкие, прямые плечи чуть отведены назад, почти по-военному, вызывающе, уверенно; руки висят свободно и прямо, ладони смотрят вперед, средний палец на каждой руке скрещен с большим, в углублениях подмышек щедро темнеют волосы. Все остальное — шея, лицо и голова — невидимо под вуалью, лишь светятся проницательные, насмешливые глаза.

Взлетающий Орел одним взглядом охватил ее всю, замечая одновременно черное одеяние у ее ног, этот отброшенный саван, пляшущие огоньки свечей на полу, заставляющие глубокие тени заигрывать с нагим телом; беспорядок и грязь в комнате были забыты перед совершенством этого видения. Она знала, как показать свое тело, как ненавязчиво подчеркнуть и усилить его красоту. Безглавая Венера в трущобном музее.

— Ну что, тебе нравится такой алтарь? — снова спросила его она.

Взлетающий Орел безмолвно кивнул, и тогда внезапным движением правой руки она сорвала с головы вуаль. Та полетела на пол, присоединившись к остальному одеянию.

Взлетающий Орел знал, что Лив будет прекрасна; но он и представить себе не мог, что красота ее окажется такой *властной*. Ему пришлось сделать над собой усилие, чтобы не опустить взгляда. В ее лице было столько же красоты, сколько ее в солнце, отраженном во льду, — смотреть на такое сияние больно. Ослепляющее, покоряющее совершенство. Крепкие, длинные, узкие челюсти, решительно сжатые и чуть выступающие вперед, и очень широкий рот без намека на улыбку; нос, небольшой и прямой, справа и слева обставлен-

ный скулами, похожими на лезвия или крутые белые утесы. Острые черты лица были идеально дополнены огромными блестящими озерами глаз цвета чистейшего аквамарина, сквозь которые почти можно было видеть и которые сами, без сомнения, умели видеть насквозь. Голову же этой снежной королевы обрамляло волнистое золотое изобилие, которое поднималось на несколько дюймов посередине, разделялось там надвое и бурно ниспадало вокруг выточенного изо льда лица со спокойной морской голубизной глаз — истинная ниагара. *Все дело было в лице.*

Лив легла на кровать.

— Иди сюда, — снова позвала его она. — Освяти эту связь.

В ночи за окном бродил Вергилий Джонс, а Взлетающий Орел встал и мимо пылающих свечей, мимо пауков и плесени, двинулся к телу его жены, к белоснежной постели, на котором оно возлежало.

Она возбуждала его так, как никогда не возбуждала Ирина. С той он держал себя в руках и какая-то часть его «я» всегда оставалась отстраненной, спокойно выбирая следующий шаг и наблюдая за тем, как женщина достигает вершины наслаждения — и наибольшее удовольствие

он получал от того, что доставлял удовольствие; а сейчас это его телом управляли, сам он потерял всякую власть над собой, прикосновения рук и движения Лив разжигали его неимоверно. Она медленно и долго исследовала его предпочтения и табу, не переставая нежно шептать: «Тебе нравится вот так? А так приятно? Мне делать это сильнее или мягче? Мне лизнуть или укусить, пощекотать или поцарапать? Тебе приятно, когда я кладу руку сюда? Как ты хочешь, чтобы я повернулась: так, вот так или, может, так?» Новые, мягкие интонации ее голоса превратили этот допрос в особую интимность, и прошло немало времени, прежде чем он вдруг понял, что ни разу так и не спросил, нравится ли ей самой то, что он выбирал.

Поэтому, когда она наконец сделала то, что всегда собиралась сделать, он был раскрыт, расслаблен, беспомощен.

Он лежал на спине. Свечи уже догорали, их сияние начало меркнуть. Исследование закончилось, время поцелуев, поглаживаний и покусываний прошло, она встала над ним на колени, золотой водопад волос покрыл ее склоненную к нему голову, подобно роскошной ржи, аквамариновые глаза скрылись под этой завесой,

длинные руки принялись мять и стискивать маленькие торчащие груди, бедра слегка задрожали, когда она начала медленно опускаться на него, и вот он оказался в ней. Приподнявшись, она опустилась опять, поначалу медленно, невыносимо растягивая удовольствие, продлевая момент столкновения плоти о плоть, а потом стала не спеша набирать темп, медленно, очень медленно наращивая движения.

Она уже стонала («Как хорошо», — выдыхала она), они с силой бились друг о друга, финал был близок, очень близок, судорога уже поднималась внутри него, и вот наконец миг…

Лив рывком взметнулась вверх, без предупреждения, и встала на кровати, глядя на него сверху вниз, собранная, невозмутимая, и ее аквамариновые озера сияли торжеством.

— Не ты, а Лив расторгла эту связь! — провозгласила она.

Это была месть, зревшая многие века в голове у неподвижно сидящего в темноте изваяния. Теперь, одержимая, в яростном оцепенении, Лив свершила эту месть над Призраком Гримуса. Это было последнее унижение, удар в самую сердцевину его плотской гордости, единственного оставшегося у Орла достоинства. Он взглянул на

возвышающуюся над ним валькирию, испепеляющую его мощью своей многовековой ненависти и, не в силах сдерживаться, беспомощно и печально излил свое бесплодное семя на простыни.

Вергилий Джонс спал, усевшись на корточки под деревом. Взлетающий Орел тоже спал, свернувшись в клубок под стеной черного дома. Когда они проснулись, то поняли, что до костей продрогли. Обоих била дрожь.

А разбудил их донесшийся из леса крик, в котором пополам смешались испуг и ликование. Взлетающий Орел мгновенно очнулся от сна и помчался на крик. Тучный и медленный Вергилий последовал за ним, часто моргая.

На опушке леса стояла Мидия, ее руки дрожали, но крепко сжимали свою добычу.

В руки к Мидии попалась угрюмая взъерошенная Птицепес.

Брат и сестра на мгновение замерли, оценивая ситуацию.

— Скажи этой глупой женщине отпустить меня, братик.

В голосе Птицепес не слышно было радости встречи.

— Взлетающий Орел, она неожиданно появилась прямо передо мной, — робко сказала

Мидия. — Словно призрак. И я сразу же набросилась на нее и крепко схватила. Подумала, что ты захочешь поговорить с ней.

Это был действительно смелый поступок.

— Если ты видела, как я появилась из ниоткуда, то почему, по-твоему, я не могла бы точно так же исчезнуть? — спросила Мидию Птицепес. — В руках у тебя остался бы только воздух.

Мидия казалась озадаченной, но хватки не ослабила.

— Она права, Мидия, — подал голос Взлетающий Орел. — Если уж она здесь, то только потому, что хочет этого сама. Отпусти ее, и пускай объяснит, что привело ее сюда.

— Я не хочу быть здесь, — грубо сказала Птицепес. — Он послал меня, а сама бы я никогда не пришла.

— Тебя послал Гримус?

Это был голос Вергилия Джонса, пустой, недоверчивый.

— Не за тобой, — ответила она. — За ним. За Джо-Сью. Я здесь ни при чем, братик. Запомни это.

«Значит, Гримус сам захотел увидеть меня, — сказал себе Взлетающий Орел. — И никакого поединка двух воль не будет».

— Но почему?

И снова Вергилий Джонс озвучил мысли Взлетающего Орла.

— Не спрашивайте меня, — ответила Птицепес, наконец высвобождаясь из крепких объятий Мидии. — Я просто должна передать послание, а потом забрать Джо-Сью с собой.

Мидия хотела что-то сказать, но промолчала. Она была сильно встревожена.

— Ну что ж, — произнес Взлетающий Орел. — Передавай свое послание.

Птицепес нараспев заговорила заученным голосом. С первыми ее словами из дверей черного дома вышла фигура в черном и принялась слушать.

Гримус говорит:

— Спасибо вам всем за старания. Наблюдая за вами, я получил огромное удовольствие. Вергилию я приношу свои извинения. Мне пришлось затеять с ним игру в прятки. Возможно, немного жестокую, но без нее нельзя было обойтись.

Более всего я благодарен Лив Силвэн Джонс. Она сумела оставить след в душе мистера Орла, тем самым окончательно подготовив его ко встрече со мной. Теперь, думаю, он знает меня по-настоящему близко. А главное, его разум

перешел из состояния, которое я бы назвал само-осознанностью, в состояние, которое я бы скромно обозначил как гримусо-осознанность. Именно такое состояние и подходит наилучшим образом для встречи со мной, и я еще раз должен поблагодарить всех вас: отсутствующего Николаса Деггла за то, что эта встреча вообще оказалась возможной, вас, Вергилий, за то, что вы так умело подвели мистера Орла к столкновению со мной, и вас, Лив, за то, что вы разрушили последний барьер, мешавший нашей встрече: его мужскую гордость. В каком-то смысле вы, Лив, и стали Вратами для мистера Орла. Теперь, после того как он прошел через тебя, он вполне может отправляться ко мне. Я очень взволнован: вероятно, это самое совершенное мое измерение.

Птицепес замолчала, опустила голову и спросила:

— Мы можем идти?

Вид сестры, такой грубой и недовольной, но одновременно такой рабски покорной и угодливой перед незримым хозяином, потряс и расстроил Взлетающего Орла. Это была не та Птицепес, которая добывала для него еду, защищала и воспитывала его. Это была тень той Птицепес, которую он знал. Что Гримус сделал с ней?

Лив чуть-чуть приподняла вуаль и злобно сплюнула себе под ноги.

— Не забудь, — торопливо сказал Взлетающему Орлу Вергилий Джонс. — Выжди подходящий момент.

Но жизнь больше не казалась Взлетающему Орлу такой ясной и простой. Любопытство и унижение прошлой ночи сильно пошатнули его решимость.

Мидия подошла к Взлетающему Орлу и тихо попросила:

— Возьми меня с собой.

Взлетающий Орел уже ничему не удивлялся.

— Зачем, Мидия? — спросил он.

В ответ она пожала плечами.

— Ладно. Хорошо. Пойдем вместе.

Взлетающий Орел услышал свой голос будто со стороны. Зачем она ему? Может, все дело в том, что на пути к неизвестному он просто хочет видеть рядом с собой хотя бы одно дружелюбное лицо? А может, это его реакция на прошлую ночь с Лив, попытка вернуть себе уверенность? Думать, почему он так ответил, ему совершенно не хотелось, но вдруг он понял: он рад тому, что Мидия идет с ним. Мидия просияла в ответ.

— Ей нельзя, — подала голос Птицепес. — Толь-

ко ты один.

Взлетающий Орел собрал остатки воли.

— Старшая сестра, — сказал он. — Тебе приказано отвести меня к Гримусу. Без этой женщины я не пойду. Так что тебе придется вести нас обоих.

Птицепес поморщилась, но уступила.

— Идите за мной, — приказала она.

Взлетающий Орел взял Мидию за руку и крепко сжал. Ответное пожатие было даже более уверенным.

— Я буду думать о тебе, — шепнула ему Мидия, — и только о тебе. Пока я так делаю, со мной ничего не может случиться.

Взлетающий Орел понял, что она совершенно, непоколебимо права.

Птицепес пошла вперед, но остановилась сразу же за ближайшими деревьями. Там она закрыла глаза и пробормотала:

— Сиспи, Сиспи.

И вдруг стала прозрачной. Но не полностью исчезла: было видно, как ее едва различимый силуэт сделал шаг вправо и замер. Глаза Мидии расширились; потом она крепко зажмурилась и сжала губы.

Взлетающий Орел повел ее к Вратам.

На глазах у Вергилия Джонса и Лив три неясных

силуэта начали взбираться к горной вершине, каким-то чудом одолевая почти отвесный склон без какого-либо намека на тропинку. Постепенно троица скрылась из виду. Фигуры уходящих были настолько прозрачны, что дожидаться, пока они окончательно растают в воздухе, пришлось совсем недолго.

Лив резко повернулась и, войдя в черный дом, с силой захлопнула за собой дверь.

А что Вергилий? Вергилий знал, что больше ничего не может сделать, что пророчество ашквака в конце концов сбылось. Взлетающий Орел добрался до Гримуса без его помощи, и каким будет результат их встречи, предугадать было невозможно. Ни на что повлиять Вергилий уже не мог.

Он начал медленно спускаться вниз с горы — к побережью, к Долорес О'Тул, пазлам, креслу-качалке и жалким остаткам своего прежнего достоинства.

LV

Взлетающий Орел и Мидия (когда она открыла глаза) обнаружили, что очутились на странно изменившейся горе Каф — на этой горе Вергилий Джонс, Лив, ее черный дом и осел были похожи на туманные пятна, а скала и лес выглядели точь-в-точь как прежде, хотя и казались другими. Но самой поразительной переменой, еще более странной, чем превращение Вергилия и Лив в призраков, был вид, который открывался впереди. Облака, укутывавшие вершину горы, исчезли. Взлетающий Орел с удивлением отметил, что гора не такая высокая, как он себе представлял: ее заставлял казаться выше кокон из кучевых облаков. До вершины было всего несколько сотен футов.

— Гримус-дом, — не оборачиваясь, объявила Птицепес, указав рукой вперед.

Там, вверху, раскинулся длинный, приземистый и при этом похожий на замок дом. Он был весь из камня, миниатюрная крепость. «Где-то в этих каменных стенах, — подумал Взлетающий Орел, — лежит Каменная роза».

Дом был дико неправильной формы, его стены

— какими угодно, но только не прямыми, и ни один угол не составлял девяносто градусов, но такая эксцентричная искривленность явно не была прихотью, а соответствовала исходному замыслу. Те зигзагообразные линии, которые стены дома выписывали вокруг вершины, очевидно, отражали характер его создателя.

Отражения: дом отбрасывал их во все стороны, поскольку все окна на его змеящихся стенах были зеркальными. Сочетание неровных камней и слепых сверкающих окон странным образом не позволяло взгляду сфокусироваться на доме, словно зрение отказывалось воспринимать его, словно дом был иллюзией, не способной превратиться в вещественный факт.

Возможно, это объяснялось размером дома. Он был велик, но оценить истинные его масштабы не представлялось возможным, так как стоял он под сенью невероятно раскидистого дерева-исполина. Это был ясень, по сравнению с которым его почтенный сородич из сада Гриббов с висящими на нем качелями казался жалким карликом, крохотным саженцем. Ясень Гримуса был не просто гигантским; это дерево внушало священный трепет. Взлетающий Орел вспомнил описанное Вергилием Джонсом мировое древо Иггдрасиль,

которое удерживает небеса на месте. Что за чудовища грызут его корни, хотелось бы знать?

Лестница — новое потрясение. Взлетающий Орел отлично помнил, как выглядели верхние склоны горы Каф. От скального выступа, где находился дом Лив, они вздымались очень круто, гораздо круче, чем до него от окраины К., и были покрыты густым лесом. Вчера он несколько раз задумывался, возможно ли восхождение на вершину без специального снаряжения. И теперь появление аккуратно расчищенного прохода, целого ряда узких каменных ступеней, плавно поднимающихся к самой двери Гримус-дома, казалось истинным чудом. Но эти ступени были прямо перед ним. Они были настоящими. Взлетающий Орел не удержался и восхищенно покачал головой.

Они начали подниматься по ступеням — Птицепес шла впереди, Мидия замыкала шествие, а вокруг кружили и кричали птицы. Взлетающий Орел никогда их столько не видел. Там были птицы всех климатических зон и всех мыслимых окрасок, там были птицы самые обычные, вроде ворон, и такие, какие ему раньше не встречались, с бесполезно изогнутыми клювами или со странными искривленными формами. Птицы

сбивались в стаи и пронзительными криками наполняли воздух у вершины горы. Несколько раз Взлетающему Орлу приходилось защищать лицо от бьющих крыльев. Он оглянулся на Мидию — в глазах у нее был страх, но она заставила себя улыбнуться.

Свистящий вой звучал в их головах с особой настойчивостью, но окружающие чудеса перетягивали на себя все внимание. Шаг за шагом они добрались почти до самой вершины. В течение восхождения Птицепес хранила враждебное молчание, но теперь вдруг нарушила его — повернувшись к брату и глядя на него сверху вниз, она крикнула:

— Оставь нас в покое! Зачем ты вообще сюда явился?

Затем она столь же внезапно крутанулась обратно и продолжила подниматься, но в ее шагах чувствовалось смирение.

Для человека, почти добравшегося до конца пути, Взлетающий Орел чувствовал себя на редкость не героически.

Над дверью Гримус-дома в камне были выбиты следующие слова:

ДОИСТИГАЯ ПРЕДЕЛА – УМИРАЕШЬ.

Птицы начали усаживаться на ветвях гигантского ясеня, когда Взлетающий Орел и Мидия шагнули за угрюмой Птицепес в двери жилища Гримуса.

Общими очертаниями дом напоминал лабиринт, размещенный в границах искривленного треугольника, причем лестница, по которой они поднялись, упиралась в перекошенное основание треугольника. Главный вход в дом располагался ближе к левому углу этого основания. Две стороны треугольника были изломаны еще сильнее, чем основание; с обеих сторон выступали треугольные крылья, справа — массивное и тупое, слева — поменьше, но острое.

Внутри дома Взлетающий Орел и Мидия обнаружили череду запутанных, соединяющихся друг с другом комнат. Парадная дверь открывалась прямо в каменный холл, по-спартански суровый и — пока Птицепес не распахнула одно из зеркальных окон — освещенный лишь масляными лампами. Никакой мебели в холле не было, но вдоль стен стояли разного размера камни и валуны, а также две тонко проработанные эротические скульптуры из камня. Взлетающему Орлу

эта комната показалась неприветливой.

Холл по форме был примерно квадратным, но в дальнем конце сужался; там, прямо напротив вошедших, виднелась закрытая дверь. Птицепес направилась к этой двери и рванула ее на себя. Взлетающий Орел и Мидия двинулись следом, и в этот момент он впервые услышал доносящийся неизвестно откуда скрип.

Мерное ритмичное поскрипывание наполняло дом. Звук словно бы шел из стен, но стены были каменными, и точно определить источник звука не удавалось. Взлетающий Орел прислушался, и ему показалось, что скрип становится громче; он обернулся к Мидии. Та тоже слушала, посматривая по сторонам. Скрип… скрип… скрип… скрип… Они поспешили в следующую комнату.

Там они сразу же забыли о скрипе: их взгляду предстало целое полчище птиц.

— Птичья комната, — дала короткое и совершенно ненужное пояснение Птицепес.

Комната эта занимала то самое треугольное крыло, которое резко, углом, выступало из левой стены дома. В открытое окно свободно влетали в дом и вылетали обратно птицы, образуя ровный двусторонний поток. На невысоких постаментах тут и там были расставлены кормушки, а цен-

тральную часть комнаты занимала просторная птичья купальня. По полу с важным видом расхаживали павлины.

Не все птицы были живые. По всей комнате в стеклянных витринах были выставлены чучела, навсегда застывшие в типичных сценах жизни: птичья трапеза, птичье ухаживание, высиживание яиц и вылупление птенцов, птицы в полете, умирающие птицы, птицы, набрасывающиеся на других птиц — ослепительная серия вечных картин.

А на стенах висели птичьи портреты, по-одюбоновски горделивая вереница пернатых, как настоящих, так и вымышленных. Картины рядами сходились к центральному полотну, которое занимало почти всю стену справа от входа. Одного взгляда на существо в роскошном разноцветном оперенье было достаточно, чтобы сразу его узнать. То была птица Рух Синдбада, мифический Феникс — сам Симург.

Очарованного зрелищем Взлетающего Орла вернул к реальности скрип. Птицепес уже заходила в очередную дверь, в противоположной стене комнаты. Взлетающий Орел и Мидия почти бегом догнали свою провожатую и вслед за ней очутились в изумительно красивой столовой, стены

которой были завешаны старинными гобеленами, а полы — застелены старинными коврами. Повсюду сверкали канделябры и серебряная посуда. Эта комната находилась в самой вершине треугольника, но Птицепес не замедлила шаг.

Взлетающий Орел старался следить за тем, куда она их ведет: вот они повернули направо и начали спускаться вниз. В четвертой комнате царил полумрак, в котором смутно проступали какие-то светлые возвышения. Когда глаза Взлетающего Орла наконец привыкли к скудному освещению, он разобрал, что возвышения эти представляют собой подиумы, на которых лежали — что? — разные *вещи,* невидимые под белыми длинными покрывалами. Все эти безмолвные призраки — слишком маленькие, чтобы какой-то из них мог оказаться Розой, — почему-то вселяли в него тревогу. И так же, как и в предыдущих комнатах, здесь был слышен загадочный скрип.

Новая дверь оказалась не в стене напротив, а справа от входа. Следуя за Птицепес, они вошли в небольшую комнату, совершенно пустую, если не считать мигающие масляные лампы, которые висели на стенах. Это было первое в доме помещение без наружных стен. Напротив вошедших красным на сером камне был выписан знак.

— Буква Каф, — резко бросила Птицепес.

Взлетающий Орел подумал, что эта комната могла быть чем-то вроде прихожей — иного ее назначения он просто не представлял. К тому же их путешествие явно подходило к концу. Птицепес повела их в дверь налево, и они оказались в светлой, просторной и отлично обставленной комнате — их комнате. На широченной кровати их ожидало белоснежное белье. В комнате также находились глубокий мягкий диван и изысканный низенький столик, украшенный квадратными вставками из слоновой кости.

Умение ориентироваться подсказало Взлетающему Орлу, что с каждой стороны этой комнаты все еще оставалось по неизвестному помещению. Назначение одного из них прояснилось очень быстро: дверь налево от него, стоявшего на пороге спиной к комнате Каф, вела в ванную; а справа, в дальнем конце помещения, был вход в убогий закуток, занимаемый Птицепес. У нее был собственный выход во внешний мир, как и полагается служанке. Повернувшись, она как раз готовилась отступить в свое тесное убежище.

Но прежде чем она успела уйти, Взлетающий Орел крикнул ей:

— Где Гримус?

— Жди, — ответила она и закрыла дверь своей комнаты. Взлетающий Орел услышал, как щелкнула задвижка.

Кругом звуки: их целый набор, разнообразных и тревожных. Свист в глубине сознания, громкая перекличка птиц и скрип.

— Ты в порядке? — спросил он Мидию.

Она лежала на кровати, зажав уши ладонями, пытаясь отгородиться от этого нового, пугающего мира.

«Она очень стойкая, — подумал Взлетающий Орел, — но и ее стойкости есть предел».

Он решил вернуться к главному входу. По его предположениям, неисследованная область ближе к передней части дома, южнее их с Мидией комнаты, могла быть покоями Гримуса; но двери, которая бы вела туда, он не заметил. Оказавшись снаружи, Взлетающий Орел обошел вокруг дома; но других входов, кроме главной и задней двери, черного хода из комнатки Птицепес, не обнаружил; зеркальные окна в той части дома, где должен был находиться Гримус, оставались плотно закрыты. Он вернулся в каменный холл крайне озадаченный.

И обнаружил дверь там, где ее раньше не было: одна из каменных плит могла поворачиваться на

петлях и теперь открывала проход в стене. Скрип, тот самый всюду проникающий скрип, доносился именно оттуда. Взлетающий Орел осторожно двинулся на звук. Сквозь потайную дверь в холл проникал грязно-желтый свет масляных ламп.

— Акустика тут сбивает с толку, верно?

Быстрые, четкие согласные и короткие, плоские гласные. Голос Гримуса.

— Вы удобно устроились?

Он сидел в кресле-качалке лицом к закрытому окну и спиной к Взлетающему Орлу. Тот видел только голову Гримуса: копна длинных седых волос, некоторые пряди спадают на спинку кресла.

Скрип… скрип… скрип… Кресло-качалка находилось в беспрестанном движении; к скрипу примешивался еще один, более тихий, звук, мягкое пощелкивание, о происхождении которого Взлетающий Орел догадался не сразу. Он подошел к креслу-качалке и встал рядом с человеком, ради встречи с которым прошел такой длинный путь.

Гримус вязал.

Такие похожие, но такие разные. Да, черты их лиц были схожи — тот же орлиный нос, те же глубоко посаженные глаза, сильная квадратная челюсть; но оливковым цветом кожи Гримус скорее напоминал Птицепес, чем бледного смер-

тельной бледностью Взлетающего Орла. Кроме того, у них были совершенно разные глаза — у Гримуса далекие, холодные, мерцающие, у Взлетающего Орла — горячие и сверкающие. Такие похожие, но такие разные.

Словно прочитав его мысли, Гримус произнес:

— Моя бледная юная тень. Это вы.

Взлетающий Орел с трудом заставил свои губы открыться, чтобы пропустить нужные слова; ему трудно было сохранять враждебность, когда Гримус встретил его с такой непринужденной симпатией.

— Вы знаете, зачем я пришел сюда, — коротко объявил он. — Где Каменная роза?

— Я знаю, зачем вас послал сюда Вергилий, — ответил ему Гримус. — И это весьма печально. Очень прискорбно видеть, что Вергилий Джонс встал на сторону николасов дегглов этого мира. Но неважно, неважно. Надеюсь, что вы, Взлетающий Орел, все решите сами. Вы не должны быть орудием в чужих руках.

Глаза Гримуса смеялись.

— Ладно, хорошо, — отозвался Взлетающий Орел. — Скажите, зачем вы послали за мной Птицепес? И что вы сделали с ней? Почему она стала такая… Какая стала.

Седые брови чуть-чуть приподнялись.

— Вы торопите события, — сказал Гримус. — Торопиться ни к чему, друг мой. Я ничего вам не скажу. Ни за что… пока вы не отобедаете со мной.

Обед был подан вегетарианский, потому что Гримус мясо не ел; но Птицепес приготовила все настолько искусно, что Взлетающий Орел, большой любитель мяса, едва заметил его отсутствие.

— Человек по природе охотник, — говорил Гримус. — И охота, иначе говоря, поиск, или выслеживание, — это самое старинное и уважаемое занятие рода человеческого. Уверен, что вы, оказавшись здесь, должны испытывать огромное удовлетворение.

Взлетающий Орел взглянул на сестру: сломленная, покорная, она стояла в углу, готовая исполнить любую просьбу хозяина, который не обращал на нее никакого внимания.

— Возможно, человеку лучше, пока он в пути, пока жива его надежда, — ответил он.

Птицепес готова была вечно ждать приказа от Гримуса, а тот был способен на целую вечность забыть о ней. Она выдержала это, догадался Взлетающий Орел, потому что чувствовала себя

избранной, единственной прислужницей повелителя, равного в ее глазах богу. Она была уверена в своей значимости. Неудивительно, почему ее так раздосадовало появление Взлетающего Орла; она не желала делить Гримуса ни с кем.

Тот же в течение всего обеда обращался с ней как с существом, стоящим на лестнице развития ниже человека и не достойным даже презрения; довольно скоро Взлетающий Орел почувствовал неприязнь к этому странному, непонятному человеку.

Гримус говорил с Мидией.

— Хочу похвалить вас — вы сильная женщина, — сказал он. — Но я беспокоюсь за вас. А вы, Взлетающий Орел, вы не беспокоитесь за Мидию? Мой дом не самое безопасное место. Я говорю о побочном Эффекте.

— До сих пор Мидия отлично с ним справлялась, — отозвался Взлетающий Орел.

— Но человек не может постоянно быть в напряжении, — заметил Гримус. — Моя дорогая, могу я предложить вам небольшой сеанс гипноза? После него вы будете в полной безопасности.

Мидия оглянулась на Взлетающего Орла — в ее глазах застыл панический страх. Взлетающий Орел подумал, что слова Гримуса не лишены

смысла — действие Эффекта вблизи Розы усилилось. И хотя отдавать Мидию в руки Гримуса ему совсем не хотелось, он сказал:

— Да, наверно, вы правы.

— Тогда займемся этим после обеда, — ответил Гримус. — Вы, конечно, тоже сможете присутствовать.

— Как вам понравился мой дом? — спросил Гримус.

— Тут очень красиво, — отозвалась Мидия.

— Я построил его, чтобы сохранить любимые вещи, — сказал Гримус. — Любимые мысли. Этот ясень снаружи. Портреты птиц. Для одинокого человека в этом заключается настоящая радость.

— Он очень большой, — снова подала голос Мидия.

— Когда я жил в К., — ответил Гримус, — я полагал, что мой быт должен быть таким же скромным, как и у остальных. Но потом меня вынудили уйти из города, и я решил потакать своим желаниям без всякого стеснения.

За кофе Гримус похвалил Взлетающего Орла:

— Вы очень правильно вспомнили мировое древо Иггдрасиль. Позвольте напомнить вам об одном отнюдь не постороннем сюжете. Сумерки

богов, вот как это называют. И, знаете ли, это совершенно ошибочное название. Слово *ragnarok,* «сумерки», встречается в «Старшей Эдде» всего один раз, и это почти наверняка опечатка в слове *ragnarak,* которое очень широко используется в песнях сборника. Различие огромно. *Ragnarak,* видите ли, означает «падение». Полное уничтожение. Нечто гораздо более завершенное, чем сумерки. Понимаете теперь, как единственная буква способна исказить целую мифологию?

— Откуда у вас здесь берется кофе? — спросила Гримуса Мидия.

Гримус нахмурился, раздраженный неуместным вопросом.

— Я мыслю, следовательно, он существует, — ответил он.

Мидия растерялась, и Взлетающий Орел заметил, что Гримусу растерянность гостьи доставила удовольствие.

Выходя из столовой, Гримус столкнулся с Птицепес. Она уронила на пол поднос. Гримус с отвращением отряхнул то место на своей одежде, где их тела соприкоснулись, и сказал:

— Птицепес, ты неуклюжая дура.

— Да, Гримус, — ответила она.

Взлетающий Орел подавил в себе поднявшийся

гнев, вспомнив слова Вергилия: «Выжди подходящий момент».

Сеанс гипноза с Мидией увенчался полным успехом: благодаря постгипнотическому внушению свистящий вой бесследно исчез из ее сознания. Взлетающий Орел немного воспрянул духом, но потом вдруг подумал: «Интересно, сколько сеансов гипноза этот человек провел с моей сестрой?»

Мидия уснула. Птицепес скрылась в своем углу. Взлетающий Орел и Гримус сидели в Птичьей комнате среди картин, чучел и спящих пернатых.

— Это мирные существа, — сказал Гримус. — Но всех их можно научить драться, как бойцовских петухов. И это простые существа, но говорят, что майна умеет предсказывать будущее. Аморальные существа, но некоторые из них придерживаются самой высокой морали. Например, альбатросы, раз исполнив брачный танец, потом навсегда остаются моногамными. Представляете, до конца своей жизни. Мало кто из нас может сказать о себе такое.

— Гримус… — начал было Взлетающий Орел.

— Они кормятся, размножаются и умирают, — не обращая на него внимания, продолжал

Гримус. — Мы же можем только кормиться. Теперь скажите мне, кто из нас стоит выше?

— Думаю, пора переходить к делу, — снова подал голос Взлетающий Орел.

— Взять хотя бы вас, Взлетающий Орел, — вы странное существо. Когда-то вами управляла гнездобежная сила и вы бросили гнездо, в котором родились. Но этот выбор был сделан не вами, и потому со временем вам овладела сила гнездостремительная. И вы теперь подыскиваете себе новое гнездо? Восхитительно. Поистине восхитительно.

Взлетающий Орел больше не мог сдерживаться:

— Гримус, о чем вы?

Казалось, его вопрос несколько озадачил Гримуса.

— О чем я, мистер Орел? Ну конечно же, я говорю о смерти. Смерть — вот чему посвящена жизнь.

На Взлетающего Орла внезапно словно пахнуло холодом.

— О чьей смерти? — осторожно спросил он.

— Мой дорогой Взлетающий Орел, — улыбнулся Гримус. — Конечно же, о моей. О чьей же еще? Знаете, что вы такое? Ангел моей смерти.

— Наденьте это, — велел Гримус.

— Зачем?

— Все должно быть по правилам, — ответил Гримус, взмахнув руками совсем по-птичьи.

Там же, в Птичьей Комнате, Взлетающий Орел облачился в полный церемониальный венец из перьев и раскрасил лицо, как шаман племени аксона, перекинул накрест через грудь боевой лук и надел на плечо колчан со стрелами, а в заключение взял в правую руку магический посох. Гримус тем временем украсил голову другим убором из перьев, по цвету точно соответствующих пышной раскраске великой птицы на центральном портрете в комнате.

— А теперь, — спросил он Взлетающего Орла, — потанцуем?

Взлетающий Орел сидел в кресле-качалке Гримуса и слушал. Ничего другого ему не оставалось; где Каменная роза, он до сих пор не узнал. Кроме того, ему было интересно, чем закончится начатое представление. Магический посох лежал у него на коленях, а роскошный плюмаж вздымался над спинкой кресла. Гримус ходил вокруг странной, прерывистой походкой, наклонив торс вперед и при каждом шаге выдвигая вперед шею. Руки он держал на высоте плеч и

непрерывно, непрерывно шевелил пальцами. Во всех его движениях был какой-то нескладный, но гипнотический ритм.

— Это Танец мудрости и смерти, — объяснял он Взлетающему Орлу. — Смерть сидит неподвижно, наблюдает и прислушивается, выжидает время, и это хорошо. Мудрость ходит кругами, делает знаки руками, не желая скрываться от своей Судьбы. И это хорошо. Так я решил, и так и будет; каждый волен выбирать, каким будет его уход. Я выбрал для себя славную Смерть и создал ее по своему подобию.

Голос Гримуса, сначала пронзительный и высокий, притих и сделался вполне обычным.

— Простому человеку, — продолжал он, — под которым я подразумеваю человека смертного, старение и смерть не позволяют завершить его развитие. С годами человек накапливает мудрость, но его слабеющие силы делают ее бессмысленной, и, когда к нему приходит Смерть, ему обычно нечего ей сказать. Я выбрал другой путь. Вкусив Эликсир бессмертия, я получил возможность копить мудрость, сохраняя при этом способности, которые наделяют мудрость силой. Мудрость, способная к действию, — это предел развития человеческой личности. Однако

достигая предела — умираешь. Вот почему я хочу умереть. Но мой уход должен быть не вялым угасанием смертной жизни, а продуманным до мелочей горделивым финалом. Эстетической смертью.

На горе Каф Эликсир смерти, голубое зелье, не имеет силы. Моя концепция острова была такова, чтобы любой выстраивающий здесь свою жизнь мог выбрать смерть осознанно. Можно ли садиться писать историю, не зная заранее развязки? В любом начале всегда содержится конец. Втайне от Вергилия Джонса и Николаса Деггла я спланировал гору Каф вокруг своей смерти. Вокруг вас. Уход при помощи Эликсира смерти был бы чересчур легким и неполным. Поведать свои тайны жидкости невозможно. Кроме того, существует такое понятие, как импульс Феникса, но об этом позже.

Гора Каф, короче говоря, это место, где не может быть легкой или естественной смерти. Здесь смерть нужно выбрать и она должна стать актом насилия над телом. Что, по сути дела, она всегда и представляет собой в действительности.

Однако гора — это нечто большее. Это Великий эксперимент. Эксперимент совсем не в том смысле, как его понимает Вергилий; у меня не было

оснований раскрывать перед ним свои истинные намерения. Но рассказать о них вам у меня есть все основания. Вы — это Смерть Феникса. Такова суть острова Каф: попытка понять человеческую природу, избавив ее от основного движущего инстинкта — стремления сохранить свой вид посредством самовоспроизведения. Эликсир жизни — чудесное обоюдоострое оружие, способное одним ударом стерилизовать принявшего его человека, лишая его возможности иметь потомство, и одновременно через бессмертие свести необходимость самовоспроизведения к нулю. К тому же остров плодороден и изобилен. Таким образом, голод и нужда также устраняются. В результате человеческое поведение должно претерпеть существенные изменения, которые, как я верил, смогут наиболее полно раскрыть нашу истинную природу. Комбинация чудесная — бесплодные бессмертные люди и плодородный край. Результаты обещали быть самыми замечательными.

Исследователи мифической горы Каф называли ее моделью структуры и деятельности человеческого разума. Значит, было уместно создать реальную гору Каф для изучения интересов (и обеспечения смерти) отдельно взятого человеческого разума.

Хотя в каком-то смысле смерть моего разума не входит в мои планы. В этом и заключается смысл происходящего сейчас: я делюсь секретами с избранным мною орудием моей смерти. Это и есть импульс Феникса.

Я выбрал себе имя Гримус в знак уважения к философии, заключенной в мифе о Симурге, о Великой птице, в которой заключены все другие птицы и которая, в свою очередь, тоже заключена во всех птицах. Сходство с мифом о Фениксе очевидно. Посредством собственной смерти, самоуничтожения Феникс передает свою сущность наследнику. Роль наследника я отвожу вам, Взлетающий Орел. Человеку, носящему имя царя всех земных птиц. Вы должны будете стать следующим витком спирали, следующим носителем знамени, Геркулесом, сменившим Атласа. Посреди смерти мы обретем жизнь.

— Но что, если я откажусь?

Слова слетели с губ Взлетающего Орла сами собой и напугали его. Страшно находиться рядом с человеком, зараженным манией величия.

— Вы следующая жизнь Феникса, — сказал Гримус. — Иначе говоря, его Смерть.

— Как вы можете отказаться? — спросил Гримус после некоторого молчания. — Оглянитесь

и вспомните свой путь: вы убедитесь, что вся ваша жизнь выстроена мной для осуществления именно этого замысла. В определенном смысле, Взлетающий Орел, я создал вас, концептуализировал таким, какой вы есть. Точно так же, как я создал этот остров и его обитателей: с избирательностью настоящего художника.

— Но мы существовали и до того, как вы нашли нас, — возразил Взлетающий Орел.

— Конечно, — терпеливо отозвался Гримус. — Но, вписав вас в свой великий замысел, я сформировал вас заново, словно вы были податливой глиной.

— Я не верю вам, — ответил Взлетающий Орел, чем заставил Гримуса рассмеяться.

— Скептическая Смерть, — со смехом произнес он. — Неплохо, совсем неплохо.

Голос Гримуса сделался таким же высоким, каким был в начале ритуала, а его пальцы затрепетали еще сильнее, чем раньше.

— Не станете же вы отрицать, что, выбрав вас в качестве получателя Эликсира, я тем самым изменил вашу жизнь? Что, забрав с собой вашу сестру, я тем самым вызвал ваше изгнание из племени? Что, переместив в ваш континуум Николаса Деггла, я направил вас к острову Каф? Что,

позволив вам в течение нескольких веков скитаться по свету, вместо того чтобы сразу забрать сюда, я сделал вас тем человеком, которым вы стали: хамелеоном, способным приспособиться ко всему на свете, но при этом смущенным и сбитым с толку? Не станете же вы также отрицать, что, выбрав человека, столь похожего на себя, я добился именно такой реакции на него со стороны Вергилия Джонса и горожан К., какой хотел? Или что я заманил вас на гору при помощи призрака вашей сестры? Поразмыслив немного, вы поймете, что я проложил путь между бесконечным числом потенциальных «сегодня» и «завтра» таким образом, чтобы наша встреча оказалась возможной. (Тут Гримус понизил голос.) *Какое из деяний вашего Господа вы решитесь отрицать?*

Взлетающий Орел был потрясен, но еще не вполне убежден. Он покачал головой.

— Покинуть остров вы все равно не сможете, потому что не знаете, как концептуализировать координаты своего измерения, — объявил тогда Гримус. — Жить среди обитателей острова, с моим-то лицом, вам также невозможно. Покончить жизнь самоубийством — вот единственный вариант, но после того, как я покажу вам чудесные предметы моей коллекции, вы не станете о таком

думать.

— Хорошо, покажите мне их, — сказал Взлетающий Орел.

Взлетающий Орел стоял посреди комнаты, через которую недавно проходил, посреди укрытых белыми покрывалами подиумов, с тревогой размышляя о том, что именно в Гримусе его тревожит больше всего. Он пришел к такому выводу: все дело в детской непосредственности, лежащей в основе так называемого Великого замысла, в готовности воплотить любую свою едва сформировавшуюся прихоть, а еще в странных ребяческих ритуалах, как, например, этот так называемый Танец, которым он, вероятно, собирался удивить гостя. Гримус — ребенок с бомбой. Или даже с целым арсеналом бомб. Аккуратно расставленных на пьедесталах.

— Здесь начнется вторая часть Танца, — прощебетал Гримус. — А именно, Танец покрывал. Во время которого откроется много Удивительного.

Гримус остановился перед первым подиумом, очень похожий на умную, пестро раскрашенную сову.

— Под личностью, — поучительно начал он, — всегда скрыта сущность. Метафизики с планеты Окципут VII создали идеальный инструмент для

обнаружения этой сущности. Во время одного из своих путешествий я приобрел такой прибор. Действие его основано на простейшей посылке: Сущности бывают двух типов; одни — атомные, завершенные, статичные, другие — ионные, незавершенные, динамические. Ионную сущность мы, люди, еще называем Душой. (Короткий смешок.) Устройство, которое я сейчас покажу вам, называется Ионный глаз. Оно способно измерять и представлять в виде зрительного образа Ионную структуру любой Динамической сущности. Путем многовековых экспериментов окципутяне научились понимать значения этих Ионных рисунков. Эти знания также находятся в моем распоряжении. Я использовал Ионный глаз, чтобы концептуализировать не кого иного, как самого Взлетающего Орла.

Гримус сдернул покрывало. Ионный глаз представлял собой простую черную коробку. На ее передней грани имелось несколько рядов крошечных стеклянных окошек.

— Встаньте сюда, пожалуйста.

Взлетающий Орел встал перед коробкой, и в маленьких окошках на ее стенке немедленно появился свет, но не во всех, а только в некоторых, так что огоньки составили сложный узор.

— Ваш Ионный рисунок, — заговорил Гримус, — самый разрушительный из всех, когда-либо виденных мной. Допуская в жизнь суеверия, можно было бы сказать, что именно эту сущность увидела на вашей ладони миссис Крамм и что именно из-за этой сущности вас отвергли соплеменники, а на острове Каф вас постигло столько несчастий. Но эта же сущность сделала вас в высшей степени подходящим для меня Ангелом Смерти. Кстати, ваша сестра обладает очень схожим рисунком. Но ее рисунок выражен гораздо слабее вашего.

Гримус перешел к паре постаментов, стоящих в конце комнаты близко друг к другу. Он снял покрывало с одного из них.

Взлетающий Орел увидел перед собой Водяной кристалл.

— Вижу, что вы узнали его, — удовлетворенно произнес Гримус. — Дневник Вергилия. Хорошо, очень хорошо. Именно благодаря этому Кристаллу я нашел вас и исследовал с помощью Ионного глаза, а потом следил за вашими перемещениями. Однако сосед этого Кристалла едва ли не интереснее. О нем в дневнике Вергилия не сказано ни слова, поскольку его приобретение я держал в тайне. Это Кристалл потенциально-

стей. С его помощью я исследовал множество потенциальных отрезков настоящего и будущего и отмечал и там и тут ключевые моменты, временные перекрестки, которые могут направить нас вдоль той или иной *силовой линии*. Если вы понимаете, что я имею в виду.

Взлетающий Орел потряс головой — *не может быть*, — не сводя глаз со второго кристаллического шара, с которого Гримус только что сдернул покрывало. Этот шар был заполнен не водой, а чем-то вроде дыма.

— Боюсь, взгляд нам всегда застилает легкая дымка, — произнес Гримус. — Но… вы ведь ничего пока не понимаете. Тогда давайте я напомню вам случаи, которые вы точно не забыли. В совсем недавнем прошлом вы, например, дважды оказывались на временных перекрестках. Вас прибило к острову волнами, но этого не случилось бы и вы бы наверняка утонули, если бы я не концептуализировал вокруг вас специальный защитный барьер. Естественно, я позволил некоторому количеству воды проникнуть в ваш организм — для правдоподобия. А вот второй перекресток: в присутствии графини Черкасовой вы бессознательно произнесли имя *Эльфрина*. Уверен, что вы осознали, как этот короткий миг

изменил ход вашей жизни. Надо признаться, вы сами предоставляли в мое распоряжение чрезвычайно легкие рычаги управления, хотя я все равно нашел бы способ добиться того, чтобы вы сделали по-моему… Но, как бы там ни было, теперь вы понимаете, что я имею в виду под временными перекрестками. Я уже очень давно вел вас — и многих других — по правильному пути. Именно это я имел в виду, когда говорил, что создал вас. Я сотворил Идеальное измерение, в котором все идет по плану.

Вы можете сказать: это не так. Я не предвидел предательства Николаса Деггла. Однако и на это у меня есть ответ: одно из главнейших достоинств хорошо сформированной Концепции — ее гибкость. Любую неприятность можно обратить себе на пользу. Так, изгнание Деггла превратилось в наилучший способ заманить вас в расставленные сети. Так, благодаря ненависти ко мне обитателей К. я добился от них нужной реакции на ваше появление. (Хотя, не позволяя им прикоснуться к Розе, я бы в любом случае вызвал эту ненависть.)

— Вы оставили Розу только для себя, — отозвался Взлетающий Орел.

— Само собой, — согласился Гримус. — Роза не имела никакого отношения к тому, что они

изъявили желание поселиться на острове. Их выбором было бессмертие, а не исследование. Роза была моей.

— И Вергилия, — добавил Взлетающий Орел, но Гримус пропустил его слова мимо ушей.

— Таково мое Идеальное измерение, — продолжил он. — В другом потенциальном измерении вы так и не добрались до острова. В третьем я не нашел Каменную розу. В остальных измерениях я живу вечно пленником собственных идей. Однако в этом измерении все должно быть так, как я задумал.

Гримус взмахивал руками почти лихорадочно, голос снова стал громким и пронзительным.

— А что если бы я не смог перебороть Лихорадку измерений? — спросил Взлетающий Орел.

— Этого не могло случиться, — ответил Гримус. — Ваши Ионы слишком сильны. Напомню, какое средство вы использовали, чтобы одолеть своих чудовищ: Хаос. Оружие истинного разрушителя. Ваше подсознание отлично знало, как ему вести себя.

— Но риск все же был, — заметил Взлетающий Орел.

— Чушь, — замахал руками Гримус. — За вами следили и готовы были вам помочь Вергилий

Джонс, ашквак Коакс, да и я, наконец. Хотя вы и сами, нельзя отрицать, прекрасно себя показали.

Смотря в это ласково улыбающееся лицо, так похожее на его собственное и в то же время такое чужое, Взлетающий Орел почувствовал, как внутри него что-то дрогнуло. Или, лучше сказать, многое встало на свои места. Он вспомнил о давнишней, полузабытой встрече с человеком, выбиравшим себе подходящий голос. И вдруг в присутствии главного дирижера всей своей жизни сам нашел такой голос для себя.

— Прекрасно себя показал, — повторил он с тихой яростью. — Марионеткой в ваших руках, вот кем я был, это вы хотели сказать? Каменная роза погубила вашу душу, Гримус; знание, полученное от Розы, извратило вас, вы иссушены жаждой власти так же сильно, как истерзаны и изуродованы жизни людей, которых вы перенесли сюда. Для вас это всего лишь игра, не правда ли, интересная игра? Бесконечное множество континуумов, возможных путей развития настоящего и будущего, свободная манипуляция временем, которое вы гнули так и эдак. Вы придумали себе на потеху настоящий зверинец. Да, вы создали меня, я должен это признать. Да, вы сумели доставить меня сюда в нужном вам состоянии для

осуществления задуманной безумной цели. Но вы так отдалились от страданий и мук порожденного вами мира, что даже смерть считаете чем-то вроде академического упражнения. Вы планируете свою смерть, словно идеальную шахматную партию. Но финал этой партии каким-то образом — каким, вы пока еще не объяснили — все-таки зависит от меня, Гримус. Все сводится к моему выбору, и я готов сказать вам прямо сейчас: я не собираюсь играть в ваши игры. Вергилий просил меня уничтожить Каменную розу. Теперь я уверен, что он был прав. Роза разбила столько судеб. Уничтожила столько возможностей для счастья. Во время своей Лихорадки я говорил это богине аксона и теперь повторяю вам: «Если смогу, я уничтожу вас».

Гримус захлопал в ладоши.

— Ах, пылкая Смерть! — проговорил он. — Хорошо, очень хорошо!

Взлетающий Орел собрал все свои силы… зачем?.. никакого плана он придумать не мог, разум его был пуст. Сжимая магический посох в руках, он беспомощно стоял перед смеющимся Гримусом.

— Я уничтожу вас, — повторил он, — но не так, как вам хочется. Я не стану вашим наследником.

— Думаю, — сказал наконец Гримус, — пришло время рассказать вам о том, какой должна стать моя смерть, ведь это мой план для вас. Но прежде мне хочется развеять некоторые заблуждения, которые вы, по всей видимости, разделяете. Прошу вас, идите за мной.

С этими словами Гримус пошел к двери, ведущей в комнату Каф — пустое помещение с буквой Каф на стене. Взлетающий Орел двинулся следом, не видя причин отказываться. Гримус все еще был нужен ему, нужен для того, чтобы отыскать Розу.

— Вы сказали, что я отдалился от своего творения. Эта комната докажет вам, что это не так. Кто, по вашему мнению, заботится о К.? Почему, как вы думаете, эти ветхие домишки до сих пор не развалились? И почему, ответьте, почва, которую возделывают уже несколько веков, до сих пор не истощилась? Откуда у мистера Грибба всегда бралась в избытке бумага для заметок и где изготавливались металлические дверные петли? Все дело в том, Взлетающий Орел, что Концептуальное измерение вроде острова Каф для нормального существования нуждается в постоянном присмотре и Реконцептуализации через строго установленные интервалы времени.

Если я теперь умру, не оставив преемника, остров погибнет. Вы должны занять мое место.

— Вы сказали, что эта комната докажет вашу правоту, — напомнил Взлетающий Орел.

— Да, да, — отозвался Гримус, начиная раздражаться. — Так, чудесно. Подумайте о любом месте на острове. Абсолютно любом.

— Просто подумать о нем? — переспросил Взлетающий Орел, гадая, что будет дальше.

— Да. Но думайте изо всех сил.

В голове у Взлетающего Орла сам собой всплыл образ хижины Долорес О'Тул. Интересно, что с ней стало…

Внезапно они оказались прямо там. В хижине. Она появилась в комнате Каф, прямо посреди Гримус-дома. Пазл был на месте. Котелок с кореньевым чаем — на месте. Кресло-качалка — на месте.

В кресле-качалке сидел Николас Деггл.

— Он не видит нас, — подсказал Гримус.

— Как вы это делаете? — спросил Взлетающий Орел, чей голос снова дрожал от волнения.

— Путем особой настройки Розы. Я пользуюсь этим способом, когда мне надоедает следить за островом с помощью Водяного кристалла. Согласитесь, так можно заметить гораздо больше

деталей. Кстати, Долорес О'Тул умерла.

Изображение хижины медленно растаяло. Они снова стояли в пустой комнате.

— Видите? — сказал Гримус. — Я не потерял связь с реальностью.

«Нет, — подумал Взлетающий Орел. — Ты просто сделал жизнь всех остальных такой же призрачной, как твоя собственная. Обитатели острова для тебя лишь вымысел, иллюзия, которую вызывают к жизни Концептуализация и Роза. Человеческие переживания больше тебя не трогают, судьба людей тебе безразлична».

Вслух же он сказал:

— Я думаю иначе.

Гримус повернулся и своей птичьей походкой направился к выходу из комнаты.

— Сейчас начнется третья часть Танца, — объявил он. — Пришло время объяснить вам, как я хочу умереть.

И снова Взлетающий Орел сидел в кресле-качалке. И снова Гримус описывал вокруг него круги.

— Гримус, — сказал Взлетающий Орел, — у меня несколько вопросов.

— Хорошо. Очень хорошо.

— Почему вас не затрагивает действие Эффек-

та?

— Отличный вопрос, — похвалил Гримус и замолчал. Казалось, он напряженно обдумывает ответ.

— Когда-то давно, во время войны, я был в плену, — наконец заговорил он. — И каждый день боялся, что меня убьют. Такая была война. Меня вместе с кучей других пленных сажали в грузовики, отвозили на место казни и завязывали глаза. Мы слышали, как приходили солдаты, как офицер приказывал целиться… но выстрелы не раздавались. О, это была изощренная пытка. Иногда, чтобы поддерживать в нас страх, они действительно кого-то расстреливали. Но удовольствие им доставляла именно пытка. Некоторые умирали от сердечного приступа. Я выжил. И узнал о себе две вещи: во-первых, живо мое тело или нет — это для меня в высшей степени вневажно. А во-вторых, в будущем я хотел бы сам устраивать свою жизнь. В точности так, как пожелаю.

«И поэтому ты построил свою тюрьму», — подумал Взлетающий Орел.

— Вневажно? — вслух переспросил он.

— Когда что-то не может считаться ни важным, ни неважным, — ответил Гримус, — когда само понятие важности перестает иметь какое-либо

значение, человек постигает суть «вневажности». Вот почему мои Внутренние измерения не в силах причинить мне вреда: гибкость моего разума не имеет предела, я способен поверить во что угодно, принять любой ужас, готов согласиться с самой страшной правдой о себе. У меня от себя нет секретов. С моими Внутренними измерениями я мирно уживаюсь. Они спокойно существуют внутри моего сознания. Вы понимаете меня?

— Да, — ответил Взлетающий Орел, — понимаю.

— Давайте дальше, — предложил Гримус. — Моя Смерть должна знать обо мне все.

— Хорошо. Еще один вопрос. (*Провалы во времени я приберегу для более подходящего момента. Обязательно будет более подходящий момент,* — сказал он себе.)

— Все люди, живущие на острове, — продолжил он, — более или менее современники. Я выпил Эликсир примерно в то же время. Как, впрочем, и вы. Почему?

— Вы очень наблюдательны, — улыбнулся Гримус. — На то имелось несколько причин. Для начала скажу, что мне не нужны были неразрешимые социальные проблемы, непременные при совместном проживании, например, неан-

дертальцев и астронавтов. Во-вторых, я считаю свою эпоху гораздо более интересной и насыщенной, чем любой момент в прошлом или будущем. И наконец, оказалось, что перенести на остров людей из параллельных измерений будет проще, если установить единое время. Не нужно долго возиться с настройками. Вы не хотите задать еще вопросы?

— Да, — сказал Взлетающий Орел, вспоминая.

Гримус осуждающе прищелкнул языком и сказал:

— Какая умственная небрежность.

— Эффект коренным образом изменил ход вашего Эксперимента. Не считаете ли вы из-за этого, что он закончился полным провалом?

Взлетающий Орел старался говорить ровно и отстраненно.

— Вовсе нет, — ответил Гримус. — Хороший вопрос. Вовсе нет. Ох, какие же хорошие вопросы вы задаете. (*И снова едва заметное ощущение того, что нечто задело его за живое.*) Эффект изменил лишь природу эксперимента. И помог создать необходимое отчуждение. Важно, чтобы в К. меня ненавидели. Важно для моей Смерти, я уже говорил вам. Моей Смерти.

— Ладно, — сказал Взлетающий Орел, не видя

альтернативы.

— Расскажите мне о ней.

— Все очень просто, — начал Гримус. — Я провел с Птицепес много сеансов глубокого гипноза. Получив определенную команду, она перенесется в дом Лив. А я, само собой, открою Врата. Птицепес будет поручено рассказать Лив о том, как она меня ненавидит. Для достижения необходимого правдоподобия я в течение нескольких веков подвергал ее унижениям, поэтому ей не составит труда подчиниться постгипнотическому внушению. Лив ненавидит меня уже давней ненавистью (которую я, могу добавить, тщательно взращивал), к тому же ее рану растравил ваш недавний визит. Теперь, когда она вышла из транса, ей, очевидно, понятно, что план ее фактически провалился — я имею в виду ее сексуальную месть. Так что она очень зла и согласится с любым предложением, лишь бы уязвить меня. На это указывают силовые линии. Я специально проверил их при помощи Кристалла потенциальностей. Как вы понимаете, свобода воли — это иллюзия. Люди ведут себя в соответствии с силовыми линиями вариантов своего потенциального будущего.

Но продолжаю. Лив и Птицепес спустятся в город за подкреплением, поскольку, все еще во власти благоговейного страха, сами поднять на меня руку не посмеют. И снова ваши неудачи в К. придутся как нельзя более кстати: нелюбовь горожан ко мне достигла сейчас наивысшей точки. И тут наконец на сцену выходят мои убийцы. Поразительное трио. Первым идет Фланн О'Тул. Он не сможет преодолеть искушения и с готовностью сыграет роль Наполеона, возглавив армию захватчиков. Вторым будет, я уверен, Пекенпо. Для него расправиться со мной — значит отомстить за смерть друга, а кроме того, вернуться к охоте, преисполнившись азартом погони. Последний участник трио пока не представляется мне такой определенной фигурой, как два первых. Возможно, к веселому отряду присоединится мистер Мунши. Он убедит себя, что речь идет о борьбе за освобождение острова от тирании. Наверное, так и будет. Кроме того, он ведь увлечен Ириной Черкасовой, хотя и боится себе в этом признаться. Трио поднимется на гору и пройдет через Врата, которые я оставлю открытыми. Уверен, что вы уже заметили, какие у Фланна О'Тула могучие руки.

«Руки душителя», — вспомнил Взлетающий

Орел.

— Ключевая фигура будущего представления, — так же спокойно продолжил Гримус, — конечно, Лив. Именно ее страсть поведет их вперед. Птицепес это не по плечу: она призрак Гримуса. Сами они тоже не способны на такое, поскольку страх их велик. Так что подтолкнет их Лив. Благодаря вам. Ангелу Смерти. Это вы подготовили гору Каф к тому, чтобы она обрушилась на Симурга. За это я открою вам свои тайны и сделаю ее новым хозяином.

— Вы в самом деле хотите стать жертвой разгневанной толпы? — потрясенно спросил Взлетающий Орел.

— Хочу, — ответил Гримус с безумной простотой. — Свою Смерть я обдумывал годами. Такой конец устраивает меня во всех смыслах — и в психологическом, и в символическом. Любой период стабильности содержит семена своего крушения. Однако вслед за катаклизмом приходит новый порядок, очень похожий на предыдущий. В этом есть высшая красота. И истина.

Гримус пробежал через комнату и дернул за шнурок звонка. Была уже поздняя ночь, но все равно не прошло и минуты, как к ним явилась

запыхавшаяся Птицепес. И снова при виде того, какому унижению подвергается его единокровная сестра, Взлетающий Орел почувствовал бессильную ярость. «Хотя, возможно, — подумал он, — я тоже пойман в ловушку». Он попытался прогнать эту мысль, но она не хотела уходить.

— Птицепес, — сказал Гримус.

— Да.

— Это мой последний приказ тебе.

— Да, — вздрогнув, снова отозвалась Птицепес.

– *Приказ последний,* — четко выговаривая слова, произнес Гримус.

Птицепес повернулась и направилась к двери. Взлетающий Орел бросился следом и схватил сестру за плечи.

— Остановись, — крикнул он ей в лицо. — Попробуй бороться с этим наваждением. Скажи «нет».

— Мне нужно идти, — тихо ответила Птицепес. — Я хочу, чтобы его убили.

Под счастливый смех Гримуса Взлетающий Орел отпустил плечи сестры. Птицепес вышла в холл и закрыла за собой потайную дверь.

Ярость — вот все, что осталось у Взлетающего Орла.

— Гримус, — сказал он, — если вы сейчас же не

покажете мне Каменную розу, то я сам с радостью придушу вас за то, что вы сделали с моей сестрой. Придушу прямо сейчас, на месте, прежде чем пробьет час вашей так тщательно планируемой смерти. И это будет самая жалкая и ничтожная кончина.

— Ничего себе, — ответил Гримус. — Вот это вы разозлились. А я как раз собирался вести вас к Розе. Мне нужно перенастроить ее, чтобы открыть Врата.

Гримус повернулся и спокойно направился в угол комнаты, тот, что располагался ближе всего к центру дома.

Быстрым движением он распахнул вторую потайную дверь. Внутри, в самом сердце дома, и находилась Каменная роза.

Стало ясно, отчего у дома такие безумные очертания. Лабиринт его комнат настолько сбивал с толку, что тайная комната оставалась совершенно незамеченной. Взлетающий Орел, уже несколько раз с момента своего прибытия пытавшийся мысленно нарисовать себе устройство дома, и не догадывался о ее существовании.

— Входите же, — позвал его Гримус. — Начинается последняя часть Танца смерти и мудрости.

Каменная роза на самом деле вовсе не походила

на цветок. Наблюдая за тем, как в маленькой потайной комнатке Гримус настраивает лежащую в гробу Розу, Взлетающий Орел начал многое понимать.

Вокруг центрального стержня Розы, ее стебля, имелось несколько тонких звездообразных каменных пластин. Всего Взлетающий Орел насчитал их семь. У двух верхних было по четыре острия, у следующего — восемь, затем — шестнадцать, и так далее. Каждая пластина могла вращаться относительно стебля независимо от других. Настройка Розы, по всей видимости, заключалась в выстраивании этих пластин в необходимое положение друг относительно друга. Именно этим сейчас и занимался Гримус. Примерно на середине стебля, на удобной для руки высоте, располагалось специальное утолщение.

— В некоторых других измерениях, — сообщил Гримус, — Предмет выглядит совершенно иначе. Его форма устанавливается в соответствии с возможностями доминирующего вида. Розу можно настраивать для различных вариантов искривления пространства, Путешествий в параллельные измерения и так далее.

— Только не думайте, Гримус, что вам удалось

убедить меня, — отозвался Взлетающий Орел. — Я намерен уничтожить эту штуку. Вы не можете ее контролировать. Это она контролирует вас. И потом, происходят провалы во времени. Роза повреждена, Гримус. Она опасна. Поэтому опасны и вы.

Глаза Гримуса на мгновение блеснули, но потом снова потускнели.

— Прошу вас, подождите, — заговорил он тоном, в котором впервые звучала мольба. — Я хочу показать вам еще одно мое открытие. Если и оно окажется не в силах убедить вас в огромной ценности Розы, в необходимости сохранять и оберегать ее после того, как меня не станет, то я позволю вам сделать с ней все, что вы захотите. Но сначала еще один прибор.

Взлетающий Орел не мог отказать. Его ведь просили о такой малости. Теперь, когда он знал, где находится Роза, Гримус не мог его остановить. Кроме того, Взлетающий Орел был вооружен. Не только луком со стрелами, но и другим, гораздо более мощным оружием — чувством долга. Перед Вергилием. Перед самим собой, перед своим разрушительным прошлым. На этот раз его Ионы послужат благому делу: уж коль скоро он разрушитель, то пусть хотя бы разрушает опасные

вещи.

Гримус переместился в дальний, темный угол потайной комнаты. Там он снял покрывало с маленького предмета, покоившегося, как и прочие артефакты Гримуса, на специальном пьедестале. Это оказался прозрачный шар с ручками по бокам. Гримус взял шар за одну из ручек, и внутри того немедленно зажегся свет.

— Я предвидел, — сказал он, — те трудности, с которыми мне придется столкнуться, разъясняя вам мою точку зрения. Для облегчения процесса взаимопонимания я концептуализировал этот Субсуматор. Если вы возьметесь за вторую его ручку, мы с вами сможем общаться телепатически. Через этот шар. Вы согласны?

Взлетающий Орел секунду помедлил в нерешительности.

— Что, испугались? — спросил Гримус своим певучим детским голоском.

— Нет, — отозвался Взлетающий Орел.

Он мог выдержать все, что мог выдержать Гримус, этот старый ребенок. Взлетающему Орлу уже приходилось доказывать силу своей воли, и не раз.

Он положил магический посох на край гроба и шагнул к Гримусу. Потом, сделав глубокий вдох,

ухватился за ручку — как он там назывался? — *Субсуматора.*

Последнее, что он запомнил, еще будучи Взлетающим Орлом, — это пронзительный и очень довольный голос Гримуса, крикнувшего ему следующее:

— *Матушка всегда говорила мне: чтобы заставить человека принять новую идею, его нужно обмануть!*

(Я был Взлетающим Орлом.)

(Я был Гримусом.)

Я. Я сам. Я и, отдельно, он. Я и он вместе внутри сияющей чаши. Да, примерно так и было. Я и он перетекаем из своих оболочек внутрь сияющей чаши. *Тихо, не спеша. Ты поглощаешь меня, я поглощаю тебя. Смешение, соединение. Станем же едины. Сольемся вместе. Я это ты это я.* Такими были его мысли.

Да, примерно так и было. Похоже на печать. Да, на печать. Нажим, и его мысли отпечатались поверх моих, под моими, в моих и среди моих. Его мысли — мои. Мои — его. Нет ничего легче поглощения. *Оно легкое, как полет стрижа.* Двое вместе, два стрижа, и тут же один наполовину-орел-наполовину-он, а другой — наполовину-он-наполовину-орел. Да, примерно так

и было. Мы были одним целым внутри сияющей чаши, но двумя людьми здесь, во плоти. Да.

Мой сын. Сознание Гримуса устремилось ко мне. Ты мой сын, я даю тебе свою жизнь. *Я стал тобой, я стал тобой, ты мной.* Сознание Гримуса неслось сквозь меня. Монах в оранжевом одеянии излился в меня в мыслительном оргазме. Полукровка, полусемит, военнопленный со всеми своими противоречиями, в котором вневажность личности сосуществует с абсолютной необходимостью передать кому-нибудь эту личность, необходимостью жестокой, неотвратимой, сознание Гримуса неслось сквозь меня. Его «я» влетело внутрь, подгоняя себя мощными ударами крыльев. *Сын мой, сын мой, я взрастил тебя так, как только может сделать это отец, навечно приговоренный к бесплодию.*

Свет внутри прозрачного шара погас; передача состоялась. Я отпустил его ручку — мое тело снова принадлежало мне, и я мог им управлять. Он тоже разжал свои пальцы. Шар упал.

И разбился вдребезги о каменный пол.

— Теперь, — произнес он, — мы с тобой одно и то же. Теперь ты меня понимаешь.

Он безумен? Но что такое безумие? Было бы

просто назвать его безумцем, но теперь он внутри моей головы, и все его мотивы мне понятны. И это такие мотивы, которые трудно выразить словами. Наводящий ужас лагерь для военнопленных, где растоптали его человеческое достоинство и веру в человечество; затем бегство от мира, превратившегося в кошмар, прочь — к книгам, философии и мифам, постепенно ставшим для него единственными друзьями и товарищами; монах, находящий красоту в легендах и птицах. Потом появилась Роза — а с нею возможность управлять миром, жизнью и смертью в нем по собственному усмотрению, и поскольку никакого уважения к своему виду он не испытывал, он мог спокойно делать с людьми все что угодно. Он столько от них натерпелся. Вот к птицам он был добр. Он собрал их вокруг себя и с их помощью оживил любимую сказку, свой орнитологический миф. Он безумен? Но что такое безумие? Для него идеи стали единственным оправданием существования, и как только в его распоряжении оказался способ претворять эти идеи в жизнь, его было уже не остановить. Знание развращает; абсолютное знание развращает абсолютно. Да, он был безумен. Но теперь он во мне, и я понимаю его.

Но все еще есть *я. Я,* которое находится внутри меня и которое не *он*.

Мы ведем войну за Розу.

— Вот, взгляни, — сказал Гримус. (*Я* был в нем, и *он* был во мне. Субсуматор работает в обоих направлениях.)

Он поднял небольшое зеркальце на уровень груди так, чтобы я мог увидеть в нем свое отражение.

Мои волосы поседели. Мое лицо стало его лицом, точной копией, на моих плечах сидела его голова.

Я был Взлетающим Орлом.

Была и вторая потайная дверь — она вела в комнату, где спала Мидия. Крошечная каморка Розы, расположенная в самом центре дома, соседствовала почти со всеми его комнатами. Гримус (частично ставший теперь Взлетающим Орлом) за руку привел Мидию к гробу с Розой, у которого стоял я.

— Оставайтесь здесь, — сказал он. — Заботьтесь друг о друге. Они уже скоро будут здесь. Но об этой комнате не знает даже Птицепес.

На его лице был страх. Я узнал этот страх — он был моим. Это *я* внутри Гримуса боялся прибли-

жения смерти.

— Теперь ты не причинишь вреда Розе, — сказал он. — Мы с тобой одно целое.

И он ушел.

— Что он сделал с тобой? — шепотом спросила Мидия. — Ты стал другим.

Она смотрела на меня широко раскрытыми глазами.

Я взял ее за руку. Мидия не изменилась — и на том спасибо. Единственная точка постоянства в этой преображенной вселенной.

Роза. Тот *он*, что был теперь во мне, обладал собственной волей и заставлял меня подчиниться своим желаниям. Мое *я* во мне было ослаблено, оно еще не опомнилось от пребывания в Субсуматоре. Я долго-долго смотрел на Розу. Взгляд мой был устремлен к утолщению посередине стебля, руки неодолимо тянулись туда, как железо к магниту. Хотя, возможно, это *он* во мне так стремился ухватиться за Розу.

Внезапно я сделал это. Схватил Розу за это утолщение. Оно удобно легло мне в руку. Потом я закричал, и Мидия тоже закричала. Я закричал от боли. Мидия закричала, потому что я бесследно исчез из комнаты.

Я отправился в Путешествие.

Первое перемещение во Внешние измерения всегда сопровождает боль. Вселенная вдруг распадается, и на долю секунды ты становишься крохотным сгустком энергии, скользящим по поверхности моря немыслимо огромных сил. И это сокрушительное, мучительное ощущение. Потом — столь же неожиданно — вселенная собирается воедино.

Создавая Предметы, связывающие бесконечное множество Существующих и Потенциальных измерений, ашкваки всегда включали в них особый элемент, луч которого был постоянно направлен на их планету, Язлем. На Каменной розе такую функцию выполняло утолщение на стебле.

Я был там, на Язлеме, под звездой Целнос, на самом краю галактики Тучный Мельп, в ашквакковой Левсеянне. Я сидел на широком плоском камне, окруженный небольшим пузырем воздуха. Меня изучали.

Снаружи над моей головой чернело небо с желтым солнцем, вокруг стояло несколько каменных монолитов.

— Они похожи на квакш, — подумал я. — На гигантских каменных квакш. (Я-я подумал так, а не я-Гримус. Я-Гримус копил силы для заключительной схватки за Розу.)

– *Это Гримус?* — возникла в моей голове посторонняя, не оформленная в слова мысль. Вслед за ней появилась другая, более глубокая, более мудрая мыслеформа: — *Да… нет… ах, все понятно.*

Меня как будто раздели догола. Мой разум был просканирован.

— Где вы? — закричал я, и я-Гримус внутри меня объяснил, что все эти монолиты вокруг — гигантские, комковатые, окруженные все как один прозрачной дымкой, — самая высокоразвитая форма жизни во всех галактиках и что вторая мыслеформа, появившаяся в моей голове, принадлежала величайшему мыслителю, самому Абажу.

– *Кажется, что Не-Гримус в нем имеет не слишком значительную силу,* — появилась третья мыслеформа.

– *Хорошо.* — Это снова был Абаж. — *Послушайте,* — подумал он мне, чуть громче, чем было нужно, словно человек, пытающийся что-то втолковать бестолковому иностранцу. — *Мы — ашкваки.*

Вслед за этим последовала быстрая смена мыслеформ, из которой я узнал, как развивалась раса ашкваков и возникли Предметы.

– *Нас беспокоят две проблемы,* — подумал

Абаж. — *Первая связана с ашкваком Коаксом, который без всякой на то необходимости обосновался в вашем Немезирии. Если вы повстречаете Коакса, очень прошу вас передать ему, что после его Плохого упорядочения путь на Язлем ему закрыт. Появляться здесь ему категорически запрещено. Коаксу придется окончить свои дни в вашей Немезирии.*

— Ах, — подумал я.

– В этой связи возникает вторая проблема, — продолжил Абаж. — *Мы, ашкваки, крайне встревожены тем, что Гримус применяет Розу не по назначению. Она не была создана для того, чтобы с ее помощью перемещались внутри одного Немезирия. И это не волшебная коробка для производства пищи. Использование Розы для получения* (Абаж несколько мгновений подыскивал нужную мыслеформу) *пакетика кофе — коренное нарушение техники Концептуализации.*

Но более всего нас волнует тот Субнемезирий, который Гримус создал на вершине горы. Субнемезирии концептуально неустойчивы. Любое место либо является частью какого-либо Немезирия, либо нет. Концептуализация места, которое и является частью Немезирия, и скрыто от него, может привести к дезинтеграции Предмета.

Нам хотелось бы, чтобы существование этой нелепой Концепции было немедленно прекращено. Это все, что мы хотели сообщить вам. Можете возвращаться.

Я чувствовал, как я-Гримус во мне дрожит от ярости: упрек Абажа ему не понравился. Затем я сообразил, что имею отличную возможность задать вопросы, ответить на которые лучше, чем ашкваки, никто не сможет.

— Абаж, — подумал я.

– *Да?* — Короткая мыслеформа была полна сдержанного раздражения великого ума, отвлеченного от своей работы.

— Провалы во времени, которые происходят в нашем Измерении, — это результат повреждения Розы?

– *Нам это неизвестно,* — пришел ответ. — *Ваш Предмет — единственный, который был поврежден, и только в вашем Немезирии отмечены провалы. Возможно, здесь существует причинно-следственная связь. Возможно, такой связи нет. Возможно также, это должно вас беспокоить. Но возможно и другое. Мы не можем знать всё, вы должны это понять.*

— Еще один вопрос, — сказал я.

Воздух в моем пузыре иссякал. Мне следовало

поторопиться с возвращением.

– *Слушаю.*

— Можно ли Концептуализировать измерение… Немезирие… в котором вообще не будет Предмета?

Наступило продолжительное молчание, во время которого до меня доносилось эхо энергичной дискуссии между собравшимися ашкваками.

– *Трудно что-либо утверждать наверняка,* — наконец сказал Абаж. — *Для нас, ашкваков, ответ здесь один: «Нет», поскольку само существование такого Немезирия относительно нас было бы функцией Предмета. Однако для обитателей Немезирия…* — Фразу завершило мысленное пожатие плечами.

– *Прощайте,* — сказал заместитель Абажа.

Я обратился к памяти я-Гримуса и отыскал там способ возвращения к Розе. Через мгновение я снова стоял в потайной комнате дома Гримуса.

Мидия сразу успокоилась!

Красный от виски Фланн О'Тул в наполеоновской треуголке, заложив правую руку за борт своего застегнутого на все пуговицы пальто, поднимался по ступеням каменной лестницы. Рядом с ним широко шагал Одноколейный Пекенпо, укутанный в медвежью шубу, в низко надвину-

той на глаза шапке из енота, с перекинутым через плечо мотком веревки и ружьем в руке. Позади них с горящими глазами торопился П. С. Мунши, небритый клерк. Разношерстное трио немезид приближалось к своей цели.

Гримус стоял в тени великого ясеня рядом с домом, пестрый головной убор развевался на легком ветру. На плечах у Гримуса, на траве вокруг него, на раскидистых и просторных ветвях дерева сидели птицы — они следили за каждым движением своего хозяина. Его руки слегка дрожали, в остальном же он был совершенно неподвижен.

Вскоре он и трое пришельцев из города увидели друг друга. И он, и они знали, что должно произойти.

И тогда Гримус заговорил:

— Я узнал все, что хотел узнать.

Я стал всем, чем хотел стать.

Я достиг предела.

Я все подготовил заранее. Время пришло.

Но в его высоком, пронзительном голосе звучало волнение Взлетающего Орла, второе «я» внутри Гримуса протестовало. Оно не выбирало эту смерть.

— Где вы держите вашу машину, мистер Гримус? — спросил Фланн О'Тул. — Вы скрывали ее

даже от вашей служанки, так она сказала, и мы знаем, что она не лжет. Но от нас вам ничего не утаить.

Гримус ничего не сказал.

— Одноколейный, — сказал тогда О'Тул, — попытайся убедить этого джентльмена быть с нами поразговорчивей.

Через несколько минут, когда нос Гримуса был сломан, глаза заплыли, на теле появилось с десяток кровоподтеков, но губы все равно оставались крепко сжатыми, О'Тул произнес:

— Не нужно убивать его, дружище. Пока еще рано.

Пекенпо послушно отпустил Гримуса. Тот покачнулся, но устоял на ногах — по его разбитому лицу текла кровь. На дереве громко кричали птицы.

— Обыщите дом, — приказал Фланн О'Тул.

Одноколейный Пекенпо и П. С. Мунши проникли в Гримус-дом, но ничего там не нашли. Однако они переломали и перебили все, что встретили на своем пути; и, когда они снова появились на пороге, внутри дома у постаментов остались лежать груды осколков, останки драгоценной коллекции Гримуса — жизненного пути Путешественника по измерениям. Оба Кристалла были разбиты.

Ионный глаз — сброшен на пол и растоптан.

Как только Пекенпо и Мунши снова окутал туманный рассвет, оба почувствовали, что свистящий вой в их головах прекратился. Внезапно, без всякого предупреждения. Только что вой был — и разом стих.

Фланн О'Тул рассматривал Гримуса; он увидел, как вытянулось его лицо, как в потемневших глазах мелькнул ужас, как сквозь боль проступила неимоверная усталость. О'Тул увидел все это и улыбнулся.

— Значит, вы все-таки нашли ее, — сказал он Пекенпо.

— Мы кучу всего нашли, — отозвался Пекенпо. — Ломали все, что попадалось под руку. Понятия не имею, что это были за вещи.

— Да-да, вы нашли ее, — кивнул О'Тул, — мистер Гримус только что мне это подтвердил.

Гримус по-прежнему хранил молчание.

— Но это еще не всё, — загрохотал Пекенпо. — Мне нужен Взлетающий Орел. Где он?

Гримус ничего не сказал.

Фланн О'Тул шагнул к избитому хозяину дома, обхватил руками его шею и надавил большими пальцами.

— Ну же, мистер Гримус, — сказал он. — Вы нам

сейчас это расскажете, верно?

— Я изгнал его с острова, — ответил Гримус. — Здесь его больше нет.

— Без дураков, да? — спросил О'Тул.

— Думаю, он не врет, — рыкнул Пекенпо. — В доме никого нет. Снаружи тоже. Этот Взлетающий Орел — счастливчик.

Мистер Мунши подал голос — в первый раз:

— Чего мы ждем?

Фланн О'Тул взглянул на него с насмешливой улыбкой.

— Мистер Мунши очень торопится, — объяснил он Гримусу извиняющимся тоном. — И раз уж наша задача выполнена, незачем оттягивать развязку. Буду очень благодарен вам, мистер Гримус, если вы встанете там.

Он подвел его под самый толстый сук ясеня.

— Мне незачем дальше жить, — сказал Гримус. — Все идет так, как я задумал.

О'Тул улыбнулся.

— Тем лучше, — заметил он. — Спасибо, что помогаете нам.

На лице Гримуса капли холодного пота смешивались с дорожками подсыхающей крови.

— Что такое, мистер Гримус? — удивился Фланн О'Тул. — Кажется, вы боитесь?

— Не я, — ответил Гримус. — Он.

— Вы видели где-нибудь в доме огонь? — спросил Фланн О'Тул.

— Я видел, — отозвался Пекенпо. — В холле горит лампа.

— Хорошо, — сказал О'Тул.

Троица убийц начала спускаться по каменным ступенькам обратно к городу, а за их спинами ярко горел великий ясень, и тело человека, нелепо маленькое на фоне ствола, к которому оно было привязано, чернело и обугливалось в языках пламени. Внезапно, когда огонь лизнул веревку, державшую тело, оно упало и осталось лежать под все сильнее разгорающимся пожаром. В потоках искр и дыма сверху на тело и рядом с ним стали падать ветви, образуя пылающую гробницу. Вокруг столба дыма с неумолчным клекотом все кружили и кружили огромным черным облаком птицы, то бросаясь вниз, то снова торопясь прочь от жара пламени в небо, — они выкрикивали эпитафию своему умершему хозяину.

Врат больше не существовало. Остров Каф снова стал цельным местом. Ступени вели вниз, к домику Лив, твердому, осязаемому. С исчезновением в головах свистящего воя пришел конец и

Субизмерению. Все призраки исчезли.

Привалившаяся к подножью лестницы Птицепес напряглась, когда трое мужчин поравнялись с ней. Но они прошли мимо, не сказав ни слова.

Из своего маленького черного дома навстречу троице вышла женщина в черном одеянии, о чем-то коротко переговорила с ними, потом повернулась и посмотрела туда, куда указал рукой О'Тул — на столб дыма, поднимающийся над вершиной горы. Потом женщина быстро кивнула и скрылась в доме. Убийцы продолжили спуск к городу.

Мгновение спустя Лив Силвэн Джонс снова показалась на пороге. В правой руке она держала нож, при помощи которого вырезала из дерева, взятого у наступающего леса, несметное количество уродливых изображений. С ножом в руке Лив опустилась на землю.

Держа его правой рукой, она точно рассчитанным движением перерезала себе вены на левом запястье. Потом, переложив нож в левую руку, она столь же спокойно начала резать правое запястье.

Птицепес подошла и встала перед ней, ничего не говоря, просто наблюдая за происходящим. Лив Силвэн подняла на нее глаза.

— Все кончено, — произнесла она и кивнула в сторону дымного столба.

Как и Гримус, Лив выбрала для себя миг смерти. Смерть на горе Каф нужно выбрать. Определить, какой акт насилия над собственным телом ты предпочитаешь.

С преувеличенной тщательностью Лив провела лезвием ножа тонкую, сочащуюся линию у себя под подбородком — теперь у нее от уха до уха зиял второй, алый, рот.

Птицепес смотрела, как из него капает кровь.

На склоне горы, позади маленького дома, окрашенного в черный цвет, торчал холмик свежевырытой земли. На нем лежала деревянная резьба — уродливый череп с разинутым ртом.

Женщина в черных одеждах, с лицом, скрытым за черной вуалью, повернулась и, старательно избегая смотреть на поднимающийся над горой дым, вошла в дом, аккуратно села на единственный в комнате стул, стоящий посреди скопления грязи и плесени, и, замерев так, принялась тихо напевать древнюю, полузабытую песнь смерти индейцев аксона.

— Боже мой! — сказал Николас Деггл.

Вергилий Джонс медленно повернулся к нему.

— Моя палочка, — выдохнул Деггл. — Кусок стебля Розы. Она исчезла.

Деггл принялся лихорадочно шарить по всем закоулкам маленькой, покосившейся хижины. Вергилий выбрался из кресла-качалки и вышел во двор.

— Отличная работа, — тихо произнес он, глядя вверх на гору. — Отличная работа.

Вскоре из хижины появился Деггл.

— Моей палочки нигде нет, — растерянно сообщил он.

— Роза сломана, — ответил ему Вергилий.

— Что вы хотите сказать?

— Я хочу сказать, что Взлетающий Орел победил. Все удалось.

Николас Деггл бросился к лесу.

Через некоторое время он вернулся, потрясенный, растерянный.

— Вой исчез, — доложил он. — Путь свободен. Мы можем идти в К.

— Я собираюсь пойти к морю, — ответил Вергилий Джонс.

Мистер Вергилий Джонс, человек без друзей и обладатель языка, чуть великоватого для его рта, любил спуститься со своего утеса посидеть на берегу поутру в день Марса, чтобы выразить

свою любовь к единственному пляжику острова Каф. Внизу утеса, под серебристо-серым зыбким прибрежным песком, покоилось тело миссис Долорес О'Тул.

Мистер Джонс стоял спиной к морю, лицом к лесистым склонам горы Каф, занимающей большую часть острова и оставляющей свободным только небольшой карниз прямо над берегом, где как раз и жили мистер Джонс и Долорес. Тело Долорес О'Тул покоилось между ним и вздымающимся склоном.

— Скучное, — пробормотал себе под нос мистер Джонс, стоя к морю спиной. — Скучное сегодня море.

«Так, так, так, — сказал себе ашквак Коакс. — Просто замечательный новый статус-кво. Взлетающий Орел и девушка Мидия вместо Гримуса и Птицепес. Птицепес вместо Лив. Эльфрида Грибб вместо Мидии. Вергилий Джонс снова вернулся в прибрежную хижину. Кроме того, есть и другие, более ранние перестановки: Алексей Черкасов вместо своего отца. Мистер Мунши вместо мистера Пейджа.

Но самое интересное — это судьба Розы. Без Розы Взлетающий Орел бессилен. Он должен будет навсегда остаться в изгнании на вершине

горы. Пик Каф перестал быть олицетворением власти».

— Что ты теперь будешь делать? — спросила Мидия.

За стенами дома убийцы встретились с Гримусом в головном уборе из перьев.

Внутри дома, в потайной комнате, я (я-Орел) вступил в яростную схватку с я-Гримусом, находящимся внутри меня.

— Ты должен сохранить Розу, — говорил я-Гримус. — Она необходима для периодической Реконцептуализации острова. Я уже все тебе объяснял. Ты должен сохранить Розу. Релятивистская связь работает даже между разными измерениями. Они могут быть только двусторонними — как функции друг друга. Стоит разрушить Розу, исчезнет связь между нашим измерением и общим Континуумом измерений. Остров прекратит свое существование.

— Гримус применял Розу не по назначению, — напомнил я-Орел. — Провалы во времени — это доказательство того, что Роза одновременно повреждена и напряжена до предела. Мы не можем и дальше пользоваться Розой так, как это делал Гримус.

— Ашкваки придумали Розу для того, чтобы

установить связь между измерениями, — воскликнул внутри меня я-Гримус. — Если ты разрушишь Розу, ты разрушишь наш мир. Абаж не может помыслить измерение без Предмета.

— Но он сказал, что может помыслить обитателя измерения, который придумает такую Концепцию, — отозвался я-Орел.

В ответ на это я-Гримус прекратил словесный поединок с я-Орлом и затопил меня мыслеформами. Благодаря Розе ты сможешь путешествовать, сообщили они и продемонстрировали я-Орлу тысячи прекрасных миров, тысячи удивительных вселенных, в которых стоило побывать. Благодаря Розе ты сможешь познать неизведанное, продолжали увещевать мыслеобразы и рассказали о сотне новых наук и сотне видов искусств, самых сливках множества галактик. Сейчас у тебя одна жизнь, не унимались мыслеформы, но при помощи Розы ты будешь способен проникнуть в тысячу тысяч других людей и стать ими, прожить бесконечное число жизней и, обретя мудрость и могущество, выстроить собственное существование. И мыслеформы показали я-Орлу кое-кого из тех, за кем Гримус наблюдал и кого хорошо понял, а также дали почувствовать радости и горести бесчисленных чужих судеб. И

однажды, сказали мыслеформы, после того как ты сделаешь все, что хотел сделать, и станешь всем, чем хотел стать, ты сможешь передать этот высший дар другому человеку, выберешь, когда и как ты уйдешь, и подаришь Фениксу новую жизнь, новое начало.

Но я-Орел слишком многое повидал на острове Каф и за его пределами и слишком хорошо знал, как я-Гримус умеет разрушать жизни ради идеи. Для я-Гримуса самым важным на свете были открытия, знания, концепции. Я-Орел вспомнил о нескольких веках тщетных скитаний, предшествующих моему появлению на острове, вспомнил жителей К., чье существование было сведено к слепой философии чистого выживания, — всех этих людей, отчаянно цепляющихся за обрывки своей индивидуальности, но знающих в глубине души, что они бессильны изменить обстоятельства, в которых оказались. Совокупную силу безграничной власти, безграничного знания и отстраненного, абстрактного отношения к жизни, которое возвело власть и знание в ранг высших целей человечества, — эту силу я-Орел не мог принять. Я-Орел видел, что эта сила сделала с Вергилием Джонсом, с Долорес О'Тул, с Лив Джонс, с Птицепес, которая была его

сестрой, пусть они и давно отдалились друг от друга. Нет, подумал я-Орел, Розу нельзя назвать высшим даром.

После этого всем спорам — как словесным, так и на основе мыслеобразов — пришел конец, и я-Гримус обрушил на я-Орла всю мощь своей грозной воли. Мидия увидела, как я покачнулся (или, вернее сказать, мы покачнулись), потому что сражение внутри меня достигло своей высшей точки, и схватила меня за руку.

Наверное, именно это и склонило чашу весов в пользу я-Орла. Я был не один. Со мной была Мидия. Одна из тех, чьи жизни он испортил. Мидия, одна из тех, за кого я-Орел считал себя в ответе. Вина за недавние события в городе еще была памятна мне. Я сражался за весь остров. Он — только за себя одного. И поэтому проиграл.

В это самое время Пекенпо и Мунши обыскивали и громили дом.

Я, я-Орел, обратился к Мидии. Я-Гримус внутри меня был повергнут, оставшись лишь пульсирующей болью в затылке.

— Я собираюсь уничтожить Розу, — сказал Мидии я-Орел. — Не буду притворяться, что никакого риска нет. Мы все можем исчезнуть.

— Не стоит жалеть ее, — ответила Мидия. — Де-

лай что задумал. Возможно, лучше умереть, чем жить в вечном страхе перед… *этим*.

Я-Орел кивнул и вновь погрузился в глубины моего сознания, чтобы разыскать там я-Гримуса и заставить его открыть секрет управления Розой. Я-Гримус понимал, что я задумал, и пытался сопротивляться, но был побежден. Отыскав в нем нужные мне сведения, я настроил Розу. Можно было начинать Концептуализацию.

Для начала я-Орел избавился от Субизмерения; это было проще всего. Сосредоточившись, я мысленно представил себе остров Каф как единое целое: Гримус-дом на вершине, оттуда вниз к домику Лив ведут ступени. Без Врат, без барьеров. Миг, когда воображаемое материализовалось, я почувствовал очень четко. Это чем-то напоминало создание Внутренних измерений. Ты точно знаешь, когда результат достигнут, когда задуманное возникает словно из ниоткуда — ровно такое, как ты хотел. В течение нескольких секунд я, не в силах опомниться от восхищения, просто стоял и смотрел на Предмет, такой невероятно сложный, такой невероятно простой. Потом взял себя в руки и приступил к выполнению более трудной задачи.

Я начал полностью воссоздавать остров Каф

— с одним лишь отличием: здесь не должно было быть Розы. По моему мнению, такой способ представал лучшей альтернативой физическому уничтожению Розы. Менее рискованной, если учесть то, что произошло после попытки Деггла ее сломать.

В этот момент я-Гримус в последний раз попробовал переубедить меня. Он показал нечто, о чем я совсем забыл: координаты моего измерения, куда, когда-то очень давно, он изгнал Николаса Деггла. План Гримуса был прост: если я решу пощадить Розу, то смогу вернуться в свой мир. Я-Гримус предпочитал расстаться с Розой и вместе с я-Орлом отправиться в мое измерение, где, может быть, Розу будет не найти, нежели видеть, как она гибнет.

Соблазн был велик, и я-Орел не мог не признать этого; но тут я снова подумал о Мидии. О Мидии и обо всех остальных, кто зависел от меня.

— Черт возьми! — воскликнул я в полный голос. — Что я там вообще буду делать?

У я-Гримуса закончились все хитрости.

Я использовал его. Это он изначально создал остров, поэтому знал его лучше всех. Я извлек из него нужные знания и применил их. Казалось, прошла вечность, но мыслеформы движутся

быстрее всего на свете, так что на самом деле все закончилось очень скоро.

Я стоял в потайной комнате Гримуса рядом с застывшей в благоговейном ужасе Мидией. Перед нами по-прежнему находился гроб Розы.

Но он был пуст.

Роза исчезла. А мы нет.

Мужчина, который раньше был Взлетающим Орлом, а сейчас — наполовину Орлом, наполовину Гримусом, занимался любовью с Мидией, которая раньше была шлюхой, а теперь стала его опорой. И тут ашквак Коакс, переместившийся на вершину горы Каф, заметил что-то неладное.

Туман вокруг острова.

Туман кружил, окутывал.

Вечная, не поднимающаяся завеса.

Туман постепенно густел. Очень и очень медленно он опускался на остров, сжимая его со всех сторон все крепче и крепче, превращаясь в плотную серую мглу, смыкаясь все теснее и теснее.

Это был не туман.

Лишившись своей связи с другими измерениями, мир острова Каф медленно распадался, его молекулы и атомы разрушались, растворялись, возвращались в океан первородной, чистой энергии. Сырая материя бытия забирала свое.

Так что, пока Взлетающий Орел и Мидия извивались на своей постели в любовном экстазе, гора Гримуса станцевала свой Танец ослабления до конца.